

A $\frac{139}{36}$

СЫНЪ

$\frac{802-11}{278}$

ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И КУДОЖЕСТВЪ.

Книжка седьмая.

ИЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА

1847.

СРМР

ОТДЕЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 30-го 1847 года.

Цензоры } А. Фрейманъ.
 } А. Очкинъ.

Редакторъ К. Масальскій.
Издатели } К. Жермаковъ.
 } М. Ольхинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Статья изъ рукописи подъ названіемъ: Сподвижники Императрицы Екатерины II, по духовному, военно-му и гражданскому управленіямъ, со вступленія на престолъ по день кончины ея. 1—32

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границею.—(Европа. Франція.—Англія.—Пруссія.—Испанія.—Португалія.—Италія.—Турція.—Азія. Остъ-Индія.—Японія.—Африка. Алжиръ.—Америка. Соединенные-Штаты и Мексика.—Океанія. Отаити).—Внутреннія извѣстія. Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Россією и Нидерландами.—Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Россією и Францією.—Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 мая по 15 іюня 1847 года. 1—54

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Послѣдній день Помпей. Соч. М. П. 1—4
Дочь шута. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. Соч. П. Фурманна. 5—60

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Кавалеръ д'Арманталь. Соч. Александра Дюма. (Окончаніе). 1—96

Стр.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- О древнихъ памятникахъ и народахъ Америки 1—29
Патагонцы и Печереги. Извлеченіе изъ письма П. Меріе, миссіонера въ Западной Океаніи 30—42

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I. Соч. Н. Устрялова.—Донъ-Жуанъ, поэма Лорда Байрона.—Путевыя замѣтки. Соч. Т. Ч.—Одесскіе факторы.—Образцовые планы и фасады сельскихъ построекъ. 1—32

VII. СМѢСЬ.

- Письма путешественника къ друзьямъ. Письмо пятое. Кенигсбергъ.—Письмо шестое. Отъ Маріенбурга до Берлина.—Открытіе Ніагарскаго водопада Европейцами.—Муравьи-охотники.—Сословіе архитекторовъ и плотниковъ въ Константинополѣ.—Школьные училища въ Норвегш. 1—34

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

Статья изъ рукописи подъ названіемъ: сподвижники императрицы Екатерины II, по духовному, военному и гражданскому управленіямъ, со вступленія на престолъ по день кончины ея.

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЫ.

Графъ Виллимъ Виллимовичъ Ферморъ.

Въ службѣ 1720 года. Генералъ-аншефомъ 1755 сентября 20. Уволенъ отъ службы 762 февраля 19. При вступленіи на пре-

* Рукопись эта составляется, для печати, изъ оффиціальныхъ и другихъ источниковъ, почтеннымъ старцемъ Ф. фонъ Эттингеромъ, который самъ служилъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Она, какъ мы замѣтили, отличается вѣрностью и полнотою. Изъ примѣръ изъ генералъ-аншефовъ, о которыхъ біографическія извѣстія здѣсь касаются, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о десятияти лѣти даже въ самыхъ полныхъ историческихъ словаряхъ, до нынѣ насъ издаваемыхъ. Редакторъ

столь Императрицы Екатерины II, вновь принятъ въ службу и 1764 г. пожалованъ сенаторомъ и смоленскимъ генералъ-губернаторомъ. 768 вторично уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Св. Апостола Андрея, 1758 ноября 25.
Св. Алексан. Невскаго 1741 сентяб. 12.
Умеръ 1771 февраля 8.

Графъ Юрій Юрьевичъ Браунъ.

Въ службѣ 1731. Генералъ-аншефомъ и ливонскимъ генералъ-губернаторомъ 1736 сентября 9. Получилъ графское достоинство 1765, переименованъ рижскимъ и ревальскимъ генералъ-губернаторомъ 1783, гдѣ и находился до кончины своей.

Кав. орд. Апостола Андрея 1758 нояб. 25.
Александр. Нев. 1752 сент. 5.
Владимір. 1 степ. 1782 сент. 22.
Анны — 1742

Кромѣ сихъ орденовъ, имѣлъ польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Умеръ 1792 сентября 18.

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.

Въ службѣ 1713. Генералъ-аншефомъ 1760 августа 30. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генералъ-адъютантомъ и оберъ-каммергеромъ. Въ 1762 году пожалованъ сенаторомъ. 1768 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Апостола Андрея 1761 декаб. 27.
Алекс. Невскаго 1744 іюня. 15.
Анны 1742 апр. 25.
Пол. Бѣл. Орла 1758.

Умеръ 1788 ноября 30.

Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій.

Въ службѣ 1732. Генералъ-аншефомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и оберъ-гофмейстеромъ 1760 августа 30 (при Императрицѣ Елисаветѣ). По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, сенаторомъ.

Кав. орд. Апостола Андрея 1761 декаб. 17.
Алекс. Невскаго. 1744 іюля 15.
Пол. Бѣл. Орла.

Умеръ 1776 іюня 28.

Графъ Романъ Ларионовичъ Воронцовъ.

Въ службѣ 1733. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ генералъ-аншефомъ (1761 декабря 28) дѣйствительнымъ камергеромъ и сенаторомъ. 1779 генералъ-губернаторомъ владимірскимъ, 1780, владимірскимъ, тамбовскимъ и пензенскимъ, 1781 владимірскимъ и костромскимъ.

Кав. орд. Ап. Андрея 1761 декаб. 26.
Алек. Невскаго 1751 сент. 5.
Анны 1758 февр. 6.
Пол. Бѣл. Орла.

Умеръ въ 1783 году.

Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ.

Въ службѣ 1724. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ генералъ-аншефомъ (1761 декабря 28) дѣйствительнымъ камергеромъ и надъ полиціями главнымъ директоромъ. 1762 сенаторомъ, вице-полковникомъ кирасирскаго Наслѣдника полка (при Императорѣ Петрѣ III, 1761, декабря 29).

Кав. орд. Ап. Андрея 1761 декаб. 26.
Алек. Невскаго. 1744 іюля. 15.
Анны 1742.

Умеръ 1766 апрѣля 24.

Иванъ Федоровичъ Гилбовъ.

Въ службѣ 1721. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ генералъ-аншефомъ (1762 февраля 9) и въ Кіевѣ губернаторомъ. 1765 кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. 1766 сенаторомъ. 1770 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Ап. Андрея 1761 январ. 1.
Алек. Невс. 1758 нояб. 20.
Анны 1758.

Умеръ въ 1775 году.

Александръ Никитичъ Вильбоа.

Въ службѣ 1737. Генераль-аншефомъ и генераль-фельдцейхмейстеромъ, а также генераль-директоромъ артиллеріи и Инженернаго Корпуса 1762 февраля 9. 1765 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Ап. Андрея 1762 февр. 9.

Алек. Невск. 1759 авг. 19.

Анны. 1762 февр. 9.

Умеръ 1781 января 29.

Князь Александръ Александровичъ Меншиковъ.

Сынъ любимца Петра Великаго, князя Александра Даниловича Меншикова, съ которымъ, при Императорѣ Петрѣ II, въ 1728 году, сосланъ въ Сибирь. Императрица Елисавета Петровна (1757) возвратила его изъ ссылки и пожаловала ему чинъ (1757 августа 30) генераль-поручика и званіе премьерь-маіора лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, произведенъ онъ въ генераль-аншефы.

Кав. орд. Александра Невскаго, 1757 г. августа.

До ссылки имѣлъ онъ ордена: Ап. Андрея, 1725 мая 25, Св. Великомуч. Екатерины 1727 февраля 5. (Замѣчательно, что этотъ орденъ изъ мужскаго пола особъ имѣлъ онъ только одинъ) Александра Невскаго 1727 мая 25. По освобожденіи его изъ Сибири, возвращенъ ему только одинъ послѣдній.

Умеръ 1764 ноября 24.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

Въ службѣ 1735. Генераль-аншефомъ и сенаторомъ 1762 июня 28. 1767 возведенъ въ графское руссiйской имперіи достоинство. 1769 главнокомандующимъ второю арміею противъ Турковъ. 1776 покорилъ турецкую крѣпость *Бендеры*, и въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ отъ службы. Находившемуся уже въ отставкѣ поручено ему, по собственному его желанію, начальство надъ войсками, высланными противъ матежника Пугачева, и надъ казанскою, оренбургскою и нижегородскою губерніями. Подъ его командою Пугачевъ былъ взятъ, за что по-

лучилъ онъ отъ Императрицы въ награду золотую шпагу и алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея, а также и деньги на поправку экономіи. Симбирское дворянство избрало его губернскимъ предводителемъ, но онъ отказался отъ сего почетнаго званія и удовольствовался только принесенною ему отъ дворянъ благодарностью.

Кав. орд. Ап. Андрея 1767 янв. 1.

Александр. Невскаго 1757 авг. 29.

Георгія 1 класса 1770 окт. 5.

Умеръ 1789 апрѣля 15.

Князь Михайло Никитичъ Волконскій.

Въ службѣ 1732. Генераль-аншефомъ 1762 июня 28. Того же года лейбъ-гвардіи коннаго полка подполковникомъ и сенаторомъ. 1769 генераль-адъютантомъ, 1770 чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Варшавѣ. 1776 командиромъ московской дивизіи, 1779 главнокомандующимъ въ Москвѣ и во всей тамашней губерніи. 1780 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Ап. Андрея 1767 янв. 7.

Александра Невскаго. 1762 сент. 22.

Анны 1757 июня 3.

Польск. Бѣлаго Орла.

Умеръ 1788 декабря 8.

Графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ.

Въ службѣ 1731. Генераль-аншефомъ 1762 іюля 5, въ то же время шефомъ кавалергвдскаго корпуса. 1765 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Александра Невскаго 1748 сентяб. 5.

Анны 1747 февр. 10.

Польск. Бѣлаго Орла.

Умеръ въ 1778 году.

Князь Семенъ Федоровичъ Волконскій.

Въ службѣ. . . . При восшествіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ членомъ военной коллегіи; 1762 іюля 15 генераль-аншефомъ. Уволенъ отъ службы въ 1766 или 1767 году.

Кав. орд. Александра Невского 1762 сентяб. 22.
 Анны 1754.
 Умеръ 1768 мая 4.

Князь Василий Михайлович Долюрукъ-Крымскій.

Въ службѣ 1735. Генераль-аншефомъ 1762 сентября 22. 1771 главнымъ командиромъ надъ Крымскою арміею, съ которою завоевалъ Кефу, Керчь и Ениколь, и наконецъ покорилъ весь Крымъ, за что награжденъ орденомъ Георгія перваго класса. Въ 1775 получилъ наименованіе *Крымскаго*. 1780 апрѣля 11 опредѣленъ въ Москву главнокомандующимъ, при которой должности и скончался.

Кав. орд. Апостола Андрея 1767 сентяб. 27.
 Александр. Невск. 1759 август. 18.
 Георгія 1 класса 1771 юля 18.
 Умеръ 1782 января 30.

Федоръ Ивановичъ Ушаковъ.

Въ службѣ 1712. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковникомъ; 1763 сенаторомъ и генераль-аншефомъ.

Кав. орд. Александра Невского 1757 август. 30.
 Анны 1746 іюня 29.
 Умеръ 1766 мая 24.

Федоръ Матвѣевичъ Воиновъ.

Въ службѣ 1718. Генераль-аншефомъ 1764 марта 3; 1766 кievскимъ и вкорѣ потомъ новгородскимъ генераль-губернаторомъ. Съ 1769 по 1775 оставался только при званіи кievскаго генераль-губернатора, 1775 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Александра Невского 1758.
 Польскаго Бѣлаго Ора.
 Умеръ 1778 года.

Василій Ивановичъ Суворовъ.

Отецъ героя, князя Италійскаго. Въ службѣ 1722. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генераль-пору-

чникомъ и сенаторомъ. 1763 марта 3 генераль-аншефомъ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ. Уволенъ отъ службы 1768.

Кав. орд. Александра Невского 1760 іюня 15.
 Анны 1753.
 Умеръ въ 1777 году.

Иванъ Ивановичъ Костюринъ.

Въ службѣ. . . . При Императрицѣ Елисаветѣ былъ уже с.-петербургскимъ оберъ-комендантомъ. 1763 марта 3 генераль-аншефомъ. 1764 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Александра Невского 1760 август. 30.
 Анны 1756.
 Умеръ въ 1790 году.

Петръ Ивановичъ Олицъ.

Въ службѣ 1730. Генераль-аншефомъ 1763 марта 3. съ 1768 по 1771 годъ при арміи, гдѣ и скончался.

Кав. орд. Андрея 1770 въ іюнѣ.
 Александра Невского 1759 август. 18.
 Умеръ 1771 апрѣля 7.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Въ службѣ 1749. Въ 1762 году былъ камермейстеромъ артиллеріи. 1762 іюня 28 действительнымъ камергеромъ; вкорѣ потомъ генераль-адъютантомъ и графомъ российской имперіи. 1764 директоромъ инженеровъ, шефомъ кавалергардовъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка подполковникомъ. 1764 декабря 30 генераль-аншефомъ, 1765 генераль-фельдцейхмейстеромъ. 1771 отправленъ въ Москву, для прекращенія послѣдствій отъ заразы, что и исполнилъ съ успѣхомъ. За сей подвигъ Государыня повѣла соорудить ему въ Царскомъ Селѣ триумфальныя ворота и пожаловала золотую медаль. 1772 посланъ на конгрессъ въ Фокшаны, для переговоровъ съ турецкимъ эфендіемъ о мирѣ, но устрояемыя противъ него козни заставили его прекратить совѣщанія съ турецкимъ посломъ. Онъ забылъ обязанность свою,

и самовольнымъ поступкомъ, увѣнчавъ покушенія враговъ, заслужилъ справедливый гнѣвъ Монархини, почему воспрещенъ былъ ему въѣздъ въ столицу. Не смотря на то, позволено было ему принять дипломъ на княжеское достоинство римской имперіи. Вскорѣ послѣ того поѣхалъ онъ въ чужіе края, и по возвращеніи въ отечество, вступилъ по прежнему въ отправление должности генераль-адъютанта и генераль-фельдцейхмейстера.

Кав. орд. Андрея 1763 апрѣл. 27.
Александра Невск. 1762 іюня 28.
Владимира 1 степени 1782 сент. 22.
Анны: 1763.

Умеръ 1783 апрѣля 13.

Графъ Алексій Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ службѣ 1749. Генераль-маіоромъ 1762 іюня 28, того жъ года сентября 22 графомъ. Генераль-поручикомъ 1765 января 1, того же года лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка премьеръ-маіоромъ. 1771 генераль-адъютантомъ. Военный совѣтъ звѣрилъ ему начальство надъ флотомъ (770), и онъ отправился въ Архипелагъ. 1770 іюня 24 одержалъ блистательную побѣду при Чесмѣ, за что проименованъ *Чесменскимъ*. Императрица повелѣла выдать въ честь ему медаль, пожаловала похвальную грамоту, шапку, украшенную алмазами, серебряный сервизъ и 60 тысячъ рублей; сверхъ того приказала соорудить въ Царскомъ Селѣ памятникъ изъ цѣльнаго уральскаго мрамора, а на седьмой верстѣ отъ С.-Петербурга церковь во имя Рождества Іоанна Крестителя, и замокъ, который названъ *Чесменскимъ*. Не смотря на всѣ сіи знаки отличія, графъ Алексій Григорьевичъ просилъ увольненія отъ службы, и получивъ его, избралъ жилищемъ своимъ Москву.

Кав. орд. Апост. Андрея 1768 апрѣл. 21.
Александра Невск. 1762 сентяб. 22.
Георгія 1 класса 1770 сентяб. 20.

Умеръ въ царствованіе Императора Александра 1807 декабря 24.

Федоръ Ивановичъ Вадковскій.

Въ службѣ 1724. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генераль-поручикомъ и служилъ лейбъ-

гвардіи въ Семеновскомъ полку подполковникомъ. 1773 апрѣля 21 генераль-аншефомъ, 1779 сенаторомъ.

Кав. орд. Андрея 1782 нояб. 24.
Александра Невскаго 1762 іюня 9.
Анны 1760 іюня 29.

Умеръ 1783 октября 15.

Максимъ Васильевичъ ф. Бергъ.

Въ службѣ 1732. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генераль-поручикомъ. Генераль-аншефомъ 1773 апрѣля 21 Находился при разныхъ дивизіяхъ и при арміи, потомъ былъ въ отпуску. Съ 1779 по 1783 годъ при ливляндской дивизіи.

Кав. орд. Александра Невскаго 1762. сент. 22.
Анны. 1759.

Умеръ въ 1784 году.

Петръ Дмитриевичъ Еропкинь.

Въ службѣ 1736. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, былъ генераль-поручикомъ. 1765 сенаторомъ, 1773 апрѣля 21 пожалованъ генераль-аншефомъ и переименованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. 1771 марта 25, во время заразы въ Москвѣ, порученъ ему надзоръ за здравіемъ въ первопрестольномъ градѣ, причемъ оказалъ онъ важные подвиги. Послѣ того въ 1773 уволенъ отъ службы, а въ 1786 принять вновь, съ переименованіемъ по прежнему генераль-аншефомъ и опредѣленъ главнокомандующимъ въ Москву и всей тамошней губерніи, 1790, въ февралѣ, по прошенію своему, опять уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Апост. Андрея. 1771.
Александр. Невск. 1762. сент. 22.
Владимира 1 степ. 1788. сент. 22.
Анны. 1759. август. 19.

Умеръ въ царствованіе Импер. Александра, 1805 февраля 7.

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ.

Въ службѣ 1744. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолѣ, былъ генераль-маіоромъ и служилъ по гвардіи. 1764 ноября 24 генераль-поручикомъ, 1765 лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка премьеръ-маіоромъ, 1768 при арміи, 1771 генераль-адъютантомъ, 1773 апрѣля 21 генераль аншефомъ, 1776 л. гвардіи Семеновскаго полка подполковникомъ и командующимъ финляндскою дивизіею, 1779 сенаторомъ, 1781 тверскимъ и новгородскимъ генераль-губернаторомъ, 1784 по 1786 годъ московскимъ главнокомандующимъ, 1786 шефомъ Кіевскаго гренадерскаго полка, 1787 главнокомандующимъ дивизіею, въ сѣверныхъ губерніяхъ расположенною, и управляющимъ Выборгскою губерніею. 1789 главнокомандующимъ въ С. Петербургѣ и во всей с.-петербургской губерніи.

Кав. орл. Ап. Андрея.	1782 нояб. 24.
Александра Невс.	1769 іюля 19.
Владимира 1 степени.	1784 сент. 22.
Анны.	1762 февр. 9.
Польскаго Бѣлаго Орла.	

Умеръ 1791 ноября 30.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

Въ службѣ 1745. Генераль-поручикомъ 1766 мая 18, генераль аншефомъ 1773 апрѣля 21. Съ 1762 по 1768 находился при разныхъ дивизіяхъ, 1768 при арміи, гдѣ оказалъ отличные подвиги; 1776 командиромъ казанской дивизіи и оренбургскаго корпуса. 1783 владимірскимъ и костромскимъ генераль-губернаторомъ, командиромъ 6 дивизіи и генераль-адъютантомъ, 1786 шефомъ с.-петербургскаго гренадерскаго полка и уволенъ отъ генераль-губернаторской должности. 1789 главнокомандующимъ кубанскою арміею. 1790, главнокомандующимъ финляндскою арміею противъ Шведовъ, награжденъ званіемъ подполковника л. гвардіи Коннаго полка. 1792, начальникомъ надъ войсками, расположенными въ с.-петербургской, новгородской и финляндской губерніяхъ. 1795, по возникшему на него со стороны

главнокомандующаго неудовольствію, принужденъ былъ выдти въ отставку.

Кав. орл. Ап. Андрея.	1784 нояб. 24.
Александра Невс.	1762 сент. 22.
Георгія 2 класса.	1775 іюня 10.
Владимира 1 степ.	1789 мая 4.
Анны,	1762 іюня 9.

Умеръ въ царств. Александра I фельдмаршаломъ, произведеннымъ Императоромъ Павломъ I, 1805 ноября 14.

Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Въ службѣ 1748. Генераль-поручикомъ 1767 сентяб. 22. Генераль-аншефомъ 1773 апр. 21. Съ 1765 по 1769 годъ командовалъ эстляндскою дивизіею. Въ 1769 находился при арміи, но въ томъ же году, по разстроеному здоровью, принужденъ былъ оставить военное поприще. Вскорѣ потомъ путешествовалъ по чужимъ краямъ, и по возвращеніи въ отечество, 1773, апрѣля 21, повелѣно ему находиться при Наслѣдникѣ престола, Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, съ которымъ онъ путешествовалъ по Германіи, былъ въ Берлинѣ при обрученіи Цесаревича съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртембергъ-Штутгартскою (въ послѣдствіи сдѣлавшеюся Великою Княгинею Маріею Теодоровной.) Находился при Великомъ Князѣ, когда онъ вторично путешествовалъ по чужимъ краямъ подъ именемъ *Сверигаго графа*, и оставилъ его для того только, чтобъ посвятить себя воспитанію двухъ Великихъ Князей, Александра Павловича и Константина Павловича. 1783 пожалованъ генераль-адъютантомъ и назначенъ командиромъ 1 дивизіи. 1788, за отсутствіемъ президента и вице-президента военной коллегіи, велѣно ему присутствовать въ ней въ видѣ председателя. Въ томъ же году награжденъ званіемъ подполковника лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и шефомъ Псков-

* Онъ сынъ генераль-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова.

скаго драгунскаго полка. 1790 возведенъ въ графское достоинство и пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта *.

Кав. орд. Ап. Андрея. 1782 нояб. 24.
Александра Невск. 1769 сент. 20.
Владимира 1 степ. 1788 мая 21.
Анны 1766 въ февралѣ.

Умеръ въ царствованіе Императора Александра, 1816 мая 16.

Александръ Ильичъ Бибиковъ.

Въ службѣ 1742. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, былъ генераль-маіоромъ. Въ октябрѣ 1762, Государыня отправила его въ Холмогоры, гдѣ содержался герцогъ Брауншвейгскій Антонъ-Ульрихъ, съ дѣтьми своими (исключая Иоанна III, заключеннаго въ Шлиссельбургъ.) Желая возвратить свободу одному только герцогу, Императрица любовиствовала имѣть подробныя свѣдѣнія о нравѣ, понятіи и препровожденіи времени дѣтей несчастнаго узника, и намѣревалась улучшить ихъ содержаніе. Но Антонъ-Ульрихъ отказался возвратиться на родину безъ своего семейства (въ 1776 году онъ умеръ въ заключеніи.) Въ исходѣ 1763 года Бибикову поручено было прекратить возникшія неурядица въ сибирскихъ и казанскихъ заводахъ. Бибиковъ отправился туда, водворилъ тамъ прежній порядокъ. Возвратясь въ столицу, 1 января 1765 пожалованъ онъ секундъ-маіоромъ л. гвардіи Измайловскаго полка и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, отъ котораго отказался въ пользу своего родителя, находившагося уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ. Великодушная Монархія одобрила похвальный порывъ сыновней любви, и счастливый Бибиковъ могъ назвать лучшимъ днемъ въ жизни своей тогъ, въ которой Екатерина изъ рукъ своихъ украсила маститаго старца вторымъ орденомъ Имперіи, въ присутствіи поддерживавшаго его сына. Вскорѣ потомъ Государыня повелѣла ему, вмѣстѣ съ генераль-поручикомъ Веймарномъ, обозрѣть польскія границы. За ис-

* Императоръ Павелъ I пожаловалъ его генераль-фельдмаршаломъ, а Александръ 1814 августа 30 российской имперіи княземъ, и повелѣлъ быть при немъ офицерскому караулу.

полненіе сего порученія пожалованъ Бибиковъ, 1768 мая 18, генераль-поручикомъ. Бывъ избранъ, по случаю изданія Наказа и предлагаемаго проекта новаго уложенія, костромскимъ депутатомъ, онъ имѣлъ счастье принять въ костромской своей вотчинѣ, вмѣстѣ съ престарѣлымъ отцемъ своимъ, августѣйшую путешественницу и, сопровождая ее въ плаваніи по Волгѣ, участвовалъ въ переводѣ *Велизарія*. Въ 1769 году Императрица предписала ему объѣхать Финляндію, и потомъ представить ей свое мнѣніе и планъ для веденія въ семь краю оборонительной и наступательной войны, что совершилъ онъ съ полнымъ успѣхомъ, и за сей подвигъ пожалованъ премьеръ-маіоромъ л. гвардіи Измайловскаго полка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣлно ему, не отстраняясь отъ командованія дивизіей, присутствовать въ военной коллегіи. Въ это время составилъ онъ кадетскую роту изъ 44 человекъ малолѣтнихъ дворянъ. Занимаясь службою, онъ находилъ время бесѣдовать съ музами, и перевелъ нѣкоторыя сочиненія съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. 1771 вѣрено ему начальство надъ войсками, расположенными въ Польшѣ, почему отправился онъ въ Варшаву, обнажилъ мечъ, собралъ разсѣянные въ Польшѣ войска, приобрѣлъ любовь польскихъ вельможъ, и между тѣмъ истреблялъ превосходныя силы конфедератовъ, имѣвъ подъ своими знаменами храбраго генераль-маіора Суворова, котораго представилъ къ награжденію орденомъ Александра Невскаго, не имѣя еще самъ сего знака отличія. Воинскія его дарованія прославили его имя и вѣи отечества. Фридрихъ Великій писалъ къ нему, что желаетъ съ нимъ познакомиться, и приглашалъ его въ свой лагерь, но Бибиковъ не могъ воспользоваться этимъ лестнымъ предложеніемъ, и отозвался, что принужденъ жертвовать службѣ наслажденіемъ видѣть его величество. 1772 окончилась военныя дѣйствія въ Польшѣ. За сіи заслуги награжденъ онъ орденомъ Александра Невскаго. 1773 апрѣля 21 пожалованъ генераль-аншефомъ и посланъ съ отрядомъ войскъ противъ бунтовщика Пугачева. За оказанныя при этомъ случаѣ успѣхи (1774 года) пожалованъ онъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ ордена Апостола Андрея. Въ самое это время сильная горячка прекратила въ Бугульмѣ полезную для Россіи жизнь его, на 44 году отъ рожденія.

Кав. орд. Апас. Андрея. 1774.
Александра Невскаго. 1772.
Анны. 1762 сентяб. 22.
Польскаго Бѣлаго Ора.

Умеръ 1774, апрѣля 9.

Александръ Ивановичъ Гальбовъ.

Въ службѣ 1737. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ генераль-поручикомъ и генераль-кригсъ-комиссаромъ. 1773, апрѣля 21 генераль-аншефомъ и смоленскимъ и бѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ, до 1779 года. Потомъ былъ полъ судомъ, и 1785 не показывался уже въ воинскихъ спискахъ.

Кав. орд. Александра Невского. 1762 апрѣл. 9.
Анны. 1758 ноябр. 25.

Умеръ 1790 года.

Николай Ивановичъ Чичеринъ.

Въ службѣ 1737. При вступленіи Императрицы Екатерины II на престолъ былъ генераль-маіоромъ и въ Кіевѣ оберъ-комендантомъ. 1763 с.-петербургскимъ генераль-полиціймейстеромъ. 1766 мая 18 генераль-поручикомъ и сенаторомъ. 1773 апрѣля 21 генераль-аншефомъ, 1774 генераль-полиціймейстеромъ въ Москвѣ. 1775 опять въ С.-Петербургѣ. 1779 остался только сенаторомъ.

Кав. орд. Александра Невского. 1768 янв. 17.
Анны 1763 нояб. 24.

Умеръ 1782.

Яковъ Ларионовичъ Брандтъ

Въ службѣ... При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, былъ генераль-маіоромъ, 1764 нояб. 24 генераль-поручикомъ, 1765 при украинской дивизіи и присутствовалъ въ малороссійской коллегіи; 1766 опредѣленъ на точныхъ правахъ генераль-губернатора въ Новороссійскую губернію. 1767 главнымъ директоромъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; 1771 казанскимъ губернаторомъ. 1773 апрѣля 21 генераль-аншефомъ.

Кав. орд. св. Анны. 1762 сент. 22.

Умеръ 1774 или 1775.

Князь Николай Васильевичъ Рыннинъ.

Въ службѣ 1745. При восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генераль-маіоромъ, 1762 отправленъ полномоч-

нымъ министромъ къ прусскому королю Фридриху II-му; 1763 находился въ должности директора Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; того же года подбѣра 11 назначенъ полномочнымъ посланникомъ въ Польшу, чтобы споспѣшествовать избранію въ короли польскіе графа Станислава Понятовскаго, что онъ и исполнилъ съ успѣхомъ, и заключилъ трактатъ между Россіей и Польшей. За сѣи подвиги награжденъ чиномъ генераль-поручика (1768 сентяб. 22) и орденомъ Александра Невского. Въ 1769 поступилъ въ первую армію, находившуюся противъ Турковъ: участвовалъ въ блокадѣ и взятіи Хотина. 1770 командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи, сражался подъ знаменами графа Румянцова въ битвахъ Ларгеской и Кагульской, овладѣлъ Измаиломъ и покорилъ крѣпость Килию. Императрица наградила его за сѣе орденомъ Георгія 2 класса. 1771 поручена ему команда надъ всѣми войсками въ Валахіи; 1774 іюня 10 подписанъ имъ и турецкими полномочными миръ между обѣими Имперіями, въ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджі, за что пожалованъ онъ того же года августа 3 генераль-аншефомъ и подполковникомъ 1 гвардіи Измайловскаго полка. 1775 отправленъ въ Константинополь чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. По возвращеніи его оттуда опредѣленъ, въ 1777 году, генераль-губернаторомъ смоленскимъ, бѣлгородскимъ и орловскимъ. 1778 подчиненъ ему тридцати-тысячный корпусъ, съ которымъ вступилъ онъ въ Бреславль и участвовалъ на Тешенскомъ конгрессѣ, склонивъ австрійскаго императора къ миру. Императрица пожаловала ему орденъ Апостола Андрея, а прусскій король орденъ Чернаго Орла. 1780, подъ начальствомъ его, заложены въ Смоленскѣ каменныя строенія для судебныхъ мѣстъ. 1781 пожалованъ генераль-адъютантомъ и генераль-губернаторомъ псковскимъ, съ оставленіемъ и смоленскимъ. Въ 1782 получилъ орденъ Владиміра 1 степени и украшенные знаки ордена Ап. Андрея. 1784 путешествовалъ во второй разъ въ чужіе края. 1786 наименованъ шефомъ Таврическаго гренадерскаго полка. 1788 участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова. 1789 командовалъ до прибытія главнокомандующаго князя Потемкина украинскою арміей, въ Молдавіи расположенною, и овладѣлъ турецкимъ лагеремъ. Въ 1791 ввѣрено ему начальство надъ соединенною арміею; одержалъ подъ Мачинымъ побѣду надъ Турками; въ награжденіе за то получилъ онъ орденъ Георгія 1 класса, похвальную грамоту и вторично алмазные знаки ордена Ап. Андрея. 1792 повелѣно быть ему рижскимъ и ревельскимъ генераль-губернаторомъ. 1794 подчинены ему войска, находившіяся въ Лифляндіи и минской губерніи, съ которыми вступилъ онъ

въ Литву, нося званіе ливонскаго, эстляндскаго и литовскаго генераль-губернатора.

Кав. орд. Ап. Андрея. 1779 мая 29.
 Александра Невск. 1768 янв. 17.
 Георгія 2, а по-) 1770 іюня 27.
 томъ 1 класса.) 1791 іюня 15.
 Владиміра 1 степен. 1782 сент. 22.
 Анны. 1762 сент. 22.
 Прусскаго Чернаго Орла.
 Польскихъ: Бѣлаго Орла
 и св. Станислава.

Умеръ (фельдмаршаломъ, произведеннымъ Императоромъ Павломъ I,) 1801 мая 12.

Графъ Иванъ Карповичъ ф. Эльмитъ.

Въ службѣ 1751. 1762 былъ генераль-маіоромъ. 1768 сентября 22 генераль-поручикомъ и отправлялъ при арміи должность генераль-квартирмейстера. 1780 ноября 24 генераль-аншефомъ. 1784 командовалъ 8-ю дивизіей. 1788 при украинской арміи. Съ 1789 по 1791 въ отпуску. 1791 получилъ графское достоинство, бывъ прежде барономъ.

Кав. орд. Александра Невск. 1769.
 Анны. 1763.

(При Императорѣ Павлѣ I пожалованъ генераль-фельдмаршаломъ.)

Умеръ 1801.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ службѣ 1747. 1762 былъ секундъ-ротмистромъ л. гвардіи Коннаго полка, пожалованъ камеръ-юнкеромъ. 1765 вице-полковникомъ кирасирскаго Наслѣдника полка. 1767 бригадиромъ, 1768 сентяб. 22 генераль-маіоромъ. 1769 въ арміи, подъ начальствомъ тестя своего, князя Долгорукова, завоевавшего Крымъ. Награжденъ за храбрость орденами св. Георгія 3 класса и св. Анны. 1771 прекратилъ безпокойства въ Воронежѣ. 1773 апрѣля 21 пожалованъ генераль-поручикомъ. 1782 іюня 28 генераль-аншефомъ и генераль-адъютантомъ. 1783 дѣйствительнымъ камергеромъ и отправлялъ должность вице-президента военной коллегіи. 1786 шефомъ Сибирскаго гренадерскаго полка. 1787 чле-

номъ Государственнаго Совѣта. 1788 и 1789 предводителемъ финляндскою арміею противъ Шведовъ.

Кав. орд. Ап. Андрея 1786 іюня 26.
 Александра Невскаго. 1775 іюля 10.
 Георгія 3 класса 1770 нояб. 1.
 Владиміра 1 степен. 1788 сент. 22.
 Анны 1771.

Умеръ фельдмаршаломъ, (произведенъ Императ. Павломъ I) въ царствованіе Имп. Александра, 1804 іюля 8.

Петръ Богдановичъ Пассекъ.

Въ службѣ 1744. При востшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, былъ капитаномъ л. гвардіи Преображенскаго полка; потомъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. 1781 сенаторомъ и моголевскимъ и полоцкимъ генераль-губернаторомъ, 1782 іюня 28 генераль-аншефомъ, 1793 генераль-адъютантомъ, (послѣ кончины Имп. Екатерины II, Императоръ Павелъ I, уволилъ его отъ службы).

Кавал. орд. Ап. Андрея 1793 сент. 3.
 Александра Невскаго 1782 нояб. 21.
 Польскихъ: Бѣлаго Орла
 св. Станислава.

Умеръ въ царствованіе Императора Александра, 1804 марта 22.

Федоръ Ивановичъ Глбовъ.

Въ службѣ 1742. 1762 полковникомъ, а потомъ бригадиромъ; 1764 ноября 24 генераль-маіоромъ и находился при арміи. 1769 при арміи; 1773 апрѣля 21, генераль-поручикомъ. 1782 іюня 28 генераль-аншефомъ и сенаторомъ. 1794 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Александра Невскаго. 1782 нояб. 24.
 Анны 1769 авгус. 24.

Умеръ въ 1798 или 1799 году.

Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій.

Въ службѣ 1742. Въ 1762 году былъ полковникомъ, 1767 нояб-
ря 24, бригадиромъ 4-го генадерскаго полка. 1766 мая 18 ге-
нераль-маіоромъ, 1773 генераль-поручикомъ. Въ это время нахо-
дился при дивизіяхъ и при арміи, 1782 генераль-аншефомъ и
правлящимъ должность генераль-губернатора орловскаго и кур-
скаго намѣстничества. 1784 въ отставку. 1789 вступилъ опять
въ службу, пожалованъ сенаторомъ и главнокомандующимъ въ
Москвѣ и московскою губерніей. 1792 командовалъ войсками,
находившимся въ Бѣлоруссіи и смоленской губерніи. 1794 шефомъ
Московского гренадерскаго полка, и уволенъ отъ должности
главнокомандующаго въ Москвѣ.

Кав. орд. Ап. Андрея	1790
Александр. Невск.	1796 мая 14.
Георгія 3 класса.	{ 1770 сент. 30.
— — 2 класса.	{ 1778 нояб. 26.
Владимира 1 степени.	1791 март. 21.
Анны	1766 въ іюнь.

Въ царствованіе Импер. Александра I. произведенъ въ
генераль-фельдмаршала и умеръ 1809 августа 9.

Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій.

Въ службѣ 1739. Служилъ по артиллеріи. 1762 былъ полков-
никомъ артиллеріи. 1764 сентяб. 22, генераль-маіоромъ, 1773
апрѣл. 21 генераль-поручикомъ. 1773, завѣдывалъ ладожскимъ
каналомъ, и вмѣсто князя Орлова, управлялъ всею артиллеріею
въ государствѣ; также присутствовалъ въ канцеляріи артилле-
ріи и фортификаціи 1783 ноябля 24 генераль-аншефомъ. Въ 1788
участвовалъ во второй турецкой войнѣ и находился при взятіи
штурмомъ Очакова предводительствуя двумя колоннами. Тогда,
въ пылу приступа, лишился онъ одного изъ достойнѣйшихъ сы-
новъ, подававшаго самыя лестныя надежды. Императрица на-
градила его орденами св. Ап. Андрея и св. Георгія 2 класса,
и возвела его въ баронское достоинство российской имперіи, съ
наименованіемъ Меллеромъ-Закомельскимъ. Въ 1790 былъ отпра-
женъ для взятія Килии и изгнанія непріятеля изъ ретраншамен-
та. Сбѣвъ на лошадь, онъ отиралился въ крѣпость, гдѣ получилъ

смертельную рану, отъ которой и скончался. Все успія дружбы
Потемкина и лучшихъ докторовъ не могли спасти героя.

Кав. орд. Ап. Андрея	1789 января.
Александр. Невск.	1775 іюля 10.
Георгія 2 класса.	1785 сент. 22.
Анны	1769 февр. 19.

Умеръ 1790 октября 10, отъ полученной раны.

Михайло Оедотоичъ Каменскій.

Въ службѣ 1751. Въ 1762 былъ полковникомъ 1-го москов-
скаго полка. Пылкій, крутой нравъ его, бѣглый, проицатель-
ный умъ, примѣрная храбрость, еще въ то время вывели его
изъ круга людей обыкновенныхъ. Императрица дозволила ему
посѣщать Наслѣдника престола, который любилъ бесѣдовать съ
нимъ о славныхъ подвигахъ Россійца. — 1767 былъ бригадиромъ;
1768 сентября 22 генераль-маіоромъ. 1769, во время войны, уча-
ствовалъ въ разбитіи княземъ Голицынскимъ верховнаго визиря,
крымскаго хана и занятіи крѣпости Хотина. Потомъ, служа
подъ знаменами графа Панина, явилъ опыты мужества при
взятіи штурмомъ города Бендеръ (1770), содѣйствовалъ сдачѣ
Акермана, получилъ за сіи подвиги орденъ Георгія 3 класса и
1773 апрѣля 21 чинъ генераль-поручика. Въ 1774 отразилъ вы-
ступившаго противъ него сераскира, и пресѣкъ великому визи-
рю сообщеніе съ Адрианополею, заперъ его въ собственномъ
лагерѣ и заставилъ согласиться на предложенныя ему графомъ
Румянцовымъ мирныя условія. Въ 1775 получилъ ордена Георгія
2 класса и Александра Невскаго, 1784 ноябля 24 произве-
денъ генераль-аншефомъ и отправилъ должность рязанскаго
и тамбовскаго генераль-губернатора. Въ 1786 наименованъ ше-
фомъ Московскаго гренадерскаго полка. 1787 уволенъ отъ долж-
ности генераль-губернатора. Снова обнажилъ онъ мечъ во вторую
турецкую войну и оказалъ много храбрыхъ подвиговъ, за ко-
торые награжденъ орденомъ Владимира 1 степени. Въ 1789 уча-
ствовалъ въ осадѣ Бендеръ. Въ 1791, по смерти князя Потемки-
на-Таврическаго, оставаясь старшимъ въ арміи, онъ принялъ
команду, но чрезъ нѣсколько дней явился генераль Каховскій
и предъявилъ посланный къ нему предъ смертью князя Потем-
кина ордеръ вступить ему, Каховскому, въ отправление долж-
ности главнокомандующаго. Хотя Каменскій ссылаясь на свое

старшинство, но противникъ его превозмогъ, утверждая права на волю уполномоченнаго Императрицею. Раздоръ сей принятъ Государынею съ неудовольствіемъ: Она нашла дѣйствія Каменскаго произвольными и несомвѣстными съ закономъ. Послѣ сего онъ устранился и жилъ въ Москвѣ, не бывъ однакожъ уволеннымъ отъ службы.

Кав. орд. Александра Невскаго	1775	авгус. 30.
Георгія 3 класса	1770	декаб. 4.
— — 2 класса	1775	юня 10.
Владимира 1 степени	1789	мая 4.
Анны	1769	авгус. 24.

(Импер. Павелъ пожаловалъ его фельдмаршаломъ и возвелъ въ графское достоинство.)

Умеръ въ царствованіе Импер. Александра I, въ своей деревнѣ, 1809 августа 19.

Михайло Васильевичъ Каховскій.

Въ службѣ 1752.—1762 генераль-квартирмейстеромъ-лейтенантомъ (въ чинѣ полковника), 1768 сентября 22 генераль-маіоромъ и генераль-квартирмейстеромъ; потомъ управлялъ нѣкоторое время бѣлорусскими губерніями и устроилъ въ нихъ дороги. 1773 апрѣля 21 генераль-поручикомъ. По присоединенія Крыма къ Россіи, предводительствовалъ тамъ отдѣльнымъ корпусомъ, 1780 былъ членомъ военной коллегіи; 1783 отправлялъ генераль-квартирмейстерскую должность, и по 1788 годъ управлялъ генеральнымъ штабомъ; 1784 ноября 24, генераль-аншефомъ, 1786 таврическаго егерскаго корпуса шефомъ и находился при соединенной арміи, надъ которою, въ октябрѣ 1791, послѣ смерти князя Потемкина-Таврическаго, сдѣланъ главнокомандующимъ. 1792 наименованъ шефомъ Херсонскаго гренадерскаго полка, потомъ командовалъ арміею, расположенною въ Польшѣ. По раздѣленіи сей арміи на двѣ части, изъ которыхъ одна поручена генералу барону Игельструму, а другая генералу Кречетникову, пожалованъ Каховскій нижегородскимъ и пензенскимъ генераль-губернаторомъ. Скоро послѣ того велѣно ему начальствовать войсками, расположенными въ Тавридѣ, съ сохраненіемъ званія генераль-губернатора вышепомянутыхъ двухъ губерній.

Кав. орд. Ап. Андрея	1792	юля 28.
Александра Невск.	1786	
Анны	1770	

(въ день коронаванія Императора Павла I пожаловано ему графское россійской имперіи достоинство.)
Умеръ въ 1800 году.

Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ.

Въ службѣ 1749. 1762 полковникомъ С. Петербургскаго пѣхотнаго полка. 1767 л. гвардіи Преображенскаго полка премьер-маіоромъ, 1768 сентября 22 генераль-маіоромъ. 1769, по совѣту графа Алексѣя Григорьевича Орлова, отправленъ, въ Черногорію, 1770 участвовалъ въ плаваніи нашего флота къ Морю; начальствовалъ надъ кораблемъ *Ростиславъ* и былъ въ Чесменскомъ сраженіи. По возвращеніи въ Петербургъ, Императрица собственноручно надѣла на него орденъ Георгія 3 класса, а чрезъ нѣсколько дней онъ удостоился получить орденъ Александра Невскаго. Потомъ возвратился онъ въ Архипелагъ. Въ 1773, былъ подъ командою фельдмаршала графа Румянцева, оказалъ много храбрыхъ подвиговъ, за которые, въ томъ же году, апрѣля 21, пожалованъ генераль-поручикомъ. 1784 ноября 24 генераль-аншефомъ, 1786 шефомъ Астраханскаго гренадерскаго полка. 1788 участвовалъ во второй турецкой войнѣ, занялъ Аккерманъ, и потомъ обложилъ Бендеры и покорилъ ихъ. 1788 пожалованъ л. гвардіи Преображенскаго полка подполковникомъ. 1791 вышелъ въ отставку, въ 1793 вступилъ опять въ службу. Въ этомъ же году вѣрены ему войска, расположенныя въ Москвѣ; но бывъ огорченъ недоброжелателями своими, подалъ онъ вторично въ отставку, которую и получилъ. (По восшествіи на престолъ Императора Павла I, онъ вновь принять въ службу.)

Кав. орд. Ап. Андрея	1789	нояб. 14.
Александра Невскаго	1770	нояб. 24.
Георгія 3 класса	1770	сент. 22.
Владимира 1 степени	1792	сент. 3.
Анны	1770	

Умеръ въ царствованіе Императора Николая Павловича,
1830 года, ноябля 8, на 91 году отъ рожденія.

Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій.

Въ службѣ 1732. — 1762 полковникомъ, 1765 бригадиромъ и малороссійской коллегіи членомъ. 1769 генераль-маіоромъ. Послѣ отбытія графа Румянцова въ армію, управлялъ онъ Малороссією, по 1775 годъ. 1773 апрѣля 21 награжденъ генераль-поручикомъ и определенъ губернаторомъ въ Казань, которую опустошилъ Пугачевъ. Возстановивъ въ ней порядокъ посредствомъ неусыпныхъ трудовъ своихъ, онъ вскорѣ послѣ того открылъ губерніи: Пензенскую, Симбирскую, Вятскую и Казанскую 1779 сдѣлавъ генераль-губернаторомъ Казанскимъ и Симбирскимъ, 1781 Казанскимъ и Пензенскимъ, 1783 Казанскимъ и Вятскимъ. 1784 ноября 24 получилъ чинъ генераль-аншефа, а въ 1792, при увольненіи отъ службы, двадцать тысячъ рублей. Въ 1796 Императоръ Павелъ I пригласилъ его, восьмидесяти-трехъ-лѣтняго старца, въ столицу и назначилъ военнымъ губернаторомъ въ Казань и шефомъ полка его имени. Тщетно князь Мещерскій умолялъ Императора уволить его отъ службы, но Государь отвѣчалъ: «Нѣтъ, послужимъ еще вмѣстѣ, князь Платонъ Степановичъ, мой аршинъ вырентъ. Потомъ возложилъ на него орденъ Апостола Андрея, сказавъ: «Я даю тебѣ то, что давно тебѣ слѣдовало.»

Кав. орд. Александра Невского 1781 іюля 21.
Владимира 1 степени 1786 сент. 22.
Анны 1774 ноябр. 6.

Умеръ въ царств. Императора Павла, 1799 декабря 23, на 87 году отъ рожденія.

Петръ Асрарловичъ Текелли.

Въ службѣ 1747. 1762 подполковникомъ. Того же года сентября 22 полковникомъ Сербскаго гусарскаго полка. 1768 бригадиромъ, 1770 января 1 генераль-маіоромъ. 1774 генераль-поручикомъ, 1786 сентября 22 генераль-аншефомъ. Находился при разныхъ дивизіяхъ и при арміи. 1786 шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка.

Кав. орд. Александра Невского 1776 іюня 10.
Владимира 1 степени 1788 мая 21.
Анны 1770

Умеръ 1793.

Георгій Евстафьевичъ Гротенгельмъ.

Въ службѣ 1738. 1762 полковникомъ, 1768 сентября 22 бригадиромъ Бутырскаго пѣхотнаго полка. 1770 января 1 генераль-маіоромъ, 1774 мая 17 генераль-поручикомъ, 1786 сентября 22 генераль-аншефомъ. Въ продолженіе этого времени, по 1780, былъ при разныхъ дивизіяхъ и при арміи. 1780 вице-губернаторомъ въ Ревель. 1784, тамъ же губернаторомъ. 1787 сенаторомъ. 1789 уволенъ отъ службы.

Кав. орд. Георгія 3 класса 1770 іюля 27.

Анны 1771

Умеръ въ царствованіе Императора Павла, между 1798 и 1801 годами.

Михайло Никитичъ Кречетниковъ.

Въ службѣ 1742.—1762 подполковникомъ, 1763 апрѣля 17 полковникомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка. 1769 сентября 19 бригадиромъ; при осадѣ Хотина, командовалъ тремя полками, заслужилъ похвалу за разбитіе верховнаго визиря и крымскаго хана; отличался на Кагульскомъ сраженіи. 1770 генераль-маіоромъ, разбилъ Турецкій корпусъ у Краіовы, и занялъ сей городъ. 1772 определенъ въ Псковъ губернаторомъ. 1775 іюля 10 генераль-поручикомъ. 1776 правящимъ должностъ генераль-губернатора калужскаго и тульскаго, а въ 1778 и рязанскаго. 1781 остался генераль-губернаторомъ только калужскимъ и тульскимъ. 1787 инспекторомъ при войскахъ и командиромъ полками, расположенными въ Смоленскѣ и Тулѣ. 1790 февраля 5 генераль-аншефомъ. За отсутствіемъ графа Румянцова-Задунайскаго, отравлялъ должностъ генераль-губернатора трехъ малороссійскихъ губерній. 1792 назначенъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ корпусомъ, въ Литвѣ расположеннымъ. 1793 пожалованъ графомъ, но сіе извѣстіе не дошло къ нему при жизни. Онъ умеръ въ томъ же году.

Кав. орд. Ап. Андрея 1792 іюня 28.

Александра Невского 1779 іюля 11.

Владимира 1 степени 1787 сент. 22.

Анны 1771 август.

Умеръ 1793 мая 9.

Баронъ Осипъ Андреевичъ ф. Игельстромъ.

Въ службѣ 1756. — 1762 подполковникомъ, 1763 полковникомъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка; 1769 бригадиромъ, въ 1764 году, служба, подъ начальствомъ князя Рѣпина, находившагося въ польшѣ посланникомъ, онъ искуснымъ образомъ захватилъ епископа краковскаго, Кастана Солтыка, графа Ржевудкаго, епископа кievскаго и другихъ польскихъ вельможъ, сопротивлявшихся намѣреніямъ Императрицы Екатерины II. По открытіи войны (1768) съ Турками, онъ сражался подъ знаменами князя Голицына, потомъ участвовалъ въ покореніи крѣпости Кишин (1770); въ томъ же году октября 12 пожалованъ генераль-майоромъ. 1775 июля 10, генераль-поручикомъ. 1786 симбирскимъ и уфимскимъ генераль-губернаторомъ и шефомъ Оренбургскаго драгунскаго полка. Нося сіе званіе, онъ сражался подъ предводительствомъ графа Салтыкова (1790) въ Финляндіи, противъ Шведовъ. 1790 февраля 5, пожалованъ генераль-аншефомъ и уполномоченъ отъ Императрицы подписать мирный договоръ съ Швеціею (1790 августа 3); за успѣшное исполненіе сего препорученія награжденъ онъ золотою шапкою, осыпанныю алмазами, похвальной грамотой и орденомъ Апостола Андрея. Въ томъ же году отправленъ посломъ въ Швецію; по возвращеніи отсюда въ 1792 году, переведенъ генераль-губернаторомъ въ Смоленскъ и Псковъ. 1793 пожалованъ кievскимъ, черниговскимъ и повгородъ-сѣверскимъ генераль-губернаторомъ и посланъ въ Варшаву, для принятія главнаго начальства надъ войсками, расположенными въ Польшѣ. Разгоряченные умы Поляковъ и безпокойный нравъ ихъ предвѣщали грозу, которую главнокомандующій не могъ удалить съ малыми силами. Тщетно просилъ онъ графа Зубова объ увеличеніи арміи: посланные его болѣею частью попалились въ руки заговорщиковъ, а возвращавшіеся въ Варшаву привозили замѣчаніе Игельstromу, «что онъ напрасно безпокоится, что безпорядковъ быть не можетъ.»—Наконецъ, 1794 апрѣля 6, вспыхнуло возмущеніе: по улицамъ варшавскимъ полилась кровь русская. Игельstromъ съ тремястами воиновъ проложилъ себѣ дорогу сквозь многочисленныя ряды мятежниковъ. * За сіе неприятое происше-

* Составитель этой книги, будучи поручикомъ Сибирскаго гренадерскаго полка, былъ очевидцемъ сего происшествія, и за оказанную имъ храбрость и отличное выполненіе возложенныхъ по службѣ на него дѣлъ, произведенъ въ капитаны.

ствіе онъ удаленъ отъ командованія войсками, и до кончины Императрицы Екатерины II, жилъ въ Ригѣ.

Кав. орд. Ан. Андрея	1790 августа
Александра Нев.	1784 янв. 1.
Владимира 1 степ.	1787 сент. 22.
Георгія 3 класса	1770 сент. 12.
Прускихъ Чернаго и Краснаго Орловъ и Шведскаго Серафимовъ Польскихъ Бѣлаго Оrlа и св. Станислава	

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I, 1823 февраля 18. *

Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

Въ службѣ 1759. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ генераль-адъютантомъ фельдцейхмейстера графа Шувалова, (въ чинѣ подполковника); по вошествіи Государыни на престолъ, былъ арестованъ и находился подъ строгимъ карауломъ три недѣли, но потомъ освобожденъ. 1763 пожалованъ полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка. 1764 въ походъ въ Польшу, подъ начальствомъ генераль-поручика Штофельна. Оказалъ значительное солдѣйство въ избраніи короля польскаго Станислава Августа Понятовскаго. На возвратномъ пути онъ переловилъ болѣе трехъ тысячъ бѣглыхъ солдатъ. 1770 декабря 4, произведенъ въ генераль-майоры, сражался подъ Хотинномъ, и оказалъ много храбрыхъ подвиговъ, за которые награжденъ орденомъ Георгія 3 класса и высочайшимъ благоволеніемъ. Находясь при осадѣ Браилова, явилъ также отличныя успѣхи, и солдѣйствовалъ во взятіи крѣпости Жур-

* Въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго сказано, что онъ умеръ въ 1817 году, но въ Рускомъ Инвалидѣ 1823 года, № 62, напечатана статья, въ которой помѣщено извѣстіе о его кончинѣ, послѣдовавшей въ его помѣстьѣ 1823 февраля 18.

жи. 1775 сформировалъ три легкоконные полка. 1777 июня 28, пожалованъ генераль-поручикомъ. 1785, опредѣленъ въ должность рязанскаго и тамбовскаго генераль-губернатора и инспекторомъ арміи. 1789 испросилъ у Императрицы позволеніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турковъ. Овладевъ того же года сентября 14, укрѣпленнымъ замкомъ Хаджи-беемъ (гдѣ былъ Одесса), взялъ въ плѣнъ двухъ-бунчужнаго нашу и уничтожилъ покушеніе турецкаго флота. 1790, по кончинѣ генерала Меллера-Закамельскаго, вступилъ въ командованіе его корпуса, принудилъ (октября 18) сдать на капитуляцію крѣпость Килю. За сей подвигъ 1790, ноября 12, пожалованъ генераль-аншефомъ и командированъ на Кавказскую линію, гдѣ подчинена ему бывшая Кубанская армія. Здѣсь осадилъ онъ (1791) крѣпость Анапу, и покорилъ ее. Императрица пожаловала ему въ награду орденъ Георгія 2 класса и шагу, украшенную лаврами и алмазами, и потомъ назначила его кавказскимъ, генераль-губернаторомъ, съ оставленіемъ званія рязанскаго и тамбовскаго. Импеченіемъ его возникли крѣпости: Услабинская, Кавказская и Шелководская. Владѣтель дагестанскій и ханъ дербентскій при Гудовичѣ вступили въ руссiйское подданство. (Въ день коронаванія Императора Павла I пожалованъ графомъ руссiйской имперіи).

Кав. орд. Ап. Андрея	1793 сент. 2.
Александра Нев.	1784 январ. 1.
Георгія 3 клас.	1770 іюля 27.
2 клас.	1791 іюня 15.
Владимира 1 степени	787 сент. 22.
Анны	771 авгус.

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I, (произведенный въ генераль-фельдмаршаль) 1820, въ январѣ.

Евгеній Петровичъ Каукинъ.

Въ службѣ 1751.—1764 ноября 24 полковникомъ Ярославскаго пѣхотнаго полка. 1769 сентября 19 бригадиромъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка премьеръ-маіоромъ 1770 октября 12 генераль-маіоромъ. 1775 іюля 10 генераль-поручикомъ. 1778 выборгскимъ губернаторомъ. 1781 отправлялъ должность генераль-губернатора пермскаго, а съ 1782 и тобольскаго. 1787 ярослав-

скимъ и вологодскимъ генераль-губернаторомъ. 1790, ноября 24, генераль-аншефомъ. 1794 калужскимъ и тульскимъ генераль-губернаторомъ.

Кав. орд. Александра Нев.	1781 іюля 22.
Владимира 1 степени	1784
Анны	1772

Умеръ въ 1796 году.

Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ.

Въ службѣ 1775. 1789 октября 3, генераль-маіоромъ, флигель-адъютантомъ и корнетомъ кавалергардскаго корпуса. 1792 марта 12 генераль-поручикомъ и графомъ руссiйской имперіи. 1793 генераль-адъютантомъ и въ томъ же году, октября 19, генераль-аншефомъ, генераль-фельдцейхмейстеромъ, главнымъ директоромъ надъ фортификаціями, шефомъ кавалергардскаго корпуса, членомъ военной коллегіи и генераль-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ, а въ 1795 и вознесенскимъ. Въ 1795 же главнымъ командиромъ поселенныхъ въ екатеринославской и вознесенской губерніяхъ войскъ и прочихъ легкоконныхъ полковъ. 1796 получилъ достоинство свѣтлѣйшаго князя руссiйской имперіи.

Кав. орд. Ап. Андрея	1793 августа
Александра Нев.	1790 сент. 8.
Владимира 1 степ.	1795 янв. 1.
Анны	1790 іюля 6.
Прускихъ: Чернаго и краснаго Ора польскихъ: Бѣлаго Ора и св. Станислава.	

Умеръ въ царствованіе Импер. Александра, въ 1820 году.

Николай Дмитриевич Дурново.

Въ службѣ 1742. — 1762 лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикомъ. 1776 капитаномъ. 1770 бригадиромъ и присутствующимъ въ главной провіантской канцеляріи. 1771 апрѣля 21, генераль-маіоромъ. 1775, окт. 8. генераль-кригсъ-коммисаромъ, 1777 июня 28 генераль-поручикомъ, 1783 сенаторомъ. 1793 членомъ военной коллегіи по комиссаріатской части, и управляющимъ комиссаріатскимъ департаментомъ. 1794 декабря 11 генераль-аншефомъ.

Кав. ор. св. Александра Нев.	1782 нояб. 24.
Владимира 1 степени	1793 сент. 3.
Анны	1773

Умеръ въ царств. Импер. Александра, между 1813—17 годами.

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій.

Въ службѣ 1754.—1762 маіоромъ. 1763 подполковникомъ Рязскаго карабинернаго полка. 1768 сентяб. 22 полковникомъ Сибирскаго карабинернаго. 1773 апрѣл. 21 генераль-маіоромъ. 1780 ноября 24 генераль-поручикомъ. 1794, декабря 11 генераль-аншефомъ. Всю бытность свою въ службѣ находился во многихъ сраженіяхъ и оказалъ отличные подвиги.

Кав. орд. Александра Нев.	1786 февр. 12.
Георгія 4 класса	1770 авгу. 27.
2 класса	1792 март. 18.
Анны	1777 іюня 28.

Умеръ въ царств. Александра I., 1824 іюня 21.

Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

Въ службѣ 1756. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ л. гвардіи офицеромъ. Будучи капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка, получилъ, за оказанную храбрость въ первую противъ Турковъ войну, орденъ Георгія 4 класса.

1774 марта 17 пожалованъ изъ бригадировъ въ генераль-маіоры; въ томъ же году начальствовалъ въ Казани, при осадѣ Пугачевымъ сего города, возбуждалъ къ оборонѣ жителей ея и наказывалъ измѣнниковъ. 1775, въ день мирнаго торжества, получилъ шиагу, осыпанную алмазами. 1775 орденъ св. Анны. 1778 Александровскую ленту и камергерскій ключъ. 1780 іюня 28 произведенъ генераль-поручикомъ. Въ 1783 приводилъ къ присягѣ покорившихся Крымцевъ, и убѣдилъ карталинскаго и кавказскаго царя Ираклія ко вступленію въ російское подданство. За сей подвигъ награжденъ орденомъ Владимира 1 степени. 1784 исправлялъ должность саратовскаго и кавказскаго генераль-губернатора, по 1788 годъ, въ которомъ осталась подъ его вѣдомствомъ только одна кавказская губернія. Въ сіе время заставилъ онъ многихъ неукротимыхъ Закубанцевъ и Горцевъ покориться скипетру Екатерины. 1786 наименованъ шефомъ Кавказскаго мушкатерскаго полка. въ 1790 декабря 11 участвовалъ при взятіи штурмомъ крѣпости Измаила, за что получилъ орденъ Георгія 2 класса. По смерти князя Таврическаго, который былъ его ближайшій родственникъ, намѣревался онъ оставить Россію и хотѣлъ служить въ австрійской арміи, чтобы приобрѣсть (по словамъ его) новыя свѣдѣнія для пользы Россіи; но Екатерина двинула войска свои къ Варшавѣ, и онъ снова обнажилъ мечъ, участвовалъ въ побѣдахъ Суворова въ Польшѣ. 1794 декабря 11, за мужественные подвиги, пожалованъ генераль-аншефомъ, а въ 1795 графскимъ достоинствомъ російской имперіи. Недолго пользовался онъ этимъ званіемъ, приобрѣтеннымъ на полѣ чести; онъ скоропостижно скончался (1796 въ Москвѣ).—Павелъ Сергѣевичъ любилъ заниматься литературою; зналъ совершенно отечественный языкъ и многіе иностранные. Онъ написалъ нѣсколько поэмъ на побѣды Россіянъ и двѣ драмы въ стихахъ; перевелъ съ французскаго первую часть «Новой Элопзы»; *разсужденіе Ж. Ж. Руссо, удостоенное награды отъ Дижонской Академіи въ 1750 году*, и другія сочиненія сего автора, а также и Вольтерову трагедію *Магометъ*. Сочиненныя имъ: *Исторія о Пугачевѣ и описаніе Кавказскихъ народовъ*, остались неизданными.

Кав. орд. Александра Нев.	1778 іюня 28.
Георгія 4 класса	1770 октя. 14.
3 класса	1775 нояб. 26.
2 класса	1791 март. 25.
Владимира 1 степени	1783 сент. 22.
Анны	1777

Умеръ 1796 марта 29.

Вильгельмъ Христофоровичъ ф. Дерфельденъ.

Въ службѣ 1754. — 1760 ротмистромъ конной гвардіи. 1770 января 1 полковникомъ Тверскаго карабинернаго полка. 1775 сентяб. 21 бригадиромъ Ямбургскаго карабинернаго. 1777 июня 28 генераль-маіоромъ, 1784 ноября 24 генераль-поручикомъ. 1795 января 1 генераль-аншефомъ. Въ обѣ турецкія войны, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и оказалъ значительные подвиги, за которые получилъ достойныя награды. Въ 1793 правилъ должность уфимскаго и сибирскаго генераль-губернатора; но въ 1794 уволенъ отъ сей должности.

Кав. орд. Александра Нев.	1788
Георгія 2 класса	1789 мая 4.
Анны	1784 январ.
Прусскаго Чернаго Орла.	

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I, между 1817 и 1823.

Графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій.

Въ службу принятъ 1795 января 1 генераль-аншефомъ изъ польскихъ коронныхъ гетмановъ, но должности въ царствованіе Императрицы Екатерины II никакой не имѣлъ.

Кав. орд. св. Андрея	1774 апр. 1.
Александра Нев.	1763 янв. 1.
Польскихъ Бѣлаго	
Орл. и св. Станислава.	

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I, между 1817 и 1823.

Графъ Феликсъ Потоцкій.

Въ службу принятъ 1795 января 1 изъ польскихъ вельможъ, генераль-аншефомъ, но должности въ царствованіе Императрицы Екатерины II никакой не имѣлъ.

Кав. орд. св. Андрея	{	1782 нояб. 28.
св. Алекс. Нев.		
Польскихъ Бѣлаго Орла и св. Станислава.		

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I, 1805 года.

Тимофей Ивановичъ Тумольшинъ.

Въ службѣ 1750. По выпускѣ изъ кадетовъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, участвовалъ, прежде вступленія Екатерины II на престолъ, въ прусской семилѣтней войнѣ. 1762 былъ при Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ капитаномъ, 1768 подполковникомъ Ямбургскаго карабинернаго полка. 1770 июля 8 полковникомъ Сумскаго гусарскаго. 1775 бригадиромъ и тверскимъ вице-губернаторомъ, 1777 июня 28 генераль-маіоромъ и тверскимъ губернаторомъ, 1783 екатеринославскимъ губернаторомъ, 1784 мая 22 пожалованъ генераль-поручикомъ, архангельскимъ и олонекскимъ генераль-губернаторомъ. 1794 сенаторомъ и генераль-губернаторомъ минской, пяславской и брацлавской губерній, 1795 сентября генераль-аншефомъ.

Кав. орд. Александра Нев.	1789 апр. 1.
Владимира 1 степени	1790 июня 28.
Георгія 4 класса	1775 нояб. 26.
Анны	1779 март.

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I., 1809 ноября 1, будучи въ Москвѣ главнокомандующимъ.

Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ.

Въ службѣ 1777. — 1785 вахмистромъ л. гвардіи Коннаго полка; того же года корнетомъ и подпоручикомъ; 1787 поручикомъ; 1788 определенъ, по прошенію его, въ Исковскій драгунскій полкъ подполковникомъ, сражался подъ знаменами князя Потемкина. 1789 привезъ извѣстіе о сдѣлѣ крѣпости Бендеръ, за что получилъ званіе флигель-адъютанта Ея Императорскаго Величества. 1790 пожалованъ полковникомъ, находился при взятіи штурмомъ Измаила и отличался при семъ случаяхъ храбрыми подвигами, за что получилъ чинъ бригадира и званіе секундъ-маіора л. гвардіи Измайловскаго полка. 1792 произведенъ генераль-маіоромъ. 1793, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Платономъ Александровичемъ, получилъ графское достоинство российской имперіи и орденъ Александра Невскаго. 1794 сражался подъ командою Суворова въ Польшѣ, и при взятіи Варшавы лишился ноги, которую оторвало ядромъ. Императрица наградила его орденомъ Георгія 3 класса и чиномъ генераль-поручика, и въ томъ же году

получилъ онъ орденъ Апостола Андрея. 1795, на 26-мъ году его жизни, ввѣрено ему тридцати-пяти-тысячное войско, отправленное въ Персію и одна эскадра. Онъ обложилъ городъ Дербентъ, и 10 мая 1796 Дербентъ покорился россійскому скипетру. Замѣчательно, что сто-двадцатилѣтній старецъ, тотъ самый, который въ 1722 году поднесъ ключи Дербента Петру Великому, вручилъ ихъ, въ 1796, и графу Зубову. Города: Баку, Куба и Ганжа имѣли одинаковую участь съ Дербентомъ. — За сіи подвиги графъ Валеріанъ Александровичъ пожалованъ, не по старшинству, 1796 сентября 16, генералъ-аншефомъ и орденомъ Георгія 2 класса.

Кав. орд. Ап. Андрея	1794
Александра Невск.	1793
Георгія 3 класса	1794
2 класса	1796
Прускаго Чернаго и Краснаго Орловъ	{ 1794

Умеръ въ царствованіе Императора Александра I., 1804 июня 24, на 34 году отъ рожденія, отъ водяной болѣзни.

Всего въ царствованіе Императрицы Екатерины II было пятьдесятъ семь генералъ-аншефовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Антонисъ и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА
ГРАНИЦЕЮ.

ЕВРОПА.

Франція.

Въ засѣданіе 2 іюня, — г. *де Токвилль* представилъ палатѣ депутатовъ донесеніе комиссіи о чрезвычайныхъ кредитахъ для Алжиріи. Комиссія, прежде всего, того мнѣнія, что на югѣ слѣдуетъ ограничиться занятіемъ одного Теля и не владеть далѣе въ малую пустыню, которой жители получаютъ всѣ свои потребности изъ Теля, а потому самому уже и подчинены фран-

цузскому влиянію; на томъ же основаніи не видятъ она надобности и въ завоеваніи независимой Кабиліи, которая однако, въ-слѣдствіе послѣдней экспедиціи маршала *Бюжо*, какъ кажется, почти вся уже покорена французскому владычеству и обязана платить подать. Эта Кабилія, которая, какъ говорятъ, есть родъ алжирской Швейцаріи, отисоду окружена французскими владѣніями и заключается лишь въ одѣхъ своихъ узкихъ долинахъ. Только такимъ лишь способомъ можно было бы ограничиться числомъ войскъ, определеннымъ въ бюджетѣ въ 94,000 человекъ, числомъ, которое постоянно увеличивалось въ теченіи 17 лѣтъ. Что же касается до управленія Алжирією, то коммиссія считаетъ необходимымъ, чтобы собственно политическая власть оставалась непремѣнно въ рукахъ Французовъ, а менѣе значительныя должности поручались бы по возможности исправленію туземцевъ. Въ особенности обращается вниманіе на недостатокъ единства въ этомъ управленіи и на сложность административной организаціи. При населеніи въ 100,000 человекъ Европейцевъ, гражданское управленіе Алжирією стоить слишкомъ 4 милліона франковъ. Вопросы, относящіеся къ колонизаціи, разсматриваются въ другомъ донесеніи, по случаю предпринимаемыхъ правительствомъ земледѣльческихъ поселеній. Коммиссія единодушно рѣшила отказать въ этомъ кредитѣ, потому что она вполне убѣждена, что учрежденіе такого поселенія будетъ для государства несравненно обременительнѣе, чѣмъ содержаніе нынѣ устроенныхъ деревень, и причинитъ ему столь большія издержки, что теперь нельзя даже предвидѣть и границъ имъ. Въ донесеніи показано постепенное увеличеніе числа войскъ въ Алжиріи: въ 1831 году войско состояло лишь изъ 18,000, въ 1834 изъ 30,000, въ 1838 изъ 48,000, въ 1841 изъ 70,000, въ 1843 изъ 76,000, въ 1845 изъ 83,000 и наконецъ въ 1846 изъ 101,000 человекъ. Настоящее число войскъ непоказано.

Пренія по этому предмету открылась въ засѣданіи 8 іюня. Они начались рѣчью г. *де Бобля*. Соглашаясь на необходимость постройки въ Алжиріи нѣкоторыхъ приморскихъ укрѣпленій, онъ перешелъ къ кабилейской экспедиціи и, указавъ на весьма естественное и явное недоброжелательство населенія къ завоевателямъ Алжиріи, онъ говорилъ, что рано ли, поздно ли, но непременно должно бы было предпринять эту экспедицію, что маршалъ *Бюжо* воспользовался только самымъ благоприятнымъ для этого случаемъ. По сему экспедиція эта, по его мнѣнію, не только была необходима, но и полезна, потому что она сократила и обезопасила пути сообщенія въ этой странѣ. Но онъ

не можетъ согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, порицающей правительство за его терпимость къ обычаямъ и нравамъ туземцевъ. По мнѣнію оратора, напротивъ эта самая терпимость и послужитъ для Франціи самымъ могучимъ средствомъ для утвержденія своего владычества. Г. *Дежберъ* говорилъ противъ проекта закона. Возставая вообще противъ завоеванія Алжиріи, онъ считалъ его невозможнымъ, доколѣ африканское населеніе не будетъ замѣнено европейскимъ, а этого нельзя достигнуть, не истребивъ всего арабскаго племени. Да и въ этомъ случаѣ, вопросъ все еще остается нерѣшеннымъ, потому что еще до сихъ поръ не рѣшена возможность оклиматизированія Европейцевъ въ тамошнихъ мѣстахъ.

На другой день, новые ораторы еще болѣе развили предметъ пренія Генераль *Ламорисьеръ*. (*Вниманіе*). «Г. *де Траси* утверждаетъ, что Африка всегда будетъ служить помѣхою для Франціи. Теперь, замѣтилъ онъ, когда война окончена и племена покорены совершенно, когда слава оружія вашего спасена, теперь наступила минута отказать отъ Африки». — Г. *де Траси*, прерывая: «этого я не говорилъ». — Генераль *Ламорисьеръ*: «Однако же почтенный депутатъ сказалъ, что настоящая минута весьма благоприятна для того, чтобы какъ можно болѣе ограничить наши африканскія владѣнія. Но занятіе Алжиріи есть величайшее вышшее предпріятіе Франціи въ настоящее время. Каждое великое предпріятіе сопряжено съ трудностями; ни одинъ народъ не подвизался на попріицѣ великихъ предпріятій, не основывая общирныхъ колоній, безъ того, чтобы не встрѣчать на пути своемъ затрудненій и препятствій всякаго рода. Г. *де Траси* сказалъ дальше, что Африку надобно колонизировать, для того, чтобы она не составляла болѣе помѣхи для Франціи. Но по его мнѣнію, колонизація не возможна. Г. *де Жоберъ* оспаривалъ такое мнѣніе, но въ рѣчи своей онъ привелъ числа, которыхъ неточность я хочу доказать. Алжирія стоить ежегодно не 125 милліоновъ, какъ утверждаетъ г. *де Жоберъ*, а около 100 милліоновъ. Почва Алжиріи плодородна, какъ доказываетъ прошедшее, какъ подтверждаютъ римскія колоніи; она требуетъ только искуснаго воздѣлыванія и нужныхъ капиталовъ. Г. *де Жоберъ* полагаетъ также невозможнымъ управлять смѣшаннымъ мусульманскимъ и христіанскимъ народонаселеніемъ. Я могъ бы привести многіе примѣры противнаго. Главное дѣло въ постепенности сближенія. Колонизація, конечно, должна показаться Арабамъ тягостна. Г. *де Жоберъ* полагаетъ далѣе, что издержки на колонизацію будутъ простираться до одного милліарда. Я не хочу входить въ споръ на счетъ точности или

неточности исчисления этой суммы, но увѣренъ, что африканская почва вознаградитъ, по крайней мѣрѣ, въ пятью за всѣ издержки какъ со стороны государства, такъ и со стороны колонистовъ» — Г. *де Жоберъ*: «Приведенныя мною цифры не воображаемы, а основываются на бюджетахъ министерствъ: военнаго, морскаго, финансовъ и юстиціи. 125 милліоновъ ежегодныхъ расходовъ составляютъ результатъ непрерывно продолжающихся военныхъ дѣйствій, въ слѣдствіе которыхъ расходы должны и еще увеличиться до 131 милліона. Налогъ на Арабовъ, о которомъ я забылъ упомянуть вчерашній день, можетъ быть исчисленъ въ 14 милліоновъ; за тѣмъ все еще остается 117 милліоновъ ежегодныхъ расходовъ». — Генералъ *Ламорисьеръ*: «Вчера г. *де Жоберъ* говорилъ о 125 милліонахъ расходовъ, сегодня онъ увеличилъ ихъ до 131 мил., можно было опасаться, что онъ дойдетъ завтра до 150 мил., а потому я радуюсь, что онъ теперь понизилъ расходы до 117 мил., но и эта сумма чрезвычайно преувеличена». Г. *де Траси* спросилъ, почему генералъ *Ламорисьеръ* не отвѣчаетъ на возраженіе о невозможности сохранить Алжирію во время морской войны? Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что колонисты не сѣютъ хлѣба. Что станетъ съ арміею, если въ минуту войны Арабы откажутся снабжать ее хлѣбомъ? генералъ *Ламорисьеръ*: «Война съ Англіею не поставитъ армію въ Африкѣ въ столь опасное положеніе, какъ думаетъ г. *де Траси*. Берегъ, простирающійся на 200 льѣ, не можетъ быть столь легко блокируемъ, какъ Тулонъ или Алжиръ. Въ 1840 году также опасались войны, но общественное мнѣніе не требовало вызова арміи изъ Африки.»

Послѣ этого, взошелъ на кафедру г. *Гизо*. Онъ осыпалъ великими похвалами маршала *Бюжю* и поздравлялъ Францію съ совершеннымъ упроченіемъ владычества ея надъ всею африканскою колоніею. — Сущность рѣчи, произнесенной г-мъ *Гизо* объ отношеніяхъ правительства къ маршалу *Бюжю*, заключается въ слѣдующемъ: «Правительство, само пославшее маршала въ Алжирію, вообще и въ главныхъ частяхъ ихъ всегда согласно было съ его намѣреніями и планами, хотя въ частностяхъ оно иногда и бывало различнаго съ нимъ мнѣнія. Но это однако неизбѣжно. Нѣтъ возможности точно и опредѣлительно предписать въ Парижѣ все то, что должно быть исполнено въ Алжиріи; губернатору должно дать большую свободу въ подробностяхъ администраціи; такъ всегда и поступалъ кабинетъ, принимая, однако же, на себя и всю отвѣтственность, какъ слѣдствіе ошибокъ, такъ и заслугъ. Только этимъ способомъ и можно было достигнуть результатовъ, полученныхъ въ послѣд-

ніе годы. Взглядъ на карту 1840 года и на карту 1847 покажетъ пространство земель, приобретенное въ это время Франціею; въ 1840 году едва 50 племенъ платило аманъ, въ настоящее же время 1,300 племенъ признаютъ владычество Франціи; въ 1840 году собиралось съ трудомъ 300,000 фран. податей, теперь же сборъ этотъ простирается до 5 милліоновъ. И всѣмъ этимъ обязаны энергіи и дѣятельности челоуѣка, на котораго такъ часто и такъ сильно нападали. Теперь, послѣ семилѣтнихъ трудовъ, возвращается онъ во Францію, и самая лучшая похвала для него заключается въ любви, которую питаютъ къ нему солдаты и въ довѣренности, которою онъ пользуется отъ населенія имъ покореннаго.

10 и 11 іюня происходили пренія объ отдѣльныхъ параграфахъ того же проекта закона относительно чрезвычайныхъ кредитовъ, требуемыхъ правительствомъ на 1847 годъ для военнаго и гражданскаго вѣдомствъ въ Алжиріи. — Первою статьею закона предполагается открыть кредитъ въ 25 милліоновъ, для содержанія 3,300 челоуѣкъ и 3,300 лошадей сверхъ положеннаго въ 1846 году числа войскъ въ Алжиріи. Военный министръ согласился на требованіе комиссіи убавить этотъ кредитъ 75 тысячами франковъ. Тогда президентъ объявилъ, что онъ прочтетъ палатѣ донесеніе комиссіи, расположенное по порядку главъ, по которымъ и будетъ отбирать голоса. При чтеніи 9-й главы, подъ заглавіемъ: *Содержаніе войскъ*, г. *Гарнье Пажессъ* напомнилъ министру объ обѣщанномъ имъ уменьшеніи числа войскъ въ Алжиріи. *Военный министръ* объявилъ на это, что онъ и теперь не отказывается отъ этого обѣщанія, но представляетъ себѣ право избрать самому благопріятное для этого время; теперешнія же обстоятельства не позволяютъ ему это сдѣлать. Г. *Бюро де Пюзи* спросилъ военнаго министра, какого онъ мнѣнія на счетъ употребленія войска въ работы. Министръ объявилъ, что, соглашаясь съ мнѣніемъ палаты, комиссіи и пренія военнаго министра, и онъ тоже думаетъ, что войска должны быть употребляемы только на военные работы, хотя и бывали случаи, что онъ, по взаимномъ соглашеніи съ гражданскимъ вѣдомствомъ, предпринимали и работы гражданскія и что военное управленіе этому не препятствовало. Вслѣдъ за этимъ начался было пренія о томъ, дозвоительно ли принуждать солдата къ постороннимъ работамъ, но *военный министръ* замѣтилъ, что пренія эти теперь неумѣстны и что при томъ военная дисциплина требуетъ, чтобъ солдатъ безпрекословно исполнялъ приказанія своихъ начальниковъ. Приступлено было къ отобранію голосовъ, и девятая глава была принята палатой. При чтеніи

21 главы: о военныхъ запасахъ и объ артиллеріи, г. де-Токвилль опять замѣтилъ о недостаточности береговыхъ укрѣпленій Алжирѣ, которая не довольно обезпечены отъ нечаяннаго нападенія. Военный министръ сказалъ, что нѣкоторое число орудій имъ туда уже отправлено, но что онъ не можетъ обѣщать полного вооруженія этихъ укрѣпленій, потому что это потребовало бы значительныхъ издержекъ. При совѣщаніяхъ о 21 главѣ: о военной службѣ въ предѣлахъ Алжирѣ, г. Гарье Пажесъ просилъ правительство, чтобы оно обратило свое вниманіе на офицеровъ, занимающихся въ арабскихъ отдѣленіяхъ, знающихъ хорошо арабскій языкъ и до сихъ поръ однако не имѣющихъ еще опредѣленнаго назначенія. Военный министръ объявилъ, что онъ уже заботится объ этомъ. Г. д'Юзесъ жаловался, что въ Алжирѣ природные Французы часто зачисляются въ команды, составленныя изъ туземцовъ и такимъ образомъ подчиняются арабскимъ уроженцамъ; это, по его мнѣнію, несогласно съ достоинствомъ французской націи. Военный Министръ сказалъ тогда, что жалоба эта неосновательна, потому что Арабы не могутъ достигнуть выше поручичьяго чина, и что большая часть ихъ только унтеръ-офицеры, команды же изъ нихъ составленныя, всегда влѣдряются начальству природныхъ Французовъ. 29 глава принята. При чтеніи 31-й: о гражданской службѣ въ Алжирѣ, г. Ланжюше упрекалъ министра иностранныхъ дѣлъ, что онъ не исполнилъ данное имъ въ прошломъ еще году обѣщаніе не препятствовать свободѣ книгопечатанія въ Алжирѣ. Министръ объявилъ, что ему рѣшительно не извѣстно, гдѣмъ дѣлаются эти притѣсенія и что онъ сожалѣетъ, что почтенный сочленъ не предупредилъ его заранѣе объ этомъ вопросѣ; тогда онъ могъ бы собрать нужныя свѣдѣнія для объясненія этого предмета; теперь же и по этому самому, долженъ просить палату отсрочить пренія объ этомъ на будущее время. Онъ прибавилъ однако, что, по его мнѣнію, печатанію не можетъ быть дана полная свобода въ Алжирѣ. Противъ этого послѣдняго замѣчанія возсталъ г. Густавъ де Бомонъ, который прочиталъ потомъ прощальный адресъ къ Алжирѣ маршала Бюжо, обративъ при этомъ вниманіе палаты на слѣдующее мѣсто въ этомъ адресѣ: «Нездоровье мое и оппозиція моимъ идеямъ, которую я встрѣчаю во Франціи, не дозволяютъ мнѣ долѣе заботиться о судьбѣ вашей. Солдаты! Труды ваши даютъ вамъ право на алжирскую почву». При концѣ засѣданія весь проектъ закона о чрезвычайныхъ кредитахъ для Алжирѣ былъ принятъ 231 голосомъ противъ 30.

— Королевскимъ повелѣніемъ отъ 3 июня, г. Гизо уволенъ отъ

временнаго управленія морскимъ вѣдомствомъ, а новый морской министръ герцогъ Монтебелло вступилъ въ должность.

Маршалъ Бюжо, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья и другихъ важныхъ причинъ, проситъ увольненія отъ званія генералъ-губернатора Алжирѣ, и возвращается во Францію. По словамъ газеты Constitutionel, причины, побудившія маршала выйти въ отставку, уже извѣстны. Онъ преимущественно состоялъ въ томъ, что маршалъ никакъ не могъ согласиться съ кабинетомъ на счетъ вопроса о колонизаціи. Онъ желалъ для Алжирѣ военнаго поселенія, а правительство — управленія гражданскаго. «Но какъ бы то ни было, и какое бы намѣреніе кабинетъ не принялъ, говоритъ Constitutionel въ заключеніи, но все же маршалъ Бюжо возвращается во Францію: день отъѣзда его назначенъ 5 июня. Онъ не намѣренъ даже и присутствовать въ палатѣ, но ѣдетъ прямо въ Екендѣль, чтобы отдохнуть тамъ отъ трудовъ своихъ. Теперь въ Алжирѣ, имъ покоренной, его уже не удерживаютъ болѣе интересы его славы; онъ полагаетъ, что для собственнаго своего достоинства, онъ долженъ покинуть этотъ постъ, дабы, кромѣ отвѣтственности за свои личные поступки, не подвергнуться еще и другой».

Англія.

Нижняя палата, во время довольно продолжительнаго засѣданія, 1 июня, совѣщалась о предложеніи, сдѣланномъ лордомъ Личкольномъ, представить королевѣ адресъ, которымъ просить ея величество, чтобы она благоволила обратить вниманіе, нельзя ли къ вспомогательнымъ мѣрамъ, употребляемымъ для улучшенія общественнаго быта Ирландіи, присовокупить и способъ колонизаціи, но такъ, чтобы, не пренебрегая интересами колоніи, сохранить и выгоды переселенцевъ. Предложеніе лорда Личкольна имѣло цѣлью нарядженіе комиссіи, которой бы было предназначено рассмотреть съ трехъ различныхъ сторонъ возможность примѣненія большаго проекта, относительно переселенія и колонизаціи. Такимъ образомъ комиссія должна была бы опредѣлить во-первыхъ, есть ли колонизація достаточное средство для вспоможенія тѣмъ, которые останутся въ Ирландіи; во-вторыхъ, поможетъ ли эта мѣра тѣмъ, которые покинутъ Ирландію; и въ-третьихъ, наконецъ, можно ли примѣнить этотъ способъ такимъ образомъ, чтобы при этомъ не пострадали колоніи. Ораторъ еще разъ обозрѣлъ настоящее положеніе Ирландіи и средства, употребленныя правительствомъ

для улучшения его; изъ этого онъ вывелъ то заключеніе, что переселеніе, совершенное въ большомъ масштабѣ и собственно въ британскія владѣнія въ Сѣверной-Америкѣ, единственно и на долго уменьшить теперешнія бѣдствія.—Г. *Гевсъ*, младшій секретарь колоніальнаго совѣта, соглашаясь съ основными началами предлагаемаго плана, не хотѣлъ однако признать необходимость назначенія предлагаемой комиссіи. Онъ хотя и не представилъ ни какого измѣненія, но полагалъ, однакожъ, что успѣетъ убѣдить лорда *Линкольна* взять обратно сдѣланное имъ предложеніе. За этимъ послѣдовало продолжительное преніе, въ которомъ принимали участіе сиръ *Робертъ Пиль* и лордъ *Джонъ Россель*. Оба не соглашались съ содержаніемъ предложенія; послѣдній однакожъ объявилъ, что хотя онъ и не можетъ согласиться на назначеніе комиссіи, но, однако, готовъ предложить правительству сдѣлать требуемыя изслѣдованія. Онъ намѣренъ именно предложить губернаторамъ сѣверо-американскихъ владѣній составить планы для переселенія. Правительство же, изложивъ и свое собственное мнѣніе по этому предмету, представить эти планы палатѣ въ будущемъ собраніе парламента. Послѣ этихъ замѣчаній предложеніе лорда *Линкольна* было принято.

П р у с с і я.

Въ засѣданіи, происходившемъ 7 іюня, чины разсматривали королевское предложеніе, требующее отъ сейма обезпеченія для займа въ 32 милліона талеровъ на построеніе желѣзной дороги между Берлиномъ, Данцигомъ и Кенигсбергомъ. Пренія преимущественно касались вопроса объ основаніи (principe) обезпеченія (garantie), и члены, пользующіеся наибольшимъ вліяніемъ, объявили, что они не могутъ согласиться на предлагаемую мѣру до тѣхъ поръ, пока права чиновъ не будутъ надлежащимъ образомъ обезпечены. Не смотря на то, что область прусская прямо интересуется исполненіемъ такого проекта, именно депутаты этой области возставали противъ него съ большимъ жаромъ. Призвавая всю-пользу желѣзной дороги, и отдавая полную справедливость намѣреніямъ правительства, они объявили, однако жъ, что собраніе не можетъ принять на себя отвѣтственности за заемъ въ 32 милліона талеровъ, пока права, требуемая сеймомъ, не будутъ признаны за нимъ короною. Таковъ былъ предметъ спора, развитый болѣею частью ораторовъ, между которыми отличался г. *Финке*. Наконецъ, въ засѣданіи 8-го іюня, королевское предложеніе отринуту 360

голосами противъ 179, не смотря на усилія главныхъ членовъ куріи высшаго дворянства, и на увѣщанія министра г. *Бодельшвинга*, заклинавшаго собраніе не приносить дѣла столь полезнаго и важнаго въ жертву частнымъ видамъ.

Сеймъ долженъ еще обсудить два измѣненія королевскаго предложенія. Первое измѣненіе, представленное г. *Ганземамомъ*, основано на предположеніи, что въ государственномъ казначействѣ заключается 30 мил. талер., и клонится къ тому, чтобъ эта сумма была употреблена на построеніе кенигсбергской желѣзной дороги. Г. *Фонъ-Тиле*, государственный кабинетный министръ, замѣтилъ, что исчисленіе г. *Ганземамомъ* суммы, находящейся въ государственномъ казначействѣ, основано на ошибочныхъ данныхъ, и что если бы даже эта сумма въ самомъ дѣлѣ была такъ значительна, какъ онъ говоритъ, то и тогда нельзя было бы сдѣлать изъ нея предлагаемаго употребленія, потому что она составляетъ резервный фондъ, основанный исключительно съ политической цѣлью. Вторымъ измѣненіемъ, которое представилъ г. *Бруннекъ*, предлагается просить короля о возобновленіи того же предложенія въ слѣдующее собраніе сейма.

Въ слѣдствіе неприятія займа въ 32 милліона талеровъ, изданъ кабинетный приказъ, которымъ работы по постройкѣ моста на Вислѣ, между Диршау и Мариенбергомъ, на время прекращаются.

Собраніе 9 іюня занималось предложеннымъ ему измѣненіемъ въ королевскомъ предложеніи о займѣ 32 милліоновъ, и значительнымъ большинствомъ рѣшило просить короля о продолженіи работъ на желѣзной дорогѣ отъ Берлина до Кенигсберга, употребляя на то средства, ассигнованныя для того дѣла, и о возобновленіи въ будущемъ засѣданіи сейма предложенія касательно этой дороги.

И с п а н і я.

Борьба въ Каталоніи превратилась въ кровопролитную рѣзню, какъ можно судить по нѣкоторымъ происшествіямъ, совершившимся тамъ въ послѣднихъ числахъ мая. Поводомъ къ этой рѣзнѣ была казнь двадцати-четыреухъ карлистовъ, которые защищали жизнь *Тристани*, и потому принуждены были положить оружіе. Всѣ они были разстрѣляны. Карлистскій предводитель *Виллела*, узнавъ объ этомъ и о казни *Тристани*, немедленно велѣлъ разстрѣлять одного плѣннаго офицера. Въ слѣдствіе того генераль-капитанъ Каталоніи, *Лавіа*, разстрѣлялъ

пять пѣнныхъ карлистовъ, а *Виллела* отвѣчалъ на это дѣйствіе тѣмъ, что разстрѣлялъ всѣхъ своихъ пѣнныхъ. Власть *Тристан* раздѣлили теперь бывшіе второстепенные начальники. *Патера* назвался генералъ-комендантомъ ургельскаго округа, *Виллела* присвоилъ себѣ титулъ главнаго генерала въ округахъ *Пангдаса* и *Сегарры*, а *Грау* объявилъ себя главнымъ начальникомъ вилскаго, олотскаго и лампрудаискаго округовъ. Увѣряютъ однако же, что у всѣхъ этихъ начальниковъ нѣтъ денегъ, безъ которыхъ они, разумѣется, ничего важнаго предпринять не могутъ; за то тѣмъ опаснѣе становятся разбѣившія шайки, которыя берутъ все, что имъ ни попадается и, вѣроятно, еще долго будутъ беззаконно страну и существовать грабежемъ на счетъ мирныхъ жителей.

Португалія.

Извѣстно, что 21 мая, заключено въ Лондонѣ между лордомъ *Пальмерстономъ* и представителями Франціи и Испаніи, на основаніи договора о четверномъ союзѣ, соглашеніе, по силѣ котораго и въ слѣдствіе отказа опортской юнты покориться на предложенныхъ ей условіяхъ, въ Португалію должна вступить испанская армія, для прекращенія вооруженною рукою возстанія, между тѣмъ какъ французскіе и англійскіе военные корабли будутъ частью въ Таго охранять безопасность Лиссабона, а частью въ Дуэро поддерживать операціи противъ Опорто.

Вслѣдствіе этого соглашенія, испанскія войска открыли походъ въ Португалію. Генералъ-капитанъ Галиціи, въ слѣдствіе полученныхъ имъ предписаній, приказалъ, 3 ч., четыремъ ротамъ, подъ командою бригадира *Фуэте Пита*, подкрѣпить гарнизонъ португальской пограничной крѣпости Валенсы на берегахъ Миньо. Когда эти войска подошли къ крѣпости, инсургенты, содержавшіе ее въ блокадѣ, немедленно отступили. За тѣмъ генералъ-капитанъ Галиціи самъ отправился въ Валенсу и, по соглашенію съ тамошними начальствами, приказалъ четыремъ испанскимъ ротамъ и одной португальской произвести рекогносцировку въ окрестностяхъ, между тѣмъ какъ испанскій бригадиръ *Лерсунди*, съ пятью другими ротами своего полка, отправился по другому направленію, чтобы атаковать инсургентовъ во флангъ; послѣдніе открыли сильный огонь противъ колонны бригадира *Фуэте Пита* и отретировались послѣ того на Вильянову и Арасъ. Генералъ-капитанъ подошелъ самъ съ четырьмя ро-

тами американскаго полка и занялъ селеніе Арасъ, куда вторгнулся также *Фуэте Пита*. Сраженіе здѣсь прекратилось. Бригадиръ *Лерсунди* не принималъ въ немъ участія, потому что прибылъ слишкомъ поздно съ своимъ отрядомъ. Испанцы взяли въ плѣнъ пять офицеровъ и 31 солдата, и лишились трехъ человекъ убитыхъ (въ томъ числѣ двухъ Португальцевъ) и 9 раненыхъ. Инсургенты, оставивъ на мѣстѣ сраженія 13 убитыхъ и одного раненаго, собрались 3 числа ночью въ Вильяновѣ и оттуда пошли въ Каминью, что при устьѣ Миньо. Другой испанскій отрядъ долженствовалъ вступить изъ Верина (въ Галиціи) въ Трасъ-ось-Монтесъ и подчинить тамошнихъ инсургентовъ. Можно полагать однако же, что вооруженная интервенція Испаніи въ скоромъ времени слѣзается ненужною, послѣ того какъ 3,000 человекъ, отплывшіе 31 мая изъ Порто подъ начальствомъ *Антаса*, были захвачены англійскою эскадрою. Отрядъ этотъ былъ снабженъ продовольствіемъ только на одинъ день, и *Антасъ* сдался Англичанамъ по первому требованію. Онъ, вѣроятно, съ этимъ намѣреніемъ и оставилъ Порто, считая неблагоприятнымъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе.

Италія.

Папа подписалъ статутъ вновь учрежденнаго его святѣйшею кавалерскаго ордена, который будетъ какъ бы возстановленіемъ ордена, основаннаго Шемъ IV. Кавалеры будутъ именоваться *Шестами*.

Турція.

Изъ Эрзрума получено извѣстіе, что переговоры, продолжавшіеся тамъ около четырехъ лѣтъ между Турціею и Персіею, при посредничествѣ Россіи и Англии, наконецъ приведены къ окончанію: вопросы, составлявшіе предметъ этихъ переговоровъ, относились до болѣе точнаго проведенія границъ между обоими государствами, до посѣщенія мусульманами мѣстъ, почитаемыхъ ими священными, до смѣшанныхъ браковъ, и проч.

Порта опредѣлила, что въ приморскихъ округахъ Турціи, откуда избираются матросы для оттоманскаго флота, какъ то: въ трезизондскомъ, синопскомъ, самсунскомъ и кастамонійскомъ, турецкіе подданные христіанскаго вѣроисповѣданія бу-

дутъ впередъ подвергасмы рекрутскому набору и назначаемы на флотъ.

— Въ Константинополѣ приступлено, къ реставрированію, какъ внутри, такъ и снаружи, Софійской мечети. Работы сіи, имѣющія цѣлью возвратить прежній блескъ этому замѣчательному памятнику христіанства, воздвигнутому въ царствованіе Юстиніана и существующему уже 13-ть вѣковъ (церковь Св. Софій построена въ 532-мъ году и обращена въ мечеть Магометомъ II-мъ), ввѣрены архитекторамъ братьямъ *Фоссати*.

Касательно неудовольствій, возникшихъ между Греціею и Турціею, изъ Константинополя пишутъ, отъ 19 мая, что тамъ получено изъ Аѳинъ извѣстіе, что греческое правительство просило Австрію о посредничествѣ ея для окончанія турецко-греческаго спора. Только лишь 17-го мая, Порта была увѣдомлена объ этомъ, но не официально и не формальнымъ образомъ, даже и не непосредственнымъ сообщеніемъ со стороны греческаго правительства. Порту извѣстилъ объ этомъ новымъ оборотѣ, который принимаетъ дѣло, иностранный представитель, получившій объ этомъ увѣдомленіе отъ такого же посланника въ Аѳинахъ. Греція, говорятъ Турки, въ теченіе всего этого дѣла тщательно старалась выказать Портѣ все свое неуваженіе къ ней, что весьма неприлично во взаимныхъ сношеніяхъ и, конечно, вызоветъ наконецъ тѣ непріятныя мѣры, которыми такъ долго мѣшала Порта. — Ожидаютъ только возвращенія русскаго парохода, на которомъ были отправлены въ Аѳины новыя инструкціи Г-ну *Персати*, и если это судно не привезетъ удовлетворительныхъ предложеній со стороны Греціи Портѣ, то приступать немедленно къ обѣщаннымъ поудительнымъ мѣрамъ. Первая изъ этихъ мѣръ заключалась, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: отсылка паспортовъ Г. *Аржиропуло*, и весьма естественно съ нею связанный отказъ признавать греческихъ консуловъ, находящихся въ различныхъ турецкихъ гаваняхъ. Первое становится теперь неужнымъ; что же касается до втораго, то вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ воспретить греческимъ судамъ и береговое плаваніе и береговую торговлю. Если же и это не произведетъ желаемаго дѣйствія, то намѣрены запретить греческому флоту и плаваніе черезъ оба пролива, и въ то же время привести въ строгое исполненіе постановленія, которыми Грекамъ запрещается занятіе извѣстными ремеслами.

А З І Я

Остѣ-Индіа.

Съ почтою изъ Индіи получено формальное извѣстіе о намѣреніи лорда *Гардинга* сложить съ себя управленіе этого обширнаго государства, увеличеннаго его мужествомъ и успокоеннаго его мудростью. Послѣ всего того, что онъ уже сдѣлалъ въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, нельзя, быть можетъ, и ожидать, чтобы онъ сталъ долѣе продолжать свою службу при кабинетѣ, въ которомъ онъ не видитъ ни личныхъ, ни политическихъ друзей своихъ; и тѣмъ не менѣе управленіе его, кратковременное, но полное великими событіями, всегда будетъ сіять яркимъ блескомъ въ лѣтописяхъ Британской Индіи.

Японія.

Во Франціи получены письма изъ Китая, изъ которыхъ видно, что капитаны многихъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ кораблей имѣли аудіенцію у японскаго императора и ходатайствовали объ открытіи японскихъ портовъ для торговли ихъ націй. Отвѣтъ императора еще неизвѣстенъ.

А Ф Р И К А.

Алжиръ.

Слѣдствіемъ экспедиціи, предпринятой маршаломъ *Еюжо* въ Кабилию, было покореніе этой страны, по словамъ официальной газеты колоній, *Moniteur algerien*, богатѣйшей, самой промышленной и населеннѣйшей области, которая до сихъ поръ сохраняла свою независимость; этимъ завоеваніемъ, маршалъ *Еюжо* подвергнулъ всю Алжірію, начиная отъ мароккской границы до Туниса и отъ Великой-Пустыни до Средиземнаго моря, владычеству Франціи. Самъ маршалъ доноситъ правительству о своемъ сраженіи съ Кабилями слѣдующее. «Я окончательно покорилъ Бени-Аббесовъ и поручилъ ихъ начальству меджанскаго халифа *Сиди-Хамедъ-Бенъ-Мохаммедъ-эль-Какрати*, котораго семейство пользуется уже съ давнихъ поръ большимъ уваженіемъ въ этомъ племени. Великіе и малые шейхи мною уже назначены. Я опредѣлилъ собирать съ этого

многочисленнаго племени ежегодную подать въ 50,000 франковъ, которые будутъ уплачиваться въ два срока, въ маѣ и въ августѣ. Но, однако, въ уваженіе убытковъ, понесенныхъ этимъ племенемъ 16-го мая, я уволилъ его на нынѣшній годъ отъ платежа податей. Въ то же время покорилъ я и небольшое племя Бени-Мелликенсевъ, назначилъ ему старшинъ и ежегодную подать въ 2,200 франк., платежъ которой начнется съ нынѣшняго же года. Сегодня вступаю я въ средину трехъ значительныхъ племенъ; большая часть старшинъ ихъ уже у меня въ лагерѣ; они все, какъ кажется, согласны принять условія, заключенныя съ Бени-Аббесами, къ которымъ присылали они войска на помощь. Находящіеся при мнѣ Арабы говорятъ, что генералъ *Бедо* покорилъ Ребуласовъ и два другія небольшихъ племени.—Французскія войска нѣсколько дней сражались съ Кабилами непрерывно, даже и ночью; маршалъ говоритъ, что Зуавы, орлеанскіе егеря и одинъ батальонъ туземцевъ, какъ кошки лѣзли на голые утесы, и овладѣли такимъ образомъ тремя позиціями; но не смотря на это, уронъ Французовъ немаловаженъ: они потеряли 57 человекъ убитыми и ранеными. Прогнанные такимъ образомъ изъ самыхъ твердыхъ позицій своихъ, и узнавъ, кромѣ того, отъ своихъ набѣдниковъ, что Французы истребили все найденныя ими въ непріятельской странѣ запасы оружія, пороховыя мельницы и все вообще воинскіе снаряды, Кабилы, а въ особенности же Бени-Аббесы, богатѣйшее племя въ Кабилии, отправили къ маршалу *Аммонъ-Табара*, старшину, пользующагося огромнымъ между ними вліяніемъ, и предложили миръ, плату податей и покорность. Маршалъ говоритъ, что этотъ вождь, человекъ пылкій, но прамодушный и благородный: «Я знаю, сказалъ онъ, твои силы, и потому отсовѣтовывалъ моимъ землякамъ съ тобой сражаться, но я и самъ принужденъ былъ стрѣлять въ тебя; сегодня мы принимаемъ тебя, а завтра я общаю представить тебѣ всехъ нашихъ старшинъ; ты будешь повелѣвать, а они станутъ повиноваться.» И въ самомъ дѣлѣ, правительство получило еще телеграфическую депешу изъ Алжира, отъ 26 мая, въ которой маршалъ *Бюжю* сообщаетъ военному министру слѣдующее: «Весь центръ великой Кабилии, отъ Бужія до Сетифа и Гамзы, получилъ устройство 24 числа въ торжественномъ собраніи представителей 24 племенъ. Мы назначили главныхъ начальниковъ и наложили на Кабилловъ умѣренную подать. Они обязались охранять пути сообщенія и сопровождать транспорты. Обѣ колонны предпримутъ обратный путь въ Сетифъ и въ Алжиръ, и приведутъ въ исполненіе условія, принятія Кабилами.»

По извѣстіямъ изъ Алжира отъ 1 іюля, Кабилы, покорившіеся послѣ кровавой борьбы съ войскомъ маршала *Бюжю*, по видимому, дѣйствительно рѣшились оставаться спокойными. 31 мая прибылъ въ Алжиръ изъ Бужія пароходъ «Хамелеонъ» съ извѣстіемъ, что эспедиціонная колонна прошла извѣстную горную тѣснину, не встрѣтивъ ни какого сопротивленія. Другія извѣстія доставлены въ Алжиръ Арабами сухимъ путемъ. Изъ нихъ видно, что колонна расположилась посреди племени Бени-Аббесъ и что со стороны вновь подчиненныхъ Кабилловъ не было учинено ни какого нападенія. Они, напротивъ того, изъявили величайшую готовность снабдить войска вьючнымъ скотомъ, нужнымъ для транспортовъ. Генералъ *Жантиль* собралъ наложь, не встрѣчая нигдѣ затрудненія. Если такимъ образомъ французское владычество утвердилось и въ той части Кабилии, которая до сихъ поръ была независимою, то нельзя не сознаться, что маршалъ *Бюжю* послѣднимъ своимъ походомъ оказалъ великую услугу Франціи и заключилъ достойнымъ образомъ поприще свое по званію генералъ-губернатора Алжирин.

Газ. *Constitutionnel* говоритъ, что ей пишутъ изъ Тангера отъ 16 мая: «Теперь подтверждается то, что было прежде говорено нами о бездѣйствіи французскаго посольства въ Марокко, относительно *Абдъ-эль-Кадера*. Нѣсколько дней тому назадъ узнали мы, что большая часть Рифа возстала противъ императора *Моули-Абдъ-эль-Рахмана* и объявила своимъ султаномъ *Абдъ-эль-Кадера*. Войска, отправленныя для усмиренія этого возмущенія, послѣ долгаго и кровопролитнаго сраженія, были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство Рифеносами, которые взяли въ плѣнъ и начальника этой экспедиціи каида *Гамаръ*. Революціонное движеніе это день ото дня все болѣе распространяется, поддерживаемое въ особенности племенемъ Бени-Амеровъ, между которыми находится и самъ *Абдъ-эль-Кадеръ*.—Это ставитъ нашихъ французскихъ агентовъ въ очень затруднительное положеніе; теперь ясно, какъ мало основательны были ихъ обѣщанія правительству и въ особенности увѣренія ихъ, что *Абдъ-эль-Кадеръ* не имѣетъ уже болѣе никакой партіи и что у него нѣтъ даже и достаточнаго вліянія, чтобы совершить переворотъ въ свою пользу. Изъ самаго вѣрнаго источника извѣстно, что *Абдъ-эль-Кадеръ* недавно еще получилъ изъ Гибралтара значительный запасъ оружія и снарядовъ: что и даетъ ему возможность сдѣлать нападеніе на Алжирію, какъ только это ему заблагоразсудится. Вѣроятно, онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы сдѣлать вторженіе и овладѣть

какими—нибудь слабо защищаемыми постами, дабы молвою этихъ первыхъ побѣдъ подкрѣпить мужество и рвеніе своихъ приверженцевъ.

АМЕРИКА.

Соединенные Штаты и Мексика.

Полученныя съ пароходомъ «Каледонія», извѣстія изъ Нью-Йорка, по 15 мая, заключаютъ въ себѣ подробности сраженія между Американцами и Мексиканцами, при Серро-Гордѣ, въ которомъ *Сантана* былъ разбитъ совершенно, 17 апрѣля съ своею пятнадцати—тысячною арміею. Говорятъ, 6,000 Мексиканцевъ, въ томъ числѣ генералъ *Ла-Веса*, пять другихъ генераловъ и большое число полковниковъ и оберъ-офицеровъ, были взяты въ плѣнъ. Самъ *Сантана* спасся отъ плѣна только потому, что у Американцевъ было мало кавалеріи. Американцы захватили его дорожную карету со всеми его бумагами и драгоценными вещами, даже его деревянную ногу. Съ обѣихъ сторонъ потеря убитыми и ранеными была значительна, и Американцы лишились бы еще болѣе людей, если бы *Сантана* не бѣжалъ прежде, нежели сраженіе было вполнину проиграно. Говорятъ, армія *Сантаны* была несравненно многочисленнѣе арміи генерала *Скотта*. Въ *New-York-Courier and Enquirer* сообщаютъ слѣдующій краткій обзоръ послѣдствій сраженія: «Планъ сраженія 17 и 18 пр. м. при Серро-Гордѣ былъ составленъ блистательно, и хорошо исполненъ, а потому послѣдствія битвы были рѣшительныя. *Сантана*, бѣжавшій съ остатками своей разбитой арміи, уклонился кажется отъ Халапы и отъ большой дороги въ Мексикку, и избралъ дорогу, лежащую ниже, между Вера-Крусомъ и столицей. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ находился у подошвы горы Орисаба, къ югу отъ Халапы, съ 1,000, или по другимъ, съ 6,000 человекъ. Этотъ вѣрѣчивый предводитель, который, выстулая изъ Мексикки, чтобы сразиться съ американскою арміею, осмѣлился поклясться, что онъ скорѣе погибнетъ на полѣ битвы, нежели будетъ свидѣтелемъ торжества врага, нисколько не доказалъ своего мужества или хладнокровія при Серро-Гордѣ, и кажется, онъ бѣжитъ теперь отъ собственныхъ своихъ соотечественниковъ, чтобы укрыться отъ ихъ гнѣва. Сдача Халапы и очищеніе укрѣпленнаго Перотскаго дефилея, безъ малѣйшаго знака защиты, обнаруживаютъ, кажется, что дорога въ столицу открыта генералу *Скот-*

ту, и по всему видно, что онъ пойдетъ впередъ съ относительно малою своею арміею въ 10,000 человекъ, и овладѣетъ городомъ Мексико. Между тѣмъ генералъ *Тейлоръ* готовился двинуться на Санъ-Луисъ-де-Потоси, который не можетъ ему сопротивляться, и результатомъ, вѣроятно, будетъ то, что въ продолженіе года, считая отъ начала непріязненныхъ дѣйствій между Мексикою и Соединенными штатами, мы займемъ столицу и прочіе главнѣйшіе города Мексиканцевъ, равно какъ все ихъ главныя гавани въ заливѣ и въ Тихомъ-морѣ. Мы покорили большую часть мексиканскихъ владѣній, но миръ такъ же отдаленъ, какъ и въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій. Въ Мексикѣ нѣтъ правительства, съ которымъ бы можно было заключить миръ, однако же изъ Вашингтона увѣдомляютъ, что наше правительство намѣрено вновь попытаться открыть переговоры. По извѣстіямъ отъ 24 апрѣля, донесенія о движеніи американской арміи къ столицѣ подали поводъ къ предложеніямъ на конгрессъ, перенести мѣстопробываніе правительства въ Керетаро, и снабдить исполнительную власть диктаторскимъ полномочіемъ для продолженія войны. Эти предложенія были приняты, и притомъ объявлено, что вслѣдъ мирные переговоры съ Американцами, или уступка имъ владѣній, будутъ почитаемы измѣною націи. Вліяніемъ *Сантаны* была уничтожена должность вице-президента, и такимъ образомъ былъ устраненъ *Гомесъ Фариясъ*, политическій противникъ *Сантаны*. Донъ *Педро де Анайя* былъ назначенъ временнымъ президентомъ, и въ его рукахъ находится теперь исполнительная власть въ Мексикѣ. Въ Халапѣ носился, 28-го апрѣля, слухъ, что британскій министръ въ Мексикѣ, г. *Банкитъ*, предложилъ конгрессу свое посредничество, но въ истинѣ этого слуха сомнѣваются. Морская экспедиція противъ Туспана вполнѣ удалась: крѣпость эта была взята 18-го, укрѣпленія ея скрыты и она потомъ оставлена Американцами. Охраненіе этого пункта было предоставлено двумъ военнымъ кораблямъ. Съ тихаго моря увѣдомляютъ, что полковнику *Донифару*, занявшему Чигуагуа, удалось содержать сообщенія съ генераломъ *Тейлоромъ*, расположеннымъ при Сальтильо. Этотъ городъ находится въ 480-ти англійскихъ миляхъ отъ Чигуагуи. Полковникъ предложилъ мексиканскимъ начальствамъ въ Чигуагуѣ, очистить это мѣсто, если они обезпечатъ безопасность пребывающихъ тамъ американцевъ и ихъ достоянія, и поручатся за нейтралитетъ города въ продолженіе войны. Въ случаѣ принятія этого предложенія, полковникъ *Донифаръ* намѣревался немедленно присоединиться къ генералу *Тейлору*»

— После побѣды при Серро-Гордѣ, генералъ *Скоттъ* продолжалъ свои наступательныя дѣйствія. Городъ Халапа покорился. Перотской замокъ, почитаемый неприступнымъ, также сдался при первомъ появленіи американскихъ войскъ, которыя захватили безъ выстрѣла запасы и значительное число военныхъ предметовъ, находившихся въ этомъ пунктѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, американскій авангардъ уже достигъ *Тепъ-Агуалио*, въ двѣнадцать миляхъ отъ Перота, на пуэблской дорогѣ. — Пуэбла, съ шестидесятью тысячами жителей, есть единственный важный городъ, который Американцы встрѣтятъ на дорогѣ въ Мексико. Жители Пуэблы, подобно жителямъ Мексикки, поклонились насть подъ стѣнами своего города, но извѣстно, что значать подобныя клятвы въ устахъ Мексиканцевъ. — Санта-на въ Орибасѣ, въ двадцати пяти миляхъ къ югу отъ Мексикки: онъ собралъ тамъ остатки своей арміи. При немъ находятся около пяти тысячъ человекъ. Впрочемъ, онъ отказался еще разъ испытать счастье въ сраженіи, и намѣренъ вести войну партизанскую. — Генералъ *Скоттъ* оставилъ всѣ свои обозы въ Перотѣ, и хочетъ идти прямо на Мексико, не заботясь о сохраненіи своихъ сообщеній съ Веракрусомъ. Впрочемъ, эта рѣшимость только кажется смѣлою, потому что генералъ *Тейлоръ* уже подошелъ къ Санъ-Луисъ-де-Потоси, и тотчасъ по занятіи этого города также двинется на Мексико, такъ что Санта будетъ поставленъ между двухъ огней. Тогда Мексиканцы, вѣроятно, откажутся отъ своего проекта сопротивляться, и должно очень желать для Мексикки, чтобы она не уорствоваала въ продолженіи отчаянной борьбы.

ОКЕАНІЯ.

Отантн.

— Съ американскимъ почтовымъ судномъ получены извѣстія изъ Отантн, которыя нѣсколько новѣе обнародованныхъ въ послѣдній разъ правительствомъ. Королева Помаре возвратилась въ Папенти. Главное условіе возвращенія ея заключается въ назначеніи ей со стороны французскаго правительства 25,000 фран. ежегодно содержанія, начиная со времени французскаго протекторства, такъ что королевѣ слѣдуетъ теперь вышлатить эту пенсію за три прошедшіе года. Фрегатъ «Сирена», на которомъ находится новый губернаторъ Океаніи г. *Лаго* (Lavaur), отплылъ изъ Каама въ Отантн; его сопровождали нѣсколько транспортныхъ судовъ съ отрядомъ въ 1,600 человекъ, отправленныхъ изъ Франціи для подкрѣпленія въ Отантн. Англійскій фрегатъ *Grimpus* все еще стоить у острова Папенти.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТРАКТАТЪ О ТОРГОВЛѢ И МОРЕПЛАВАНІИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МЕЖДУ РОССИЕЮ И НИДЕРЛАНДАМИ.

I. Судамъ и поданнымъ Его Величества Императора Всероссийскаго и Его Величества короля Нидерландскаго будетъ взаимно предоставлена свобода торговли и судоходства во всѣхъ частяхъ обоюдныхъ ихъ владѣній, гдѣ судоходство и торговля дозволены нынѣ, или будутъ дозволены впередъ поданнымъ и судамъ какой либо другой націи.

II. Поданные обѣихъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ будутъ свободно входить въ порты, въ якорныя мѣста и на рейды, принадлежащіе къ владѣніямъ обоюдныхъ Государствъ, гдѣ дозволена будетъ иностранная торговля. Имъ дозволено будетъ пребывать и оставаться по дѣламъ своимъ въ какой бы то ни было части помянутыхъ владѣній, и для сего они будутъ пользоваться, относительно ихъ самихъ и ихъ имуществъ, тѣмъ же покровительствомъ и тою же безопасностью, какъ и туземные жители, съ условіемъ однако же подчиняться существующимъ законамъ и предписаніямъ и въ особенности дѣйствующимъ постановленіямъ торговымъ и полицейскимъ. По производимой ими торговлѣ или промышленности, въ портахъ, городахъ или какихъ либо другихъ мѣстахъ обонхъ Государствъ, они не будутъ подлежать никакимъ другимъ или болѣе возвышеннымъ пошлинамъ, сборамъ или налогамъ какого бы ни бы-

ло названія, кромѣ тѣхъ, которые взимаются или впередъ могутъ быть взимаемы по тѣмъ же самымъ причинамъ съ націй, наиболѣе благопріятствуемыхъ. Такимъ же точно образомъ они будутъ пользоваться, въ торговомъ отношеніи, всѣми привилегіями, льготами или другими какими бы то ни было преимуществами, коими нынѣ пользуются или впередъ пользоваться будутъ наиболѣе благопріятствуемыя націи.

III. Поданные Высокихъ договаривающихся сторонъ будутъ имѣть право свободно располагать, на всемъ пространствѣ обоюдныхъ Государствъ, своимъ имуществомъ и своею собственностію, посредствомъ продажи, мѣны, дара, по духовнымъ завѣщаніямъ или всякимъ другимъ дозволеннымъ образомъ; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они будутъ пользоваться тѣми же преимуществами и тою же свободою, какъ и туземцы; имъ будетъ также дозволено переносить имущество свое изъ одной страны въ другую, не подвергаясь въ сихъ случаяхъ или обстоятельствахъ, инымъ или болѣе возвышеннымъ вычетамъ или взысканіямъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены уже или впредь устанавлиемы будутъ для туземцевъ. Въ случаѣ смерти, и если наслѣдники не находятся на самомъ мѣстѣ, консулы той націи, къ которой принадлежалъ умершій, а въ небытность ихъ, подлежація мѣстные начальства, озоботятся предварительно о сохраненіи оставшагося имущества, точно также, какъ бы то было сдѣлано въ подобномъ же случаѣ относительно имущества туземнаго жителя, до тѣхъ поръ пока законный наслѣдникъ не приметъ надлежащихъ мѣръ для вступленія во владѣніе наслѣдствомъ. Всѣ споры касательно наслѣдства будутъ разбираемы до послѣдней инстанціи, по законамъ и судьями той страны, гдѣ открылось наслѣдство.

IV. Поданные Его Величества короля Нидерландскаго во владѣніяхъ Его Величества Императора Всероссийскаго будутъ имѣть право свободно заниматься своими дѣлами сами, или поручать ихъ управленію другихъ лицъ по своему избранію, назначать своихъ маклеровъ, факторовъ или агентовъ; и подданные Его Королевскаго Величества не будутъ обязаны производить никакого платежа или вознагражденія какому либо не избранному ими лицу.

Полная и совершенная свобода предоставляется во всякомъ случаѣ покупателю и продавцу договариваться между собою и опредѣлять цѣну какой либо вещи или товара, привезеннаго во владѣнія Его Величества Императора Всероссийскаго, или выво-

зимаго изъ сихъ владѣній; кромѣ однако же тѣхъ дѣлъ, которыя, по законамъ и обычаямъ страны, требуютъ посредства особыхъ агентовъ.

Поданные Его Величества Императора Всероссийскаго будутъ пользоваться во владѣніяхъ Его Величества Короля Нидерландскаго тѣми же преимуществами и подъ тѣми же условіями.

V. Съ Нидерландскими судами, откуда бы онѣ ни пришли, входящими съ баластомъ или съ грузомъ въ порты Россіи и великаго княжества финляндскаго, или съ выходящими изъ оныхъ; и взаимно съ Россійскими судами, откуда бы онѣ ни пришли, входящими съ баластомъ или съ грузомъ въ Европейскіе порты Нидерландскаго Королевства, или съ выходящими изъ оныхъ, будетъ постунаемо точно также, какъ съ національными судами, относительно корабельныхъ, флаговыхъ, портовыхъ, якорныхъ, лоцманскихъ, буксирныхъ, вѣховыхъ, шлюзовыхъ, за проходы чрезъ каналы, карантинныхъ, складочныхъ и другихъ сборовъ, какого бы рода ни были, взимаемыхъ отъ имени и въ пользу правительства и Государственныхъ чиновниковъ, или какихъ либо обществъ и учреждений.

Суда, которыя, по входѣ въ какой либо портъ одного изъ обоихъ Государствъ, перейдутъ изъ того порта въ другой или въ разные порты того же Государства, для складки ли тамъ всего или части своего груза, или для принятія или пополненія своей нагрузки, будутъ освобождаемы въ этихъ портахъ отъ платежа корабельныхъ пошлинъ, если докажутъ, что такая пошлины заплачены уже ими въ портъ, куда онѣ входили первоначально.

Освобождаются вовсе отъ платежа корабельныхъ и экспедиціонныхъ пошлинъ въ портахъ обоихъ Государствъ тѣ суда, которыя, вошедъ съ грузомъ въ какой либо портъ по необходимости, выйдутъ изъ него не произведя тамъ ни малѣйшей разгрузки, никакого коммерческаго дѣйствія. Когда судно войдетъ въ портъ по необходимости, тогда коммерческими дѣйствіями не будутъ считаться ни выгрузка и вторичная нагрузка товаровъ, сдѣланная для починки судна, ни перегрузка на другое судно, въ случаѣ, если первое окажется негоднымъ къ плаванію, ниже издержки, произведенныя для снабженія экипажа продовольствіемъ.

VI. Всякого рода товары, какого бы происхожденія они ни были, привозимые на Нидерландскихъ судахъ изъ какого либо порта королевства Нидерландскаго или всякаго другаго порта, въ портъ Россіи или великаго княжества Финляндскаго, а также всякаго рода товары, безъ различія ихъ происхожденія, вывозимые изъ портовъ Россіи и великаго княжества Финляндскаго на Нидерландскихъ судахъ, въ порты Нидерландскаго королевства или въ какіе либо другіе, не будутъ платить въ портахъ Россіи и великаго княжества Финляндскаго никакихъ иныхъ или болѣе возвышенныхъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя причитались бы съ тѣхъ же самыхъ товаровъ въ случаѣ привоза, вывоза или транзитнаго отправленія этихъ товаровъ на Русскихъ судахъ.

Равнымъ образомъ, всякаго рода товары, какого бы происхожденія они ни были, привозимые на Русскихъ судахъ прямо изъ какого либо порта Россійской Имперіи, или Великаго Княжества Финляндскаго, въ одинъ изъ европейскихъ портовъ Королевства Нидерландскаго, а также всякаго рода товары, безъ различія ихъ происхожденія, вывозимые прямо изъ европейскихъ портовъ Королевства Нидерландскаго на Русскихъ судахъ въ порты Россіи или Великаго Княжества Финляндскаго, не будутъ платить въ Нидерландскихъ портахъ, никакихъ иныхъ или болѣе возвышенныхъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя причитались бы съ тѣхъ же самыхъ товаровъ въ случаѣ привоза, вывоза, или транзитнаго отправленія этихъ товаровъ на Нидерландскихъ судахъ.

VII. Въ уваженіе того, что Нидерландскія суда, приходящія прямо изъ мѣстъ, не принадлежащихъ Высокимъ договаривающимся Сторонамъ, допускаются съ ихъ грузами въ порты Россіи и Великаго Княжества Финляндскаго безъ платежа другихъ какихъ либо пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя платятся Русскими судами, и въ уваженіе выгодъ, предоставленныхъ, въ этомъ отношеніи Нидерландской торговлѣ настоящимъ трактатомъ, постановлено между Высокими договаривающимися Сторонами слѣдующее:

1-е, Русскіе подданные и суда будутъ имѣть право производить каботажную или прибрежную торговлю на всемъ пространствѣ Нидерландскаго Королевства въ Европѣ, наравнѣ съ національными судами и подъ тѣми же самыми условіями.

На сей конецъ всея порты, посѣщаемыя морскими судами, будутъ для нихъ открыты, и за сіе не будетъ предоставлено Нидерландскимъ подданнымъ и судамъ никакого взаимства на

берегахъ или въ портахъ Россіи, или Великаго Княжества Финляндскаго.

2-е, Русскія суда, приходящія изъ какого либо порта Россіи и конхъ грузъ состоятъ, по крайней мѣрѣ, на половину изъ пеньки, льна, лѣса, дегтя или смолы, будутъ пользоваться въ Нидерландскихъ портахъ уменьшеніемъ двадцати процентовъ съ лондонскихъ пошлинъ, слѣдующихъ по общему тарифу съ національныхъ судовъ.

3-е, Сверхъ вычета 2 гульд. съ каждаго лафта изъ привозныхъ пошлинъ, предоставленнаго въ пользу національнаго флага, хлѣбъ, привозимый изъ портовъ Россійскихъ или Великаго Княжества Финляндскаго въ Нидерландскіе порты на Русскихъ или Нидерландскихъ судахъ, будетъ пользоваться особеннымъ вычетомъ десяти процентовъ изъ вышеозначенныхъ пошлинъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ взимаются съ національныхъ судовъ.

4-е, Сверхъ того Его Величество Король Нидерландскій соглашается, чтобы Русскія произведенія земли и промышленности пользовались при ввозѣ ихъ въ Нидерландскія колоніи всѣми выгодами и преимуществами, какъ нынѣ предоставленными, такъ и тѣми, кои будутъ впредь дарованы произведеніямъ земли и промышленности всякой другой наиболѣе благопріятствуемой Европейской націи, и чтобы во всѣхъ отношеніяхъ съ русскими судами поступаемо было въ Нидерландскихъ колоніяхъ точно также, какъ съ судами всякой другой наиболѣе благопріятствуемой европейской націи, какъ при ихъ приходѣ и во время ихъ пребыванія, такъ и при выходѣ ихъ, безъ всякаго различія, откуда бы онѣ ни пришли и съ баластомъ или съ грузомъ.

Кромѣ того Его Величество Король Нидерландскій обязуется предоставить Русскимъ судамъ все тѣ дальнѣйшія выгоды, которыя могутъ быть дарованы Имъ впредь судамъ другой націи въ отношеніи къ непрямому судоходству, безъ всякаго ограниченія или вознагражденія, и тогда если бы даже означенныя выгоды были приобретены посредствомъ обременительныхъ условій, но въ таковомъ случаѣ уступки, изложенныя выше подъ № 1, 2 и 3-мъ, будутъ считаться отмѣненными.

VIII. Въ слѣдствіе условій, заключающихся въ предъидущихъ статьяхъ 5, 6 и 7, Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ: что сила Указа отъ 19 іюня 1845 года не будетъ никомъ образомъ распространена на прямую или непрямую торговлю и на прямое или непрямое судоходство Королевства

Нидерландскаго. И Его Величество Король Нидерландскій объявляетъ съ своей стороны, что преміи, возраты пошлннъ и другія сего рода выгоды, предоставленныя законами страны въ пользу привоза или вывоза на національныхъ судахъ, будутъ также предоставляемы въ пользу прямого привоза или вывоза производимыхъ на Русскихъ судахъ.

IX. Национальность судовъ будетъ обоюдно признаваема по законамъ и постановленіямъ каждой страны, на основаніи документовъ, выдаваемыхъ подлежащими начальствами шкиперамъ, кораблехозяевамъ или судовщикамъ.

X. Во всемъ что касается до помѣщенія судовъ, до ихъ загрузки и разгрузки въ портахъ, бассейнахъ, на рейдахъ или въ гаваняхъ, на рѣкахъ, рѣчкахъ и въ каналахъ одного изъ обоихъ Государствъ, не будетъ предоставляемо туземцамъ никакихъ такихъ выгодъ или преимуществъ, которыя бы не были распространены также и на подданныхъ другаго Государства.

Суда, по произведеніи разгрузки или нагрузки, могутъ отходить безпрепятственно, и мѣстные начальства приложить стараніе, чтобы въ выдачѣ и отправкѣ паспортовъ, которыми шкипера должны себя снабжать, не было допускаемо никакой медленности, за исключеніемъ однакоже тѣхъ случаевъ, когда будутъ существовать судебныя разбирательства, по денежнымъ ли претензіямъ Правительства и частныхъ лицъ, или по преступленіямъ, учиненнымъ кѣмъ либо изъ экипажа.

XI. Во владѣніяхъ одной изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ съ произведеніи земли или промышленности другою стороны не будетъ взимаемо никакихъ другихъ или болѣе возвышенныхъ привозныхъ пошлннъ, кромѣ тѣхъ, которыя взимаются нынѣ или впредь будутъ взимаемы съ такихъ же предметовъ другихъ странъ.

То же самое правило будетъ взаимно наблюдаемо относительно вывоза, и произведенія земли и промышленности обоихъ Державъ будутъ тогда только подлежать какому либо запрещенію касательно привоза, вывоза или транзита, когда таковое запрещеніе распространено будетъ въ то же время и на подобныя произведенія прочихъ націй.

Высокія договаривающіяся Стороны взаимно обязуются не предоставлять, касательно торговли, таможи и судоходства никакихъ выгодъ, ни привилегій, ни льготъ подданнымъ другихъ Державъ, которыя не были бы въ то же время и въ той же

степени распространены на подданныхъ другой договаривающейся стороны, безвозмездно, если уступка была такимъ же образомъ дарована, или съ вознагражденіемъ, сколь возможно равносильнымъ, если уступка была сдѣлана условно.

XII. Высокія договаривающіяся Стороны обязуются не допускать между судами взаимныхъ ихъ владѣній, по уваженію ихъ національности, никакого различія въ покупкѣ произведеній или другихъ предметовъ торговли, привозимыхъ на этихъ судахъ: въ этомъ отношеніи ни тою, ни другою изъ обоихъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ, ни посредственно, ни непосредственно, ни какою либо компаніею, обществомъ или агентомъ, дѣйствующимъ ея именемъ и властію, не будетъ предоставляемо никакого предпочтенія или преимуществва предметамъ, привозимымъ на національныхъ судахъ.

XIII. Въ случаѣ кораблекрушенія или аварии, каждая изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ будетъ оказывать судамъ другой стороны, какъ военнымъ, такъ и купеческимъ, ту же помощь и тѣ же пособія, каковыя были бы оказаны въ подобныхъ случаяхъ собственнымъ ея судамъ.

Суда, потерпѣвшія крушеніе, или части ихъ, равно и все то, что принадлежитъ къ ихъ вооруженію и продовольствію, а также все предметы и товары, спасенные, или же суммы, вырученныя въ случаѣ ихъ продажи, будутъ съ точностію вручены и предоставлены въ распоряженіе владѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ, надлежащимъ образомъ уполномоченныхъ. Въ случаѣ, если владѣльцы или ихъ повѣренные не будутъ находиться на мѣстахъ, то вышеозначенные предметы и товары, или суммы, вырученныя черезъ продажу ихъ, а равно все бумаги, найденныя на судахъ, потерпѣвшихъ крушеніе, будутъ переданы Нидерландскому или Россійскому Консулу, въ вѣдомствѣ котораго крушеніе случилось. Означенные консулы, владѣльцы или повѣренные будутъ платить только за тѣ издержки, которыя будутъ сдѣланы для спасенія вещей, и сверхъ того таксу за спасеніе, которую сдѣлало бы заплатить въ случаѣ крушенія туземнаго судна. Товары и другіе предметы не будутъ подлежать платежу никакой пошлнны, кромѣ только тѣхъ случаевъ, когда они поступаютъ въ потребленіе.

XIV. Обѣ высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ взаимное право посылать въ торговые порты и города обоюдныхъ ихъ владѣній, назначенныхъ ими консуловъ,

вице-консуловъ и коммерческихъ агентовъ, коротые будутъ пользоваться тѣми же преимуществами, правами и изъятіями, коими пользуются такія же лица наиболѣе благопріятствуемыхъ націй; но въ случаѣ, если кто либо изъ этихъ консуловъ пожелаетъ заниматься торговлею, тогда онъ будетъ обязанъ подчиниться тѣмъ же законамъ и обычаямъ, которымъ подчинены въ томъ же мѣстѣ частныя лица ихъ націй и подданные наиболѣе благопріятствуемыхъ государствъ, относительно коммерческихъ ихъ дѣйствій.

Въ особенности постановляется, что когда одна изъ договаривающихся сторонъ изберетъ своимъ консульскимъ агентомъ, для пребыванія въ торговомъ портѣ или городѣ другой стороны одного изъ подданныхъ сей послѣдней, то этотъ консулъ или агентъ, не смотря на его званіе иностраннаго консула, будетъ продолжать считаться подданнымъ той націи, къ которой онъ принадлежитъ, и слѣдственно, онъ будетъ подчиненъ тѣмъ, законамъ и постановленіямъ, которыми управляютъ туземцы въ мѣстѣ его пребыванія; но это однакоже не будетъ ни въ чемъ стѣнять отправления консульскихъ его обязанностей, ни нарушать неприкосновенности архивовъ консульства.

XV. Вышеозначенные консулы, вице-консулы и коммерческіе агенты будутъ имѣть право требовать содѣйствія мѣстныхъ начальствъ, для отысканія, арестованія, задержанія и заключенія въ тюрьму людей, бѣжавшихъ съ военныхъ и купеческихъ судовъ ихъ націй. Для сего они будутъ обращаться къ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, судьямъ и чиновникамъ, и письменно требовать вышепомянутыхъ бѣглецовъ, сообщая корабельные реестры, или экипажные списки, или другіе официальные документы, въ доказательство, что эти люди принадлежали къ означеннымъ экипажамъ. Доказанное такимъ образомъ требованіе будетъ имѣть послѣдствіемъ выдачу бѣглыхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда окажется, что бѣжавшій есть подданный той страны, въ которой онъ бѣжалъ. Бѣглые, по задержаніи ихъ, будутъ отдаваемы въ распоряженіе помянутыхъ консуловъ, вице-консуловъ или коммерческихъ агентовъ; ихъ можно заключать въ общественныя тюрьмы по требованію и на счетъ того, кто просилъ о ихъ выдачѣ, для содержанія ихъ тамъ до сдачи ихъ на тѣ суда, къ коимъ они принадлежатъ или для возвращенія въ отечество на національныхъ или на другихъ судахъ. Но если они не будутъ отправлены въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня ихъ задержанія, въ такомъ случаѣ имъ возвращается свобода, и ихъ нельзя уже

будетъ задержать по тому же самому обстоятельству. Однако же, еслибъ оказалось, что бѣглецъ сдѣлалъ преступленіе въ той странѣ, въ которой онъ задержанъ, въ такомъ случаѣ выдача его можетъ быть отложена до того времени, пока судъ, разбирающій дѣло, постановитъ рѣшеніе, и это рѣшеніе приведено будетъ въ исполненіе.

XVI. Между обоими высокими договаривающимися сторонами условенось, чтобы льготы, предоставленныя въ Россіи разными англійскимъ компаніямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Yacht-Clubs, были распространены и на Нидерландскія компаніи подъ названіемъ Yacht-Clubs, и чтобы, во взаимство сего, Россійскія компаніи, называемыя Yacht-Clubs, пользовались тѣми же самыми льготами, которыя предоставлены англійскимъ компаніямъ въ Нидерландскомъ королевствѣ.

XVII. Настоящій трактатъ будетъ имѣть силу въ продолженіи десяти лѣтъ, считая со дня размѣна ратификацій и болѣе сего срока, до истеченія двѣнадцати мѣсяцевъ послѣ того, какъ одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ объявитъ другой о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе сего трактата.

XVIII. Ратификаціи настоящаго трактата будутъ размѣнены въ С.-Петербургѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или, если возможно, и ранѣе.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные полномочные подписали оный и приложили къ нему печати гербовъ своихъ.

С.-Петербургъ, 1—13 сентября тысяча восемь сотъ сорокъ шестаго года.

(Подп.) графъ Нессельродъ. Моллерусъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I. Отдѣльная статья.

Такъ какъ торговля сношенія Россіи съ королевствами Шведскимъ и Норвежскимъ опредѣлены особенными условіями, составляющими исключеніе изъ существующихъ постановленій относительно иностранной торговли вообще, то обѣ высокія договаривающіяся стороны, желая въ торговыхъ своихъ сношеніяхъ предупредить всякаго рода недоразумѣнія или поводъ къ спорамъ, согласились, чтобы эти особыя условія, постано-

вленные для торговли Шведской и Норвежской, въ уваженіе со-
отвѣтственныхъ выгодъ, предоставленныхъ этимъ государства-
ми великому княжеству Финляндскому, ни въ какомъ случаѣ не
распространялись на торговлю или судоходство королевства Ни-
дерландскаго.

II. Отдѣльная статья.

Равнымъ образомъ разумѣется, что не будутъ почитаться на-
рушающими правила взаимства, служащаго основаніемъ сего
трактата, нижезложенныя льготы, изыятія отъ пошлинъ и при-
вилегій, а именно:

1) Льгота, которою пользуются суда, построенныя въ Россіи
и принадлежація Русскимъ подданнымъ, каковыя суда въ про-
долженіе первыхъ трехъ лѣтъ освобождены отъ платежа пош-
линъ за право плаванія.

2) Таковыя же льготы, предоставленныя въ Россійскихъ Чер-
номорскихъ, Азовскихъ и Дунайскихъ портахъ Турецкимъ су-
дамъ, приходящимъ изъ Оттоманскихъ Черноморскихъ портовъ
и неимѣющимъ болѣе 80 ластовъ.

3) Льгота, предоставленная береговымъ жителямъ Архангель-
ской губерніи привозить безошанно пш. съ платою умѣрен-
ныхъ пошлинъ въ порты этой губерніи вилеую или соленую,
рыбу, а также извѣстные роды мѣховъ, и такимъ же образомъ
вывозить оттуда хлѣбъ, веревки, канаты, деготь и равендукъ.

4) Привилегія Россійско-Американской Компаніи.

5) Привилегія Компаніи Любскаго и Гаврскаго Пароходства.

III. Отдѣльная статья.

Такимъ же образомъ не будутъ почитаться нарушающими
правила взаимства, служащаго основаніемъ настоящаго тракта-
та слѣдующія привилегіи:

1-е, Равносильныя привилегіи и льготы, которыя могутъ
быть въ послѣдствіи дарованы Нидерландскимъ Правитель-
ствомъ подданнымъ его для поощренія національной построй-
ки коммерческихъ судовъ, или какой либо особенной отрасли
этой промышленности.

2-е, Тоже самое подразумѣвается относительно льготъ или
привилегій, предоставленныхъ Нидерландскимъ Компаніямъ па-
роходства.

Настояція три отдѣльныя статьи будутъ имѣть ту же самую

силу и тоже дѣйствіе, какъ бы онѣ были включены отъ слова
до слова въ трактатъ, заключенный сего числа.

Онѣ будутъ ратификованы и ратификація ихъ будутъ размѣ-
нены въ тоже самое время.

Въ увѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали ихъ и
приложили къ нимъ печати гербовъ своихъ.

С. Петербургъ, 3 сентября тысяча восемь сотъ сорокъ ше-
стаго года.

(Подп.) графъ Нессельродъ. Моллерусъ.

Высочайше ратификованы въ Царскомъ Селѣ, сентября 25
дня 1846 года. Обнародованы при указѣ Правительствующа-
го Сената, 7 мая 1847 года.

ТРАКТАТЪ О ТОРГОВЛѢ И МОРЕПЛАВАНІИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ФРАНЦІЕЮ.

I. Суда и подданные обѣихъ высокихъ договаривающихся сто-
ронъ будутъ взаимно пользоваться свободою торговли и морепла-
ванія во всѣхъ тѣхъ частяхъ обоюдныхъ владѣній, гдѣ море-
плаваніе и торговля нынѣ, дозволены или впродъ дозволены бу-
дутъ судамъ и подданнымъ всякой другой націи.

Подданные обоихъ Государствъ могутъ свободно проживать
или имѣть пребываніе въ какой бы то ни было изъ вышеозна-
ченныхъ областей для занятія своими дѣлами, и для того они
будутъ пользоваться тамъ тою же безопасностію и тѣмъ же по-
кровительствомъ, какъ и подданные той страны, въ которой
они проживаютъ, съ условіемъ однако же подчинять себя дѣй-
ствующимъ тамъ законамъ и постановленіямъ.

II. Національность судовъ будетъ обоюдно признаваема и до-
пускаема по законамъ и постановленіямъ, существующимъ въ
каждомъ изъ обонхъ Государствъ, на основаніи патентовъ и
корабельныхъ бумагъ, выдаваемыхъ подлежащими начальства-
ми шкиперамъ или кораблехозяевамъ.

III. Съ Россійскими судами, приходящими съ грузомъ изъ
Россійскихъ портовъ въ порты Французскіе, и взаимно, съ
Французскими судами, приходящими съ грузомъ изъ Француз-
скихъ портовъ въ порты Россійскіе, будетъ поступаемо въ обѣ-
ихъ земляхъ, при ихъ приходѣ и отходѣ, или во время ихъ
пребыванія, точно также, какъ съ туземными судами, во всемъ,
что касается до сборовъ ластовыхъ, лоцманскихъ, портовыхъ,

маячныхъ, карантинныхъ и другихъ, слѣдующихъ съ корпуса кораблей, подъ какимъ бы то ни было названіемъ.

Изъ распоряженій сей статьи изъемятся суда, приходящія съ грузомъ изъ какого либо Россійскаго порта на Черномъ или на Азовскомъ морѣ въ какой либо Французскій портъ, равно и суда, приходящія съ грузомъ изъ какого-либо Французскаго порта на Средиземномъ морѣ въ какой-либо Россійскій портъ. Съ тѣми и другими судами будетъ поступаемо по существующимъ нынѣ обоюднымъ законамъ обоихъ Государствъ.

IV. Съ Россійскими судами, приходящими съ баластомъ изъ Россійскихъ портовъ, или изъ всякой другой страны, въ порты Французскіе, и взаимно съ Французскими судами, приходящими съ баластомъ изъ Французскихъ портовъ, или изъ всякой другой страны въ порты Россійскіе, будетъ поступаемо точно также, какъ съ туземными судами во всемъ, что касается до сборовъ ластовыхъ, лоцманскихъ и прочихъ, означенныхъ въ первомъ отдѣлѣ предыдущей статьи.

Изъ сего распоряженія изъемятся Россійскія суда, приходящія съ баластомъ изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ, равно какъ и Французскія суда, приходящія съ баластомъ изъ Французскихъ портовъ на Средиземномъ морѣ. Съ тѣми и другими судами будетъ поступаемо по существующимъ нынѣ обоюднымъ законамъ обоихъ Государствъ.

V. Всякаго рода товары и предметы торговли, произведенія земли или промышленности владѣній Его Величества Императора Всероссийскаго, дозволенные ко ввозу на Французскихъ судахъ въ порты Его Величества Короля Французовъ и къ складкѣ тамъ въ амбары и пакгаузы, будутъ также допускаемы тамъ ко ввозу на Россійскихъ судахъ, по предъявленіи надлежащаго доказательства о ихъ происхожденіи, не подвергаясь платежу другихъ или большихъ пошлинъ, какого бы рода или наименованія онѣ ни были, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу Правительства, мѣстныхъ Начальствъ или какого либо особаго заведенія, кромѣ тѣхъ пошлинъ, которыя были бы взяты, въ подобномъ же случаѣ, съ этихъ товаровъ или произведеній, еслибъ они были привезены на французскихъ судахъ; и, взаимно, всякаго рода товары и предметы торговли, произведенія земли или промышленности владѣній Его Величества Короля Французовъ, дозволенные ко ввозу въ порты Его Величества Императора Всероссийскаго и къ складкѣ тамъ въ амбары и пакгаузы, будутъ также допускаемы туда ко ввозу на французскихъ судахъ, по предъявленіи надлежащаго доказа-

тельства о ихъ происхожденіи, не подвергаясь платежу другихъ или большихъ пошлинъ, какого бы рода или наименованія онѣ ни были, взимаемыхъ въ пользу правительства, мѣстныхъ начальствъ или какого либо особаго заведенія, кромѣ тѣхъ пошлинъ, которыя были бы взяты, въ подобномъ же случаѣ, съ этихъ самыхъ товаровъ или произведеній, еслибъ они были привезены на Россійскихъ судахъ.

Изъ распоряженій сей статьи изъемятся всякаго рода товары и предметы торговли, которые будутъ привезены какъ изъ какого либо Россійскаго Черноморскаго или Азовскаго порта, въ какой либо Французскій портъ, такъ и изъ какого-либо Французскаго порта на Средиземномъ морѣ въ какой либо Россійскій портъ. Эти товары и предметы торговли будутъ по прежнему подлежать существующимъ нынѣ обоюднымъ законамъ обоихъ государствъ.

VI. Всякаго рода товары и предметы торговли, дозволенные къ вывозу или къ обратному отвозу изъ портовъ владѣній Его Величества Императора Всероссийскаго на туземныхъ судахъ, могутъ быть равнымъ образомъ вывозимы оттуда на французскихъ судахъ, не платя иныхъ или большихъ пошлинъ или сборовъ, какого бы рода или наименованія они ни были, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу правительства, мѣстныхъ начальствъ, или какого либо особаго заведенія, кромѣ тѣхъ, которые были бы заплачены за тѣ же самые товары и предметы торговли, еслибъ они были вывезены или обратно отвезены на Россійскихъ судахъ; и, взаимно, всякаго рода товары и предметы торговли, дозволенные къ вывозу или къ обратному отвозу изъ портовъ владѣній Его Величества Короля Французовъ, на туземныхъ судахъ, могутъ быть также вывозимы или обратно отвозимы на Россійскихъ судахъ, не платя иныхъ или большихъ пошлинъ или сборовъ, какого бы рода или наименованія они ни были, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу правительства, мѣстныхъ начальствъ или какого либо особаго заведенія, кромѣ тѣхъ, которые были бы заплачены за тѣ же самые товары и предметы торговли, еслибъ они были вывезены на французскихъ судахъ. При чемъ обѣ высокія договаривающіяся стороны именно условились и постановили распространить распоряженіе сей статьи на вывозы, которые будутъ производиться изъ всѣхъ Россійскихъ портовъ со включеніемъ Черноморскихъ и Азовскихъ, и изъ всѣхъ Французскихъ портовъ, со включеніемъ находящихся на Средиземномъ морѣ.

VII. Со всѣхъ произведеній земли или промышленности владѣній Его Величества Короля Французовъ, привозимыхъ во владѣнія Его Величества Императора Всероссийскаго, и со всѣхъ произведеній земли или промышленности Россійской имперіи, привозимыхъ во владѣнія Его Величества Короля Французовъ, не будетъ взимаемо другихъ или большихъ пошливъ, кромѣ тѣхъ, которыя взимаются или впредь взиматься будутъ съ подобныхъ же произведеній земли или промышленности всякаго другаго иностраннаго государства.

Также, произведеніе земли или промышленности владѣній Его Величества Императора Всероссийскаго или владѣній Его Величества Короля Французовъ при ввозѣ или вывозѣ изъ портовъ каждаго изъ обоихъ государствъ, не будетъ подлежать никакому стѣсненію, ограниченію или запрещенію, которое не распространялось бы равномерно и на произведенія земли или промышленности всякой другой націи.

VIII. Положительно постановляется, что предъидущія статьи не должны распространяться на прибрежное или каботажное судоходство каждаго изъ обоихъ государствъ, ни на судоходство въ колоніяхъ и въ другихъ вѣнскихъ владѣніяхъ, ибо та и другая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ предоставляютъ себѣ исключительно право на такое судоходство.

IX. Ни тою, ни другою изъ обѣихъ договаривающихся сторонъ и никакою компаніею, обществомъ или агентомъ, дѣйствующими ея именемъ или ея властію, не будетъ предоставляемо, посредственно или непосредственно, никакого первенства или преимущества на покупку какихъ бы то ни было привезенныхъ на законномъ основаніи предметовъ торговли, по уваженію или предпочтенію къ національности того судна, на которомъ означенные предметы доставлены, принадлежитъ ли это судно той или другой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, въ порты которой сіи предметы привезены; ибо непрѣмное намѣреніе обѣихъ сторонъ есть то, чтобы не допускать въ этомъ отношеніи никакого различія или предпочтенія.

X. Если бы въ послѣдствіи одна изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ предоставила какое либо особенное преимущество другимъ государствамъ въ отношеніи къ торговлѣ или мореплаванію, въ такомъ случаѣ это преимущество должно быть немедленно распространено на торговлю или мореплаваніе другой договаривающейся стороны, которая будетъ

пользоваться имъ безъ всякаго возмездія, если преимущество даровано безвозмездно, а если уступка была сдѣлана условно, то съ тѣмъ же самымъ вознагражденіемъ, или съ другимъ, соразмѣрнымъ оному.

XI. Суда одной изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, пристающія къ какому либо берегу, принадлежащему другой изъ нихъ, но неимѣющія намѣренія войти въ портъ, или хотя вошедшія въ портъ, но нежелающія выгружать тамъ всего или части своего груза, будутъ пользоваться тѣми же преимуществами, какими пользуются суда наиболѣе благопріятствуемыхъ націй, и съ ними будетъ поступаемо, въ этомъ отношеніи, также какъ съ сими послѣдними судами.

XII. Въ случаѣ, еслибъ судно, принадлежащее одной изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, или подданнымъ ея, претерпѣло крушеніе, потонуло отъ бури или понесло какое либо поврежденіе у береговъ или во владѣніяхъ подвластныхъ другой сторонѣ, то этому судну и всѣмъ находящимся на немъ людямъ будетъ оказана также помощь и тоже покровительство, каковыми обыкновенно пользуются суда того государства, гдѣ случилось такое происшествіе.

Всѣ распоряженія относительно спасенія судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе, ставшихъ на мель или покинутыхъ, будутъ дѣлаемы въ обоихъ государствахъ обоюдными консулами, вице-консулами или консульскими агентами. Эти суда или ихъ части и обломки, ихъ снасти и всѣ принадлежащія къ нимъ предметы, а также всѣ спасенныя вещи и товары, или вырученныя за нихъ деньги, будутъ передаваемы означеннымъ консуламъ, вице-консуламъ и консульскимъ агентамъ, равно какъ и всѣ найденныя на судахъ бумаги. Въ случаѣ отсутствія этихъ лицъ, или за неимѣніемъ ихъ, мѣстныя начальства озаботятся всѣми распоряженіями касательно спасенія, и примутъ нужныя мѣры для оказанія покровительства людямъ и для сохраненія спасенныхъ вещей. Спасенные товары не будутъ подлежать никакимъ пошлинамъ, ни платежу какихъ либо таможенныхъ расходовъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они допущены будутъ къ внутреннему потребленію. Издержки по предмету сохраненія собственности и относительно таксы за спасеніе, въ какомъ случаѣ не будутъ превышать тѣхъ, которыя, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, сдѣловали бы за туземное судно.

XIII. Всякое Россійское купеческое судно вошедшее по необходимости въ какой либо портъ владѣній Его Величества Короля Французовъ и, взаимно всякое Французское купеческое судно, вошедшее по необходимости въ какой либо портъ Его Величества Императора Всероссийскаго, будетъ изъято тамъ отъ платежа всякихъ гаванныхъ и мореплавательныхъ пошлинъ, нынѣ взимаемыхъ, или которыя впредь взимаемы будутъ въ пользу Государства, если причины, принудившія судно войти въ портъ, окажутся существенными и очевидными, лишь бы только судно не производило въ томъ портѣ никакихъ торговыхъ дѣйствій, нагружая или выгружая товары; при чемъ однакоже выгрузки и вторичныя нагрузки, сдѣланныя для починки судна, не будутъ считаться торговыми дѣйствіями, влекущими за собою платежъ пошлинъ, и лишь бы только судно не продолжало пребыванія своего въ томъ портѣ далѣе того, сколько нужно по причинамъ, принудившимъ его войти въ портъ.

XIV. Обѣ Высокія договаривающіяся Стороны предоставляютъ себѣ взаимное право опредѣлять въ порты и въ торговые города обоюдныхъ ихъ Государствъ, назначаемыхъ ими консуловъ, вице-консуловъ и консульскихъ агентовъ, которые будутъ пользоваться тѣми же преимуществами и изъятіями, какими пользуются консулы, вице-консулы и агенты наиболѣе благопріятствуемыхъ націй; но въ случаѣ, если бы которые либо изъ сихъ консуловъ пожелали заниматься торговлею, они обязаны будутъ подчиняться тѣмъ же самымъ законамъ и обычаямъ, которымъ подчинены, въ томъ же мѣстѣ относительно своихъ торговыхъ сдѣлокъ, частныя лица изъ ихъ соотечественниковъ и подданные наиболѣе благопріятствуемыхъ Государствъ.

XV. Въ особенности постановляется, что когда одна изъ договаривающихся сторонъ назначитъ своимъ консульскимъ агентомъ для пребыванія въ портѣ или торговомъ городѣ другой стороны, одного изъ подданныхъ сей послѣдней, въ такомъ случаѣ этотъ консулъ или агентъ, несмотря на званіе иностраннаго консула, будетъ продолжать считаться подданнымъ того Государства, къ которому онъ принадлежитъ, и слѣдовательно, будетъ подчиненъ законамъ и постановленіямъ, которыми управляются туземцы того мѣста, гдѣ онъ имѣетъ свое пребываніе; но эта подчиненность не должна однако же ни въ чемъ стѣснять его въ исполненіи его обязанностей, ни нарушать неприкосновенности консульскаго архива.

XVI. Консулы, вице-консулы и консульскіе агенты каждой изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, пребывающіе во владѣніяхъ другой стороны, будутъ пользоваться со стороны мѣстныхъ начальствъ всѣмъ тѣмъ содѣйствіемъ, которое можно будетъ оказывать имъ на законномъ основаніи для бѣглыхъ съ военныхъ и купеческихъ судовъ обоюдныхъ ихъ Государствъ.

XVII. Понимается, что постановленія сего трактата будутъ примѣняемы ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ Россійскимъ флагомъ, безъ всякаго различія между собственно такъ называемыми Россійскими купеческими судами и купеческими судами Великаго Княжества Финляндскаго, составляющаго нераздѣльную часть Россійской Имперіи.

XVIII. Настоящій трактатъ будетъ имѣть дѣйствіе и силу въ продолженіе трехъ лѣтъ, считая со дня, который высокія договаривающіяся стороны назначатъ для совокунаго его исполненія, какъ скоро оный будетъ обнародованъ по законамъ каждаго изъ обонихъ Государствъ.

Если при окончаніи трехъ лѣтъ не будетъ сдѣлано о настоящемъ трактатѣ никакого объявленія за шесть мѣсяцевъ впередъ, то онъ будетъ оставаться обязательнымъ отъ одного года до другаго, до тѣхъ поръ, пока одна изъ договаривающихся сторонъ не объявитъ другой, но за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствія трактата.

XIX. Настоящій трактатъ будетъ утвержденъ и ратификованъ Его Величествомъ Императоромъ Всероссийскимъ и Его Величествомъ Королемъ Французовъ, и ратификаціи его будутъ размѣнены въ Парижѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, или, если возможно, и ранѣе.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные полномочные подписали сей трактатъ и приложили къ нему печати гербовъ своихъ.

Въ Парижѣ, въ двухъ экземплярахъ $\frac{1}{16}$ сентября 1846 года.

(Подп.): Киселевъ.

(Подп.): Барантъ.

Отдѣльныя статьи.

1.

Такъ какъ торговыя сношенія Россіи съ Королевствами Шведскимъ и Норвежскимъ и таковыя же сношенія Франціи

съ Сардинією, Бельгією, Нидерландами и Великимъ Герцогствомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ опредѣлены особыми условіями, которыя могутъ быть возобновлены въ послѣдствіи и не имѣютъ связи съ постановленіями, существующими относительно иностранной торговли вообще, то объ Высокія договаривающіяся стороны, желая въ торговыхъ своихъ сношеніяхъ устранить всякое недоразумѣніе или поводъ къ спорамъ, согласились, чтобы эти особые условія, постановленные въ уваженіе равносильныхъ выгодъ, ни въ какомъ случаѣ не распространялись на торговые и мореплавательныя сношенія, утвержденныя между обѣими высокими договаривающимися сторонами.

Равнымъ образомъ разумѣется, что не будутъ почитаться нарушающими правила взаимства, служащаго основаніемъ трактата, заключеннаго сего числа, нижеслуженныя льготы, извѣтія отъ пошлинъ и привилегіи, а именно:

Со стороны Россіи:

1) Льгота, которою пользуются суда, построенныя въ Россіи и принадлежащія Русскимъ подданнымъ, каковыя суда въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ освобождаются отъ платежа пошлинъ за право плаванія.

2) Таковыя же льготы, предоставленныя въ Россійскихъ Черноморскихъ, Азовскихъ и Дунайскихъ портахъ Турецкимъ судамъ, приходящимъ изъ Оттоманскихъ Черноморскихъ портовъ и неимѣющимъ болѣе восьмидесяти заставъ.

3) Льгота, предоставленная береговымъ жителямъ Архангельской губерніи, привозить беспошлинно, или съ платою умѣренныхъ пошлинъ, въ порты этой губерніи, вяленую или соленую рыбу, а также извѣстные роды мѣховъ, и такимъ же образомъ вывозить оттуда хлѣбъ, веревки, канаты, деготь и равендукъ.

4) Привилегія Россійско-Американской компаніи.

5) Привилегіи Компаній Любскаго и Гаврекаго Пароходства.

6) Льготы, предоставленныя въ Россіи разнымъ Англійскимъ компаніямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Yacht-Clubs.

и со стороны Франціи:

1) Льготы и преміи, установленныя въ пользу національной морской рыбной ловли.

2) Привилегіи, предоставленныя Англійскимъ увеселительнымъ яхтамъ.

3) Льготы, предоставленныя Испанскимъ рыболовамъ, по силѣ закона 12-го Декабря 1790 года.

3.

Настоящія отдѣльныя статьи будутъ имѣть ту же силу и то же дѣйствіе, какъ бы онѣ были включены отъ слова до слова въ трактатъ, заключенный сего числа. Онѣ будутъ ратификованы, и ратификаціи ихъ будутъ размѣнены въ то же самое время.

Въ увѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали ихъ и приложили къ нимъ печати гербовъ своихъ.

Парижъ, 1/16 Сентября 1846 года.

(Подп.) Киселевъ. (Подп.) Барантъ.

Высочайше ратификованы въ Царскомъ Селѣ, октября 8 дня 1846 года.—Обнародованы при Указѣ, Правительствующаго Сената 7 мая 1847 года.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 МАЯ ПО 15 ІЮНЯ СЕГО 1847 ГОДА.

Учрежденія Государственныя и Губернскія.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 2 мая сего года, изображено: «Для соблюденія единообразія въ общемъ наименованіи разныхъ частей Государства, МЫ, согласно представленію Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго комитета, повелеваемъ: 1.) Кавказскую Область, по главному городу оной, именовать впредь Ставропольскою губернією, а округи ея—уѣздами. 2.) Сообразно этому переименованію, кавказскаго гражданскаго губернатора именовать Ставропольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ; Кавказскія и Областныя правительственныя мѣста и лица—Ставропольскими и Губернскими; а Окружныя—Уѣздными. Кавказскій областной судъ называть Ставропольскою палатою уголовного и Гражданскаго суда. 3.) Командующему войсками на Кавказской линіи

и въ Черноморіи управлять гражданскою частію въ Ставропольской губерніи на томъ самомъ основаніи и со всѣми вообще правами и преимуществами, кои нынѣ предоставлены Кавказскому областному начальнику; и 4.) Съ переименованіемъ Кавказской Области въ Ставропольскую губернію учрежденіе, изданное для управления этой Области и помѣщенное въ книгѣ 2 тома II Свода особенныхъ Губернскихъ учрежденій (изд. 1842 г.) и въ продолженіяхъ онаго, должно сохранять свою силу въ отношеніи Ставропольской губерніи.

Государь Императоръ, по представленію Г. намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Постановленное въ ст. 726 тома III Св. Уст. о службѣ Гражд. по опред. отъ Прав. изд. 1842 года, правило объ утвержденіи учителей наукъ въ уѣздныхъ училищахъ въ чинѣ 12-го класса, по выслугѣ ими въ сихъ должностяхъ 4-хъ лѣтъ, распространить на лицъ Магометанскаго закона, преподающихъ восточные языки въ Закавказскихъ уѣздныхъ училищахъ.

и 2) Предоставить Г. Намѣстнику Кавказскому правило это включить въ составляемый, подъ его руководствомъ, проектъ о преобразованіи учебной части за Кавказомъ.

— Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ Общаго Собранія Правительствующаго Сената, о награжденіи, при увольненіи чиновниковъ въ отставку, слѣдующими чинами, до статскаго совѣтника включительно, *мильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 7 Апрѣля сего года, *положилъ*: въ измѣненіе примѣчанія къ 1208 статьѣ III Тома Св. Зак., постановить, что чиновники не изъ дворянъ, при увольненіи въ отставку, по просьбамъ ихъ, прежде достиженія ими по службѣ потомственного дворянства, награждаются слѣдующими чинами до статскаго совѣтника включительно, но въ такомъ только случаѣ, когда они выслужили уже сполна законныя лѣта, для производства въ сіи чины, по званію и разряду каждаго опредѣленныхъ.

— По всеподданнѣйшему докладу г. канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, относительно возникшихъ по военному вѣдомству вопросовъ, о награжденіи орденомъ Св. Анны 3 ст., на основаніи статута, Его Императорское Величество, въ 1-й день апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Срокъ 12-ти-лѣтней безпорочной выслуги въ одной и той-же должности, не ниже восьмага класса, считать со дня изданія новаго статута ордена Св. Анны, т. е. съ 22-го юля

1845 г. 2) Какъ чиновникъ, прослужившій безпорочно въ одной и той-же должности не ниже восьмага класса, 12 лѣтъ сряду, по Статуту, имѣть право на полученіе Ордена Св. Анны 3-й ст., слѣдовательно и чиновники медицинскаго вѣдомства, поступающіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній прямо въ должность не ниже восьмага класса, и дѣйствительно безпорочно прослужившіе въ оной безъ перемѣненія 12 лѣтъ сряду, имѣютъ право на награду симъ орденомъ. 3) Время, проведенное чиновникомъ въ исправленіи должности, не считать правомъ къ полученію ордена Св. Анны 3-й ст., если при утвержденіи его въ этой должности, не было сказано, чтобы нахожденіе въ оной считать со времени назначенія его къ исправленію той должности. 4) Командировку чиновника по должности считать дѣйствительною службою. 5) Служеніе чиновника въ теченіе 12-ти лѣтъ сряду не въ одной и той-же должности, а въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ, хотя бы и не ниже восьмага класса, не даетъ ему права на награду орденомъ Св. Анны 3-й ст. 6) Чиновники, имѣющіе право на награду орденомъ Св. Анны 3-й ст., за выслуги, въ статутѣ означенныя, могутъ быть представляемы къ сему Ордену, если бы и не имѣли еще знака отличія безпорочной службы. 7) Законъ о наградахъ орденомъ Св. Анны за прослуженіе 12 лѣтъ сряду въ одномъ мѣстѣ и въ одной должности не ниже восьмага класса распространяется на всѣ таковыя должности, занимаемыя какъ военными, такъ и гражданскими чиновниками, если оныя помѣщены въ росписаніе должностей гражданской службы по классамъ, приложенное къ 355 ст. III т. Св. Зак. (изд. 1842 г.); на военныя же штабъ-офицерскія должности, непомѣщенные въ сему росписаніи, сіе правило распространяться не можетъ. 8) Къ награжд. орденомъ Св. Анны могутъ быть представляемы лица, непрослужившія опредѣленныхъ лѣтъ послѣ полученной денежной или какой-либо другой награды, если награда сія не была имъ дана за то же самое отличіе, за которое они представляются къ Ордену по Статуту.

Г. канцлеръ Россійскихъ Императорскихъ и Царскимъ Орденовъ сообщилъ г. министру юстиціи копію съ Высочайше утвержденнаго въ 12 день мнувшаго марта доклада, относительно распространенія на Капитулъ орденовъ правилъ о пенсіяхъ, постановленныхъ для Кабинета Его Величества и уѣдльнаго вѣдомства, съ послѣдовавшею на сему докладѣ Собственноручною Его Императорскаго Величества резолюціею. Помянутая копія слѣдующаго содержанія: «На основаніи правилъ о пен-

сіяхъ по Кабинету Вашего Императорскаго Величества и Удѣльному вѣдомству, изложенныхъ III т. Св. Зак. Граж. въ ст. 331 и 332, чиновники сихъ вѣдомствъ, желающіе воспользоваться пенсіями, оными присвоенными, обязаны прослужить въ означенныхъ вѣдомствахъ не менѣе пяти лѣтъ; но въ отношеніи капитула орденовъ, на который ст. 291 того жъ тома Св. Зак. распространены правила о пенсіяхъ для придворныхъ чиновниковъ, о семъ ограниченіи не упомянуто. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе чиновники переходятъ изъ другихъ вѣдомствъ на службу въ капитулъ единственно для полученія пенсій возвышенныхъ окладовъ, и потомъ чрезъ короткое время оставляютъ службу, воспользовавшись пенсіями, присвоенными чиновникамъ придворнаго вѣдомства. Для отвращенія такового неблаговиднаго достиженія высшихъ пенсіоновъ, опредѣленныхъ чиновникамъ за службу въ тѣхъ самыхъ вѣдомствахъ, въ которыхъ оныя установлены, я бы полагалъ распространить и на капитулъ орденовъ правило, постановленное по сему предмету для кабинета Вашего Величества и Удѣльнаго вѣдомства, состоящее въ томъ, что чиновники капитула орденовъ въ такомъ только случаѣ могутъ приобрести право на полученіе пенсій, опредѣленныхъ по придворному вѣдомству, если прослужатъ въ капитулъ не менѣе пяти лѣтъ, въ противномъ же случаѣ назначать имъ пенсіи въ томъ размѣрѣ, какой присвоены тѣмъ вѣдомствамъ, изъ которыхъ перешли они на службу въ капитулъ, о чемъ имѣю счастье всеподданнѣе представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества». На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Справедливо; но я нахожу, что и 5 лѣтъ во всѣхъ сихъ вѣдомствахъ мало, чтобъ дать столь значительное преимущество, а полагалъ бы впредь срокъ сей установить 10-лѣтній.»

Уставы о повинопостяхъ.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ внесенный по Высочайшему повелѣнію журналъ Рекрутскаго Комитета, мнѣніемъ Высочайше утвержденнымъ 5 мая 1847 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что если изъ участка мѣщанъ и людей казеннаго или удѣльнаго вѣдомствъ, идетъ въ рекруты охотою за свое семейство имѣющій отъ роду 17-ть, 18-ть или 19-ть лѣтъ, то не смотря, холостой ли онъ или женатый, дозволяется представлять и принимать его въ рекруты, только бы онъ былъ сложениемъ крѣ-

постъ, ростомъ не ниже опредѣленной мѣры (Уст. Рекр. ст. 194) и по всѣмъ прочимъ качествамъ годенъ къ службѣ.

По возникшему вопросу: могутъ ли иностранные поселенцы въ Россіи поступать въ рекруты по найму за государственныхъ крестьянъ, или по найму казенному, г. министръ государственныхъ имуществъ входилъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, который мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 28 апрѣля 1847 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что иностраннымъ поселенцамъ дозволяется поступать въ военную службу по найму за государственныхъ крестьянъ разныхъ губерній, на основаніи добровольныхъ съ ними условій, а также и по найму казенному, съ полученіемъ опредѣленной въ ст. 351-й Уст. Рекр. (Св. Зак. т. 4) суммы. Но въ обоихъ случаяхъ иностранные поселенцы должны при самомъ наймѣ, представить увольнительныя отъ своихъ обществъ свидѣтельства.

Уставы казеннаго управленія.

Въ высочайшемъ указѣ, данномъ 4 мая 1847 года правительствующему сенату, изображено: «Утвердивъ прилагаемые при семъ представленные намѣстникомъ кавказскимъ и рассмотрѣнные въ кавказскомъ комитетѣ: 1.) Положеніе объ устройствѣ, дѣйствіяхъ и управленіи частей: карантинной и таможенной на Кавказѣ и за Кавказомъ; 2.) Общій штатъ карантинно-таможеннаго вѣдомства въ Закавказскомъ краѣ, и 3.) Таможенные правила для восточнаго берега Чернаго моря, Мы повелѣваемъ правительствующему сенату сдѣлать зависящія распоряженія къ приведенію сихъ: положенія, штата и правилъ въ надлежащее исполненіе.

Законы о состояніяхъ.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ доклад правительствующаго сената, относительно отпуски на волю дворовыхъ людей, состоящихъ въ залогъ кредитныхъ установленій, мнѣніемъ Высочайше утвержденнымъ 7 апрѣля 1847 года, положилъ: доклад сей утвердить, и, въ слѣдствіе того, въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановить: 1., что изложенное въ примѣчаніи 2-мъ къ статьѣ 1059-й Закон. о Состояніяхъ (Св. Закон. т. IX, Продолженіе IV-е) дозволе-

ніе изъ состоящихъ въ залогъ государственныхъ кредитныхъ установлений имѣній, отпускать дворовыхъ людей, числящихся таковыми по послѣдней ревизіи, на волю до десяти на каждыя сто душъ, безъ взноса выкупныхъ денегъ и безъ испрошенія предварительно согласія означенныхъ установлений, относится въ той же соразмѣрности и къ тѣмъ изъ заложенныхъ имѣній, въ которыхъ менѣе ста душъ, включительно до десяти, т. е. такъ, чтобы число увольняемыхъ не превышало одной души мужскаго пола на каждыя десять заложенныхъ душъ, и 2., что дворовые люди свыше сего числа, хотя бы они рождены были послѣ ревизіи и принадлежали къ семьѣ увольняемаго, могутъ быть отпускаемы на волю не иначе, какъ съ дозволенія кредитныхъ установлений и со взносомъ выкупныхъ за нихъ денегъ.

Законы гражданскіе.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, о порядкѣ производства описи дворянскимъ имѣніямъ, когда вблизи оныхъ нѣтъ лицъ дворянскаго сословія, имѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 7 апрѣля 1847 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, чтобы описи незначительнымъ дворянскимъ въ уѣздѣ имѣніямъ, стоющимъ не болѣе 300 рублей, когда на разстояніи отъ оныхъ въ 50-ти верстахъ не находится лицъ того сословія, къ коему принадлежитъ владѣлецъ описываемаго имущества, были производимы, если владѣльцы или ихъ повѣренные сами при описи будутъ присутствовать, чиновниками мѣстныхъ полицій, а въ противномъ случаѣ, т. е. при небытности владѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ, временными отдѣленіями земскихъ судовъ. Стоимость же означенныхъ имуществъ опредѣлять цѣною, по которой, на основаніи приложенной къ ст. 363-й Уст. о пош. (Св. Зак. т. V) особой табели, платятся крѣпостныя пошлыны при совершеніи актовъ о переходѣ недвижимыхъ имѣній отъ одного лица къ другому.

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: предоставленное ст. 99 т. X св. зак. гражд. изд. 1841 г. Бухарцамъ право брать съ собою въ отечество женъ своихъ магометанскаго закона, если согласны будутъ на то отцы и матери послѣднихъ, распространить на турецкихъ и

персидскихъ подданныхъ изъ магометанъ, въ отношеніи къ закавказскому краю, но если женившіеся на магометанкахъ заграничье магометане, при обратномъ выѣздѣ въ отечество, пожелаютъ оставить свои семейства въ Россіи, то обязаны, по примѣру ст. 19 того же тома, давать подписки о возвращеніи къ женамъ, въ опредѣленный этою послѣднею статьею срокъ, и обезпечивать ихъ содержаніемъ.

Уставы государственнаго благоустройства и благочинія.

Государь Императоръ, согласно представленію г. намѣстника кавказскаго и положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: примѣчаніе 3 ст. 276 т. XII св. уст. строит. изд. 1842 г. (въ продолж. 6) о запрещеніи дѣлать деревянныя постройки въ городахъ къ каменнымъ обывательскимъ домамъ, не распространять на закавказскій край въ отношеніи обывательскихъ домовъ; но оставить оное въ своей силѣ, въ отношеніи къ казеннымъ общественнымъ зданіямъ, а равно тѣмъ частнымъ строеніямъ, кои предназначены для фабрикъ, заводовъ, магазиновъ, торговыхъ и складочныхъ помѣщеній.

Въ 30 день апрѣля 1847 года Высочайше утверждены представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ и зъ государственнымъ совѣтѣмъ рассмотрѣнныя положенія: 1) о общественномъ банкѣ, который учреждается съ цѣлію, производствомъ ссудъ, доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомошествованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а на получаемые отъ того проценты содержать домъ призрѣнія неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ. Основной капиталъ банка состоитъ изъ суммы двадцати пяти тысячъ рублей, собранной казанскимъ гражданскимъ обществомъ, посредствомъ добровольныхъ пожертвованій, на устройство упомянутого дома; и 2) Положеніе о домѣ призрѣнія неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ, который учрежденъ въ память Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества въ 1836 году въ г. Казани *.

По журналу комитета гг. министровъ 8 апрѣля 1847 года, Высочайше утверждено положеніе о челоѣколюбивомъ обществѣ въ г. Вильнѣ. Цѣлію общества есть призрѣніе людей бѣднаго состоянія, всѣхъ сословій христіанскаго исповѣданія, въ

* Означенныя положенія приложены при № 46 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

учрежденномъ для сего на счетъ общества особомъ благотворительномъ заведеніи, или оказаніе имъ помощи внѣ этого заведенія, по мѣрѣ средствъ общества, а также и другія дѣла благотворенія *.

Правительственныя распоряженія.

Главноуправляющій Императорскимъ Александровскимъ лицеемъ, Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, ходатайствовалъ объ измѣненіи существующаго нынѣ правила относительно распредѣленія открывающихся въ лицей, послѣ выпуска, казенныхъ вакансій. Правило это содержится въ 1198 ст. 1 прол. III книги 1 части Св. Воен. Постановленій, гдѣ сказано: «открывающіяся послѣ выпуска въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицей 25 казенныхъ вакансій замѣщаются отличившимися воспитанниками: а) санктпетербургскихъ гимназій: пятью первой, и пятью же второй и ларинской, съ тѣмъ однако же, чтобы при четномъ числѣ опытныхъ представлена была воспитанникамъ ларинской гимназій половина, а при нечетномъ однимъ воспитанникомъ болѣе изъ ларинской гимназій: б) пятью воспитанниками московскаго дворянскаго института и в) десятью сыновьями заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, состоящихъ въ чинѣ не ниже 4-го класса, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.» А какъ, по измѣнившемуся въ послѣдствіи раздѣленіи всѣхъ 50 казенныхъ вакансій на 4 полуторогодичныхъ курса, послѣ каждаго выпуска открывается только отъ 10 до 15 такихъ вакансій, при томъ часть тѣхъ, которыя предоставлены дѣтямъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, постоянно замѣщается, въ видѣ изытій, сыновьями военныхъ генераловъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, то Его Высочество полагалъ необходимымъ, какъ для болѣе опредѣлительности въ распредѣленіи казенныхъ вакансій вообще, такъ и для правильнѣйшаго замѣщенія тѣхъ, кои предоставляемы сыновьямъ заслуженныхъ чиновниковъ, помянутую 1198 ст. измѣнить слѣдующимъ образомъ: «Изъ открывающихся послѣ каждаго выпуска казенныхъ вакансій половина, а въ случаѣ нечетнаго ихъ числа, одною болѣе, назначается для отличив-

шихъ воспитанниковъ 1-й, 2-й и ларинской санктпетербургскихъ гимназій и московскаго дворянскаго Института; другая же половина для сыновей военныхъ генераловъ и заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ не ниже 4-го класса.»

Примѣчаніе. Генералы и гражданскіе чиновники не ниже 4-го класса, желающіе помѣстить сыновей своихъ на казенныя вакансіи въ лицей, подаютъ прошенія на Высочайшее Имя, въ конференцію сего заведенія, не позже, какъ за три мѣсяца до пріемнаго экзамена, съ приложеніемъ свидѣтельствъ, означенныхъ въ статьѣ 1202-й III кн. Св. Воен. Постановленій. По рассмотрѣніи сихъ прошеній, Главнозавѣдывающій представляетъ объ нихъ на Высочайшее утвержденіе.

При опредѣленіи такимъ образомъ порядка замѣщенія казенныхъ вакансій, Его Высочество полагалъ вовсе отмѣнить существующіе нынѣ въ лицей кандидатскіе списки, такъ какъ выборъ кандидатовъ изъ сыновей заслуженныхъ чиновниковъ зависить не отъ старшинства ихъ по кандидатскому списку, а отъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ ихъ познаній.

По всеподаннѣйшему докладу Государю Императору вышеизложенныхъ предположеній, Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить на оныя Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ однако же, чтобы сіе новое постановленіе не распространялось на предстоящій нынѣ въ лицей пріемъ.

— Государственному совѣту объявлено 19 мая сего 1847 года, Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы на будущее время товарищи министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, заступающіе мѣста сихъ послѣднихъ въ продолженіе ихъ отсутствія или болѣзни, присутствовали въ общемъ собраніи государственнаго совѣта и въ комитетѣ министровъ только по дѣламъ, до ихъ вѣдомствъ касающимся, а какой конецъ упомянутые товарищи о времени слушанія такихъ дѣлъ и извѣщаются по распоряженію прѣсѣдателей государственнаго совѣта и комитета министровъ.

Государь Императоръ, въ 30 день апрѣля сего 1847 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: дозволить владѣльцамъ частныхъ каменныхъ домовъ, находящихся въ чертѣ трехъ-сотъ саженнаго разстоянія отъ гребня гласиса С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, дѣлать въ сихъ домахъ необходимыя починки, впредь до того времени, когда повелѣно будетъ пріобрѣсти эти дома въ казну, съ тѣмъ, чтобы при исправленіи оныхъ, не были допущены важныя перестройки или пристройки, измѣняющія видъ и положеніе зданій, и чтобы никому изъ про-

* Означенное положеніе напечатано въ № 44 С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

чихъ домовладѣльцевъ, въ предѣлахъ означенной экспланадной черты не было дозволяемо ни подѣ какимъ предлогомъ возводить каменныхъ домовъ.

Государь Императоръ изволилъ, въ 6-й день мая, высочайше утвердить инструкцію начальнику надѣ русскими художниками въ Римѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить къ нему секретаря, съ присвоеніемъ должности сей десятого класса.

17 апрѣля 1847 года, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, командированнымъ изъ Тифлиса членомъ совѣта главнаго управления закавказскаго края, генералъ-лейтенантомъ Реуттомъ, открыты губерскія присутственныя мѣста новой Кутанской губерніи.

Государь Императоръ, въ 10 день мая, высочайше повелѣть соизволилъ: г. Черниговскому, Полтавскому и Харьковскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Коконкину принять въ свое главное наблюдене Харьковскій университетъ съ учебнымъ округомъ, на правахъ попечительскихъ.

По положенію комитета министровъ, Государь Императоръ, въ 11-й день минушаго апрѣля, Высочайше разрѣшить соизволилъ учрежденіе Лебедянского общества сельскаго хозяйства, на основаніи представленнаго устава. Общество, распространяя вліяніе свое на губерніи: Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую, имѣеть цѣлю развивать въ нихъ и совершенствовать, по мѣрѣ возможности, всѣ свойственныя имъ отрасли сельскаго хозяйства и сельской промышленности*.

Государь Императоръ, по журналу комитета гг. министровъ, 8 минушаго апрѣля состоявшемуся, высочайше соизволилъ разрѣшить учрежденіе въ С.-Петербургѣ лечебнаго заведенія для чиновниковъ и вообще лицъ средняго состоянія, на первый разъ, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по минованіи сего срока представлено было о послѣдствіяхъ, куда по порядку слѣдовать будетъ. Оно учреждается съ цѣлю доставить врачебное пособіе въ болѣзняхъ лицамъ благороднаго званія, обоего пола, неизмѣющимъ возможности пользоваться въ домахъ своихъ. Заведеніе это, съ Высочайшаго соизволенія, принялъ подѣ

* Проектъ устава Лебедянского общества сельскаго хозяйства напечатанъ въ 43 мѣ Лѣ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

свое покровительство Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій.

Изъ Министерства Финансовъ выданы въ нынѣшнемъ году привилегіи:

Фортепианному мастеру Герману Лихтенталю, 3 мая, 10-ти лѣтняя привилегія на изобрѣтенный имъ музыкальный инструментъ съ попережными струнами, подѣ названіемъ Имперіаль.

Французскому горному инженеру Риго де-ла-Ферражѣ, 17 мая, 6-ти лѣтняя привилегія на новый способъ добыванія освѣтительнаго газа.

Шоколадному фабриканту Флорентину Аганону, 24 мая, трехлѣтняя привилегія на способъ скорого приготовленія шоколада, названнаго имъ à la minute.

Коллежскому ассесору Скипору и С.-Петербургскому 3-й гильдіи купцу Рюкерту, 24 мая, 10-ти-лѣтняя привилегія на изобрѣтенные первыиъ плавательные снаряды, подѣ названіемъ водоплавокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Апрѣля 21. Члену государственнаго совѣта оберъ-гофмейстеру двора Е. И. В. *Опочинину*,—повелѣно быть предсѣдателемъ попечительнаго совѣта; управленіе же завѣдываемой имъ нынѣ больницы Св. Маріи Магдалины возложено на сенатора тайнаго совѣтника *Желмужникова*, которому повелѣно быть попечителемъ сей больницы и членомъ попечительнаго совѣта. Апрѣля 27. Утвержденъ въ званіи академика орд. Проф. сей Академіи, статскій совѣтникъ *Пироговъ*. Апрѣля 30. Предсѣдателемъ комитета, высочайше учрежденнаго 17 августа 1814 года, повелѣно быть члену онаго генералъ-адъютанту, генералу отъ Инфантеріи *Ушакову 4-му*.—Тайнымъ совѣтникамъ: сенаторамъ *Кочубю* и графу *Кушелеву-Безбородко* и члену комисіи прошеній *Шереметеву*, повелѣно быть почетными опекунами и присутствовать въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.—Назначены: мая 12. Чиновникъ особыхъ порученій при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Вольнскомъ генералъ-губернаторѣ, камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ *Львовъ*, Вольнскимъ вице-губернаторомъ.—Мая 19. Сост. въ вѣдомствѣ азиатскаго департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, камеръ-юнкеръ, коллежскій совѣтникъ *Озеровъ*, вице-директоромъ

въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ. Мая 22. Отст. генераль-маюръ *Молоствова*, — попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Мая 23. Утверждены: въ званіи ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ по части, технологіи и прикладной химіи экстраорд. академикъ, стат. сов. *Якоби* и въ званіи экстраорд. академика по части астрономіи, адъюнктъ, надв. сов. *Петерсъ*. — Мая 26. Повелѣно: дѣйст. тайному со-вѣтнику барону *Клишковстремъ*, быть гофмейстеромъ двора Е. И. В. — Дѣйст. стат. сов. *Иличевскому* исправлять должность товарища министра юстиціи.

УВОЛЬНЕНИЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

По прошеніямъ: апрѣля 28. Членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, тайный совѣтникъ баронъ *Ганъ*. Апрѣля 30. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Датскомъ дворѣ, дѣйст. тайн. сов. баронъ *Николаи*; мая 1. — Сенаторы: дѣйст. тайн. сов. *Огаревъ* и тайные совѣтники: *Муравьевъ-Апостолю* и *Протасовъ*; мая 6. — Статскіе совѣтники: сост. при департамент. министерства юстиціи, испр. должн. юрисконсульта *Быковский*, с. пет. коммерческаго суда предсѣдатель *Лысенковъ*. Мая 7. — Старшій чиновникъ третьяго отдѣленія собств. канц. Е. И. В., дѣйст. стат. сов. *Враскій*. Мая 8. — По болѣзни: сост. при главноуправляющемъ Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями чиновникъ особ. поруч., стат. сов. *Ниценко*. — Сенаторъ, тайный совѣтникъ *Жихаревъ*. — По прошеніямъ: мая 10. — Въ должности оберъ-секретаря 1 департамент. Правит. Сената, стат. сов. *Аниенскій*. Мая 12. — Коллеж. совѣтн. костромскій вице-губернаторъ *Крыловъ*. Мая 21. — С. петербургскій губернский прокуроръ, стат. сов. *Мейеръ*.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ ПО СЛУЖБѢ.

Мая 15. Статскіе совѣтники: сост. въ комитетѣ, учрежденномъ при второмъ отдѣленіи собств. Е. И. В. канцеляріи, *Торнау* и департамента мануф. и внутр. торговли начальникъ 2 отдѣленія *Коростовцевъ*, переведены оба, чиновниками особыхъ порученій V класса: первый въ министерство юстиціи, а второй при главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Пожалованы во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Им-

ператрицы: — апрѣля 30. — Дѣвицы: княжна Вѣра *Трубецкая* и Александра *Мердери*. Мая 24. — Внука Грузинской Царицы Маріи Георгіевны, княжна Надежда *Грузинская*; дѣвицы: Марія *Ковалькова* и графиня Ольга *Армфельдъ*.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕНЫ.

ВЪ ТАЙНЫЕ СОВѢТНИКИ.

Мая 23. Управляющій департаментомъ министерства юстиціи оберъ-прокуроръ 1 отд. 5 департамент. правит. сената. Дѣйст. стат. совѣтникъ *Карюлинъ-Пишскій*, съ утвержденіемъ директоромъ департамента министерства юстиціи.

ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

Мая 11. Членъ комиссіи, Высочайше учрежденной для размежеванія земель войска донскаго, статскій совѣтникъ *Ворончиковъ*. Мая 27. — Эстляндскій губернский предводитель дворянства, въ званіи камергера двора Е. И. В. стат. сов. фонъ-*Эссель*, и повелѣно ему быть Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

(За отличие по службѣ).

Мая 7. Чиновникъ особыхъ порученій при намѣстникѣ Царства Польскаго кол. сов. графъ *Грабовакскій*.

(За выслугу лѣтъ).

Апрѣля 27. Доктора медицины: старшій ординаторъ Варшавскаго военнаго госпиталя *Стакебрандтъ* и дивизионный докторъ 19 пѣхотной дивизіи *Блукрокъ-Лингъ*. Мая 12. Канцеляріи намѣстника Кавказскаго нач. отд. *Борзенко*. Мая 17. Иркутской губерніи, главнаго управленія восточной Сибири, совѣтникъ *Осиповъ*. — Мая 18. Старшій чиновникъ особыхъ порученій при генераль-интендантѣ отд. Кавказскаго корпуса *Любавскій*. — Мая 19. Иркутской казенной палаты совѣтникъ *Гельмерсенъ*. — Мая 21. Вѣдомства римско-католической духовной коллегіи: духовной К. VII. — Отд. II.

академіи профессоръ *Елматьевскій*.—Мая 24. Старшій помощникъ производителя дѣлъ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, *Павловъ*.—Юня 1. Оберъ-провіантмейстеръ 2 пѣхотнаго корпуса, *Лыковъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ.

СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Апрѣля 21. Генераль-лейтенантъ, начальникъ округовъ пахотныхъ солдатъ новгородской, витебской и моголевской губерній *фонъ-Фрикенъ*.

БЪЛАГО ОРЛА.

Апрѣля 21. Инженеръ генераль-лейтенантъ, членъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, *Цвиллингъ*. Вице-директоръ Императорской военной академіи, генераль-лейтенантъ *Ренненкамфъ*.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 2-Й СТЕПЕНИ.

Апрѣля 21. Тайный совѣтникъ баронъ *фонъ-дербъ-Остель-Сакенъ*. Генераль-лейтенантъ, начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, *Мясодовъ*. Генераль-маіоръ, директоръ департамента вѣдшей торговли, *Языковъ*. Дѣйст. стат. сов., непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, двора Е.И.В. лейбъ-медикъ докторъ медицины и хирургіи *Арендтъ*.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ, ИМПЕРАТОРСКОЮ КОРОНОЮ УКРАШЕННАГО.

Апрѣля 7. Тайный совѣтникъ, директоръ перваго департам. госуд. имуществъ *Прокоповичъ-Антопскій*. Апрѣля 21. Генераль-лейтенантъ, инспекторъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, баронъ *Зедделеръ*. Генераль-маіоръ, членъ общаго присутствія провіантскаго департамента *Бутурлингъ*.—Генераль-маіоръ корпуса горныхъ инженеровъ, директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, *Беверъ*.—Дѣйст. стат. сов., директоръ особенной канцеляріи по кредитной части, *Ламапскій*.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ.

Апрѣля 21. Тайный совѣтникъ, управл. госуд. комисіею по-

гашенія долговъ, *Яценковъ*. Тайный совѣтникъ *Бодиско*.—Генераль-адъютантъ, генераль-маіоръ князь Италійскій графъ *Суворовъ-Рымникскій*. Генераль-маіоръ, начальникъ округовъ пахотныхъ солдатъ Старорусскаго уѣзда, *Набоковъ 2-й*.—Инженеръ генераль-маіоръ, начальникъ IV округа путей сообщенія, *Трофимосицъ*.—Инженеръ генераль-маіоръ, начальникъ XII округа путей сообщенія, *Повало-Шевыковский*.—Генераль-маіоръ, управляющій правленіемъ Низоваго округа корабельныхъ дѣловъ, *Дурасовъ*.—Генераль-маіоръ, вице-директоръ Коммисаріатскаго департамента военнаго министерства, *Никифоровъ*.—Дѣйст. стат. сов., придворной конторы Е. И. В. совѣтникъ *Яшковъ*.—Дѣйст. стат. сов. *Струевъ*.—Дѣйст. став. сов. *Лабенскій*.—Дѣйст. стат. сов. *Киселевъ*.—Дѣйст. стат. сов., непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, *Мальцовъ*.—Дѣйст. стат. сов., вице-директоръ аудиторіатскаго департамента военнаго министерства, *Марченко*.—Дѣйствит. стат. сов., членъ общаго присутствія департамента военныхъ поселеній, *Ушаковъ*. Дѣйст. стат. сов., сост. по военному минист. и инспект. части инженернаго корпуса *Майеръ*. Апрѣля 29. товарищъ министра статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго 4-го класса *Стевенъ*. Въ должн. шталмейстера Двора Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, дѣйст. стат. сов. *Толстой*.

СВ. СТАНИСЛАВА 1-Й СТЕПЕНИ.

Апрѣля 21. генераль-маіоръ, директоръ артиллерійскаго департамента военнаго министерства, *Яковлевъ*. Генераль-маіоръ, инспекторъ военныхъ госпиталей *Вохинъ*.—Инженеръ-генераль-маіоръ, членъ общаго присутствія департамента военныхъ поселеній, *Лавровъ*.—Инженеръ генераль-маіоръ, начальникъ III-го округа путей сообщенія *Фроловъ*. Дѣйст. стат. сов. графъ *Строгоновъ*. Дѣйст. стат. совѣт. *Дашковъ*.—Дѣйст. стат. сов., засѣдающій въ общемъ присутствіи департамента военныхъ поселеній *Геминъ*.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 3-Й СТЕПЕНИ.

Феврала 6. Состоящій по кавалеріи и при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ генераль-маіоръ князь *Андрониковъ*. Феврала 12. Оренбургскій комендантъ, состоящій по кавалеріи, генераль-маіоръ *Лифляндъ*, Феврала 28. Командиръ ревельскаго артиллерійскаго гарнизона, состоящій по артиллеріи полков-

никъ *Карловичъ*. Управляющий конторою Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Книгини Марии Николаевны, Статскій Совѣтникъ *Юргенсъ*. Марта 2. Состоящій по кавалеріи и при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ генераль-маіоръ *Кацо-Мориани*. Марта 6. Чиновникъ для особыхъ поруч. мин. финансовъ, стат. совѣтн. *Гагемейстеръ*. Марта 8. Командиръ кондукторской роты главнаго инженернаго училища полковникъ баронъ *Розенъ 8-й*. Марта 9. Генераль контролеръ департамента военныхъ отчетовъ, тайный совѣтникъ *Христіани*. Марта 11. Смотритель инженернаго замка и командиръ служительской команды оного, состоящій по арміи полковникъ *Миллеръ 5-й*. Марта 25. грузинскаго гренадерскаго полка полковникъ князь *Орбелианъ 4-й*. Командиръ с. петербургскаго жандармскаго дивизиона полковникъ *Циммерманъ* и эриванскій комендантъ, состоящій по арміи полковникъ *Киль*. Апрѣля 1. членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ генераль-маіоръ *Колзаковъ*. Апрѣля 7. управляющій симбирскою удѣльною конторою, статскій совѣтникъ *Глинка*. Апрѣля 11. управляющіе палатами государственныхъ имуществъ: смоленскою, статскій совѣтникъ *Гинцель* и бессарабскою отставной полковникъ *Беръ*. Апрѣля 12. Совѣтникъ придворной конюшенной конторы, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мельниковъ*. Апрѣля 20. старшій чиновникъ IV-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, статскій совѣтникъ *Плець*. Апрѣля 21. вице-директоръ департамента военныхъ поселеній, состоящій по арміи генераль-маіоръ *Даниловъ*; членъ общаго присутствія провіантскаго департамента и состоящій при военномъ министрѣ для особыхъ порученій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ласковский*; начальникъ отдѣленія департамента генеральнаго штаба, полковникъ сего штаба *Скалонъ*; управляющіе комиссаріатскими комиссіями полковники арміи: Тобольскою — *Позитоновъ*, Херсонскою — *Харчевниковъ* и симбирскою, состоящій по кавалеріи баронъ *Корфъ 5-й*. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Его Величествѣ Король Шведскомъ и Норвежскомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Криднеръ*. Исправляющій должность вице-директора кораблестроительнаго департамента морскаго министерства, состоящій по флоту капитанъ 1-го ранга *Стоговъ 4-й* и начальникъ морской артиллеріи, въ Свеаборгѣ, полковникъ *Леоновъ 4-й*. Уральскій бергъ-инспекторъ, Полковникъ корпуса горныхъ инженеровъ *Злобинъ*.

Апрѣля 23.
Маѣ 5. Старшій экспедиціонный секретарь финляндской канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Путята*. Апрѣля

29. управляющій консульствомъ въ Тривизондѣ иностранецъ *Герси*.

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОВѢДОНОСЦА ГЕОРГІЯ 4-Й СТЕПЕНИ.

Марта 28. грузинскаго линейнаго № 10-го баталіона поручикъ *Воласкій* и пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка прапорщикъ *Ара-ратскій*.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ, СЪ ВАНТОМЪ.

Февраля 6. подполковники генеральнаго штаба: старшій адъютантъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса по части генеральнаго штаба *Цумфортъ* и исправляющій должность оберъ-квартирмейстера войскъ на кавказской линіи и въ черноморіи *Броневскій*; тегинскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Кемфертъ*, капитанъ генеральнаго штаба графъ *Гейденъ* и штабъ-капитаны: адъютантъ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи кубанскаго егерскаго полка *Баженовъ* и 3-го резервнаго сапернаго баталіона *Лебедевъ*. Февраля 21. Пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка маіоръ *Пироговъ*, мингрельскаго егерскаго полка капитанъ *Колосовскій* и пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка поручикъ *Егоровъ*. Марта 5. ставропольскаго егерскаго полка маіоръ *Ракусса*. Марта 25. капитаны: дагестанскаго пѣхотнаго полка: *Добржанскій* и бригадной адъютантъ, штаба первой бригады 20 пѣхотной дивизіи *Кендзержешскій*, штабъ-капитаны: драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка *Хомяковскій*, *Мачабьловъ* и *Джесмарджидзевъ* и Апшеронскаго пѣхотнаго полка *Пурасовъ* и поручики: сего же полка *Армашевскій*, *Васильевъ*, и *Батзардовъ*. Апрѣля 2. лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полускадрона поручикъ *Доллашъ - Гарковскій*. Апрѣля 6. лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полускадрона ротмистръ султанъ *Саитъ-Гирей*. Апрѣля 8. кавказско-гренадерской артиллерійской бригады прапорщикъ *Ермоловъ 2-й*. Апрѣля 9. егерскаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка маіоръ *Вощовъ* и самурскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Козелю 2-й*. Апрѣля 30. егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка: капитанъ *Краузе*, штабъ-капитанъ *Цытовскій* и поручики: *Горлиновъ* и *Ежовъ*.

СВ. ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ БЕЗЪ ВАНТА.

Февраля 5. сибирскаго линейнаго казачьяго войска 7-го полка есаулъ *Нюхоловъ*. Февраля 6. Елисаветопольскаго военнаго полугоспиталя главный лекарь, штабъ-лекарь надворный совѣтникъ *Смирскій*, и дербентскаго военнаго госпиталя: главный лекарь, штабъ-лекарь коллежскій ассесоръ *Лобачевскій* и старшій ординаторъ, штабъ-лекарь *Григоровичъ*. Февраля 19. Командиръ кавказскаго линейнаго баталіона № 3-го подполковникъ *Павловъ*, кавказскаго линейнаго баталіона № 7-го капитанъ *Саликовъ* и 2-го полка кавказскаго линейнаго казачьяго войска есаулъ *Котляровъ*. Февраля 21. Баталіонный лекарь пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка *Трошкій*. Марта 2-го: Капитаны: корпуса топографовъ *Александровъ*, состоящій по арміи и при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ *Кириловъ*, черноморскаго линейнаго № 13-го баталіона штабъ-капитанъ *Этельманъ*, старшій адъютантъ 3-го отдѣленія черноморской береговой линіи, черноморскаго линейнаго № 10-го баталіона, поручикъ *Кобылинскій* и главный лекарь анакскаго военнаго госпиталя надворный совѣтникъ *Смирновъ*. Марта 25. Корпуса жандармовъ полковникъ *Юрковъ*, самурскаго пѣхотнаго полка майоръ *Празжевскій*, исправляющій должность полеваго почтмейстера, при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, коллежскій совѣтникъ *Ермолаевъ*, полковный штабъ-лекарь дагестанскаго пѣхотнаго полка титулярный совѣтникъ *Годзьевскій* и отрядный комиссіонеръ дагестанскаго отряда 9 класса *Высоцкій*. Апрѣля 3. Помощникъ начальника VIII округа путей сообщенія инженеръ полковникъ *Кейзеръ*. Апрѣля 21. Адъютантъ военнаго министра, лейбъ-гвардіи кирасирскаго имени Его Величества полка, ротмистръ *Нелидовъ*, старшій адъютантъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка штабъ-капитанъ *Огаревъ*. Апрѣля 30. адъютанты Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, капитаны: л. гв. преображенскаго полка *Адлербергъ* 1-й и л. гв. павловскаго полка *Паткуль*. Мая 1. Архитекторъ академикъ *Вальпреди*.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

Безмолвный свидѣтель былыхъ поколѣній,
 Помпея! зачѣмъ дерзновенной рукой,
 Средь хладной могилы, безъ чувствъ сожалѣній,
 Встревожили люди твои вѣчный покой?
 Изъ пепла и лавы твердыни возстали,
 Какъ дикія скалы средь хляби морской,
 Какъ чада обители вѣчной печали,
 Толпы привилѣи съ обычной тоской.
 Въ нихъ мрачныя черныя думы сокрыты:
 Имъ тяжко минувшіе дни вспоминать.
 И, мнится, на ихъ вѣковые граниты
 Наложена небомъ проклятыя печать...
 Не ты ли, Помпея, богатая славой,
 Къ себѣ привлекала толпы кораблей?
 Не эти ли стогны шумѣли забавой,
 И скачкой, и бѣгомъ ретивыхъ коней,

И боемъ героевъ, и кликомъ привѣта
 Достойнѣйшимъ славы, лавровыхъ вѣнцовъ,
 И громомъ оружія, и споромъ совѣта,
 И громкими пѣснями славныхъ пѣнцовъ?...
 А нынѣ!... все тихо кругомъ, какъ владбище.
 Былаго разгула и призрака нѣтъ!
 Лишь мрачная смерть на твоемъ пеницищѣ
 Являетъ повсюду ужасный свой слѣдъ.

Проникнувъ завѣсу вѣковъ отдаленныхъ,
 Взираю на древность съ безмолвной тоской,
 Я вижу Помпей сыновъ, упоенныхъ
 Обманчивымъ счастьемъ жизни земной...

Какъ въ подоблачномъ эфирѣ,
 Въ стаѣ дикихъ голубей,
 Кто сочтеть на шумномъ пирѣ
 Неба южного дѣтей?...
 Тамъ блестящей вереницей
 Быстро мчатся колесницы,
 И въ одинъ протяжный громъ
 Слился шумный гипподромъ.
 Всюду, роскошью пестрѣя,
 Ходить, движется народъ,
 Будто волны бурныхъ водъ,
 И ликуеть вся Помпея.
 Тамъ, любя кровавый споръ,
 На толпу выдаетъ взоръ
 Въ нетерпѣннхъ гладиаторъ;
 Тамъ витійствуетъ ораторъ;
 Тамъ восторженный пѣвецъ
 Состязалъ себѣ вѣнецъ
 Вместе съ славою народной.
 Тамъ веселю толпой,
 Тѣпашъ пляской хороводной
 Иль пѣвнительной игрой,
 Какъ прелестныя Вакханки,
 Молодые Итальянки
 Пылкихъ юношей манять;
 И за нихъ волшебный взглядъ
 Сколько споровъ!... сколько брани!
 Сколько вдругъ обильной дани
 Для тебя слѣпой Эротъ!...
 Всюду роскошь и безвечность!...

И разсудка не займетъ
 Злѣйшей жизни скоротечность!...
 Жизнь за гробомъ ихъ не лстять...
 Путь минувшій позабытъ,
 Чужды долги печали,
 И — слѣпцы — не испытали,
 Дѣти нѣги и страстей,
 Всю ничтожность жизни сей!
 Вдругъ померкнулъ свѣтъ лазури;
 Вадрогнулъ конь подъ сѣдокомъ;
 И, какъ море послѣ бури,
 Все умолкнуло кругомъ...
 Но зачѣмъ въ одно мгновенье
 Ужась, страхъ, недоумѣнье
 Пробѣжали по устамъ?
 Не прокрались ли къ стѣнамъ
 Ихъ опасные злодѣи,
 Чтобъ веселый пиръ Помпей,
 Этотъ праздности кумиръ,
 Превратить въ кровавый пиръ?...

И въ небѣ и долу дымъ черный клубами.
 Какъ бурное море, онъ все наводнилъ.
 То гордая спорить земля съ небесами:
 То страшный Везувій все небо затмилъ.
 Разлазился гулы подземнаго стона,
 И въ страхъ поверхность земная дрожить,
 И лава, подобно волнамъ Флегетона,
 Изъ мрачнаго аѣва Вулкана бѣжитъ;
 И стелется пепель, какъ туча густая,
 Какъ саванъ могильный по мертвымъ холмамъ,
 И прадають камни, въ дыму исчезая,
 Къ подернутымъ страшною мглой небесамъ.

Безнадежно въ грозномъ страхѣ
 Цѣпнѣющій народъ,
 Какъ отступленникъ на плахѣ
 Необходимой смерти ждетъ.
 Часъ насталъ: изъ тайной урны
 Вынуть жребій роковой,
 И — залилъ Помпею бурный
 Токъ кипящій, огневой!...

Но что жъ возмутило земную утробу?
 Прогнѣвалось небо развратомъ людскимъ?

Оно ль, въ наказанье за гордость и злобу,
 Таковую погибель назначило нмъ?
 Иль было то, просто, явленье природы?...
 На это Помпея отвѣтствуетъ намъ...
 Пройдутъ поколѣнья, исчезнутъ народы;
 Но гибель ея передастся вѣкамъ.
 И живо пробудитъ она воспоминае,
 Какъ въ древнѣе годы за страшный порокъ,
 Въ примѣръ непокорнымъ, Творецъ въ наказанье
 Содомъ и Гоморру на гибель обрекъ...
 И скажетъ: забыли потомки былое —
 И казнь надо мной повторилась опять.
 А снова забудутъ — и снова святое,
 Правдивое мщенье васъ станетъ карать...
 Страшитесь же, люди, испытывать Бога!
 Да стихнуть порывы безумныхъ страстей,
 Смирится порочная жизни тревога —
 И Онъ сохранитъ васъ десницею Своею:
 Не вспыхнутъ вулканы безъ воли священной
 На гибель покорныхъ и кроткихъ сыновъ.
 И немогъенъ будетъ порывъ дерзновенный
 Разгнѣванной бури, кипящихъ валовъ,
 Но будетъ надъ ними та дивная сила,
 Что древле Пророкамъ покровомъ была;
 Что въ пропасти львиной спасла Давида,
 Что въ чревъ китовомъ Иону спасла.

М. П.....

ДОЧЬ ШУТА.

романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Придворные шуты.

Девятый годъ царствованія Императрицы Анны Иоанновны приближался къ концу.

Вѣсть о заключеніи мира съ Портою уже разнеслась. Коварные, недоброжелательные замыслы Швеціи рушились.

Страшный ударъ, нанесенный последней Петромъ Великимъ, глубоко запалъ въ душу ея. Стокгольмскій дворъ не могъ забыть потерю, понесенныхъ имъ отъ Нейштадскаго мира, и коварно выжидалъ случая отомстить за себя, пользуясь между тѣмъ всеми средствами, чтобы вредить своимъ союзникамъ.

Тягостная, хотя и блистательная, по своимъ результатамъ, война съ Турціею ослабила или, лучше сказать, раздробила силы Россіи. Шведы рѣшились воспользоваться этимъ, но страхъ, внушенный имъ могуществомъ сильнѣйшей въ то уже время европейской державы, былъ такъ великъ, что они дѣйствовали съ чрезвычайною осторожностью, и Россія успѣла разрушить ихъ замыслы, внезапно и совершенно неожиданно заключивъ миръ съ Турціею.

Императрица только-что выслушала подробный докладъ о положеніи дѣлъ, и съ нѣсколько утомленнымъ лицомъ, хотя и съ чувствомъ удовольствія въ сердцѣ, вышла изъ своихъ внутреннихъ покоевъ, въ сопровожденіи Курляндскаго герцога Бирона.

Аннѣ Іоанновнѣ минуло уже сорокъ шесть лѣтъ; она была роста средняго и, не смотря на быстро развившуюся, въ послѣдніе годы, дородность, сохранила величественную осанку. По окладу лица ее нельзя было назвать красавицей. Рябоватость и смуглый цвѣтъ даже придавали ему съ перваго взгляда нѣкоторую жестокость; но за то улыбка ея была невыразимо привлекательна.

Улыбка смягчала острое, проницательное выраженіе большихъ карихъ глазъ ея, открывала рядъ бѣлыхъ зубовъ, и придавала пріятное выраженіе устамъ.

Но Анна Іоанновна рѣдко улыбалась.

Правда, она часто смѣялась, но между смѣхомъ и улыбкой большая разница.

Особенно въ последнее время ею овладѣла невыразимая тоска.... Было ли то слѣдствіемъ развитія смертельной болѣзни, уже изнурявшей ее, или тайнаго сожалѣнія о злѣйшей власти, дарованной недостойному любимцу?...

Въ минуту раздумья, до нея какъ бы долетали неясныя стоны невинныхъ страдальцевъ, несчастныхъ жертвъ мнительности и неумолимой жестокости герцога Бирона, которому, особенно въ послѣдніе годы царствованія, она съ полною довѣренностію предоставляла все важнѣйшія дѣла государственныя. Быть можетъ, въ минуты невѣдомой тоски, она иначе смотрѣла на предметы, и страшное сомнѣніе вкрадывалось въ душу ея!... Точно ли все дѣйствія

любимца имѣли безкорыстную цѣль государственнаго, народнаго благосостоянія?...

Не были ли между стонами несчастныхъ страдальцевъ и такіе, которые прямо грознымъ обвиненіемъ возносились къ Престолу Царя Царей?...

Трудно рѣшить, что болѣе дѣйствовало въ эти минуты на Императрицу: тѣлесныя ли или нравственныя страданія? Неоспоримо, что и тѣ и другія невыносимо терзали ее....

Но являлся Биронъ.

По первому взгляду угадывалъ онъ расположеніе духа своей повелительницы, и съ кроткимъ, смиреннымъ видомъ вопрошалъ ее о причинѣ грусти.... Потомъ, у него всегда была наготовѣ какая нибудь радостная, утѣшительная вѣсть, въ которой онъ самъ игралъ важную роль, и — лицо Императрицы прояснилось. Биронъ съ коварнымъ краснорѣчіемъ описывалъ ей тогда мнимыя благодѣтельныя послѣдствія какихъ либо недавно принятыхъ мѣръ, казавшихся сначала тягостными для народа или государства, и — Императрица уже улыбалась....

Тогда, опасаясь возвращенія мрачныхъ мыслей, честолюбивый вельможа придумывалъ всевозможныя развлеченія, не отходялъ отъ Императрицы, или окружалъ ее своимъ семействомъ, и Анна Іоанновна, увлеченная удовольствіями, забывала свои сомнѣнія, и видя вокругъ себя одни веселія, радостныя лица, съ прежнею неограниченною довѣренностію полагалась на Бирона.

Мы уже сказали, что въ настоящую минуту на лицѣ Анны Іоанновны была написана нѣкоторая усталость. Ее утомили дѣла, которыми, по важности ихъ, она должна была заняться въ неположенное время, ибо было около семи часовъ вечера, а она, обыкновенно, привыкла выходить изъ своихъ покоевъ въ четыре часа.

Любя роскошь и пышность до чрезвычайности, Анна Іоанновна пересодѣвалась въ день отъ трехъ до четырехъ разъ.

Теперь на ней было богатое атласное платье розоваго цвѣта съ синеватымъ отливомъ и съ длиннымъ шлейфомъ. Края платья, у обнаженныхъ, роскошныхъ плечъ, также

несколько смугловатаго цвѣта, были обшиты дорогими кружевами; на полной круглой шеѣ блестяло бриллиантовое ожерелье.

Рядомъ съ Императрицею шель Биронъ въ дорогомъ бархатномъ свѣтлозеленомъ кафтанѣ французскаго покрою и съ широкимъ золотымъ шитьемъ; панталоны, такого же цвѣта изъ той же матеріи, были прикрѣплены у коленъ, надъ бѣлыми шелковыми чулками, золотыми пряжками, осыпанными драгоценными цвѣтными камнями; на шелковый жилетъ розоваго цвѣта съ узорами унадали густыя складки кружевной манишки.

Императрица не терпѣла темныхъ цвѣтовъ въ костюмахъ своихъ придворныхъ, и даже съдой Остерманнъ, когда его приносили больного во дворецъ, являлся въ костюмъ какого нибудь яркаго цвѣта.

Биронъ былъ озабоченъ. Идя возлѣ Государыни, онъ искоса бросалъ на нее испытующіе взгляды.

Войдя сегодня вечеромъ къ ней въ кабинетъ, онъ засталъ ее именно въ одну изъ минутъ тягостнаго расположенія духа, уже описаннаго нами.

Въ настоящее время Биронъ болѣе нежели когда либо страшился нерасположенія Императрицы. Такъ какъ миръ съ Турціею былъ заключенъ, то страшный соперникъ его, побѣдоносный Минихъ, долженъ былъ скоро воротиться въ Петербургъ, гдѣ у герцога уже былъ противникъ, не менѣе страшный, не менѣе опасный: Артемій Петровичъ Волынский.

Анна Иоанновна вступила въ длинную галерею, ведущую къ залѣ, въ которой она обыкновенно проводила вечера съ некоторыми приближенными придворными особами.

Галерея эта имѣла шаговъ шестьдесятъ въ длину и шаговъ пятнадцать въ ширину. Съ одной стороны ея были окна, а съ другой стѣна, увѣшанная разными оружіями. Въ этой же стѣнѣ была дверь въ залу. Вдоль ея тянулась длинная скамья, обитая малиновымъ бархатомъ.

По сторонамъ двери, въ которую вошла Императрица, стояли ружья разныхъ величинъ и формъ. Тутъ же находился порохъ, пули, дроби, пыжи, и вообще все нужное

для стрѣльбы. Противъ двери, на противоположномъ концѣ галереи, стояла черная доска, съ цѣлью, ярко освѣщенной двумя кинкентами съ рефлекторами.

— Не угодно-ли будетъ Вашему Величеству заняться стрѣльбой? спросилъ Биронъ, почтительно поклонившись и остановившись у двери.

Анна Иоанновна также остановилась въ перѣшности.

— Дайте мнѣ ружье, сказала она наконецъ.

Биронъ поспѣшилъ исполнить ея приказаніе.

— Которое прикажете, государыни? спросилъ онъ, остановившись у ружей, разставленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ.

— Винтовку, отвѣчала Императрица; но чрезъ минуту, какъ бы одумавшись, прибавила: — или нѣтъ, въ ознаменованіе счастливо заключеннаго мира съ Портою, я выстрѣлю изъ турецкаго ружья.

Герцогъ почтительно улыбнулся и подалъ Государынѣ длинное ружье, богато украшенное.

Анна Иоанновна ловко приложила ружье къ плечу и прицѣлилась.

Въ то же мгновеніе изъ двери въ сосѣднюю комнату выглянула странная голова съ черными, курчавыми волосами, смуглымъ лицомъ, маленькими живыми глазами и совиннымъ посомъ. Лицо это улыбалось, выставивъ на показъ два ряда длинныхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, зубовъ.

Нѣсколько секундъ цѣлилась Императрица. Наконецъ раздался выстрѣлъ, и надъ цѣлью развился маленькій флагъ.

Анна Иоанновна съ неудовольствіемъ пожала плечами.

— Возьмите, герцогъ, сказала она, отдавая ружье Бирону: — какая скука!... Ни разу не дамъ промаха!... Что это за удовольствіе!...

Въ то же самое мгновеніе въ сосѣдней комнатѣ послышался пронзительный визгъ.

Императрица съ изумленіемъ взглянула на дверь. На самомъ порогѣ лежало какое-то пестрое существо, комически кривлявшееся и жалобно визжавшее.

Анна Иоанновна поспѣшно подошла къ двери и узнала

одного из своих шутовъ, Педрилло, въ пестромъ существѣ, валявшемся на порогъ.

— Что съ тобою, Педрилло? спросила Государыня, улыбаясь при видѣ забавныхъ кривляній шута.

Педрилло продолжалъ визжать.

— Говори же, что съ тобою? повторила Анна Иоанновна.

— Не могу, не могу! отвѣчалъ Педрилло.

— Отчего не можешь? спросила Императрица.

— Маменька государыня, развѣ ты не видала, что убивалъ меня? завизжалъ шутъ.

Императрица засмѣялась.

Лицо Бирона прояснилось.

— Ну, вставай, вставай, бѣдный Педрилло, сказалъ онъ: мы пошлемъ за докторомъ.

Педрилло скоро вскочилъ.

— Ради Бога, не посылай! вскричалъ онъ, держась обѣими руками за лобъ: — я еще жива!... Ваша свѣтлость, — продолжалъ онъ: нѣтъ ли у тебя какойнибудь монеты?

— Зачѣмъ тебѣ? спросилъ Биронъ, между тѣмъ какъ Анна Иоанновна продолжала смѣяться.

— Шишка на лобъ вскочилъ, отвѣчалъ шутъ: — а моя покойница бабушка говорила, что шишка на лобъ значитъ прибилъ, а потому на ему всегда надо накладывать какойнибудь монетъ.... Ой, больно! ой, больно!...

— Экой ты жадный, Педрилло! сказала Императрица смѣясь.

— Нашъ братъ за серебряный рубль тянется, такъ жадни, а большой господинъ цѣлый государство къ рукамъ прибираетъ, да не жадна. Ой, ваша свѣтлость, дай поскорѣ одинъ монетъ, а послѣ будетъ поздно! и тремя шишка не закроешь!...

Биронъ бросилъ шуту двѣ золотыя монеты; Педрилло на лету схватилъ ихъ, приложилъ ко лбу и придерживая двумя пальцами, спросилъ, обратившись къ Императрицѣ:

— А что, маминька государыня, ты меня за Шведа что ли, принимаешь, что хотѣлъ застрѣлить изъ турецкой ружье?..

— Смотри, Педрилло! сказала Анна Иоанновна, погрозивъ пальцемъ: — я тебѣ не разъ запрещаю мешаться въ политику!...

Педрилло хотѣлъ что-то отвѣчать, но въ тоже мгновеніе къ нему сзади подскочилъ другой шутъ, невысокій, съ жидовскимъ типомъ лица и пейсиками, висѣвшими изъ подъ полосатой, разноцвѣтной шапочки.

Онъ ударилъ Педрилло по рукѣ, придерживавшей червонцы, послѣдніе покатались на полъ и шутъ съ жидовской фizioноміей съ жадностію бросился на одинъ изъ нихъ.

Педрилло скоро перевернулся, однимъ прыжкомъ вскочилъ на спину своего товарища, нагнувшася, чтобы поднять монету, и изъ всей мочи сталъ колотить его.

Анна Иоанновна громко смѣялась. Биронъ радостно улыбался, не дракъ шутовъ, а удовольствію своей повелительницы.

Пока шуты дрались, Императрица вошла въ залу, въ сопровожденіи своего любимца.

Кромѣ пышности, которою отличались все покои дворца, въ этой замѣтенъ былъ еще необыкновенный комфортъ. Весь полъ былъ покрытъ мягкимъ, дорогимъ ковромъ, стѣны были обтянуты темномалиновымъ бархатомъ съ золотыми тисненными узорами; мебель была самая удобная, покойная. На столахъ, передъ венеціанскими зеркалами, стояло множество самыхъ разнообразныхъ, уродливыхъ китайскихъ бездѣлушекъ, купленныхъ Императрицею на публичныхъ торгахъ китайскихъ товаровъ, производившихся во дворцѣ, въ такъ называемой Итальянской залѣ.

Въ одномъ углу, близъ каминна, на большой, шитой подушкѣ, спалъ, скорчившись человекъ, невысокаго роста и уже не молодыхъ лѣтъ. Возлѣ него и положивъ на него голову, лежала красивая лягавая собака.

То былъ Конвольскій, шутъ Императрицы Анны Иоанновны, главная должность котораго состояла въ присмотрѣ за любимой гончею собакою государыни.

Нѣсколько въ сторону отъ каминна находились еще два шута, — Пракасинъ и старшій Балакиревъ. Они сидѣли на коврѣ и грали въ карты; выигрывавшій щелкалъ проигрывавшаго по носу картой.

Наконѣцъ, въ самомъ темномъ углу, за стуломъ съ высокой спинкой, сидѣлъ на табуретѣ мужчина лѣтъ сорока, съ

небольшою лысиною, высокій, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, впалыми щеками и мрачнымъ взоромъ. Какъ бы ница уединенія посреди общаго шума, этотъ человекъ согнулся за спинкой стула, и не будучи никѣмъ замѣченъ, погружился въ глубокия размышленія.

Много долгихъ страданій оставили на лицѣ этого человека неизгладимыя слѣды, и безсильная борьба съ людьми и обстоятельствами привила чертамъ его какое-то безсмысленное выраженіе....

Этотъ человекъ былъ некогда счастливъ, знатенъ и гордъ.

Счастіе его было разрушено людьми, ближайшими его сердцу; гордость была унижена самымъ оскорбительнымъ образомъ, и самая знатность его еще болѣе увеличивала настоящее униженіе....

Несмотря на то, что ему было уже за-сорокъ лѣтъ, этотъ человекъ былъ въ костюмѣ камеръ-пажа того времени.

И этотъ юношескій костюмъ придавалъ еще болѣе печальный видъ его блѣдному, длинному лицу...

Противъ самаго камина, въ довольно далекомъ однакожъ разстояніи отъ него, стоялъ круглый столъ, состоявшій изъ бѣлой мраморной доски на точеныхъ и золоченыхъ ножкахъ. Онъ былъ окруженъ креслами.

Всѣ, исключая одного, были заняты придворными дамами, которыя, при появленіи Императрицы, встали со своихъ мѣстъ.

Анна Иоанновна пошла прямо къ незанятому креслу, и тяжело опустившись въ него, стала смотрѣть на драку двухъ шутовъ.

Послѣ нее сѣли и придворныя дамы; возлѣ Императрицы сѣдѣла герцогиня фонъ-Биронъ, жена любимца. Она была одѣта съ большею еще пышностію и роскошью, нежели сама Императрица, но также въ платьѣ самаго яркаго цвѣта.

Услышавъ знакомый смѣхъ, гончая собака, покоившаяся на своемъ дядькѣ, подняла голову, зѣвнула, встала, потянулась, и верти хвостомъ, побѣжала къ Государынѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ вскочилъ и дядька собаки, и послѣдовалъ за нею.

Погладивъ голову собаки, Анна Иоанновна стала усыкать

ее на шутовъ, продолжавшихъ драться и визжать посреди комнаты, отнимая другъ у друга деньги.

Собака, граціозно припрыгивая, стала бѣгать около нихъ и лаяла дребезжащимъ, глухимъ голосомъ избалованныхъ комнатныхъ собакъ.

Услышавъ лай и отнявъ, наконецъ, у своего противника червонецъ, Педрилло отскочилъ, прыгнулъ съ ловкостію итальянскаго паяца на стулъ, схватилъ со стола скрипку и заигралъ на ней какую-то живую, веселую пѣсню, вѣроятно, въ знакъ торжества своего надъ соперникомъ.

Послѣдній же медленно и кряхтя поднялся съ полу; на щеку его была порядочная царапина; погрозивъ кулакомъ Педрилло, онъ сдѣлалъ гримасу собакъ и ушелъ въ уголъ.

Императрица и, вслѣдъ за нею, всѣ придворныя дамы и Биронъ, громко смѣялись.

— Ай да, Педрилло, молодецъ! сказала Анна Иоанновна: — герцогъ, дайте ему еще червонецъ отъ меня...

— А первые-то чьи, какъ не твои же... проворчалъ въ полголоса побѣжденный шутъ.

— Что ты тамъ ворчишь, Коста? сердито спросилъ Биронъ.

— Ктѣ? я? съ притворнымъ изумленіемъ спросилъ Коста: — я ничего не сказалъ.

— Ему досадно, что Педрилло одолевъ его, сказала одна изъ придворныхъ дамъ.

Педрилло между тѣмъ кланялся Бирону за третій червонецъ.

— Совсѣмъ не досадно, отвѣчалъ Коста: — я напротивъ, радъ, когда вы ему дадите деньги... Тогда онъ скорѣе увидѣть! прибавилъ онъ съ язвительной усмѣшкой.

Педрилло на минуту смѣшался; но тотчасъ же поправился и смѣло отвѣчалъ.

— Долго твой будетъ ждать, жиденокъ!... Могу ли я ухватъ, когда недавно женился на твоей родственницѣ!

Общій смѣхъ послѣдовалъ за этими словами.

Педрилло былъ родомъ итальянецъ, Императрица, любя театральныя зрѣлища и музыку, и всѣми мѣрами стараясь поставить свой дворъ на совершенно европейскую ногу, приказала выписать изъ Италіи цѣлую труппу комедіан-

товъ и оркестръ музыкантовъ. Въ послѣднемъ находился Педрилло скрипачемъ. Замѣтивъ, что Императрица предпочитала итальянскія комедіи операмъ и вообще любила пошляться, Педрилло, какъ итальянецъ и, слѣдовательно, будучи отъ природы, нашелъ случай попасть въ число шутовъ Анны Иоанновны, и прекрасно исполнялъ свое дѣло.

Онъ былъ человекъ умный, хитрый, но бѣдный, привхавшій въ Россію единственно съ цѣлю понажитья, потомъ воротиться на родину, и тамъ вести спокойную, мирную жизнь гражданина, сыгравъ свою роль на сценѣ одного изъ обильнѣйшихъ событіями въ то время европейскихъ государствъ.

Императрица любила Педрилло, какъ человека простодушнаго, веселаго и хоть хитраго, но не злаго.

Послѣднія слова Педрилло, а именно, что онъ женился на родственницѣ Коста, были намекъ на слѣдующее приключеніе, доставившее итальянцу порядочную сумму денегъ.

Герцогъ Курляндскій сказалъ однажды Педриллу, что онъ женатъ на козѣ.

— Истинная правда, отвѣчалъ ему Педрилло съ глубочайшимъ почтеніемъ: — и такъ какъ это извѣстно вашей свѣтлости, то я осмѣлюсь просить объ одной милости...

— Какой? спросилъ Биронъ смѣясь.

— Жена моя скоро разрѣшится отъ бремени, и я осмѣлюсь просить въ гости къ родильницѣ Ея Величество со всемъ дворомъ...

— Зачѣмъ же это?...

— Я бѣдный человекъ, а у Русскихъ есть прекрасный обычай класть родильницѣ подъ подушки деньги... Авось я мнѣ что нибудь дадутъ на воспитаніе ребенка!...

Шутка эта была разглашена по всему двору, и Императрица охотно согласилась на желаніе своего шута.

Въ назначенный день весь дворъ собрался въ театръ. Отъ зрителей къ сценѣ была устроена лѣстница.

Подняли занавѣсъ, и всѣ увидѣли на сценѣ богато, но комически убранную брачную постель, на которой лежала коза.

Императрица первая взошла на сцену и положила подъ

подушку богатымъ подаркомъ. Вслѣдъ за нею тоже сдѣлали и всѣ придворные.

Коста былъ португальскій жидъ и старый, заслуженный шутъ, исправлявшій эту должность еще при Петрѣ Великомъ, назвавшемъ его царемъ Самоѣдовъ.

Всѣ говорили, что Коста чрезвычайно богатъ, хотя, или лучше сказать, потому, что онъ постоянно жаловался на свою бѣдность. Онъ былъ человекъ скрытный, корыстолюбивый, нетерпимый другими шутами и смѣшившій болѣе тѣмъ, что умѣлъ бѣсить своихъ товарищей, даже самаго Педрилло.

Говорили еще, что у Косты былъ въ Лиссабонѣ торговый домъ подъ чужою фирмою, но существовавшій его капиталомъ.

— Что же Балакиревъ сегодня молчитъ? спросила Императрица, обратившись къ шутамъ, игравшимъ въ карты.

— Эхъ, матушка, Ваше Величество, отвѣчалъ Балакиревъ, съ гримасами подставляя носъ подъ удары выигравшаго Пракасиа:—что же намъ, и дѣлать, какъ не молчать, когда вотъ эти умники говорятъ!...

Биронъ, можетъ быть, разсердился бы за эти слова, еслибъ гримасы, съ которыми Балакиревъ принималъ щечки въ носъ, не разсмѣшили его.

— Чѣмъ же они лучше васъ? спросилъ герцогъ.

— Какъ же, батюшка, ваша свѣтлость! отвѣчалъ Балакиревъ: — мы просто дураки, а поглядите-ка на Педрилло, да на Косту, они дураки-то съ кавалеріями!

И въ самомъ дѣлѣ, для отличія Педрилло и Косты отъ другихъ шутовъ, ихъ сдѣлали кавалерами ордена св. Бенедетты. Онъ состоялъ въ маломъ крестѣ, и шуты носили его на красной лентѣ въ петлицѣ.

Пракасинъ пересталъ бить Балакирева по носу; шутка послѣдняго показала ему нѣсколько дерзкою, и онъ боозливо посмотрѣлъ сперва на Балакирева, потомъ на Бирона.

Но Биронъ уже отвернулся къ Пракасиу, краснощекому толстяку, прилежно тасовавшему карты.

— А ты что скажешь, толстякъ? спросилъ его Биронъ, чтобы переменить разговоръ.

Пракасинъ, продолжая тасовать карты, отвѣчалъ на распѣвъ:

— Не всякое слово за дѣло считай,
А иное-скачь мимо ушей пропускай.
Слово безногого—не брелить,
А часто до дѣла доводитъ.

Балакиревъ вскочилъ, спрятался за стулъ Императрицы и отвѣчалъ также на распѣвъ:

— Ау, мой свѣтъ!
Каковъ привѣтъ,
Таковъ отвѣтъ.

Не смотря на всю свою привязанность къ любимцу, Императрица въ кругу близкихъ себя особъ позволяла шуткамъ подшучивать иногда и надъ нимъ. Впрочемъ, эти шутки обходились имъ, болѣею частью, очень дорого, ибо злопамятный Биронъ не скоро забывалъ обиду и всегда находилъ случай, рано ли, поздно ли, выместить ее на спящихъ шутниковъ.

Скрывъ свою досаду, Биронъ счелъ за приличнѣйшее замѣяться, и тѣмъ дать волю съ трудомъ удерживаемому смѣху придворныхъ.

— Полно, дураки, сказали онъ, принужденно смѣясь:— вы мнѣ надоели!

— Промолчалъ, не отвѣчалъ,
Потому согласенъ сталъ,

пронѣлъ сквозь зубы Пракасинъ.

— Некаль обороны,
Пѣтухъ у вороны,
И сдѣлался грѣхъ.
Что и курамъ на смѣхъ!

отвѣчалъ прежнимъ тономъ Балакиревъ.

— Довольно, дураки! повстрѣлъ строгимъ голосомъ Биронъ.

— Довольно ли, матушка-государыня? спросилъ Балакиревъ, выгнувъ изъ за стула Императрицы.

— Поди, поди, играй себя въ карты! сказала Императрица смѣясь, и ударивъ шута по головѣ въеромъ.

Балакиревъ однимъ прыжкомъ очутился опять противъ Пракакина. Последний, проворчавъ еще какую-то пословицу сквозь зубы, принялся сдавать карты.

ГЛАВА II.

КВАСНИКЪ.

Анна Иоанновна опустила въ кресло и вздохнула, какъ бы для того, чтобы облегчить грудь послѣ продолжительнаго смѣха. Потомъ, прищуривъ глаза, окинула медленнымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ дамъ, и спросила своимъ громкимъ, несколько мужскимъ голосомъ:

— А гдѣ принцесса?

— Принцесса приказала просить извиненія у Вашего Величества, отвѣчала фрейлина Юліана Менгенъ, повѣренная и любимица принцессы Анны, супруги принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Антона-Ульриха:—она нездорова и докторъ запретилъ ей выходить изъ своихъ покоевъ.

— Нездорова? съ участіемъ спросила Императрица.—Что съ нею?

— Она съ самаго утра чувствуетъ сильную дурноту и необъяснимое разслабленіе во всемъ тѣлѣ, отвѣчала фрейлина, опустивъ глаза.

— А!... произнесла Анна Иоанновна съ удовольствіемъ: давно ли стали показываться эти признаки...?

— Сегодня третій день....

Императрица улыбнулась и значительно взглянула на Бирона. Въ тоже самое время взоръ ея остановился на часахъ, стоявшихъ между двумя окнами, на столѣ, между множествомъ бездѣлушекъ.

— Ахъ, Боже мой! сказала она: какъ скоро идетъ время!... Уже половина девятого.... До ужина осталось только полчаса....

— И я долженъ буду просить у Вашего Величества позволенія удалиться... сказалъ Биронъ.

— За чѣмъ? съ живостію спросила Императрица.

— Надобно непременно сегодня же вечеромъ разсмотреть весь полученныя депеши отъ фельдмаршаловъ... Мы должны обратить теперь величайшее вниманіе на ратификацію мира. Швеція, Польша....

— Э, Боже мой! вѣчно дѣла, дѣла! съ неудовольствіемъ вскричала Анна Иоанновна:—всему свое время, герцогъ! Зачѣмъ такъ много хлопотать о ратификаціи мира? Турція должна быть счастлива тѣмъ, что и, Россійская Императрица, предлагаю ей миръ!... А если она заупрямится, такъ я пошлю Миниха въ Константинополь!...

Послѣднія слова были произнесены съ гордымъ величіемъ и сознаніемъ, быть можетъ, нѣсколько опрометчивымъ въ то время, своихъ силъ.

— А Швеція?

— Э, герцогъ стоитъ ли безпозаботиться о Швеціи! Я знаю, что тамъ *колмаковъ* болѣе, нежели *шапокъ*, * а головъ еще менѣе!... Вы же, герцогъ, докладывали мнѣ, что нашъ посланникъ, графъ Бестужевъ, проникъ въ тайны Стокгольмскаго двора и, кажется, сообщенія его не имѣютъ ничего устрашительнаго!...

Императрица говорила скоро и съ убѣжденіемъ. Она хорошо знала весь ходъ тогдашнихъ дѣлъ, лучше, можетъ быть, нежели все министры ея, и гордилась этимъ. Но этимъ ограничивалось почти все участіе ея въ правленіи.

Анна Иоанновна знала; дѣйствовалъ и рѣшалъ за нее Биронъ.

Онъ слушалъ ее внимательно.

Всѣ молчали, и только нѣсколько грубоватый, твердый голосъ Императрицы прерывалъ тишину, господствовавшую въ залѣ.

Герцогиня Биронъ, фрейлина Менгенъ и другія прид-

* Въ Швеціи были тогда двѣ партіи. Одна называлась партіею *шапокъ* и состояла изъ дворянства, военныхъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ; она требовала войны. Другая—партія *колмаковъ*, находилась подъ предводительствомъ короля и состояла изъ людей пожилыхъ, болѣе опытныхъ и знавшихъ силы Россіи: эта партія настоятельно требовала сохраненія мира.

ворныя дамы сидѣли сложа руки, и съ трудомъ удерживались отъ зѣвоты.

Конвольскій гладилъ мягкую шерсть гончей собаки, оспаривавшей у него половину подушки.

Пракасиѣ и Балакиревъ продолжали играть въ карты, извѣщаясь знаками.

Педрилло усѣлся на стулѣ на корточкахъ, подперевъ обѣ щеки руками, разинувъ ротъ и выгаращивъ глаза на Императрицу.

Одинъ Кѣста ползъ вдоль стѣны съ осторожностью кошки.... Онъ, по видимому добирался до мрачнаго камеръ-пажа....

— Въместо того, чтобы пользоваться случаемъ, продолжала Анна Иоанновна:—Швеція теряла время на ничтожныя жалобы и переговоры. Вы знаете, герцогъ, въ какихъ обстоятельствахъ была Россія въ прошедшемъ, 1738 году?... Тогда-то и следовало Швеціи приступить къ дѣлу!... А она все выжидала случая... и дождалась того, что мы, заключивъ миръ съ Портою, будемъ имѣть возможность соединить, сосредоточить свои силы!... Тогда милости присимъ!...

Императрица говорила съ такимъ жаромъ и такъ скоро, что должна была перевести дыханіе.

Кѣста все пробирался близъ стѣны, и былъ уже близокъ къ своей цѣли.

— Ваше Величество, сказалъ Биронъ:—я узналъ навѣрное, отъ моихъ агентовъ, что Поляки намѣрены требовать вознагражденія за всѣ убытки, причиненные имъ нашею арміею, во время прохожденія ея чрезъ Польшу....

— Такъ что же? возразила Императрица съ живостію и со свойственною женщинамъ быстротою соображенія:—отдать имъ оставленные нами въ 1738 году въ Польшѣ бомбы, ядра и другіе артиллерійскіе снаряды!

Биронъ невольно улыбнулся.

— Чтобы заставить ихъ принять эти снаряды, возразилъ онъ:—надобно будетъ развѣ объявить Польшѣ войну! Только въ такомъ случаѣ они могутъ пригодиться имъ.

— Ахъ, какая скука! вскричала Императрица съ неудовольствіемъ:—вѣдь они не жалуются еще?...

— Нѣтъ, но я узналъ, что графъ Огинскій уже назначенъ посланникомъ къ Вашему Величеству....

— Ну, прїѣдетъ, тогда и увидимъ!

— Худо, если онъ застанетъ насъ въ расплохъ. Тогда всѣ выгоды будутъ на его сторонѣ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы приготовиться....

— Къ чему?... Прїѣдетъ Огинскій, мы назначимъ комиссаровъ, которые изслѣдуютъ убытки на мѣстѣ и оценятъ....

— А потомъ?

— Потомъ заплатимъ, коли нужно!

Едва Императрица произнесла эти слова, какъ въ темномъ углу залы послышался шумъ и стукъ.

Въ то же время стулъ съ высокой спинкой упалъ и открылъ длинную, худощавую фигуру камеръ-пажа, дико вскрикнувшаго....

На плечахъ у него сидѣлъ Коста.

Внезапный шумъ заставилъ вздрогнуть Императрицу и придворныхъ дамъ.

Послѣ общаго движенія испуга наступила минута молчанія, потомъ всѣ разразились громкимъ смѣхомъ.

Свѣтъ отъ шести свѣчей, стоявшихъ на столѣ въ большихъ серебряныхъ шандалахъ, достигалъ до блѣднаго лица камеръ-пажа....

Оно было блѣднѣе обыкновеннаго, и рѣзко отдѣлялось отъ темно-малиновыхъ бархатныхъ обоевъ.

Онъ стоялъ неподвижно, и такъ внезапно, такъ неожиданно былъ выведенъ изъ размышленій, въ которыя погружился, что не могъ еще придти въ себя. Глаза его неподвижно устремились впередъ; губы дрожали.

Коста сидѣлъ у него на плечахъ и съ ужимками гладилъ и цѣловалъ лысину пожилаго камеръ-пажа....

Громкій смѣхъ привелъ послѣдняго въ себя. Онъ вздрогнулъ; во впалыхъ, черныхъ глазахъ его блеснула молнія, кулаки судорожно сжались, и чувство сознанія собственного достоинства придало гордое, почти величественное выраженіе лицу его....

Но это была одна молнія.

Глаза его опустились, брови сдвинулись, и быстрымъ движеніемъ, столь же неожиданнымъ, какъ и нападеніе на него

Косты, онъ сбросилъ его съ плечъ и ушелъ въ уголь, бросивъ изъ подлобья взглядъ на Бирона, смѣявшагося громче другихъ.

Старый камеръ-пажъ былъ также шутъ, но особеннаго разряда. Товарищи его были шуты дѣйствительные, а онъ страдательный. Надъ нимъ болѣе всего потѣшался Коста, къ общему удовольствію. Все то, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы внушить состраданіе и даже страхъ, смѣшило въ немъ.

Камеръ-пажъ былъ всегда мраченъ, молчаливъ; придворные находили, что и мрачный видъ его и молчаніе чрезвычайно забавны. Сначала безпрестанный смѣхъ, преслѣдовавшій бѣдняка, раздражалъ его до бѣшенства, потомъ, мало-по-малу, онъ привыкъ къ нему и несъ свое бремя съ покорностію....

Падая на полъ съ плечъ высокаго камеръ-пажа, Коста ударился объ край стула, и насмѣшки присутствующихъ обратились на него.

— Бѣдный Коста! сказала Императрица, утирая слезы, вызванныя смѣхомъ на глаза ея:— тебѣ сегодня несчастливится.... Но что сдѣлалось съ Квасникомъ? Онъ сегодня необыкновенно мраченъ.

Кличка стараго камеръ-пажа была *Квасникъ*.

— Его сїятельство, кажется, влюбленъ, сказалъ Биронъ, внезапно переставъ смѣяться, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то.

— Влюбленъ!... спросила Анна Иоанновна.

— Да, продолжалъ Биронъ, съ удареніемъ на каждомъ словѣ:—его сїятельство по вечерамъ ходитъ на ту сторону Невы.... къ мамой Невкѣ....

Квасникъ быстро поднялъ голову и пристально взглянулъ на герцога.

Пракасинъ перемигнулся съ Балакиревымъ, но послѣдній, замѣтивъ, что Биронъ посмотрѣлъ и на него, равнодушно продолжалъ играть въ карты.

— Вѣдь правда? продолжалъ герцогъ, обращаясь къ Кваснику:—ходите!...

— Хожу, отрывисто отвѣчалъ Квасникъ.

Придворныя дамы хотѣли было засмѣяться, но видя, что

Императрица не смѣялась, а съ любопытствомъ смотритъ на Бирона, онъ разсудили, что должно быть въ этомъ отрывистомъ *хожу* нѣтъ ничего смѣшнаго.

— А за чѣмъ ты туда ходишь? спросила Императрица.

— Прогуляться, отвѣчалъ камеръ-пажъ.

— Въ сѣренкій, деревянный домикъ, съ голландскими окнами и черепичною кровлей... сказалъ Биронъ.

Квасникъ опять вытаращилъ на него глаза.

Пракасицъ, продолжая играть, запѣлъ:

Что кому нѣжды и что кому дѣла,
Что съ кумомъ кума покумившись сидѣла?

Балакиревъ ему отвѣчалъ:

— Не прошеной Федось,
И къ спросу и не къ спросу,
Втыкаетъ всюду носъ:
Федосу быть безъ носу.

Пракасицъ прибавилъ:

— Точить Фролъ балы
Семиголовалы;
Кому до чего,
А Фролу до всего!

Биронъ бросилъ грозный взглядъ на игравшихъ въ карты. Они притворились будто ничего не видятъ и преспокойно продолжали играть.

Потомъ, обращаясь къ Кваснику, герцогъ продолжалъ:

— А за чѣмъ, ваше сіятельство, изволите ходить туда каждый вечеръ?

Квасникъ не отвѣчалъ.

— Не угодно ли будетъ Вашему Величеству допросить его, сказалъ Биронъ, обращаясь къ Императрицѣ.

— Квасникъ, ступай сюда! сказала она.

Камеръ-пажъ повиновался, и медленными, мѣрными шагами подошелъ къ самому мраморному столу.

Лицо его вполне освѣтилось. По чертамъ Квасника можно еще было судить о прежней красотѣ его.

— Зачѣмъ ты ходишь... началъ Биронъ.

— Въ сѣренкій домикъ, съ голландскими окнами и черепичной кровлей! договорилъ скороговоркой Балакиревъ:— Экая у меня память славная!

— Ты смотришь такимъ несчастнымъ, что я начинаю думать, что ты въ самомъ дѣлѣ влюбленъ, сказала Императрица.

— Влюбленъ, отвѣчалъ Квасникъ.

— Въ кого? спросила Анна Иоанновна.

— Въ женщину.

— Разумѣется не въ козу, какъ Педрилло, сказала Императрица, любопытство которой было возбуждено словами Бирона.— Кто же эта женщина?

— Дочь моего друга.

— А другъ твой кто?

— Человѣкъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Ничѣмъ.

— Но чѣмъ онъ живетъ?

— Пенсіей.

— А! такъ онъ, вѣрно, отставной?

— Да.

— Гдѣ же онъ служилъ?

— У меня.

Императрица засмѣялась; придворныя дамы сочли за нужное захохотать. И въ самомъ дѣлѣ, это у меня было сказано такъ забавно.

— Зачѣмъ же ты не женишься на ней, коли влюбленъ? спросила Императрица.

Квасникъ, стоявшій до этихъ поръ съ опущенными глазами, вдругъ поднялъ ихъ и съ выраженіемъ испуга посмотрѣлъ на Анну Иоанновну. Потомъ, опять опустивъ глаза, онъ отвѣчалъ:

— Не могу.

— Отъ чего? спросила Императрица.

— Она слишкомъ молода для меня.

— А которой ей годъ?

ГЛАВА III.

ДОМЪ ВЪ ТѢНИ.

— Восемнадцатый.

— Это не бѣда! Женись, Квасникъ.

— На свадьбу нужны большіе расходы, а я бѣденъ.

— Ничего! сказала Императрица:— я беру все расходы на себя.

Каммеръ-пажъ съ большою еще боязнію посмотрѣлъ на Анну Иоанновну, и не отвѣчалъ.

— Что же вы не благодарите за милость, ваше сіятельство? сказалъ Биронъ.

Въ это самое время пробило девять часовъ.

Анна Иоанновна вела чрезвычайно правильный образъ жизни. Въ девять часовъ она, обыкновенно, ужинала. Она встала.

— Слышишь, Квасникъ, сказала она, идя къ двери:— я непременно желаю, чтобы ты женился. Завтра же вечеромъ ты долженъ дать мнѣ отвѣтъ.... Скажи своей невестѣ, что я желаю осчастливить ее.... Слышишь? Чтобы завтра все было рѣшено.

Опершись на руку Бирона, Императрица вышла въ галерею. Придворныя дамы и дежурные шуты, Педрилло, Балакиревъ и Конвольскій съ собакою, послѣдовали за нею.

Проходя мимо Квасника, старшій Балакиревъ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него.

Пракасинъ собралъ карты и подошелъ къ каммеръ-пажу.

Тотъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, въ раздумьи, опустивъ голову на грудь.

Кѣста ходилъ около стульевъ и посматривалъ, не потеряла ли которая нибудь изъ придворныхъ дамъ чего либо, что онъ могъ бы присвоить себѣ.

Слуга пришелъ гасить свѣчи.

— Пойдемте, князь, поздно! сказалъ Пракасинъ, коснувшись плеча Квасника.

Послѣдній вздрогнулъ, поднявъ голову, осмотрѣлся, и вздохнувъ изъ глубины души, сказалъ:

— Да, да.... слышу!... завтра все будетъ рѣшено.

Квасникъ и Пракасинъ вышли вмѣстѣ.

Ясно поднялась луна на небѣ, обливая своимъ синевато-блѣднымъ свѣтомъ новорожденную столицу сѣвера.

Не было еще десяти часовъ.

Послѣдніе огни угасли въ окнахъ домовъ. Въ десять часовъ Петербургскіе жители должны были ложиться спать.

Въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и то въ главнѣйшихъ частяхъ города, горѣли фонари, но горѣли ту-ско. Сильный морозъ подернулъ стекла ихъ ледяною корою.

Даже въ самомъ дворцѣ, въ немногихъ только окнахъ виднѣнъ былъ свѣтъ, и темная масса его рѣзко отдѣлялась отъ свѣтло-синяго неба и высилась надъ окружающими Морскими и Греческою улицами, превращенными недавними, страшными пожарами въ пепелище, надъ которымъ мѣстами росли уже каменныя зданія. Имяннымъ повелѣніемъ Императрицы запрещено было строить въ этихъ улицахъ деревянные дома.

У главнаго дворцоваго крыльца, на набережной Невы, обложенной уже гранитомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажный театръ, стояла карета, запряженная четверкой лошадей цугомъ.

Свѣтъ отъ фонарей у крыльца падалъ на карету и разсыпался на ней въ тысячи искръ. По темномалиновому полю она вся была украшена мѣдными, вызолоченными, выпуклыми орнаментами. Въ два окна, находившіяся съ каждаго боку, по сторонамъ дверецъ, и въ самыя дверцахъ, были вставлены цѣльныя, толстыя, зеркальныя стекла. Ручки на дверцахъ были изъ чистаго серебра, а герцогская корона, занимавшая на дверцахъ мѣсто герба, изъ чистаго золота.

Красивыя лошади нетерпѣливо ржали, роя копытами затвердѣвшій отъ сильнаго мороза снѣгъ.

Кучеръ, въ стромъ суконномъ сюртукѣ, стянутомъ въ тальѣ, со множествомъ воротниковъ, и въ треугольной

шляпъ, изъ подъ которой торчала косичка, похаживалъ назадъ и впередъ, съ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ и по нѣмецки бранилъ русскую зиму. Маленькій форрейторъ забился въ будку часового.

На запяткахъ кареты сидѣлъ челоуѣкъ, закутанный въ шубу. Нетерпѣливо стучалъ онъ ногами, обутыми въ сафьянные сапоги, подбитые мѣхомъ, объ заднюю ось. Лицо его было закрыто да самыхъ глазъ, посматривавшихъ на уголъ дворца, за которымъ начиналось уже новое строеніе Зимняго дворца, и поныиъ величественно господствующаго на берегахъ Невы.

Изъ-за угла вышли два челоуѣка въ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ.

Челоуѣкъ, сидѣвшій на запяткахъ, вздрогнулъ, соскочилъ съ козелъ и спрятался за будку.

Незнакомцы остановились, поговорили о чемъ-то, потомъ разстались.

Одинъ изъ нихъ скоро пошелъ вдоль дворца и обошелъ карету, стоящую у крыльца, и направилъ шаги къ Фонтанной рѣчкѣ.

Другой медленно перешелъ къ самому берегу рѣки, и спустившись на ледъ, оглянулся; не видя никого ни за, ни предъ собой, онъ ускорилъ шаги и пошелъ по извилистой тропинкѣ, протоптанной по густому снѣгу.

Челоуѣкъ, спрятавшійся за будкой, вышелъ оттуда, и нерѣшительно посмотрѣвъ около секунды на двухъ удалявшихся незнакомцевъ, рѣшился послѣдовать за первымъ.

Тотъ продолжалъ идти скоро, оглядываясь по временамъ, но преслѣдовавшій его скользилъ, какъ кошка, скрываясь то за выступами домовъ, то въ углубленіяхъ воротъ и заборовъ, то въ тѣни.

Они прошли такимъ образомъ Красную улицу и подошли къ Царицыну лугу. Впереди видны были массы деревь Лѣтняго сада, опушенные инеемъ.

Мы уже сказали, что ночь была лунная. Вся площадь Царицына луга была облита свѣтомъ.

Незнакомецъ остановился въ нерѣшимости. Слѣдовавшій за нимъ спрятался за кучу кирпича, лежавшаго передъ недостроеннымъ домомъ.

Ночная тишина была прерываема только отдаленнымъ шумомъ легкаго ночнаго вѣтра, пробѣгавшаго между деревьями Лѣтняго сада, и мѣрными шагами невидимаго еще ночнаго патруля, приближавшагося по одной изъ соседнихъ улицъ.

Незнакомецъ не долго думалъ. Ускоривъ шаги, онъ почти бѣгомъ отправился наискось черезъ площадь.

Слѣдовавшій за нимъ также поспѣшно сталъ пробираться въ тѣни домовъ и смежныхъ съ ними садовъ, не рѣшаясь, по видимому, пуститься на свѣтъ.

Едва онъ дошелъ до берега *Мои* или *Мойки*, какъ наткнулся на патруль.

— Кто идетъ? закричалъ дозорный десятскій, начальствовавшій патрулемъ.

— Не задерживайте меня, сказалъ таинственный челоуѣкъ, и подойдя къ десятскому, представилъ ему какой-то значекъ.

Десятскій почтительно поклонился, и пропустивъ его, пошелъ далѣе со своей командой.

Незнакомецъ между тѣмъ перешелъ уже черезъ площадь, и спустившись на *Мойку* шелъ къ Фонтанной рѣчкѣ.

Выйдя на другой берегъ онъ остановился, опершись на деревянныя перила, поставленныя на берегу, укрѣпленныя сваями, и задумался.

Передъ нимъ, облитая луннымъ свѣтомъ, высилась новая, каменная церковь Св. Пантелеймона. По ту сторону площадки, окружавшей церковь, стоялъ двухэтажный каменный домъ, красивой въ тогдашнее время, но нѣсколько приземистой архитектуры.

По изобилію довольно странныхъ украшеній, колоннъ, статуй и бюстовъ, исчезавшихъ подъ слоемъ покрывавшаго ихъ снѣга, можно было угадать, что это былъ домъ барскій.

Съ другой же стороны, недостатокъ опрятности, чистоты, перваго украшенія барскихъ домовъ, доказывалъ, что домъ этотъ, изменивъ первому своему назначенію, попалъ въ чужія, недостойныя руки.

Длинная тѣнь, падавшая отъ церкви, ложилась на этотъ

домъ, и придавала ему еще болѣе мрачный видъ посреди окружавшихъ его мазанокъ, бѣлый цвѣтъ которыхъ блестялъ, какъ серебро, при лунномъ свѣтѣ....

На этотъ домъ былъ устремленъ задумчивый взоръ незнакомца....

На противоположномъ берегу Фонтанной рѣчки за нимъ уже слѣдили два, по вѣдомому, враждебные глаза, выглядывавшіе изъ за рѣшетки Слоноваго двора.

— Все миновалось! произнесъ незнакомецъ, грустно покачавъ головою, и какъ-будто слова неволью вырывались изъ стѣнной груди его.—Счастье и униженіе.... семья и одиночество.... радость и горе!... И какой странный случай!... Какъ въ этой тѣни, заброшенной церковью на мое прежнее жилище, ясно, краснорѣчиво выражается жизнь моя!...

Незнакомецъ замолчалъ.

Что-то горячее пробѣжало по щекамъ его, обхваченнымъ морозомъ.... то были двѣ слезы, въ одно мгновеніе превратившіяся въ ледъ на меховомъ воротникѣ шубы....

Незнакомецъ кивнулъ головою дому, какъ старому другу, потомъ оглянулся. На другомъ берегу, ближе къ Невѣ, между деревьями, мелькали огни въ окнахъ ярко освѣщенного еще Лѣтняго дворца.

Станъ незнакомца выпрямился, голова его гордо поднялась, и лицо, освѣщенное луной, приняло грозное выраженіе.... По направленію къ Лѣтнему дворцу, жилищу временщика, протянулъ онъ руку и, казалось, тихо шевелившіяся губы произносили проклятіе....

Потомъ, еще разъ осмотрѣвшись, плотнѣе закутавшись въ шубу и нагнувъ меховую шапку на глаза, онъ пошелъ далѣе, по направленію къ Невѣ.

Протяжно, уныло пробили часы десять, когда незнакомецъ проходилъ мимо Лѣтняго дворца, по всѣмъ угламъ котораго стояли караульные. Раздался послѣдній ударъ, и дребезжаніе его, подобно стону, разносилось еще по воздуху, когда незнакомецъ спустился на Неву по узенькой, крутой лѣстницѣ, выбитой возлѣ спуска въ твердомъ снѣгу.

Довольно широкая, прочищенная дорога, какъ бы огражденная съ обѣихъ сторонъ насыпями снѣгу, велъ въ двѣ

стороны: одна на Выборгскую сторону, другая на Петербургскій островъ.

Незнакомецъ повернулся на послѣднюю.

Человѣка, слѣдившаго за нимъ, не было видно.

Доидя до середины Невы, незнакомецъ своротилъ съ большой дороги на тропинку, ведущую на право, къ тому самому мѣсту, гдѣ начинается рукавъ Невы, обмывающій берега Петербургской стороны, тогдашняго Петербургскаго острова.

На самомъ берегу, у того мѣста, куда шелъ незнакомецъ, былъ довольно густой садъ, огражденный частоколомъ. Съ одной стороны возлѣ сада проходила довольно широкая улица, по лѣвую сторону которой было нѣсколько мазанокъ; по правую, на которой находился садъ, стоялъ сѣренькій домикъ, съ черепичною кровлею, почти квадратными окнами, а за нимъ тянулся длинный заборъ, конецъ котораго терялся въ сѣромъ, ночью туманѣ.

Заборъ ближе къ дому ограждалъ огороды, а далѣе кирпичный заводъ, съ черной задымленной крышей, на которой таялъ снѣгъ, отъ жара, проходившаго черезъ трубы или продушины, подылаемые въ крышѣ.

Лѣвая сторона улицы начиналась не наравнѣ съ правой, но уже противъ огородовъ. Передъ садомъ же была площадь, на концѣ которой, ближе къ Невѣ, стоялъ простенькій, наскоро срубленный домикъ.... Колыбель новой столицы! Пристанце Великаго Петра, первый камень основанія города, въ одно столѣтіе зачавшагося, взросло и ставшаго не только на ряду, но чуть ли не выше всѣхъ столицъ въ мѣрѣ!...

«Отдаю сердце Россіи отъ Европы, чтобы сблизить ее съ Европою», сказалъ Великій Петръ, и слова его сбылись....

Незнакомецъ пошелъ не по улицѣ, а вдоль частокола, утвержденного возлѣ свай, вбитыхъ, по вѣдомому, въ самую воду. Подойдя къ узкой калиткѣ, сплоченной изъ трехъ досокъ, соединенныхъ двумя поперечными брусками, и отъ которой досчатый, оледѣнѣлый мостикъ велъ къ круглому прорубу, незнакомецъ вынулъ изъ кармана ключъ, отперъ

тяжелый желѣзный замокъ, и вошелъ въ садъ, осмотрѣвшись на всѣ стороны.

Незнакомецъ исчезъ, калитка захлопнулась.

Наступила глубокая тишина; только на Выборгской сторонѣ, изъ чащи густаго сосноваго лѣса, слышалось страшное завываніе волковъ, не совсѣмъ еще выжитыхъ первоначальныхъ владѣтелей сѣверныхъ лѣсовъ и болотъ.

Нѣсколько минутъ спустя, за неровностями спаянныхъ морозомъ ледяныхъ глыбъ показалась тихо движущаяся тѣнь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокола тѣнь остановилась, вытянулась, присела и, наконецъ, слилась съ тѣнью, бросаемою возвышавшейся глыбою на бѣлый, серебристый снѣгъ.

Тотъ, чья была эта тѣнь, не показывался.

ГЛАВА IV.

ВѢРНЫЙ СЛУГА.

Въ одной изъ комнатъ сѣренькаго домика теплилась въ углу лампада передъ иконами, и разливала слабый, мерцающій свѣтъ на всѣ предметы.

Комната эта была не богато, но чисто убрана. Между почти квадратными окнами, плотно закрытыми снаружы ставнями, и около стѣнъ, стояли стулья, выкрашенные масляной краской подъ черное дерево и съ кожаными подушками, обитыми гвоздями съ круглыми мѣдными шапочками.

Посерединѣ стѣны, противъ оконъ, стоялъ кожаный диванъ, и надъ нимъ висѣло въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ нѣсколько гравюръ, изображавшихъ сюжеты изъ священнаго писанія.

У боковой стѣны, противъ двери и близъ иконъ, находился большой дубовый столъ съ дебельными, точеными ножками. На столѣ стоялъ желѣзный шандалъ съ незажженою свѣчю, а вокругъ него нѣсколько стульевъ.

По другую сторону стола, въ каминѣ, сложенномъ на гол-

ландскій манеръ изъ изразцевъ, разрисованныхъ синими букетами и вазами, съ трескомъ горѣли сырые еловые дрова, и около камина разливался болѣе яркій, красноватый свѣтъ, предъ которымъ блѣднѣло мерцающее лампады.

Близъ камина сидѣлъ человекъ, лѣтъ пятидесяти. Не смотря на довольно свѣжее, здоровое лицо, бѣлые волосы покрывали голову его.

Сложивъ руки на коленяхъ и опустившись на спинку стула, онъ дремалъ. Голова его покачивалась со стороны на сторону и по временамъ опускалась такъ низко, что потеря равновѣсія заставляла старика очнуться. Тогда онъ поднималъ голову и осматривался заспанными глазами.

Ни особеннаго ума, ни пронизательности не выражало лицо его, но оно было кротко, добродушно; по временамъ доброта сѣнялась выраженіемъ твердости характера.

Быть можетъ, найдутся читатели, которымъ недостатковъ ума и кротость покажутся несомвѣстными съ твердостью характера. На это мы отвѣтимъ, что твердость почти исключительная принадлежность двухъ крайностей: избытка и недостатка ума. Это не парадоксъ. Всѣмъ извѣстно, что люди недальняго ума упрямы до крайности: если жъ это упрямство направлено къ доброму, по инстинкту или подъ руководствомъ людей умныхъ, то оно принимаетъ всѣ виды настоящей благородной твердости....

Лаврентій Осипычъ Ивановъ, такъ звали старика, былъ некогда крѣпостнымъ человекомъ одной изъ знатнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Ему было около двадцати лѣтъ, когда онъ удостоился чести быть определеннымъ компаньоннымъ слугою къ молодому князю, съ которымъ впоследствии уже никогда не разставался.

Привязанность Осипыча къ своему господину была неограниченна. По одному слову, одному знаку, онъ отдавалъ бы за него жизнь свою.

Князь женился. Спусти годъ женился и слуга его. Добрый Лаврентій былъ счастливъ счастьемъ своего господина. Но не долго продолжалось это счастье. Година бѣдствій наступила.

У князя умерла жена. Горькія проливалъ онъ слезы, но ангельскія ласки малютки-дочери побѣдили отчаяніе его и

заставили князя снова привязаться къ жизни; вся любовь сердца его сосредоточилась на залогѣ, оставленномъ ему женою.... Но увь! сердцу его готовился еще ударъ, болѣе страшный, болѣе жестокой....

Къ князю прѣѣхала изъ Москвы тѣща, женщина стараго вѣка, безразсудно, слѣпо привязанная къ обычаямъ предковъ, исполненная предразсудковъ, безпрестанно возмущаемыхъ видомъ исполнскаго переворота, совершаемаго въ Россіи дѣйствіями Петра.

Однажды молодой князь вернулся домой изъ недалекой повздки, предпринятой имъ по приказанію Императрицы Екатерины, вступившей на престолъ, упраздненный смертію высокаго супруга ея. Дома не было ни тѣщи, ни дочери. На другой же день послѣ отъѣзда князя,—разсказывали слуги,—старуха собралась въ путь, будто бы по приказанію самого князя и увезла съ собою дочь его. Никто не зналъ, куда она уѣхала.

Князь былъ крайне огорченъ поступкомъ тѣщи и, не имѣя возможности удалиться изъ Петербурга, по дѣламъ службы, написалъ въ Москву и получилъ отвѣтъ, что тѣща его туда не возвращалась. Сердце князя сжалось страшнымъ предчувствіемъ, которое вскорѣ и оправдалось. Всѣ понски, всѣ справки его оказались безуспѣшными.

Наконецъ, случай повелъ его на слѣдъ старой похитительницы. Онъ вышелъ въ отставку, представивъ Императрицѣ причины, и уѣхалъ изъ Петербурга.

Своего вѣрнаго Лаврентія онъ не взялъ съ собою, не желая разлучать его съ семействомъ для путешествія, ни срока, ни цѣли котораго онъ самъ хорошенько не зналъ.

Шесть лѣтъ странствовалъ князь—и тщетно!

Неутомимые понски его не имѣли никакого успѣха, но всѣ дѣйствія и результаты повздки его достигли въ Петербургъ, за годъ до возвращенія его въ столицу, гдѣ ожидало его униженіе.... причины котораго читатель узнаетъ впоследствии.

Передъ своимъ отъѣздомъ, князь обезпечилъ судьбу своего стараго слуги. Отсутствіе его на волю, онъ выстроилъ для него небольшой домикъ, на берегу Невы, и тамъ поселилось счастливое семейство; но когда князь, послѣ возвраще-

нія своего, впервые навѣстилъ Лаврентія, то и домъ послѣдняго посетилъ уже несчастіе.

Осипычъ лишился жены и двухъ сыновей, и горе посыпало снѣгомъ голову его. Одно утѣшеніе оставалось еще старику.... то была дочь его, Елизавета, тихое, кроткое дитя, ласками и любовію старавшееся утѣшить отца, страдавшаго вдвойнѣ.... несчастіями своего господина и своими собственными.

Голова старика опять опустилась на грудь, но вдругъ три удара въ одинъ изъ ставней разбудили его.

Казалось, эти три удара совершенно разогнали сонъ, овладѣвавшій имъ; онъ вскочилъ, скоро вышелъ, и въ прихожей послышался стукъ снимаемаго запора.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ незнакомецъ, за которымъ мы слѣдили отъ самаго дворца до сѣревьяка домика.

Онъ былъ въ суконномъ полукафтанѣ темнаго цвѣта и обшитомъ мехомъ, и трудно было узнать въ этомъ человѣкѣ благородной, гордой наружности, нестраго шута, стараго камеръ-пажа, прозваннаго при дворѣ *Квасникомъ*.

А между тѣмъ, это былъ онъ.

Войдя въ комнату, онъ осмотрѣлся, и, обратившись къ сопровождавшему его старику, хозяину дома, спросилъ:

— Никого нѣтъ еще?

— Никого, ваше сіятельство, отвѣчалъ почтительно поклонившись хозяинъ.

— Странно, проговорилъ Квасникъ, какъ-бы про себя:—а я думалъ, что приду сегодня позже другихъ....

— Точно, ваше сіятельство, я самъ ждалъ васъ сегодня ранѣе, промолвилъ старикъ.

— Я заходилъ къ Пантелеймону, Осипычъ....

Старикъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Въ палатахъ, гдѣ все блестяло золотомъ и бархатомъ, гдѣ множество слугъ двигались по одному взгляду потомка древняго рода, теперь обитаютъ подлѣе слуги временщика, брата его по низкому происхожденію!... продолжалъ Квасникъ:—тамъ, гдѣ счастливый мужъ встрѣчалъ улыбку нѣжно любимой жены, гдѣ счастливый отецъ радовался ласкамъ

подроставшей дочери, тамъ теперь клеветы Бирона строятъ козни!... Тамъ, гдѣ раздавались одни слова любви, слышится теперь отвратительная ябеда!...

Осипычъ грустно покачивалъ головою.

— И хозяинъ этого дома, потомокъ славныхъ русскихъ бояръ, какъ ночной тать крадется къ нему, чтобы посмотреть на него, какъ на стараго друга, чтобы поклониться ему, какъ родному, какъ свидѣтелю минувшихъ счастливыхъ дней!...

Закрывъ лицо руками, Квасникъ опустился на стулъ, возмъ стола... Онъ хотѣлъ плакать, но не могъ; грудь его была сжата, и вмѣстѣ съ дыханіемъ изъ нея вырвались глухіе стоны.

Потомъ онъ отвелъ руки отъ лица, поднявъ голову и взоръ его остановился на иконахъ.... Долго и молча глядѣлъ Квасникъ на образа, и необъяснимое, тягостное выраженіе, подобно невольному упреку, вырвавшемуся изъ переполненной горестями души, появилось въ глазахъ его.

Осипычъ тихо подошелъ къ нему сзади, и произнесъ кроткимъ, умоляющимъ голосомъ:

— Ваше сіятельство, Михайло Дмитріевичъ.... не ходите болѣе къ этому дому.... вы всегда возвращаетесь отъ него болѣе грустные, огорченные....

Квасникъ оглянулся и посмотрѣлъ на старика, потомъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ.... я болѣе не пойду туда.... сегодня я хотѣлъ въ послѣдній разъ... проститься....

— Проститься? вскричалъ старикъ: нѣчто вы ѣдете?

— Да, да.... ѣду.... въ далекій путь!... Осипычъ, спросилъ Квасникъ, перебивъ тонъ: гдѣ мои деньги?

— У купца Митрохина, какъ вашему сіятельству извѣстно. Прикажете получить ихъ?... Въ такомъ случаѣ надобно предувѣдомить его, по крайней мѣрѣ, за недѣлю.

— Нѣтъ, не нужно.... Береги эти деньги, Осипычъ... Ты знаешь, часть ихъ принадлежитъ твоей дочери.... а остальные береги.... и дочери твоей и будущему мужу ея накажи, чтобы берегли.... Пускай они пользуются ими... по если... кто знаетъ?... Можетъ быть и найдегся.... И такъ, если

найдегся ребенокъ... О Боже, Боже! ей теперь должно быть лѣтъ восемнадцать.... Не правда ли, Осипычъ?

— Точно, ваше сіятельство, восемнадцать лѣтъ, отвѣчалъ Осипычъ печально.

— И какъ она должна быть хороша!... задумчиво продолжалъ Квасникъ:—она вся была въ мать!... Прелестными кудрями вились уже темнорусые волосы ея.... Ангельски смотрѣла она на меня своими голубыми глазами.... О, ради Бога! Осипычъ, береги эти деньги.... Быть можетъ, ты найдешь ее въ бѣдности, въ нищетѣ.... Спаси ее!...

— Михайло Дмитріевичъ, отвѣчалъ старикъ:—о деньгахъ не беспокойтесь.... Хотя бы я лишился послѣдняго, хоть бы мнѣ пришлось съ голоду умирать, такъ не трону ни одной вашей копѣйки!

— Знаю, мой вѣрный слуга, мой добрый другъ, сказалъ Квасникъ, положивъ руку на плечо старика:—знаю!...

Посмотрѣвъ на него съ выраженіемъ привязанности, Квасникъ продолжалъ:

— Мой бѣдный Осипычъ!... Мы не увидимся болѣе.... Я пришелъ проститься и съ тобою.... Прощай старикъ!

И Квасникъ протянулъ къ нему руку.

Хозяинъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ и спросилъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Куда же вы хотите вхатъ, ваше сіятельство?

— Далеко!...

— Неужто вы поведете безъ меня? Неужто вы не возьмете меня съ собою?...

Квасникъ промолчалъ съ минуту.

— Послушай, Осипычъ, сказалъ онъ, наконецъ:—подлые лазутчики Барона подсмотрѣли наши сходки.

Старикъ вздрогнулъ, но тотчасъ же поднялъ голову и отвѣчалъ спокойно:

— Тѣмъ болѣе я не могу оставаться здѣсь. Отставной бригадиръ Лопатинъ давно уже спрашивалъ меня, не продамъ ли я ему свой домъ. Завтра же утромъ отправлюсь къ нему и покончу все дѣло....

— Напрасно, прервалъ его Квасникъ:—этимъ ты только увеличишь подозрѣнія.... а отъ лазутчиковъ Бирона не уйдешь!... Сегодня онъ при Императрицѣ спросилъ меня, за-

чѣмъ я хожу сюда и въ то же время-значительно посмотрѣлъ на Пракасина.... Видно, ему не все еще извѣстно.... иначе онъ не сталъ бы мѣшкать.... Но, по счастью, сама Императрица дала мнѣ средство отговориться. Я сказалъ Ея Величеству, что влюбленъ въ твою дочь....

Осипычъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Квасника.

— Императрица приказала мнѣ жениться на ней....

Осипычъ разинулъ ротъ.

— Завтра я доложу Императрицѣ, что получилъ отказъ... что дочь твоя любитъ другаго.... что....

— Ваше сіятельство! вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками:—да статочное ли это дѣло, чтобы дочь моя осмѣлилась отказать вамъ!.. Да кто этому повѣрять?....Лучше скажите, что вы сами разлюбили ее!

Квасникъ невольно улыбнулся.

— Ахъ, ты Боже мой! да послушали бы, ваше сіятельство, какъ она говорить объ васъ!.... Голову готовъ прозакладовать, что она и теперь сидитъ у себя въ каморкѣ, да выжидаетъ случая, когда я ее зачѣмъ нибудь позову, чтобы взглянуть на васъ, нашего благодѣтеля!....

Квасникъ грустно покачалъ головой:

— Все равно, Осипычъ!....Это ни къ чему не послужить.... Я самъ знаю, что слова мои не подѣйствуютъ.... что отговорка, придуманная мною, не переѣмнитъ воли государыни, но....я не все еще сказалъ....Тебѣ, Осипычъ, извѣстна вся жизнь моя; ты знаешь, сколько я страдалъ....сколько огорченій перенесъ....но меня поддерживала надежда... теперь все рушилось!.... Теперь только настоящая жизнь налегла на меня всею своею тягостью и....мнѣ надобно жить!

— Батюшка, Михайло Дмитріевичъ! могъ только произнести старикъ.

— Униженіе хуже смерти! продолжалъ Квасникъ, насупивъ брови:—а страданія мои невыносимы!... Пусть на совѣсти Бирона ляжетъ смерть моя!....

Осипычъ опустился на колѣни передъ старымъ камеръ-пажомъ и, протянувъ къ нему руки, произнесъ жалобнымъ, умоляющимъ голосомъ:

— Ваше сіятельство! Господь внемлетъ молитвамъ уповающихъ на Него....но отвращаетъ милостивый взоръ отъ

отчаявающихся!....Сжальтесь надъ вѣрнымъ вашимъ слугою! Что же я буду дѣлать безъ васъ на этомъ свѣтѣ?... Ужь коли вы хотите наложить на себя руку, такъ убейте сперва меня!....

Квасникъ отвернулся и утеръ слезу, выкатившуюся изъ глазъ его.

— Осипычъ, сказалъ онъ тихимъ голосомъ:—развѣ ты не видишь, что я, подобно заразы, ношу съ собою всюду горе и несчастье? ...Пожалѣй хоть о дочери!

— О дочери? съ изумленіемъ повторилъ старикъ.

— Она еще молода, начинаетъ только жить....А ты не знаешь злобы Бирона! Онъ употребитъ все средства, чтобы женить меня на ней!...Зачѣмъ же ей терпѣть? зачѣмъ же ей раздѣлять чужое горе?...Придетъ время, и сердце ея заговоритъ....

— Оно уже заговорило....произнесъ Осипычъ, опустивъ голову.—Къ несчастью!

— Къ несчастью? повторилъ Квасникъ.

Старикъ утвердительно кивнулъ головою.

— Она любитъ недостойнаго? спросилъ Квасникъ.

— Она недостойна того, кого любитъ, съ грустію возразилъ старикъ.

— Кого же?

Осипычъ молчалъ.

Квасникъ смотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

— Ахъ, ваше сіятельство! сказалъ Осипычъ вставая:— не спрашивайте!....

Квасникъ вперилъ пронизательный взоръ въ кроткое лицо старика. Какъ-бы чувствовалъ, что онъ не умѣетъ скрывать своихъ ощущеній, Осипычъ опустилъ голову.

Старый камеръ-пажъ молча прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ душѣ его совершался странный переворотъ, и лицо озарилось свѣтлымъ лучомъ, отраженіемъ состоянія души. Что-то въ родѣ улыбки выступило на уста его, но не надолго. Принявъ прежній холодный видъ, онъ остановился передъ Осипычемъ и спросилъ:

— Гдѣ твоя дочь?

— У себя въ каморкѣ.

— Спать?

Старик отрицательно покачал головой.

Квасник провел рукою по высокому лбу, и как-бы сгладивъ съ него морщины долгихъ страданій, сказалъ:

— Позови ее сюда....Я хочу переговорить съ нею наединѣ.

Осипычъ въ нервшимости посмотрѣлъ на своего господина, потомъ схватилъ руку его, поднесъ ее къ своимъ губамъ, и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Простите ей!...Она еще глупый ребенокъ...—и ушелъ.

Квасникъ остался одинъ посреди комнаты.

Онъ выпрямился, и полукафтанье обрисовало стройный еще станъ его. Онъ какъ-бы заставилъ себя забыть свои горести, свое униженіе, и лицо его приняло прежнее гордое, благородное выраженіе, природой напечатлѣнное въ прекрасныхъ чертахъ его, но, повременамъ, стираемое жестокими страданіями, унижавшими его въ собственныхъ глазахъ....

ГЛАВА V.

ПРОСТАЯ ДѢВУШКА.

Нѣсколько минутъ спусти, въ комнату вошла молодая дѣвушка.

Лизъ недавно минуло семнадцать лѣтъ. Роста она была средняго, сложена прекрасно. Не смотря на развитія женственныхъ формы, она, по добродушному, невинному выраженію лица, походила на ребенка.

Робко вошла она и, не поднимая глазъ, поклонилась Кваснику. Онъ самъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и, взявъ за руку, подвелъ къ стулу, посадилъ ее и потомъ самъ сѣлъ.

Съ изумленіемъ подняла молодая дѣвушка глаза и посмотрѣла въ лицо тому, кого она называла своимъ благодѣтелемъ.

Лицо его было холодно, серьезно. Сердце Лизы сжалось и глаза опять опустились.

Долго смотрѣлъ на нее Квасникъ, погрузившись въ размышленія и, мало по малу, лицо его прояснилось....Наконецъ, наклонившись нѣсколько къ молодой дѣвушкѣ и пристально смотря ей въ лицо, онъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Лиза, я хочу отдать тебя замужъ....

Живой румянецъ разлился по свѣжимъ щекамъ молодой дѣвушки; она подняла глаза, хотѣла что-то сказать, но какъ-бы не находя словъ, только отрицательно покачала головою.

— Пора, продолжалъ князь:—тебѣ семнадцать лѣтъ....отецъ твой старъ....

— Потому-то я и не хочу разлучаться съ нимъ, отвѣчала Лиза, едва слышнымъ голосомъ.

— Нельзя же тебѣ вѣкъ сидѣть въ дѣвушкахъ!

— Отчего же нельзя? наввно спросила она.

— Тебѣ нуженъ покровитель, защитникъ....

— А отецъ мой? спросила Лиза:—а вы?...прибавила она болѣе тихимъ голосомъ.

Привѣрнный шутъ грустно покачалъ головою, и продолжалъ:

— А когда ни отца твоего, ни меня не будетъ!

— Тогда и мнѣ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ....я пойду въ монастырь,—отвѣчала молодая дѣвушка твердымъ голосомъ.

— Лиза, возразилъ Квасникъ:—грѣшно обречься на удаленіе отъ свѣта, въ такомъ случаѣ, когда это дѣлается не по призыву души и сердца. Ты же хочешь поступить въ монастырь только тогда, когда тебя вынудятъ къ тому обстоятельству....Напрасно!....Ты молода, хороша собою, добра....Господь одарилъ тебя этими качествами для того, чтобы ты облегчила ему тяжкій шутъ жизни....а ты отречаешься отъ священнаго долга, возложеннаго на тебя свыше....хорошо ли это?

Лиза не отвѣчала, но на глазахъ ея навернулись слезы.

Квасникъ взялъ руку ея, и продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Лиза, я хочу говорить съ тобою какъ отецъ....какъ другъ, желающій твоего счастья....

Молодая дѣвушка подняла глаза и улыбнулась сквозь слезы.

— Скажи мнѣ откровенно, продолжалъ старшій камеръ-пажъ:— не отличило ли кого нибудь твое сердце....

Молодая дѣвушка молчала.

— Между молодыми людьми, съ которыми ты встрѣчаешься у знакомыхъ и родныхъ твоего отца?

— Никого, отвѣчала Лиза, прямо посмотрѣвъ ему въ глаза.

— Подумай хорошенько.

— Никого, повторила молодая дѣвушка также рѣшительно.

— Никого?

Молодая дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Неужели ты ни о комъ не думаешь съ удовольствіемъ? Неужели ни чей видъ не заставляетъ твое сердце биться сильнѣе?

Лиза опять покраснѣла.

— Ты молчишь?... продолжалъ Квасникъ, не спуская взора съ лица молодой дѣвушки.

Довпросъ этотъ производилъ странное впечатлѣніе на Лизу. Голосъ Квасника проникалъ до глубины души ея, слова же его, какъ капли холодной воды, падали на ея сердце.

Она не отвѣчала на послѣдній вопросъ придворнаго шута, потому что былъ человекъ, о которомъ она мечтала съ удовольствіемъ, котораго ждала и при встрѣчѣ съ которымъ сердце ея билось такъ сильно, такъ сильно, какъ бы готовилось выскочить изъ груди.

Лиза на девятомъ году своего возраста лишилась матери.... Долго, послѣ смерти послѣдней, жила она въ совершенномъ уединеніи со своимъ отцомъ, утѣшая его и внимая разсказамъ старика, съ неограниченною преданностію вспоминая о своемъ отсутствующемъ господинѣ.

Мало-по-малу разсказы отца западали въ душу молодой дѣвушки; въ часы уединенія она мечтала о князѣ, и создала себѣ идеаль молодого человека, полного жизни, цветущаго здоровьемъ, благороднаго, гордаго....

Такимъ былъ еще князь, когда Осипычъ растаялъ съ нимъ впервые въ жизни, внутренно благословивъ его на путь далекій, неизвѣстный.

Князь воротился. Съ невольнымъ трепетомъ въ сердцѣ вышла къ нему на встрѣчу Лиза. Какъ обмануло ее воображеніе!... Вѣсто молодого человека, встрѣтила она преждевременнаго старика, на которомъ явственно выражалось разрушительное вліяніе страданій, горестей, дѣйствующихъ скорѣе и вѣрнѣе лѣтъ....

Разочарованіе ея было тягостно. Разсудокъ ея боролся съ сердцемъ, упрекалъ послѣднее въ недостойномъ чувствѣ....

При второмъ свиданіи Лиза спокойнѣе смотрѣла на князя, и ей казалось уже, что воображеніе не совсемъ обмануло ее. По временамъ, преждевременныя морщины сглаживались съ благороднаго лица его и глаза метали искры; звучный голосъ проникалъ до сердца....

Лиза не знала исторіи горестей князя. Отецъ никогда не говорилъ ей объ нихъ, но она понимала, угадывала, что злополучная судьба отяготѣла надъ нимъ и гнала его; все, взглядъ, слова, даже голосъ князя говорили ей, что онъ страдаетъ, страдаетъ невыразимо.... И сколько разъ хотѣлось ей броситься къ нему на шею, искреннимъ состраданіемъ вызвать слезы изъ глазъ его, и тѣмъ облегчить израненную душу страдальца!....

Но она не смѣла... Еслибы она любила князя только такъ, какъ любила отца, то не колебалась бы ни минуты; но въ привязанности къ нему примѣшивалось другое, невѣдомое ей чувство, котораго она какъ бы стыдилась, боялась... а между тѣмъ оно было такъ дѣвственно чисто и непорочно!

Да, не смотря на неравенство лѣтъ, Лиза полюбила князя. Въ любви ея не было ни страстныхъ порывовъ, ни той пылкости, которою обыкновенно отличается первая любовь; она скорѣе походила на тихое, нежное влеченіе, обдуманное, полное чувство, завладѣвшее всею сердцею ея... То былъ второй періодъ истинной любви, когда порывы страстей утихаютъ, и остается одно ровное, постоянное чувство преданности неограниченной, привязанности нерушимой.

И тотъ, кому она готова была посвятить всю свою жизнь, за одну улыбку котораго готова была обречь себя долгимъ страданіямъ, говорилъ ей о замужествѣ!... Онъ спрашивалъ ее, не отличима ли она кого нибудь, между тѣмъ какъ все

сердце ея принадлежало человеку, благороднѣе и прекраснѣе котораго она не знала никого въ мѣрѣ!

— Ты молчишь? повторилъ Квасникъ.

— Не спрашивайте меня, ваше сіятельство, отвѣчала наконецъ молодая дѣвушка едва внятнѣмъ голосомъ:—я рѣшилась не разлучаться ни съ отцомъ... ни съ вами!

Шутъ опустилъ руку молодой дѣвушки и всталъ.

Тысячи различныхъ ощущеній волновали его. Ему казалось, что онъ угадывалъ сердце молодой дѣвушки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ поддаваться чувству, овладѣвшему его собственнымъ сердцемъ. Долго думалъ онъ, что все угасло въ груди его... и теперь изъ подъ толстаго слоя золы опять начиналъ вспыхивать огонекъ.

Квасникъ прошелся по комнатѣ.

Лиза съ безпокойствомъ слѣдила за нимъ и, вставъ со своего мѣста, спросила съ участіемъ:

— Боже мой! Не огорчила ли я васъ?...

Шутъ остановился передъ нею. На блѣдныхъ щекахъ его горѣли красныя пятна. Онъ рѣшился.

— Лиза, сказалъ онъ серьезнѣмъ тономъ: согласишься ли ты отдать мнѣ свою руку?...

Молодая дѣвушка невольно отступила. Это внезапное, неожиданное предложеніе, о которомъ она не смѣла и мечтать, поразило ее сначала страхомъ...

— Вамъ, князь! повторила она, всплеснувъ руками.

— Не князю, а придворному шуту!... мрачно отвѣчалъ Квасникъ; потомъ съ тонкимъ чувствомъ благороднаго человека онъ, не показывая, что понималъ сердце молодой дѣвушки, продолжалъ, взявъ ее за руку:—Я могу быть тебѣ отцомъ, слѣдовательно, требую не любви, а дружбы, ласковаго слова, улыбки, способной на время разогнать грусть, ситдающую меня... и за все это я клянусь очастливить тебя, не княжескою пышностью, не почетнымъ званіемъ, но искреннею признательностію и дружбою... Спроси свое сердце, прибавилъ онъ съ нѣжной улыбкой,—не отвергнетъ ли оно мое предложеніе?

Лиза сложила руки на груди, и смотрѣла на князя съ любовьюю, смѣшанною съ благодарностію... Тихо опустилась она на колѣни передъ нимъ, и впервые дала волю душѣ...

и вся душа ея вылилась въ несвязныхъ словахъ, которыя своимъ дѣвственнымъ, возвышеннымъ, пламеннымъ чувствомъ глубоко тронули закаленную въ бѣдствіяхъ и остывшую душу князя. Глубоко тронутый, онъ заплакалъ, поднявъ молодую дѣвушку и съ нѣжною признательностію глядѣлъ ей въ глаза, держа обѣ ея руки въ своихъ.

— Лиза! произнесъ онъ:—чѣмъ же я, несчастный, униженный страдалецъ, заслужилъ твою любовь?

Молодая дѣвушка, по щекамъ которой струились слезы, радостно и безотчетно, съ восхитительною улыбкой, указала на небо.

Князь прижалъ ее къ своему сердцу и нѣжно поцѣловалъ.

— Дитя мое! говорилъ онъ прерывающимся голосомъ:—благодарю тебя за минуту счастья, съ которымъ давно уже разнакомилось мое сердце!... Но я не могу... не долженъ принимать твоей жертвы!... Не прерывай меня!... Ты привыкла меня видѣть здѣсь, гдѣ я смѣю быть тѣмъ, чѣмъ создала меня природа, но тамъ... выше... ты увидишь мое униженіе... оно отразится и на тебѣ... О, нѣтъ, никогда, никогда!...

— Я видѣла васъ тамъ... Отецъ водилъ меня однажды во дворецъ...

— И ты видѣла пестраго шута, котораго для бѣднѣйшей бабушки нарядили камеръ-пажомъ и прозвали Квасникомъ!... Не правда ли, я былъ смѣшонъ?... спросилъ князь съ горькой усмѣшкой.

— Я видѣла васъ, продолжала Лиза;—и съ тѣхъ поръ еще болѣе привязалась къ вамъ.

— Да... да, у тебя доброе сердце и ты обманываешься въ своихъ чувствахъ... то, что ты называешь привязанностію, есть не что иное, какъ состраданіе къ старому шуту, дурно играющему свою роль!...

— Не состраданіе, а уваженіе и любовь къ человеку, который посреди униженія остается добрымъ и благороднымъ!

— Лиза, подумай... бракъ святое дѣло... не забудь, что насъ обвѣчаютъ не такъ, какъ вѣчаютъ другихъ... не благоговѣйно, а со смѣхомъ, съ трудомъ удерживаемымъ,

будутъ внимать окружающіе нашимъ клятвамъ... Не благословеніе родныхъ, а насмѣшки раззолоченной, придворной толпы будутъ провожать насъ!...

— Терпѣнѣе и пожатіемъ руки я облегчу тогда вашу грусть...

— Биронъ коваренъ: онъ придумаетъ какую-нибудь забавную штуку... забавную для толпы, жестокою для насъ!...

— Я все готова перенести, въ надеждѣ облегчить ваши страданія!...

Князь провелъ рукою по лбу, выпустилъ изъ своихъ объятій молодую девушку и, упавъ въ изнеможеніи на стулъ, опустилъ голову на грудь.

Лиза встала предъ нимъ на колѣни.

— Князь, сказала она тихимъ голосомъ: именемъ Господа, котораго призываю въ свидѣтели въ эту торжественную минуту, клянусь вамъ, что согласіе на бракъ съ вами произнесено не по внезапному порыву, не по первому побужденію сердца, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что судьба моя неразрывна съ вашею, что только утѣшая васъ, могу я быть счастлива... И ничто въ мірѣ не заставитъ меня раскаяться въ моемъ поступкѣ!...

— Хорошо, сказалъ князь:—я даю тебѣ еще три дня на размышленіе...

— Напрасно, князь!... черезъ три дня, три мѣсяца, три года, я отвѣчу вамъ то же, что говорю теперь!...

И съ этими словами она встала.

Изъ груди князя вырвался глубокой вздохъ.

— Да будетъ воля Твоя!... произнесъ онъ, поднявъ взоръ къ небу...

Въ ставень послышались три удара. Лиза вздрогнула. Князь заключалъ ее въ свои объятія и, молча, въ нѣмомъ упоеніи, стояли сорокалѣтній женихъ и семнадцатилѣтняя невѣста...

Нѣсколько минутъ спустя въ комнату вошли Пракасинъ и Лаврентій.

Квасникъ обратился къ последнему.

— Осиньчъ, сказалъ онъ: благослови дочь свою!... Она моя невѣста!....

Не стыдливо, не робко, но смѣло и съ радостной улыбкой взглянула Лиза на отца.

Старый Лаврентій всплеснулъ руками.

Пракасинъ съ изумленіемъ подошелъ къ Кваснику.

— Что это? спросилъ онъ шопотомъ: шутка?

— Спроси ее, шутка ли это! отвѣчалъ Квасникъ, съ любовью указывая на молодую девушку, бросившуюся уже въ объятія отца.

— Такъ ты рѣшился, князь?... спросилъ опять Пракасинъ.

— Да! я рѣшился...

— Тѣмъ лучше!... Это совершенно собьетъ съ толку Бирона, шопотомъ продолжалъ Пракасинъ.—Я былъ у всѣхъ... никто сегодня не придетъ... Биронъ очень хорошо сдѣлалъ, что проговорился и тѣмъ предостерегъ насъ... Подходя къ дому, я увидѣлъ, что въ щель одного ставня подсматривалъ какой-то человекъ... Это, вѣроятно, шпионъ Бирона... Пускай глядитъ теперь... Вели подать вина... и будемъ говорить громко... веселиться...

— Поздравляю васъ, Лизавета Лаврентьевна, продолжалъ Пракасинъ вслухъ, обращаясь къ молодой девушкѣ, поздравляю! Дай Богъ вамъ всякаго счастья!...

Бываетъ, что горечь приноситъ и сладость,

И послѣ напасти случается радость...

Зима пройдетъ и снѣгъ сойдетъ,

И что посеяно, взойдетъ...

Авось солнце изъ-за горъ,

Прикажется и къ намъ передъ дворъ!

Прибавилъ онъ весело, привыкнувъ при дворѣ говорить одними пословицами.—Такъ-то, батюшка Лаврентій Осиньчъ,

Думай не думай, гадай не гадай,

А какъ вырастетъ дѣвка, такъ замужъ отдай!

Ну-ка, на радости, выпьемъ добраго вина!... Въдь по пословицѣ:

Вина чарочка

Уму-разуму парочка.

ГЛАВА VI.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Прошло нѣсколько недѣль. Наступилъ новый 1740 годъ. Старый камеръ-пажъ объявилъ Императрицѣ о согласіи молодой дѣвушки, къ величайшему удовольствію всего двора, нетерпѣливо ожидавшаго *куръозной* сватъбы.

Государыня, чувствуя нѣкоторое облегченіе, сама занималась приготовленіями къ этому празднику, распорядителемъ котораго былъ назначенъ Кабинетъ-Министръ Вольнскій, по коварному предложенію Бирона, выхвалявшаго передъ Императрицею вкусъ и изобрѣтательность его только для того, чтобы унижить гордаго соперника, не совсѣмъ приличнымъ для него порученіемъ.

Биронъ хорошо зналъ всѣхъ окружавшихъ его, если и не по собственной проницательности, то по соображенію поступковъ ихъ, о которыхъ ему доносили исправно.

Герцогъ Курляндскій встрѣтилъ въ Вольнскомъ опаснаго врага, пользовавшагося благосклонностію Императрицы и любовію всѣхъ истинно Русскихъ. Понимая могущество своего соперника и не осмѣливаясь дѣйствовать противъ него открыто, Биронъ, затаивъ въ груди ненависть къ Вольнскому, въ присутствіи Императрицы обходился съ нимъ не только вѣжливо, но даже старался угождать ему. Къ сожалѣнію, Кабинетъ-Министръ былъ человекъ, хотя и высокаго ума, но до крайности честолюбивый, гордый и безпокойный. Не столько благо общее, сколько личная, непримиримая ненависть къ Бирону и вообще ко всѣмъ иностранцамъ, руководила поступками его.

Не смотря на свой умъ, онъ, ослѣпленный гордостью и самолюбіемъ, и видя искреннее расположеніе къ себѣ Императрицы, угадалъ, что герцогъ Курляндскій внутренно сознается въ могущество своего соперника, и высокомерно, даже грубо отвѣчалъ на лицемѣрную привѣтливость и услужливость временщика.

Ненависть и жажда мщенія глубже и глубже западали въ душу Бирона.

Вольнскій же постоянно и неусыпно увеличивалъ свою партію, не пренебрегая ничѣмъ и никѣмъ, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ своему врагу.

Императрица съ прискорбіемъ замѣчала поведеніе Вольнскаго; лицемѣріе герцога Курляндскаго обманывало ее, а потому мало по малу сердце ея отвращалось отъ Кабинетъ-Министра, заслуги и достоинства котораго она умѣла цѣнить.

Квасникъ, по прежнему печальный, мрачный, готовился свадѣбѣ. Казалось, онъ раскаявался въ своей поспѣшности. Необъяснимое, тягостное предчувствіе давило грудь его, и часто, смотря на молодую дѣвушку, свою невесту, онъ чувствовалъ, какъ слезы навертывались на глазахъ его.

Лиза же была счастлива. Грусть Квасника не только не ослабляла, но усиливала любовь ея къ нему. Казалось, она повиновалась повелѣнію свыше, возложившему на нее обязанность утѣшить несчастнаго страдальца...

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наступилъ день вшествія въ Петербургъ побѣдоносныхъ русскихъ войскъ, возвратившихся изъ турецкаго похода.

Морозъ былъ жестокой; пронзительный вѣтеръ гналъ бѣлыя какъ снѣгъ облака, то заслоняя, то открывая блѣдное, свѣтившее, но не грѣвшее, зимнее солнце.

Не смотря на то, отъ самой Ямской до Императорскаго дворца, улицы были покрыты народомъ.

Вѣчно добрый, безвѣчный народъ забылъ свои страданія. Готовившіяся празднества, какъ ошумъ, дѣйствовали на него, и одуренный, онъ почти съ неистовствомъ предавался радости, оглашая воздухъ веселыми кликами....

Зла русской человекъ не помнить; за малѣйшее добро готовъ лѣзть въ огонь и воду.

На площади, передъ дворцомъ, была страшная давка.

Посреди двухъ длинныхъ столовъ, огражденных натянутыми веревками отъ нетерпѣливо волновавшейся толпы, стояли во весь ростъ и въ натуральномъ видѣ два громадные жареные быка. Вокругъ нихъ, въ симметрическомъ порядкѣ были разставлены жареные поросята, гуси, куры и разныя другіе съѣстные припасы.

Вокруг столовъ были устроены нѣсколько красивыхъ фонтановъ, изъ которыхъ искрящеюся струею били вверхъ вино и водка, къ величайшему удовольствію нѣкоторыхъ любителей, съ сердечнымъ трепетомъ ожидавшихъ вожделѣннаго часа и съ болзнію поспатривавшихъ на то, чтобы животворящій напитокъ не переполнилъ бассейновъ, въ которые падалъ; но бассейны были велики и глубоки.

На небольшомъ возвышеніи, близъ Адмиралтейства, стояла группа любопытныхъ, нѣсколько отъединившихся отъ толпы, жавшейся къ центру площади.

Впереди этой группы стояли три человека въ темныхъ суконныхъ полушубкахъ. Одинъ изъ нихъ, человекъ высокаго роста, съ рыжею остроконечною бородою, пасмурно поспатривалъ изъ-подълюбя на шумъ и движеніе толпы. Онъ былъ опоясанъ веревкой и, по временамъ, опускалъ руку за пазуху, гдѣ перебиралъ что-то пальцами.

Другой, полный, красношекій и красноносый мужичина, съ красивою, окладистою, черною бородою съ прорядью, съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣмъ и часто невольно рвался впередъ, но искоса взглянувъ на своего мрачнаго товарища, останавливался вздыхая.

Третій, по видимому купецъ и, судя по важности и увѣренности, съ которою говорилъ обо всемъ,—петербургскій, тордо поглаживалъ бородку и объяснялъ своимъ двумъ товарищамъ все подробности.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, стоялъ старикъ, почтенной наружности и молодая дѣвушка въ шелковой шубѣ; за ними, мужичина высокаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, по видимому не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на происходившее вокругъ него; ибо взоръ его то былъ устремленъ въ землю, то съ грустнымъ выраженіемъ останавливался на молодой дѣвущкѣ, стоявшей передъ нимъ; а она, какъ-бы симпатически угадывая этотъ взоръ, обращивалась и нежной улыбкой старалась разогнать грусть этого человека.

Далѣе стояло еще нѣсколько лицъ и между ними шнырялъ какой-то человекъ, невысокаго роста, съ улыбающеюся физиономіею и вмѣшивавшійся во все разговоры.

Вдругъ раздалась громкая музыка, и въ тоже время по толпѣ пронесся общій кликъ:

— Идутъ.... Идутъ!....

На углу Невской прешпективы (такъ тогда называли Невскій Проспектъ) показались первые ряды гвардейскихъ батальоновъ, бывшихъ въ походъ противъ Турокъ.

Впереди, на красивомъ конѣ, богато украшенномъ, ѣхалъ гвардейскій полковникъ въ полномъ мундирѣ.

— А соблаговолите сказать, Андронъ Лукичъ, сказали красноносый, обращаясь къ купцу:—что это за персона изволить ѣхать впереди въ *бѣлой порукѣ* *? Должно быть, ему за порядочные успѣхи въ службѣ дано и мѣсто попередъ всѣхъ?

Человѣчекъ съ улыбающеюся физиономіею стоялъ уже за вопрошающимъ.

— Это подполковникъ Биронъ, братъ герцога, отвѣчалъ онъ, хотя вопросъ обращался совсемъ не къ нему.

— Такъ-съ! протяжно произнесъ красноносый, поглядивъ бородку: дѣло хорошее!

Солдаты медленно приближались. Штабъ и оберъ-офицеры шли, такъ какъ были на войнѣ, съ ружьемъ и прикинутыми штыками; шарфы были подпоясаны.

— Довольно пріятное и любопытственное зрѣлище! продолжалъ говорить красноносый.

— Полчище еретиковъ! проворчалъ сквозь зубы его мрачный сосѣдь.

— А для чего ради у всѣхъ за шляпами зеленыя вѣточки? спросилъ опять любопытный у купца.

Послѣдній крикнулъ и съ важностію отвѣчалъ:

— Это, извольте видѣть, Агаонъ Карпычъ, означаетъ яко-бы масличную вѣтвь, коя бо есть символъ мпра и согласія.

— Такъ-съ!... возразилъ Агаонъ Карпычъ.

— Позвольте вамъ доложить, вмѣшался опять въ разговоръ человекъ съ улыбающеюся физиономіею: что хотя всеконечно ваше примѣчаніе весьма умно, однако не совсемъ вѣрно.

* Бѣлая порука—паудреный парикъ.

Купецъ гордо посмотрѣлъ на человѣка, осмѣливагося опровергать его объясненіе.

— А для чего же сіе знаменіе, по вашему? спросилъ онъ.

— Сіе знаменіе не есть масляная вѣтвь, а кукарды лавроваго листа, довольно количество коего прислано изъ дворца для офицеровъ, ибо въ древніе времена Римляне съ побѣды входили въ Римъ съ лавровыми вѣтвями, и сіе нынѣ учинено для того, что наши воины съ знатною побѣдою надъ Турками возвратились. А солдаты такія жъ примкнутыя за полями кукарды имѣютъ, только изъ ельника.

— Чтобы зеленъ была, замѣтилъ красноносый.

Мрачный товарищъ его запустилъ руку за пазуху и сталъ ворчать сквозь зубы.

Красноносый, видя, что товарищъ его не перестаетъ ворчать толкнулъ его локтемъ въ бокъ, отчего тотъ невольно выдернулъ руку изъ-за пазухи и съ нею конецъ четокъ.

— Мудрствующіе въ заточеніе и на сожженіе осуждаются,—шепнулъ Агаѳонъ Карпычъ товарищу.

— Лицеѣри заслужать огньъ вѣчный! возразилъ мрачный.

Видно было, что человѣкъ съ улыбающеюся физиономіей напрягалъ слухъ, но тщетно—товарищи говорили между собою такъ тихо, что нельзя было размышлять ни одного слова.

Между тѣмъ возвратившаяся изъ похода гвардія, обойдя по берегу Невы, кругомъ дворца, у воротъ послѣдняго свернула знамена и стала расходиться по квартирамъ.

Въ тоже время изъ дворца выѣхали съ трубными звуками два герольда, и громогласно объявили народу о заключеніи мира.

Радостными криками отвѣтствовалъ народъ на прокламацію, и по данному знаку вся толпа заколыхалась; веревки, протанутыя вокругъ столовъ, опустились, и народъ ринулся на яства.

Устрашительно зрѣлище подобныхъ народныхъ праздниковъ. Въ нихъ проявляется вся дикость человѣческой природы, необузданной образованіемъ или законами. Че-

ловѣкъ, имѣющій средства спокойно съѣсть свою чашку шей и кашки, тутъ съ опасностью жизни бросается, какъ хищный звѣрь, на кость или на корку хлѣба. Съ яростію бросается онъ на своего сосѣда, чтобы вырвать у него изъ рукъ добычу; въ дикомъ безуміи, съ жадностію путешественника, открывающаго ключъ свѣжей воды посреди безводной степи, бросается онъ къ водкѣ, пить... пить болѣе, нежели можетъ, нежели хочетъ даже, какъ-бы только для того, чтобы не досталось другому, и утопаетъ въ бассейнѣ, или, опьянѣлый, засыпаетъ сномъ вѣчнымъ подъ ногами счастливецъ, которымъ удалось занять мѣсто его, и которыхъ ждетъ, быть можетъ, таже участь...

Въ нѣсколько минутъ массы, возвышавшіяся надъ толпою, быковъ были низвергнуты.

Посреди неистовыхъ криковъ все еще слышались жалобные вопли, стоны несчастныхъ жертвъ *предвѣснаго и злого увеселительнаго зрѣлища!*...

— Не идти ли намъ домой, ваше сіятельство? сказала старикъ, стоявшій въ отдельной группѣ, обращаясь къ высокому мужчине, погруженному въ размышленія.

— Пойдемте, пойдемте, батюшка, умоляющимъ голосомъ произнесла молодая дѣвушка:—мнѣ здѣсь страшно!...

При словахъ старика мрачный товарищъ Агаѳона Карпыча и купца скоро оглянулся и вперилъ маленькіе, сверкающіе глаза свои въ высокаго мужчину, котораго старикъ называлъ сіятельствомъ. Потомъ, наклонившись къ купцу, онъ спросилъ тихимъ голосомъ:

— Кто сей мужъ? и глазами указалъ на незнакомца.

Купецъ пожалъ плечами.

Въ тоже время подвернулся человѣкъ съ улыбающеюся физиономіей и что-то шепнулъ на ухо мрачному бородачу.

Лицо послѣдняго внезапно прояснилось. Глаза его засверкали. Онъ вперилъ неподвижный, пристальный взоръ въ незнакомца.

Послѣдній, кивнувъ головою старикъ, пошелъ съ нимъ и съ молодою дѣвушкою къ Невѣ.

Смерклось. Окна дворца осветились. На площади зажгли фонари. Громкія пѣсни оглашали воздухъ, и только

тамъ и сямъ полицейскіе солдаты тащили какія-то массы, окутанныя рогожами... то были несчастныя жертвы народнаго празднества.

— Агаѳонъ, сказалъ мрачный бородачъ своему товарищу тихимъ голосомъ: ступай съ Андрономъ Лукичемъ; я приду домой позже.

— А куда же ты, отче-Лазарь? спросилъ красноносый.

— Ищите, и обрящете! возразилъ отче-Лазарь: — а я и не искалъ, а обрѣлъ....

— Что же такое?

— То, зачѣмъ я сюда пришелъ.

— А!...

Агаѳонъ Карпычъ, по видимому, находился подъ властію своего мрачнаго товарища. Онъ не зналъ, зачѣмъ отче-Лазарь пришелъ въ Петербургъ и его привелъ съ собою; не зналъ, и не спрашивалъ, а только повиновался.

Не мало обрадовался онъ, однакожъ, случаю, хоть на нѣсколько часовъ выдти изъ подъ строгаго надзора своего суроваго товарища, чтобы принять хоть малое участіе въ общей радости. Агаѳонъ Карпычъ имѣлъ природную наклонность къ разнымъ питіямъ. Онъ былъ добрый весельчакъ, и только по слабости характера подпалъ подъ власть суроваго отче-Лазаря.

— Ну, съ Богомъ, отче-Лазарь, сказалъ Агаѳонъ, худо скрывая свою радость.

— Да въдомо ти будетъ, братъ мой, что не подобаешь пѣсни бѣсовскія пѣти... шопотомъ сказалъ Лазарь, смотря вслѣдъ удалившемуся незнакомцу.

— Николи же знахъ ихъ! отвѣчалъ Агаѳонъ.

— Ни въ карты, ни въ варганъ, ни въ дуды не играли....

— Николи же знахъ ихъ!

— Ни въ пищи, ни въ питіи, не сообщатися съ невѣрными....

— Ни хошу ни ясти, ни пити, со вздохомъ отвѣчалъ красноносый.

— Къ женамъ не прикасатися....

Агаѳонъ Карпычъ только закрылъ глаза и сдѣлалъ значительную гримасу.

— И благо ти будетъ! произнесъ наконецъ, въ заключеніе, отче-Лазарь, и поспѣшно удалился вслѣдъ за незнакомцемъ.

ГЛАВА VII.

РАЗЧЕЧЕНИЛАСЬ ЧЕЧЕНЯ.

Агаѳонъ Карпычъ долго глядѣлъ вслѣдъ своему суровому товарищу. Наконецъ, послѣдній исчезъ въ толпѣ народа.

— Андронъ Лукичъ, сказалъ, наконецъ, Агаѳонъ Карпычъ тихимъ, дрожащимъ отъ внутренняго удовольствія голосомъ: — не посмотреть ли намъ поближе, что тамъ дѣется? Только посмотреть... кажись въ этомъ грѣха большаго нѣтъ....

— Что за грѣхъ! возразилъ купецъ.

— А меня больно разбираетъ охота....

— Ну, пойдѣмъ.

Пошли.

Народъ разсыпался по площади. Облапивъ другъ друга, шли добрые мужички, испившіе живительной водицы изъ бассейна. Кое-гдѣ дюжій парень, обхвативъ обѣими руками огромную кость, глодалъ ее съ аппетитомъ. Далѣе, мальчишки продавали за нѣсколько копѣекъ остатки, на лету схваченнаго гуся или поросенка.

Агаѳонъ Карпычъ дышалъ свободнѣе; онъ чувствовалъ, что возлѣ него не было строгаго ментора, останавливавшаго малѣйшіе порывы его разгульной природы.

— Дивное зрѣлище, Андронъ Лукичъ, сказалъ онъ купцу.

— Куріозное и довольно увеселительное, отвѣчалъ купецъ.

Они подошли къ бассейнамъ, въ которые продолжала бить фонтаномъ водка. Около бассейновъ было еще нѣсколько чловѣкъ жаждущихъ, но уже немного.

Агафонъ Карпычъ и Андронъ Лукичъ съ улыбающимися лицами похаживали вокругъ бассейновъ.

— Вѣдь выдумаютъ же! сказалъ Агафонъ Карпычъ, указавъ на бассейнъ.

— Да, хитро! отвѣчалъ Андронъ Лукичъ.

— А все, поди-ка, Нѣмцы?

— Зачѣмъ Нѣмцы? немича и Русскіе разнымъ наукамъ и художествамъ обучаются; сами все могутъ выдумать.

— Эка, подумаешь! А это нечто тоже искусство?

— Какъ же! это *фантазмъ*, искусствомъ произведенъ, съ важностію отвѣчалъ купецъ.

Въ воздухѣ разносился довольно сильный запахъ водки, пріятно шекотавшій обоняніе Агафона Карпыча.

— А какъ вода-то не замерзаетъ? сказалъ онъ притворно-простодушню.

— Какая вода?

— А вотъ что бьетъ-то.

— Да это не вода.

— А что же такое?

— Водка, братецъ ты мой.

— Водка?... Полно морочить!

— Истинно такъ.

Обоимъ хотѣлось глотнуть веселящей влаги, но одинъ какъ-бы совѣстился передъ другимъ.

— Не вѣрится мнѣ что-то, сказалъ Агафонъ Карпычъ, сомнительно покачивъ головой.

— А правду сказать, и я навѣрное не знаю, отвѣчалъ Андронъ Лукичъ.

— Нечто отвѣдать? Отвѣдай-ка, Андронъ Лукичъ.

— Нѣтъ, отвѣдай ты!

— Отвѣдаемъ вмѣстѣ.

— Ну, пожалуй!

Агафонъ Карпычъ и Андронъ Лукичъ осторожно осмотрѣлись, нагнулись и отвѣдали.

— Водка! вскричалъ Агафонъ Карпычъ, глотнувъ порядочно и потомъ плюнуть, такъ, для виду.

— Водка! повторилъ купецъ.

— Кажись, хорошал? сказалъ Агафонъ Карпычъ, облизываясь и щелкая языкомъ.

— Придворная! отвѣчалъ Андронъ Лукичъ.

— Неужто?

Наступила минута молчанія, во время котораго оба глядѣли на бассейнъ. Фонтанъ билъ уже тоненькою струйкою, по временамъ даже останавливаясь.

— Андронъ Лукичъ! сказалъ красноносый.

— Что, Агафонъ Карпычъ?

— Вѣдь мы отсюда пойдемъ прямо спать.

— Конечно; уже поздній часъ.

— Того... ты... то есть... ты говоришь, что водка-то придворная?

— Настоящая придворная!

— Я отродясь не пивалъ придворной.

— Я самъ не пивалъ.

— А большой будетъ грѣхъ, коли мы еще отвѣдаемъ?

— Не будетъ грѣха.

— Ой ли?

— Любознаніе хорошее дѣло.

— Правда.

— А вѣдь ты любопытства ради хочешь еще отвѣдать?

— Любопытства единаго ради.

— Ну и конечно дѣло! грѣха нѣтъ.

— Такъ отвѣдаемъ?

— Отвѣдаемъ.

И уже не осматриваясь, оба наклонились и принялись отвѣдывать, единаго любопытства ради.

Долго они отвѣдали.

Первый поднялся Андронъ Лукичъ, но видя, что пріятель его не кончилъ еще, опять наклонился къ бассейну. Потомъ поднялся Агафонъ Карпычъ, и видя, что купецъ продолжаетъ отвѣдывать, опять нагнулся.

Это продолжалось около пяти минутъ.

Наконецъ оба приподнялись въ одно время, утерлись рукавами и крикнули.

— Отличительная! сказалъ Агафонъ Карпычъ.

— Довольно порядочная, отвѣчалъ Андронъ Лукичъ.

— Она хоть, то есть и придворная, а примѣрно сказать, большаго отличія не имѣетъ.

— Она, то есть, похолоднѣе.

И оба продолжали утирать бороды, торчавшія въ водкѣ во все время, какъ они пили.

— Купецъ честной! купи гуся жаренаго! закричалъ мальчишка подь самое ухо Андрона Лукича.

— Пошелъ, не надо! сердито отвѣчалъ купецъ.

Мальчишка пошелъ далѣе.

— Странное дѣло, Андронъ Лукичъ, сказалъ Агаѳонъ Карпычъ:—зачѣмъ это онъ продаетъ гуся?

— А что?

— Да онъ бы лучше самъ его съѣлъ.

— Совершенная правда.

— Значить онъ сытъ?

— Должно быть. А я бы, знаешь, того, поѣлъ бы теперь!

— И я! Послѣ водочки оно бы прекрасно.

— Эй парень! закричалъ купецъ вслѣдъ мальчику, предлагавшему другимъ своего гуся.

Онъ вернулся.

Пріятели, улыбаясь посмотрѣли на жаренаго гуся, общипаннаго, оборваннаго, обрызженнаго.

— Нѣтъ ли у тебя еще чего? спросилъ Агаѳонъ Карпычъ.

— У меня нѣтъ, а вотъ у Ванюхи есть, отвѣчалъ мальчикъ: — эй, Ванюха!

Ванюха явился съ поросенкомъ, такого же обиженнаго вида, какъ и гусь.

Пріятели сторговались съ продавцами, потомъ по-братски подѣлились, и уже не говоря ни слова, а по нѣмому, обоюдному согласію опять приложились къ бассейнамъ.

Потомъ приподнялись, посмотрѣли другъ на друга и громко захохотали.

— А отче - Лазарь? спросилъ Агаѳонъ Карпычъ ухмыляясь.

— Ни въ пищу, ни въ питіи не сообщатся съ невѣрными... сказалъ купецъ, передразнивая Лазаря.

— Не хотѣлъ ни ясти, ни пити, отвѣчалъ Агаѳонъ Карпычъ: — а теперь хочу!

И оба опять захохотали. Они порядочно повеселились.

— Домой, что ли теперь? спросилъ купецъ.

— Не могъ! Гулять хочу! отвѣчалъ Агаѳонъ Карпычъ, приходившій уже въ азартъ.

— Ну, гулять такъ гулять!

И обнявшись, они пошли тихонько по площади, упле-тая купленныхъ гуся и поросенка.

Они подошли къ толпѣ, окружавшей какого-то балагура, размашисто выплясывавшаго. Зрители весело припѣвали.

Агаѳонъ Карпычъ сначала смотрѣлъ и слушалъ молча; глаза его разгорались, лицо сіяло, плечи и ноги подергивало что-то непреодолимое. Онъ не выдержалъ. Отпустивъ Андрона Лукича, онъ бросился къ толпѣ.

— Разступись! закричалъ онъ громкимъ голосомъ: наши здуть!

И мигомъ пробившись сквозь толпу, онъ очутился на открытомъ пространствѣ, передъ плясуномъ.

— Эхъ - ма! закричалъ онъ, молодецки трянувъ плечами: полно орать, ребята! соловей запоетъ!... И подбоченясь, онъ принялся выплясывать, распѣвая во все горло:

Разчеченилась чеченя,
Что напѣнилась круеня;
Ай люли, да ай люли!
Ну-ка, кашу да приварки,
Подавай вино, да чарки!
Ай люли, да ай люли!

— Лихо! ай да, бравый! кричала толпа; — знай нашихъ!

Агаѳонъ Карпычъ подскочилъ къ толстой бабѣ, въ цвѣтной душегрѣйкѣ, и, обхвативъ ее, закричалъ:

— Ну-ка, Афросинья Вахрамѣевна, али какъ, тамъ, тебя! Махнемъ!...

Баба видно тоже прикладывалась къ бассейну, ибо безъ отговорокъ выступила на середину.

Агаѳонъ Карпычъ опять пустился выдѣлывать ногами еще болѣе вычурные прыжки, и снова запѣлъ:

Разчеченилась чеченя!

Потомъ подхватилъ бабу и громко чмокнулъ ее въ щеку!

— Молодчина! кричала толпа.

— Эхъ-ма! кричалъ Агаѳонъ Карпычъ: подгуляя братіе! придворной хлебнуть!

— Знай нашихъ! кричала толпа, поощряя красноносаго весельчака.

— То-то и люблю, что знай нашихъ! продолжалъ Агаѳонъ Карпычъ, ненужно намъ никого! Сами все смастеримъ!... Всякіе фанталы и другія искусства съѣдаемъ!

Агаѳонъ Карпычъ расходился. Ничто уже не могло остановить его.

Андронъ Лукичъ, какъ человекъ болѣе осторожный, пробрался къ нему и шепнулъ:

— Не подобаетъ пѣсни бѣсовскія пѣти...

— Николи же знахъ ихъ? отвѣчалъ Агаѳонъ Карпычъ:— заморскія пѣсни бѣсовскія, бусурманскія!.. А русская пѣсня сердцу отрада... ха, ха, ха!

— Ври, да не завирайся!... шепнулъ ему купецъ.

— Я правду говорю и всѣмъ скажу... сама матушка Царица угостила меня... придворной!... Знать ничего не хочу!... И до фантала Русскій своимъ умомъ дошелъ! Знай нашихъ!... Не боюсь никого!... Эхъ — ма!... Разчеченилась чеченя!... Зачѣмъ я сюда пришелъ!... не знаю... а отче-Лазарь знаетъ!... Эхъ! Разчеченилась чеченя!... Ну, ребята, еще выпляску!

А ребята, между тѣмъ, какъ ни были пьяны, а мало-помалу уходили отъ разчеченивагося Агаѳона Карпыча.

— Куда же вы? продолжалъ говорить Агаѳонъ Карпычъ, у котораго уже языкъ съ трудомъ ворочался. Что вы? Не хотите плясать?... А ты куда, Вахрамья Афросиньевна?... Ну, поцѣлуй меня еще разъ... моя краля! мое солнце ненаглядное!...

— Къ женамъ не прикасаться! проговорилъ за нимъ уважительный голосъ Андрона Лукича.

Агаѳонъ Карпычъ прищурилъ глаза и опять съѣмалъ гримасу, но имѣющую уже совершенно противоположное значеніе.

— Да куда ихъ чортъ несетъ! продолжалъ подгулявшій весельчакъ, смотря въ слѣдъ удалявшимся: — Али Берунъ гдѣ показался? Подавай его сюда!... Отче-Лазарь знаетъ, зачѣмъ я сюда пришелъ!... Эхъ! Разчеченилась чеченя!...

Подавай его сюда!... Искрошу!... вотъ какъ!... тарарахъ тахъ тахъ!...

— Худо ти будетъ! произнесъ опять купецъ.

Агаѳонъ Карпычъ выпрямился, засучилъ рукава и обнажилъ мощныя, мускулистыя руки.

— Ну-ка-ся! закричалъ онъ, — подступись!... Сама матушка-царица угостила... придворной!... Такъ Берунъ нишкни!... Я отче-Лазарю пожалуюсь, такъ онъ его!... Эхъ, разчеченилась чеченя!... Да я и самъ справлюсь съ нимъ!... Подавай сюда *Берунъ!*...

Едва Агаѳонъ Карпычъ произнесъ эти слова, какъ за нимъ раздалось страшное восклицаніе:

— Слово и дѣло!

Толпа совершенно разсыпалась...

Агаѳона Карпыча окружили три служителя полиціи и одинъ человекъ, закутанный въ шубу.

— Чего? протяжно и рѣшительно произнесъ весельчакъ.

— Вяжите его! сказалъ человекъ въ шубѣ, обращаясь къ служителямъ.

— Чего? повторилъ Агаѳонъ Карпычъ, сжавъ кулаки.

— Живые!

— Подступись только! заревѣлъ красноносый весельчакъ, замахнувшись.

Одинъ изъ служителей подступился было къ нему, но въ ту же секунду отлетѣлъ на три шага, громко вскрикнувъ.

Ударъ, нанесенный нетрезвымъ Агаѳономъ Карпычемъ былъ такъ силенъ, что онъ самъ покачнулся.

Другіе служители воспользовались этой минутой, и вмѣстѣ напали на него сзади.

— Вяжите его, вяжите крепче! говорилъ человекъ въ шубѣ.

Бѣдному Агаѳону Карпычу стянули руки назадъ.

Андронъ Лукичъ, съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣвшій на своего несчастнаго товарища, подошелъ къ человеку въ шубѣ и бросился ему въ ноги.

— Батюшка, кормилецъ, пощадите! завопилъ онъ жалобнымъ голосомъ. — Человекъ, изволите видѣть, пьяный!... мало ли что навреть!... Помилуйте, господинъ генераль!

— А ты что за человекъ?

Купецъ оторопѣлъ.

— Не отвѣчаешь?

Андронъ Лукичъ продолжалъ жалобнымъ голосомъ:

— Помилуйте, господинъ генераль!

— Полно, Андронъ Лукичъ, прервалъ его Агаѳонъ Карпычъ, — нишкни!... Я у нихъ выплусь... и отче-Лазарь ничего не узнаеть...

— Такъ ты его пріятель? спросилъ человекъ въ шубѣ.

— Пріятель, батюшка, пріятель!

— Такъ вяжите и его!

Тутъ купцу было не до пріязни. Подхвативъ полы кафтана, онъ пустился бѣжать со встѣхъ ногъ.

Такъ какъ полицейскимъ служителямъ было довольно возни съ Агаѳономъ Карпычемъ, то они не пустились въ погоню за купцомъ.

— Вяжи крѣпче! говорилъ раскуражившійся Агаѳонъ Карпычъ:—ничего не боюсь!... Отче-Лазарь знаетъ, зачѣмъ я пришелъ въ Петербургъ... Докажемъ мы вамъ дружбу... Эхъ!

Разчеченилась чеченя,

Что напѣнилась крупеня;

Ай люли, да ай люли!

И пѣсня несчастнаго разгомила народъ...

Агаѳона Карпыча увели по пустымъ, безлюднымъ улицамъ...

М. Фурманъ.

(Продолженіе первой части въ слѣдующей книжкѣ.)

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

КАВАЛЕРЪ ДАРМАНТАЛЬ.

Романъ Александра Дюма.

(Окончаніе).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА IV.

ЗАПАДНЯ.

На другой день, въ семь часовъ утра, когда молодой король только что вставалъ, старшій камердинеръ вошелъ къ его величеству и доложилъ, что его высочество, герцогъ Орлеанскій проситъ позволенія присутствовать при туалетѣ короля.

Людовикъ XV, пріученный дѣйствовать только по волѣ своихъ наставниковъ, обратился къ г. де Фрежюсу, сидѣвшему въ отдаленномъ углу комнаты, какъ бы прося у него разрѣшенія;

г. де-Фрежюсъ утвердительно кивнулъ головою на этотъ нѣмой вопросъ, и поспѣшно вскочивъ, самъ отперъ его высочеству дверь.

Регентъ остановился на минуту на порогѣ, кивнулъ головою де-Фрежюсу, окинулъ быстрымъ взоромъ всю комнату, и удовольвръившись, что маршала де-Вильруа не было еще, онъ пошелъ къ королю.

Людовикъ XV былъ въ то время прекрасный девятилѣтній ребенокъ; волосы его были каштановаго цвѣта, глаза черные, губы какъ вишни, цвѣтъ лица розовый, переживавшійся незашо и безъ видимой причины въ совершенно блѣдный, какъ у матери его, Марин Савойской, герцогини бургундской. Не смотря на нерѣшительность характера, бывшую слѣдствіемъ постоянныхъ противоположностей въ характерахъ двухъ его воспитателей, маршала де-Вильруа и г. де-Фрежюса, во всей наружности его было уже нѣчто пылкое, смѣлое, почему въ немъ можно было узнать внука Людовика XIV. Будучи сначала предубѣжденъ противъ герцога Орлеанскаго, котораго ему постоянно описывали какъ злѣйшаго врага его во всей Франціи, онъ, послѣ многихъ свиданій съ регентомъ, душевно привязался къ нему, узнавъ въ немъ друга, по инстинкту, рѣдко обманывающему дѣтей.

И герцогъ Орлеанскій съ своей стороны питалъ, кромѣ почтенія, нѣжную привязанность къ молодому королю. Немногія дѣла, доступныя юному уму короля, были представляемы ему съ такою ясностью, что эти утомительныя при другихъ обстоятельствахъ занятія служили царственному ребенку пріятнымъ препровожденіемъ времени. Впрочемъ должно сказать, что эти занятія были почти всегда вознаграждаемы прелестнѣйшими игрушками, которыя Любуа, изъ угожденія королю, выписывалъ изъ Германіи или Англій.

И такъ его величество принялъ регента съ очаровательною улыбкой, и съ особенною лаской далъ ему поцѣловать свою блѣдную ручку, между тѣмъ какъ епископъ де-Фрежюсъ, вѣрный своей системѣ покорности, ушелъ въ отдаленный уголъ, гдѣ онъ сидѣлъ до прихода его высочества.

— Какъ я радъ, что вижу васъ, сказалъ Людовикъ XV своимъ кроткимъ голосомъ и съ дѣтскою улыбкой, предаетъ которой проявлялась даже сквозъ предписанный ему этикетъ. Я тѣмъ болѣе радъ вамъ, что вы, вѣроятно, принесли мнѣ добрую вѣсть, такъ какъ вы никогда не приходите въ это время.

— Не одну, а двѣ вѣсти, ваше величество, отвѣчалъ ре-

гентъ. Первая та, что я получилъ изъ Нюренберга ящикъ, въ которомъ, какъ я полагаю, находится...

— О, игрушки! много игрушекъ! Не такъ ли, регентъ? вскричалъ король, весело вспрыгнувъ и хлопая въ ладоши, не обращая вниманія на камердинера, стоявшаго за нимъ и намѣревавагося прицѣпить маленькую шпагу со стальнымъ эфесомъ. О, хорошенькія игрушки! хорошенькія игрушки! о, какъ вы милы! какъ я васъ люблю, мой добрый регентъ!

— Ваше величество, я исполняю свою обязанность, отвѣчалъ герцогъ Орлеанскій, почтительно поклонившись, и не заслуживаю ни малѣйшей признательности.

— Гдѣ же этотъ ящикъ, гдѣ онъ?

— У меня, ваше величество; если вамъ угодно, такъ я прикажу принести его сюда сегодня же или завтра утромъ.

— Онътъ! сейчасъ, регентъ, пожалуйста сейчасъ!

— Но онъ у меня...

— Такъ пойдемте къ вамъ! вскричалъ ребенокъ, побѣждая къ двери и не обращая вниманія на то, что, для довершенія туалета, ему не доставало шпаги, атласнаго полукафтаньца и голубой ленты.

— Ваше величество, сказалъ г. де-Фрежюсъ, подоидя къ королю: я долженъ замѣтить вамъ, что вы изволите слишкомъ предаваться радости обладанія вещами, на которыя вы должны бы смотрѣть, какъ на ничтожныя бездѣлушки.

— Ваша правда, ваша правда, сказалъ Людовикъ XV, стараясь казаться болѣе спокойнымъ: но вы должны бытьнисходительны ко мнѣ, потому что мнѣ нѣтъ еще десяти лѣтъ и вчера я прилежно занимался.

— Справедливо, сказалъ г. де-Фрежюсъ, улыбаясь. Вы можете заняться игрушками, ваше величество, когда его высочество господинъ регентъ скажетъ вамъ вторую вѣсть, съ которою онъ пришелъ сюда.

— Ахъ да! кстати: скажите мнѣ вторую вѣсть.

— Она заключается въ дѣлѣ такой важности, что я счелъ долгомъ представить его на разсмотрѣніе вашему величеству.

— Ово съ вами? спросилъ молодой король.

— Нѣтъ, ваше величество, я не зналъ, угодно ли вамъ будетъ заняться этимъ дѣломъ, и потому оставилъ его у себя въ кабинетѣ.

— Прекрасно! сказалъ Людовикъ XV, обращаясь вмѣстѣ къ г. де-Фрежюсу и регенту, и смотря то на одного, то на другаго съ умоляющимъ выраженіемъ: мы можемъ соединить пользу съ забавой. Вмѣсто своей утренней прогулки, я пойду къ

вамъ, регентъ, полюбуюсь хорошенькими нюрнбергскими и-грушками, а потомъ мы вмѣстѣ пойдемъ въ вашу кабинетъ и займемся дѣлами.

— Это противно этикету, ваше величество, сказалъ регентъ: но если вамъ неурядливо угодно...

— Да, мнѣ угодно, отвѣчалъ Людовикъ XV; то есть, прибавилъ онъ, обратившись къ г. де-Фрежюсу и смотря на него съ непреодолимою кротостью: то есть, если это не противно моему доброму наставнику.

— Не думаю, чтобы г. де-Фрежюсъ нашелъ въ этомъ что-либо предосудительное, сказалъ регентъ, обратившись къ наставнику. По выраженію, съ которымъ регентъ произнесъ эти слова, епископъ могъ понять, что оскорбить его, если не согласится на желаніе своего августѣйшаго воспитанника.

— Напротивъ, ваше высочество, отвѣчалъ де-Фрежюсъ: его величеству полезно заниматься серьезными дѣлами, и законы этикета могутъ быть презрѣны для блага цѣлаго народа или государства. Только я долженъ просить у вашего высочества позволенія послѣдовать за его величествомъ.

— Разумѣется! вскричалъ регентъ: я самъ хотѣлъ просить васъ о томъ.

— О, какое счастье! какое счастье! вскричалъ Людовикъ XV. Скорѣе, мое полукафтанье, шпату, голубую ленту! Скорѣе! Я сейчасъ буду готовъ, регентъ, сейчасъ!

И подбѣжавъ къ регенту, онъ хотѣлъ взять его за руку; но послѣдній почтительно поклонился, отворилъ дверь, знакомъ пригласилъ короля идти впередъ и, не надѣвая шляпы, послѣдовалъ за нимъ въ почтительномъ разстояніи, вмѣстѣ съ г. де-Фрежюсомъ.

Покой короля находились въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ покоями герцога Орлеанскаго и были раздѣлены прихожей, принадлежавшей къ покоямъ короля, и маленькой галереей, ведшей къ прихожей половины регента. Слѣдовательно, они шли не долго, и такъ какъ король торопился, то они вскорѣ очутились въ большой залѣ, освѣщенной четырьмя стеклянными дверями, ведшими въ садъ. Изъ этой залы былъ ходъ въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно занимался регентъ и гдѣ онъ принималъ своихъ друзей или любимцевъ. Тамъ собрался весь дворъ его высочества; но молодой король не замѣтилъ ни г. д'Артагана, капитана сѣрыхъ мушкетеровъ, ни маркиза де-Лафара, капитана стражи, ни другихъ придворныхъ, собравшихся въ ожиданіи выхода герцога Орлеанскаго; одна вещь остановила его вниманіе и заставила его вскрикнуть отъ радости, не смотря на при-

сутствіе и увѣщаніи г. де-Фрежюса: посреди комнаты стоялъ на столѣ огромный ящикъ.

Не смотря на все свое нетерпѣніе, молодой король долженъ былъ воздержаться и отвѣчать на привѣтствія гг. д'Артагана и де-Лафара; но между тѣмъ регентъ позвалъ двухъ слугъ, вооруженныхъ клямами; въ нѣсколько секундъ съ ящика съѣла крышка, и восхищенному взору девицѣ короля представилась самая великолѣпная коллекція разнообразнѣйшихъ игрушекъ.

При этомъ искусительномъ видѣ, король забылъ наставника, этикетъ, капитана стражи, капитана сѣрыхъ мушкетеровъ, бросился къ отверзтому передъ нимъ земному раю, и какъ бы изъ нестоющаго рудника, какъ бы изъ волшебнаго рога изобилія, какъ бы изъ сокровищницы тысячи и одной ночи сталъ вынимать башни, трехмачтовые кораблики, цѣлыя эскадры кавалеріи, батальоны инфантеріи, разносчиковъ, фокусниковъ, словомъ, тысячи чудесъ, восхищающихъ накануне Рождества всѣхъ за-рейскихъ малютокъ; радость Людовика XV была такъ искренна, что даже серьезный г. де-Фрежюсъ уважилъ минуту счастья, освѣтившую довольно скучную жизнь короля-ребенка. Всѣ присутствующіе смотрѣли на послѣдняго съ религиознымъ молчаніемъ, сопровождающимъ всегда какъ великія горести, такъ и великія радости.

Вдругъ посреди всеобщаго молчанія въ прихожей раздался громкій шумъ.

Дверь отворилась; слуга доложилъ: герцогъ де-Вильруа, и маршалъ явился на порогъ, съ тростью въ рукахъ, встревоженный, въ растрепанномъ парикѣ. Громкимъ голосомъ спросилъ онъ, гдѣ король. Такъ какъ всѣ привыкли къ его обращенію, то регентъ указалъ ему на короля, продолжавшаго разбирать игрушки и разстлавливать ихъ по стульямъ и по полу. Маршалъ долженъ былъ промолчать, во-первыхъ потому, что опоздалъ цѣлымъ часомъ, а во-вторыхъ потому, что съ королемъ былъ его двойникъ, г. де-Фрежюсъ; не смотря на то, онъ приблизился къ королю, ворча что-то сквозь зубы и бросая вокругъ себя грозные взгляды, которыми онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что не дастъ въ обиду своего питомца. Регентъ помѣнялся взглядами съ Лафаромъ и едва замѣтнымъ образомъ улыбулся Артагану: лучшаго успѣха нельзя было желать.

Давъ королю насладиться сокровищами, заключавшимися въ волшебномъ ящикѣ, регентъ подошелъ къ нему и, снявъ шляпу, напомнилъ ему обѣщаніе заняться нѣсколько времени государ-

ственными дѣлами. Съ точностію, которая въ послѣдствіи внушила Людовику XV достопамятныя слова: «точность есть вѣжливость королей», онъ бросилъ послѣдній взглядъ на игрушки, попросилъ и получилъ позволеніе отослать ихъ на свою половину, и пошелъ къ маленькому кабинету, дверь въ который отворилъ герцогъ. Тогда, сообразно ихъ различнымъ характерамъ или вѣрнѣе, сообразно хитрой политикѣ одного и грубой настойчивости другаго, г. де-Фрежюсъ, почти никогда не присутствовавшій при занятіяхъ короля, полъ предлогомъ отвращенія къ политическимъ дѣламъ, отступилъ и сѣлъ въ уголъ залы, между тѣмъ какъ маршалъ пошелъ впередъ и хотѣлъ послѣдовать за королемъ, вошедшимъ въ кабинетъ.

Этой минуты регентъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

— Извините, маршалъ, сказалъ онъ, преградивъ дорогу герцогу де-Вильруа: мнѣ надо заняться съ его величествомъ секретными дѣлами, почему прошу васъ оставить насъ однихъ.

— Однихъ! вскричалъ де-Вильруа: однихъ! Вы знаете, ваше высочество, что это не возможно!

— Невозможно, маршалъ? спокойно возразилъ регентъ: невозможно? а отчего?

— Оттого, что въ качествѣ воспитателя его величества, я имѣю право всюду слѣдовать за нимъ.

— Мнѣ кажется, маршалъ, возразилъ регентъ, что это право не основано ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ, и если я терпѣлъ до сихъ поръ это право, которое вы сами присвоили себѣ, такъ это только потому, что оно не имѣло никакой важности, по причинѣ малолѣтства короля. Но теперь, когда его величеству скоро минетъ десять лѣтъ, когда его величеству угодно познакомиться съ великой наукой правленія, для которой Франція избрала меня его наставникомъ, вы позволите мнѣ, маршалъ, вступить въ мои права, тѣмъ болѣе, что вы, господинъ маршалъ, прибавилъ регентъ съ улыбкой, въ значеніи которой нельзя было ошибиться: — такъ опытенъ въ наукѣ правленія, что вамъ нечему научиться у меня.

— Но, герцогъ, возразилъ маршалъ, разгораясь по своему обыкновенію и забывая приличіе: позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что король мой воспитанникъ.

— Знаю, маршалъ, сказалъ регентъ, принявъ насмѣшливый тонъ: знаю, и не мѣшаю вамъ сдѣлать его величество великимъ полководцемъ. Ваши походы въ Италію и Фландрію служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что въ этомъ отношеніи королю нельзя было дать лучшаго наставника. Но въ настоящемъ случаѣ, господинъ маршалъ, дѣло касается не военной науки,

а только государственной тайны, которую я могу вѣрить одному королю. И такъ вы позволите мнѣ возобновить просьбу оставить меня одного съ его величествомъ.

— Невозможно, ваше высочество, вскричалъ маршалъ, совершенно забывшись.

— Не возможно? повторилъ регентъ, отчего?

— Отчего? продолжалъ маршалъ: отчего?... Оттого, что по возложенному на меня долгу, я не долженъ терять короля изъ виду ни на минуту, а потому я не позволю....

— Берегитесь, маршалъ, перебилъ его герцогъ Орлеанскій, гордо поднявъ голову: мнѣ кажется, что вы забываетесь!

— Ваше высочество, продолжалъ маршалъ, разгораясь болѣе и болѣе: я не забываю должнаго къ вамъ уваженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ я помню, чѣмъ обязанъ своему королю, и повторю, что не намѣренъ оставить его одного, такъ какъ....

Маршалъ остановился.

— Такъ какъ? повторилъ регентъ: такъ какъ?... Продолжайте, маршалъ.

— Такъ какъ я отвѣчаю за особу его величества, отвѣчалъ маршалъ, совершенно выведенный изъ себя.

Послѣ этой дерзости, между вѣми зрителями этой сцены наступила минута молчанія, прерываемая только ропотомъ маршала и заглушаемыми вздохами г. де-Фрежюса. Что касается до герцога Орлеанскаго, то онъ поднялъ голову съ улыбкой гордаго презрѣнія и, принявъ величественный видъ, сказалъ:

— Г. де-Вильруа, мнѣ кажется, что вы забываете, съ кѣмъ говорите, а потому я считаю долгомъ напомнить вамъ о томъ. Маркизь де-Лафәръ, продолжалъ регентъ, обращаясь къ капитану своей стражи: исполняйте вашу обязанность.

Только тогда маршалъ де-Вильруа, у котораго полкосились ноги, понялъ, онъ въ какую пропасть стремился, и открылъ ротъ, чтобы извиниться; но регентъ не далъ ему договорить своего извиненія и захлопнулъ передъ носомъ его дверь кабинета.

Въ ту же минуту и прежде чѣмъ маршалъ успѣлъ опомниться, маркизь де-Лафәръ подошелъ къ нему и потребовалъ у него шпагу.

Маршалъ стоялъ какъ громомъ лоражный. Никому до сихъ поръ не приходило въ голову положить предѣлъ дерзости его, а потому онъ считалъ себя неприкосновеннымъ; онъ хотѣлъ говорить, но голосъ измѣнилъ ему, и послѣ вторичнаго, болѣе повелительнаго требованія маркиза, онъ отцѣпилъ шпагу и подалъ ее Лафәру.

Въ то же мгновеніе, дверь отворилась и за нею показались носилки; два мушкетера усадили въ нихъ маршала, Артаганъ и Лафъръ встали по сторонамъ дверецъ, носильщики тронулись; сошли съ лѣтницы, поворотили на лѣво въ оранжерею и оттуда вошли въ залу, сопровождаемые Артаганомъ и Лафаромъ.

Все это произошло такъ быстро, что маршалъ, не отличавшійся хладнокровіемъ, не успѣлъ оправиться. Онъ далъ обезоружить себя, арестовать, усадить въ носилки; онъ видѣлъ, что его сопровождали два человѣка, непитавшіе къ нему особеннаго расположенія, и все еще преувеличивая свое значеніе и свою важность, вообразилъ, что погибъ.

— Господа, вскричалъ онъ, блѣднѣя и чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ на лбу его: господа, я надѣюсь, что жизнь моя въ безопасности?

— Успокойтесь, маршалъ, успокойтесь, отвѣчалъ Лафъръ, между тѣмъ, какъ Артаганъ не могъ воздержаться отъ смѣха при видѣ комически-разстроенной физіономіи и растрепаннаго парика маршала. Вамъ не причинять ни малѣйшаго вреда.

— Чего же вы хотите отъ меня? спросилъ маршалъ, нѣсколько успокоившись.

— Мы знаемъ, маршалъ, что вы хотѣли вручить сегодня утромъ королю два письма, которыя должны быть у васъ въ карманѣ.

Маршалъ, озабоченный до сихъ поръ собственными дѣлами, совершенно забылъ о дѣлахъ герцогини дю-Мэнъ; при послѣднихъ словахъ Лафара, онъ вздрогнулъ и поспѣшно приложилъ руку къ карману, въ которомъ были письма.

— Извините, сказалъ д'Артаганъ, схвативъ руку маршала: намъ поручили объявить вамъ, что уничтоженіе подлинныхъ писемъ ни къ чему не поведетъ, потому что у регента есть копія съ нихъ.

— Кромѣ того насъ уполномочили отнять у васъ эти письма насильно, еслибъ—это одно предположеніе—еслибъ вы, господинъ маршалъ, не захотѣли вручить ихъ намъ добровольно и тѣмъ увеличить свое преступленіе.... долгомъ считаю прибавить, что мы напередъ избавлены отъ отвѣтственности за могущія произойти непріятности, въ случаѣ сопротивленія съ вашей стороны.

— Правда ли, господа, сказалъ маршалъ, что у герцога есть копія съ этихъ писемъ?

— Честное слово! отвѣчалъ д'Артаганъ.

— Слово дворянина! прибавилъ Лафъръ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Вильруа: я не вижу причи-

ны скрывать отъ васъ этихъ писемъ, которыя впрочемъ ни мало не касаются до меня, такъ какъ я изъ одной вѣжливости взялся передать ихъ королю.

— Мы это знаемъ, маршалъ, отвѣчалъ Лафъръ.

— Только надѣюсь, господа, прибавилъ маршалъ: что вы передадите его высочеству, какъ охотно я повиновался его приказанію и какъ я раскаяваюсь въ томъ, что дерзнулъ обидѣть его.

— Непремѣнно, маршалъ, непременно; мы передадимъ все въ точности его высочеству; но гдѣ письма?

— Вотъ они, маркизъ, сказалъ маршалъ, отдавая два письма Лафару.

Лафъръ осмотрѣлъ письма и удостовѣрился, что это были точно тѣ, которыя герцогъ поручилъ ему отнять у маршала; потомъ, обратившись къ своему товарищу, онъ сказалъ:

— Любезный д'Артаганъ, проводите теперь господина маршала куда слѣдуетъ, и не забудьте именемъ герцога приказать особамъ, которыя будутъ имѣть честь сопровождать маршала вмѣстѣ съ вами, чтобы они поступали съ нимъ съ должнымъ уваженіемъ.

Дверцы носилокъ захлопнулись, носильщики пошли далѣе и маршалъ, начинавшій догадываться, въ какую западню попалъ онъ, былъ перенесенъ въ другую комнату, гдѣ ожидала его стража герцога Орлеанскаго, которая послѣдовала за носилками.

Нѣсколько минутъ спустя, маршала усадили въ карету, запряженную шестью лошадыми. Артаганъ сѣлъ возлѣ него; мушкетеръ и дю-Либуа, одинъ изъ придворныхъ короля, сѣли напротивъ; двадцать мушкетеровъ окружили карету, Артаганъ сѣлалъ знакъ кучеру, и лошади тронулись.

Лафъръ слѣдилъ съ крыльца за всѣми приготовленіями къ отъѣзду; потомъ, когда карета отъѣхала, онъ поспѣшно воротился во дворецъ съ двумя письмами Филиппа V.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО КОНЦА.

Въ тотъ же день, около двухъ часовъ по полудни, когда д'Арманталь, пользуясь отсутствіемъ Бюва, повторялъ тысячу разъ Батильдѣ, что любить и будетъ любить ее одну, вошла Нанетта и доложила кавалеру, что кто-то спрашиваетъ его.

Д'Арманталь, любопытствуя узнать, кто могъ имѣть до него дѣло, подошелъ къ окну и увидѣлъ аббата Бригò, прохаживавшагося взадъ и впередъ по его комнатѣ. Улыбкой успокоилъ онъ Батильду, поцѣловалъ въ лобъ невинную дѣвушку и ушелъ домой.

— Здравствуйте, сказалъ ему аббатъ: пока вы спокойно нѣжничаете съ вашей сосѣдкой, у насъ происходятъ страшныя вещи, любезный воспитанникъ!

— Что случилось? спросилъ д'Арманталь.

— Неужели вы ничего не знаете?

— Ничего, рѣшительно ничего; и если вы обезпокоили меня за маловажнымъ дѣломъ, такъ я задую васъ. И такъ, совѣтую вамъ выдумать что-нибудь, если вамъ дорога жизнь.

— Къ несчастію, дѣйствительность такова, возразилъ аббатъ Бригò, что воображеніе мое не придумаетъ ничего важнѣйшаго.

— И точно, любезный аббатъ, сказалъ д'Арманталь, внимательно посмотрѣвъ на Бригò: у васъ разстроенная физиономія! Что случилось? Говорите скорѣе.

— Что случилось? Бездѣлица! Намъ измѣнили.... Маршала де-Вильруа арестовали сегодня утромъ въ Версали, и два письма Филиппа V, которыя онъ долженъ былъ вручить королю, находятся въ рукахъ регента.

— Повторите, аббатъ, сказалъ д'Арманталь: повторите, пожалуйста, я не довѣряю своему слуху.

Аббатъ повторилъ слово въ слово три убійственныя новости, ударяя на каждомъ слогѣ.

Д'Арманталь выслушалъ Бригò внимательно и согласился, что эти новости были чрезвычайно важны. Но не смотря на мрачныя мысли, пробужденныя въ умѣ его опасностію его положенія, лицо его сохранило выраженіе спокойной твердости, свойственной ему въ минуты величайшей опасности.

— Только-то? спросилъ кавалеръ голосомъ, въ которомъ не замѣтно было ни малѣйшей перемены.

— Развѣ этого не довольно? отвѣчалъ аббатъ: чего жъ вамъ больше?

— Любезный аббатъ, отвѣчалъ д'Арманталь, когда мы вступили въ разговоръ, такъ возможность выиграть и проиграть была почти одинакова. Нѣсколько времени перевѣсъ былъ на сторонѣ выигрыша, теперь онъ на сторонѣ проигрыша. Вчера положеніе наше относилось какъ девяносто ко сту; сегодня же какъ тридцать ко сту: вотъ и все.

— Я вижу съ удовольствіемъ, сказалъ Бригò, что васъ не легко сбить съ толку.

— Иначе и быть не можетъ, любезный аббатъ, возразилъ д'Арманталь: я теперь счастливъ и на все смотрю, какъ человѣкъ счастливый. Еслибъ вы застали меня въ минуту печальнаго расположенія духа, такъ я бы отвѣчалъ аминь на вашу похоронную пѣснь.

— Какое же ваше мнѣніе?

— Я полагаю, что игра запуталась, но еще не проиграна. Маршалъ де-Вильруа не принадлежитъ къ числу заговорщиковъ; въ письмахъ Филиппа V, сколько я помню, никто не поименованъ, слѣдовательно, окомпрометированъ одинъ только принцъ де-Челамаре, которому, какъ посланнику, рѣшительно нечего опасаться, тѣмъ болѣе, что у кардинала Альберони залогомъ г. де Сентъ-Эньянтъ....

— Вы правы, сказалъ Бригò, успокоившись.

— А кто сообщилъ вамъ эти новости? спросилъ кавалеръ.

— Валѣфъ, который узналъ все отъ самой герцогини дю-Мэнъ.

— Надобно повидаться съ Валѣфомъ.

— Я назначилъ ему свиданіе здѣсь, у васъ, и удивляюсь, что онъ не идетъ, такъ какъ отъ него я заходилъ еще къ маркизу де-Помпадуръ.

— Рауль! закричалъ кто-то на дѣстницѣ: Рауль!

— А! это онъ, вскричалъ д'Арманталь, открывая дверь.

— Благодарю, другъ мой, сказалъ баронъ де-Валѣфъ: вы подоспѣли очень кстати, потому что я хотѣлъ уже уйти, въ томъ мнѣніи, что Бригò далъ мнѣ невѣрный адресъ; можетъ ли честный христіанинъ жить въ такомъ голубятникѣ? Другъ мой, продолжалъ Валѣфъ, осматриваясь, я непремѣнно долженъ привести сюда герцогиню дю-Мэнъ, чтобы она вполнѣ поняла, чѣмъ обязана вамъ.

— Дай Богъ, баронъ, сказалъ Бригò, чтобы намъ съ вами не отвели еще худшей квартиры.

— Вы намѣкаете на Бастилю? Можетъ быть, аббатъ, очень можетъ быть; но вы забываете, что въ Бастиліи раздаетъ квартиры самъ король и что, слѣдовательно, дворянину не стыдно жить въ ней. Но здѣсь! Фи, аббатъ, фи! Здѣсь такъ и пахнетъ писаремъ!

— Еслибъ вы, Валѣфъ, знали, что я нашелъ въ этой квартирѣ, такъ не захотѣли бы разстаться съ нею, сказалъ д'Арманталь, невольно обидѣвшись презрѣніемъ барона къ его жилищу.

— Ба! Неужели? Какуюнибудь мѣшанку? Ужь не другую ли мадамъ Мишлэнъ? Берегитесь, кавалеръ; подобныя вещи, по-эволюительны только Ришльѣ. Хотя мы съ вами и получше его, но къ сожалѣнію, мы не въ модѣ, а потому подобныя интриги могутъ весьма повредить намъ.

— Несмотря на все легкомысліе вашихъ замѣчаній, сказалъ Бригô: я слушаю ихъ съ удовольствіемъ, потому что заключаю изъ вашей безпечности, что дѣла наши еще не такъ плохи, какъ казалось.

— Напротивъ! Заговоръ нашъ пошелъ къ чорту!

— Что вы говорите, баронъ! вскричалъ Бригô.

— Я говорю, что не надѣялся даже увидаться еще разъ съ вами.

— Васъ хотѣли арестовать, любезный Валёфъ?

— Чуть-чуть не арестовали.

— Какимъ образомъ, баронъ?

— Какимъ образомъ? вы знаете, аббатъ, что разставшись съ вами я пошелъ къ принцу де-Челламарѣ.

— Знаю.

— Я былъ у него, когда регентъ прислалъ отобрать у него всѣ бумаги.

— У принца отобрали бумаги? вскричалъ Бригô.

— Всѣ, кромѣ немногихъ, которыя мы успѣли сжечь.

— Такъ мы всѣ погибли! вскричалъ аббатъ.

— Ахъ, любезный Бригô, какъ вы пугливы! . Развѣ мы не можемъ составить маленькую Фронду, чортъ возьми! Неужели вы думаете, что герцогиня дю-Менъ не стоитъ герцогини де-Лонгвиль?

— Но расскажите, любезный Валёфъ, какъ было дѣло? сказалъ д'Арманталъ.

— Любезный кавалеръ, представьте себѣ самую забавную сцену, которую вамъ когда-либо случалось видѣть. Я бы дорожю далъ, чтобы вы были со мною. Мы посмѣялись бы отъ всей души, на зло негодяю Дюбуа.

— Какъ! вскричалъ Бригô: самъ Дюбуа приходилъ къ посланнику?

— Самъ Дюбуа, своею особою. Представьте себѣ, что мы сидѣли передъ каминомъ, спокойно разговаривая о нашихъ дѣлахъ, перебирая въ шкатулкѣ болѣе или менѣе важныя письма и сожигая тѣ, которыя, по нашему мнѣнію, были достойны почетнаго аутодафе, какъ вдругъ вошелъ слуга принца де-Челламарѣ и доложилъ, что отрядъ мушкетеровъ окружилъ домъ и что Дюбуа и Лебланъ просятъ позволенія войти.

Цѣль посѣщенія не трудно было угадать. Принцъ разомъ высыпалъ всѣ письма изъ шкатулки въ огонь, втолкнулъ меня въ сосѣднюю комнату и приказалъ впустить гостей. Приказаніе его было напрасно, потому что Дюбуа и Лебланъ стояли уже на порогѣ. По счастью они не замѣтили меня.

— До сихъ поръ я не вижу ничего забавнаго, сказалъ Бригô, покачивая головою.

— Подождите, забавное сейчасъ начнется, отвѣчалъ Валёфъ. Представьте себѣ, что я былъ въ сосѣдней комнатѣ, откуда могъ все видѣть и слышать.

«Дюбуа явился на порогѣ, вытянувъ свою змѣиную голову впередъ и глазами отыскивая принца де-Челламарѣ, который стоялъ передъ каминомъ, чтобы скрыть догоравшія бумаги.

«— Позвольте узнать, господа, сказалъ принцъ съ свойственною ему флегмой: что доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія?

«— Ахъ, Боже мой, ваша свѣтлость, весьма простое обстоятельство, отвѣчалъ Дюбуа: желаніе осмотрѣть ваши бумаги, которыя, судя по этимъ двумъ образцамъ, должны быть весьма любопытны, прибавилъ онъ, показавъ письма Филиппа V.»

— Какъ! вскричалъ Бригô: письма, въ десять часовъ утра отнятыя въ Версали у маршала де-Вильруа, были уже въ часъ по полудни въ Парижѣ и въ рукахъ Дюбуа?

— Точно, аббатъ; изъ этой скорости можно заключить, что ихъ переслала не по почтѣ.

— Что же сказалъ принцъ? спросилъ д'Арманталъ.

— О! принцъ хотѣлъ было погорячиться, основываясь на правахъ посланника; но Дюбуа, у котораго нѣтъ недостатка въ логикѣ, возразилъ ему, что онъ самъ нарушилъ эти права, принявъ участіе въ заговорѣ.

«Словомъ, принцъ долженъ былъ уступить силѣ и согласиться на то, чему не могъ воспротивиться. Впрочемъ Лебланъ, не дожидаясь позволенія, отперъ уже бюро и осмотрѣлъ его, между тѣмъ какъ Дюбуа, съ своей стороны, шарилъ въ ящикахъ письменнаго стола. Вдругъ Челламарѣ вскочилъ и, схвативъ за руку Леблана, овладѣвшаго пакетомъ писемъ, перевязанныхъ розовой ленточкой, сказалъ:

«— Извините, каждому свое. Это письма женщины, которыя я могу вѣрить только другу регента.

«— Благодарю за довѣренность, отвѣчалъ Дюбуа, ни мало не смутившись и взявъ пакетъ у Леблана: я привыкъ къ тайнамъ подобнаго рода, и вы можете быть увѣрены, что съумѣю сохранить и вашу.

«Пронзая эти слова, онъ случайно взглянулъ на каминъ и увидѣлъ письмо, только-что начинавшее горѣть; съ быстротою кошки бросился Дюбуа къ камину и выхватилъ бумагу изъ пламени. Движеніе его было такъ быстро, что письмо было въ рукахъ Дюбуа прежде, нежели посланникъ могъ угадать намереніе его.

«— Ого! сказалъ принцъ, смотря на Дюбуа, отряхавшаго пальцы: я зналъ, что у регента есть искусные шпионы, но не полагалъ, что они готовы идти въ огонь, чтобы услужить ему.

«— Награда превышаетъ опасность, которой они подвергаются, отвѣчалъ Дюбуа, успѣвшій уже развернуть бумагу. Посмотрите сами, принцъ....

«Посланникъ взглянулъ на бумагу. Не знаю, что заключалось въ ней, но принцъ поблѣднѣлъ и въ порывѣ гнѣва разбилъ въ дребезги прелестную мраморную статуэтку, повашуюся ему подъ руку.

«Дюбуа захохоталъ.

«— Я не желалъ бы быть на ея мѣстѣ, сказалъ онъ, указавъ на обломки статуэтки, и спряталъ бумагу въ карманъ.

«— Придетъ и ваша очередь; Господь справедливъ, сказалъ принцъ.

«— Можетъ быть, отвѣчалъ Дюбуа насмѣшливо, такъ какъ главное, и именно то, зачѣмъ мы пришли, у меня въ карманѣ, то мы приступимъ къ запечатанію вашего имущества.

«— Къ запечатанію моего имущества! вскричалъ посланникъ съ бѣшенствомъ.

«— Съ вашего позволенія, отвѣчалъ Дюбуа. Лебланъ, за дѣло.

«Лебланъ вынулъ изъ сумки печать и сургучъ.

«Запечатавъ бюро и письменный столъ, онъ пошелъ къ кабинету, въ которомъ я сидѣлъ.

«— Господа, вскричалъ принцъ, я не позволяю....

«— Господа, возразилъ Дюбуа, отворивъ дверь и впустивъ въ комнату двухъ мушкетеровъ: испанскій посланникъ обвиненъ въ заговорѣ противъ Франціи; извольте проводить его до капреты, ожидающей внизу, и отвезти, куда вамъ приказано. Если онъ будетъ сопротивляться, то призовите людей и унесите его насильно....»

— Что сдѣлалъ принцъ? спросилъ Бригдъ.

— Принцъ сдѣлалъ то, что, я полагаю, вы сами сдѣлали бы на его мѣстѣ, любезный аббатъ; онъ посылалъ за офицера-

ми, и пять минутъ спустя вашъ покорный слуга сидѣлъ за печатью.

— Бѣдный баронъ! вскричалъ д'Арманталъ: какъ же ты ушелъ.

— А! Въ этомъ-то и заключается самое забавное. Когда принцъ ушелъ, и когда меня запечатали, чѣмъ и кончилось дѣло шпионовъ, Дюбуа позвалъ камердинера принца.

«— Какъ тебя зовутъ? спросилъ его Дюбуа.

«— Ланьеромъ, отвѣчалъ бѣдный слуга, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«— Любезный Лебланъ, продолжалъ Дюбуа: объясните пожалуйста мосье Ланьеру, какому наказанію подвергается тотъ, кто сниметъ казенную печать.

«— Галерамъ, отвѣчалъ Лебланъ со свойственною ему любезностью.

«— Любезнѣйшій мосье Ланьеръ, продолжалъ Дюбуа сладкимъ какъ медъ голосомъ; вы слышали: если вамъ угодно отправиться на нѣсколько лѣтъ поработать на галерахъ его величества, короля Франціи, такъ дотроньтесь только до одной изъ этихъ печатей, и желаніе ваше будетъ исполнено. Если же, напротивъ, вамъ непротивно получить сотню ливидоровъ, такъ берегите эти печати, и черезъ три дня вы получите эту сумму.

«— Мнѣ пріятнѣе получить сто ливидоровъ, отвѣчалъ негодлай Ланьеръ.

«— Въ такомъ случаѣ подпишите эту бумагу; мы возлагаемъ на васъ надзоръ за кабинетомъ принца.

«— Слушаю, ваше преосвященство, отвѣчалъ Ланьеръ и подписалъ.

«— Понимаете ли, вы какаю отвѣтственность лежить теперь на васъ?

«— Понимаю, ваше преосвященство.

«— И берете ее на себя?

«— Беру.

«— Прекрасно. Пойдемте, любезный Лебланъ; теперь намъ здѣсь нечего болѣе дѣлать, сказалъ Дюбуа: я досталъ то, зачѣмъ пришелъ, прибавилъ онъ, указавъ на бумагу, которую выхватилъ изъ пламени. Пойдемте!

«И онъ вышелъ съ своимъ любимцемъ.

«Ланьеръ проводилъ ихъ; потомъ, когда они уѣхали, онъ скоро вернулся и подоидя къ кабинету, въ которомъ я сидѣлъ, сказалъ:

«— Скорѣе, скорѣе, г. баронъ: пользуйтесь удобной минутой! Уйдите!

«— Такъ ты зналъ, что я здѣсь?»

«— Еще бы! Развѣ я согласился бѣ иначе принять на себя надзоръ за кабинетомъ?... Я подумалъ, что вы не захотите просидѣть три дня за печатью.

«— Справедливо! Сто лундоровъ тебѣ за эту услугу!

«— Боже мой! Что вы дѣлаете? вскричалъ Лапьеръ.

«— Что дѣлаю? Хочу выдти.

«— Не въ дверь, г. баронъ; ради Бога, не въ дверь!... Неужели вы хотите, чтобы бѣднаго отца семейства отправили на галеры. Притомъ же, они для большей вѣрности, унесли ключъ съ собою.

«— Такъ какъ же мнѣ выдти, дурачина?

«— Поднимите голову.

«— Поднялъ.

«— Смотрите вверхъ.

»— Смотрю.

«— На право.

«— Смотрю.

«— Не видите ничего?

«— А, вижу круглое окно.

«— Именно! Подставьте стулъ, столъ, или что попадется. Круглое окно выходитъ въ альковъ. Спускайтесь тихонько... на кровать.... Вотъ такъ! Вы не ушиблись, г. баронъ?

«— Нѣтъ. У прища мягкая постель. Каково-то будетъ ему тамъ, куда его увели!

«— Надѣюсь, что вы не забудете услуги, которую я оказалъ вамъ, г. баронъ?

«— То есть ста лундоровъ?

«— Вы сами изволили предложить мнѣ вхъ.

«— Изволь; по такъ какъ мнѣ нужны теперь деньги, то возьми этотъ перстень; онъ стоить триста пистолей; слѣдовательно, ты еще въ барышѣ.

«— Какъ вы великодушны, г. баронъ!

«— Хорошо, хорошо; куда мнѣ теперь идти?

«— Извольте спуститься по этой лѣстницѣ. Вы пройдете въ службы, оттуда въ кухню, потомъ въ садъ; у большихъ воровъ, вѣроятно, поставлена стража, а потому я совѣтую вамъ выдти въ калитку.

«— Благодарю за совѣтъ.

«Я послѣдовалъ наставленіямъ Лапьера; прошелъ черезъ службы, кухню, садъ, вышелъ въ калитку и однимъ скачкомъ очутился здѣсь. Вотъ вся исторія».

— А гдѣ прищъ Челламаре? спросилъ кавалеръ.

— А я почему знаю! отвѣчалъ Валѣфъ. Вѣроятно, въ тюрьмѣ....

— Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми! чортъ возьми! ворчалъ аббатъ Бригдъ.

— Какъ вамъ правится моя Одиссея, аббатъ?

— Она была бы очень забавна, еслибъ проклятый Дюбуа не выхватилъ бумагъ изъ пламени.

— Да, точно, сказалъ Валѣфъ: это портитъ немножко дѣло.

— И вы не догадываетесь, что это за бумага?

— Не догадываюсь. Но будьте спокойны, аббатъ, мы непремѣнно узнаемъ, что это за бумага.

Въ это время послышались чьи-то шаги на лѣстницѣ. Дверь отворилась и въ отверстіи показалась голова Бонифаса.

— Не прогнѣвайся, мосѣ Рауль, сказалъ наслѣдникъ г-жи Денй: я пришелъ за лядинкой Бригдъ.

— Ничего, ничего, мосѣ Бонифасъ, добро пожаловать, отвѣчалъ Рауль. Любезный баронъ, рекомендую вамъ моего предшественника, прежняго жильца этой квартиры, сына моей почтенной хозяйки, г-жи Денй, и крестника нашего добраго друга, аббата Бригдъ.

— Ого! У васъ бароны пріятели, мосѣ Рауль? Ого! какая честь нашему дому! А, такъ вы баронъ?

— Хорошо, хорошо, шалунъ, сказалъ аббатъ, недовольный неосторожностью д'Армантала. Ты за мной пришелъ?

— За вами.

— Что тебѣ надо?

— Мнѣ? ничего.

— Зачѣмъ же ты пришелъ?

— Маленька васъ спрашиваетъ.

— Зачѣмъ?

— Она хочетъ узнать, зачѣмъ завтра велѣно собираться парламенту.

— Завтра соберется парламентъ! вскричали Валѣфъ и д'Арманталъ.

— Съ какою цѣлю? спросилъ Бригдъ.

— Это-то она и хочетъ узнать отъ васъ.

— А почему твоя мать знаетъ, что завтра соберется парламентъ?

— Я ей сказалъ.

— А ты гдѣ узналъ?

— Гдѣ? разумеется у своего прокурора! Г. Жюлю былъ у перваго президента, когда къ нему пришло повелѣніе изъ тюльерійскаго двора. Пускай завтра наша контора горитъ яркимъ

пламенемъ, я тушить не пойду! Не правда ли, дядишка Бригё, они всѣ будутъ завтра въ красныхъ плащахъ? Точно вареные раки!

— Ладно, ладно, шалунъ! Ступай, скажи своей матери, что я зайду къ ней.

— Будемъ ждать! Прощайте, мосьё Рауль; прощайте, г. баронъ. Завтра будутъ раки, будутъ раки!

И Бовиѳастъ исчезъ, не подозрѣвая дѣйствія, произведеннаго словами его на трехъ заговорщиковъ.

— Тутъ кроются новыя козни, проворчалъ д'Арманталь.

— Бѣгу предупредить герцогиню дю-Мэнъ, сказалъ Валёфъ.

— А я пойду къ Помпадѹру узнать, что дѣлается, сказалъ Бригё.

— А я остаюсь, сказалъ д'Арманталь. Аббатъ, если я вамъ буду нуженъ, такъ вы знаете, гдѣ найти меня.

— А если васъ не будетъ дома, кавалеръ?

— О! Я далеко не уйду; откройте только окно и ударьте три раза въ ладони: я явлюсь.

Аббатъ Бригё и баронъ де-Валёфъ взяли шляпы и вмѣстѣ сошли внизъ.

Пять минутъ спустя, сошелъ и д'Арманталь, чтобы идти къ Батильдѣ, которую онъ засталъ въ сильномъ безпокойствѣ.

Было пять часовъ, а Бювѣ еще не вернулся.

Этого съ нимъ не случилось съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ молодая дѣвушка знала его.

ГЛАВА VI.

С О В ъ Щ А Н І Е.

На другой день, въ семь часовъ утра, Бригё пришелъ за д'Арманталемъ, ожидавшимъ уже его. Оба закутались въ плащи, надвинули шляпы на глаза и отправились къ тюльерійскому дворцу.

Приближаясь къ нему, они замѣтили необыкновенное движеніе на улицѣ; у всѣхъ аллей, ведущихъ ко дворцу, стояли стражи; любопытные толпились на Карусельской площади.

Д'Арманталь и Бригё вмѣшались въ толпу.

Дойдя до того мѣста, гдѣ нынче находится Триумфальная арка, они встрѣтили офицера сѣрыхъ мушкетеровъ, закутаннаго въ плащъ. То былъ Валёфъ.

— Что новаго, баронъ? спросилъ Бригё.

— А! это вы, аббатъ? сказалъ Валёфъ. Мы, съ Лавалемъ и Мальзё, искали васъ. Я только что разстался съ ними; они должны быть здѣсь по близости. Останемтесь здѣсь, они скорѣ найдутъ насъ. Не знаете ли вы чего новаго?

— Ничего; я заходилъ къ Мальзё; но его уже не было дома.

— Скажите лучше, что онъ еще не возвращался. Мы провели всю ночь въ арсеналѣ.

— И никакія враждебныя мѣры не были еще приняты? спросилъ д'Арманталь.

— Никакія. Герцогъ дю-Мэнъ и графъ Тулузскій приглашены на совѣщаніе, которое должно быть сегодня утромъ. Въ половинѣ шестаго они явились въ Тюльери, вмѣстѣ съ герцогинею дю-Мэнъ, которая отправилась туда, чтобы быть близко къ источнику новостей.

— Узнали ли вы, что сталося съ принцемъ де-Челламаѣре, спросилъ д'Арманталь.

— Его отправили по дорогѣ въ Орлеанъ, въ сопровожденіи одного придворнаго и двѣнадцати мушкетеровъ.

— А о бумагахъ, которую Дюбуа выхватилъ изъ пламени, ничего не извѣстно? спросилъ Бригё.

— Ничего.

— Что думаетъ герцогиня дю-Мэнъ?

— Что противъ принцевъ затѣваются новыя козни, съ цѣлю отнять у нихъ еще нѣкоторыя права; а потому она сегодня утромъ порядочно настроила мужа, который обѣщала быть твердымъ; не смотря на то, она не надѣется на него.

— А герцогъ Тулузскій?

— Мы видѣли его вчера вечеромъ; но вы знаете, аббатъ, что съ его скромностію или, лучше сказать, покорностію, нечего надѣяться. Ему все кажется, что ему оказываютъ слишкомъ много почестей, и онъ готовъ уступить всѣмъ требованіямъ регента.

— Ахъ кстати! а король....

— Что, король?

— Что онъ сказалъ, когда узналъ, что воспитатель его арестованъ?

— А! вы не знаете? По видимому между маршаломъ и г. де-Фрежюсомъ было условіе такого рода, что если одного удалятъ отъ его величества, то другой долженъ былъ удачиться добровольно. Вчера, утромъ, г. де-Фрежюсъ исчезъ.

— Гдѣ же онъ?

— Богъ вѣсть! Такъ что король, утѣшившійся было въ уда-
леніи маршала, душевно сожалѣть объ отсутствіи епископа.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Герцогъ де-Рипильё, заставшій вчера короля въ Версаи
въ горькихъ слезахъ, посреди разбитыхъ имъ фарфоровыхъ
вазъ и стеколъ. Но вы знаете Рипильё: вмѣсто того, чтобы
еще болѣе возбудить отчаяніе короля, онъ сталъ смѣшать его
и почти утѣшилъ его величество, добивъ съ нимъ остальные
вазы и стекла.

Въ эту минуту, человекъ, въ длинномъ адвокатскомъ ко-
стюмѣ и четырехъугольной шляпѣ, прошелъ мимо группы, состав-
ленной изъ Бриго, д'Арманталь и Валёфа, напѣвая пѣсенку,
сложенную на маршала, послѣ Ромпильской битвы:

Villeroy, Villeroy

A fort bien servi le roi...

Guillaume, Guillaume, Guillaume.

Бриго оглянулся и узналъ въ этомъ костюмѣ Помпадура. Въ
то же время, оглянулся и мнимый адвокатъ, и подошелъ къ
группѣ. Точно, это былъ маркизь.

— Метръ Клеманъ, спросилъ Бриго: что новаго въ судѣ?

— Въ судѣ весьма важная новость, отвѣчалъ Помпадуръ;
особенно если она подтвердится: говорятъ, что парламентъ не
хочетъ явиться въ Тюльеріи.

— Bravo! вскричалъ Валёфъ: если это правда, такъ я поми-
рюсь съ красными кафтанамъ. Да нѣтъ! Не можетъ быть.

— Почему знать! Вы знаете, что г. де-Месмъ изъ нашихъ;
его пожаловали президентомъ, по ходатайству герцогини лю-
Мэнь.

— Правда, но это было давно, сказалъ Бриго: и если у васъ
нѣтъ другой надежды, метръ Клеманъ, такъ я совѣтую вамъ
считать эти слухи ложными.

— Тѣмъ болѣе, прибавилъ Валёфъ, что онъ получилъ отъ
герцогини отсрочку въ уплатѣ 500,000 ливровъ долгу.

— Ого! вскричалъ д'Арманталь, смотрите, смотрите: что тамъ
происходить.... Неужели совѣщаніе уже кончилось?

И точно, около дворца поднялась суматоха. Экипажи герцо-
га лю-Мэнь и герцога Тулузскаго подѣхали къ крыльцу.
Въ то же время, явились братья. Они помѣнялись нѣсколькими
словами, сѣли въ свои экипажи и уѣхали.

Бриго, Помпадуръ, д'Арманталь и Валёфъ терялись въ догад-

кахъ по случаю этого неожиданнаго обстоятельства, которое
произвело нѣкоторое волненіе въ толпѣ, когда они увидали
Мальзьё, по видимому искавшаго ихъ. Они пошли къ нему на
встрѣчу и, по его разстроенному, озабоченному виду, догада-
лись, что онъ шелъ не съ утѣшительными вѣстями.

— Что тамъ дѣлается? спросилъ Помпадуръ.

— Увы! отвѣчалъ Мальзьё, мнѣ кажется, что все погибло.

— Вы знаете, что герцогъ лю-Мэнь и герцогъ Тулузскій
оставили совѣщаніе? сказалъ Валёфъ.

— Я былъ на набережной, когда герцогъ лю-Мэнь про-
ѣхалъ; онъ узналъ меня, приказалъ кучеру остановиться и при-
слалъ мнѣ съ своимъ лакеемъ эту записку, наскоро написанную
карандашемъ.

— Посмотримъ, сказалъ Бриго, и сталъ читать:

«Не знаю, что затѣвается противъ насъ, но регентъ просилъ
«меня и герцога Тулузскаго оставить засѣданіе. Просьба его
«показалась мнѣ приказаніемъ, и такъ какъ всякое сопротивле-
«ніе было напрасно, то я долженъ былъ повиноваться; вы
«знаете, что во всемъ совѣтѣ не болѣе пяти голосовъ въ нашу
«пользу, да и на тѣ трудно полагаться. Постарайтесь повидать-
«ся съ герцогиней; она въ Тюльери; скажите ей, что я уѣзжаю
«въ Рамбульё, гдѣ буду ожидать, чѣмъ все кончится.»

«Вамъ преданный, Людовикъ Августъ.»

— Трусъ! вскричалъ Валёфъ.

— Вотъ люди, за которыхъ мы рискуемъ жизнью! провор-
чалъ Помпадуръ.

— Ошибаетесь, маркизь, сказалъ Бриго: мы рискуемъ жи-
знию за себя, а не за другихъ. Не такъ ли, кавалеръ? Но что
съ вами?

— Пойдите, аббатъ, отвѣчалъ д'Арманталь: стойте! Мнѣ
кажется... такъ и есть, чортъ возьми! Это онъ. Вы не уйдете
отсюда, господа?

— Я не уйду, сказалъ Помпадуръ.

— Я останусь, сказалъ Валёфъ.

— И я, сказалъ Мальзьё.

— И я, сказалъ Бриго.

— Такъ я сейчасъ вернусь.

— Куда вы идете? спросилъ Бриго.

— Не спрашивайте, аббатъ, сказалъ д'Арманталь: это мое
дѣло, лично до меня касающееся.

И отпустивъ руку Валёфа, д'Арманталь сталъ пробираться
сквозь толпу къ человекѣ, за которымъ онъ уже нѣсколько

времени слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ, и который, благодаря силѣ своихъ мускуловъ, пробрался съ двумя нетрезвыми красавицами до самой рѣшетки.

— Извольте видѣть, мои принцессы, говорилъ этотъ чловѣкъ, чертя тростью по песку, между тѣмъ какъ при каждомъ его движеніи конецъ длинной его шпаги путался между ногами сосѣдей: я вамъ сейчасъ объясню, что значитъ раннее засѣданіе. Я это знаю, ибо присутствовалъ на засѣданіи, воспослѣдовавшемъ за кончиной покойнаго короля, когда отвергли его завѣщаніе и объявили, со всемъ уваженіемъ къ памяти его величества Людовика XIV, что, не смотря на волю его, незаконнорожденные не могутъ быть признаны законнорожденными. Извольте видѣть, подобное засѣданіе происходитъ въ длинной или четырехугольной залѣ; вотъ здѣсь стоитъ кровать короля, тутъ сидятъ перы, тамъ парламентъ.

— Онорина, спросила одна изъ красавицъ: неужели тебѣ весело слушать его розсказни?

— Ни мало; неужели онъ только за тѣмъ и привелъ насъ сюда, чтобы показать намъ пятьдесятъ мускетеровъ, да дюжину конницы?

— Эй, продолжала первая: мнѣ кажется, что если мы пойдемъ закусить въ харчевню, такъ это будетъ попитательнѣе твоего засѣданія.

— Мамзель Онорина, возразилъ тотъ, къ кому относилось это предложеніе: хотя я знакомъ съ вами не болѣе полусутокъ, однакожъ успѣлъ уже замѣтить, что вы очень любите покушать; это большой недостатокъ, особенно въ женщинѣ. Старайтесь исправиться, если хотите сохранить мое сердце.

— Послушай-ка, Фемія, неужели онъ хочетъ заставить насъ голодать до пяти часовъ вечера? Неужели этотъ старшій хрычъ воображаетъ, что накормилъ насъ до-сыта своей личницей со свинымъ саломъ и тремя бутылками бѣлаго вина? Я прелудреждаю тебя, красавчикъ, что брошу тебя, если ты думашь морить меня голодомъ.

— Смирно, страсть моя, какъ говоритъ господинъ Пьеръ Корнель, смирно! отвѣчалъ чловѣкъ, къ которому обращалась эта гастрономическая угроза, схвативъ руки обѣихъ красавицъ и сжавъ ихъ подъ мышками, какъ въ тискахъ: полно спорить и упрямиться! Вы принадлежите мнѣ, по условію, заключенному съ вашей хозяйкой, мамамъ... какъ бишь ее? Ну да все равно!

— Да, но ты долженъ кормить насъ!

— Объ этомъ не было упомянуто въ условіи, моя курочка;

и ваша мамамъ меня же обманула.

— Тебѣ, гадкій скряга!

— Да, меня; я требовалъ у нея двухъ женщинъ.

— Ну, что же? Двѣ и есть.

— Не горячитесь, не горячитесь; повторяю: я требовалъ двухъ женщинъ, то есть блондинку и брюнетку, а она воспользовалась темнотою и подсунула мнѣ двухъ блондинокъ, а это, по моему, все равно что одна женщина. Слѣдственно я имѣю право требовать возмездія. И такъ молчите, мои голубки, молчите!

— Да это несправедливость! вскричали вмѣстѣ красавицы.

— Что дѣлать? Миръ исполненъ несправедливостями. Вотъ теперь, напримѣръ, очень несправедливо поступаютъ съ бѣднымъ герцогомъ дю-Мэномъ, и еслибъ вы были чувствительнѣе, то забыли бы собственное горе изъ состраданія къ обожаемому привцу. Что касается до меня, такъ его горе отбilo у меня аппетитъ. Впрочемъ, смотрите, такое зрѣлище лучше всякаго обѣда; любуйтесь!

— Капитанъ, сказалъ въ это время кавалеръ, ударивъ по плечу Рокфинета и надѣясь въ суматохѣ переговорить нѣсколько словъ съ старымъ пріятелемъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ: могу ли я сказать вамъ два слова наединѣ?

— Четыре слова, кавалеръ, четыре, если вамъ угодно. Стойте здѣсь, мои кошечки, прибавилъ онъ, поставивъ красавицъ впереди; и если кто обидитъ васъ, такъ позовите меня. Я буду въ двухъ шагахъ отсюда. Я къ вашимъ услугамъ, кавалеръ, продолжалъ онъ, выходя съ д'Арманталемъ изъ толпы. Я ужъ давно узналъ васъ, да мнѣ не приходилось первому заговорить съ вами.

— Я вижу съ удовольствіемъ, что капитанъ Рокфинетъ остороженъ по-прежнему, сказалъ д'Арманталъ.

— Болѣе прежняго, кавалеръ; а потому если вы имѣете во мнѣ вѣрность, такъ извольте говорить.

— Нѣтъ, капитанъ, нѣтъ, теперь пока вы мнѣ еще не нужны. Впрочемъ здѣсь не мѣсто толковать о дѣлахъ; я только хотѣлъ узнать, на всякій случай, гдѣ васъ теперь можно найти?

— Все на прежнемъ мѣстѣ, кавалеръ, все тамъ же. Я точно плещу: гдѣ разъ прицѣпился, тамъ и умираю; я имѣю еще то сходство съ плещемъ, что взбираюсь все выше и выше; то есть, что теперь вы найдете меня не въ первомъ и не во второмъ этажѣ, а въ пятомъ или шестомъ; не будучи великимъ экономистомъ, вы легко поймете, что я повышаюсь по мѣрѣ того,

как финансы мои понижаются. Слѣдственно, такъ какъ мои финансы стоятъ теперь на низшей точкѣ, то я самъ стою на высшей.

— Какъ, капитанъ, сказалъ д'Арманталь смѣясь, и поднося руку къ карману: вы въ нуждѣ и не хотите обратиться къ пріятелямъ?

— Занимать! вскричалъ капитанъ, однимъ знакомъ остановивъ щедрое движеніе кавалера: Фи! Я охотно принимаю подарки за какую-нибудь услугу. Я охотно принимаю плату за трудъ, но просить, занимать—никогда не буду!... Это дѣло перковныхъ крысъ, а не военныхъ людей. Хотя я не болѣе какъ простой дворянинъ, но горлъ, какъ герцогъ и перъ. Но извините, извините, я вижу, что мои красавицы хотятъ улепетнуть и не хочу, чтобы подобныя твари дурачили меня. Вы знаете, кавалеръ, гдѣ меня найти, если я буду вамъ нуженъ. И такъ до свиданья, кавалеръ, до свиданья.

И не дожидаясь отвѣта, Рокфінетъ пустился въ погоню за Онориной и Эфеміей, которыя, вообразивъ, что капитанъ ихъ не видитъ, хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы отъ кого-нибудь другаго получить обѣдъ, въ которомъ почтенный капитанъ, вѣрно, не отказалъ бы имъ, еслибъ кошелекъ его не былъ пустъ.

Такъ какъ было не болѣе одиннадцати часовъ утра и такъ какъ засѣданіе должно было кончиться не ранѣе четырехъ часовъ, то кавалеръ разсудилъ, что можетъ воспользоваться этимъ временемъ для свиданія съ Батильдой. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ како-либо катастрофѣ, тѣмъ сильнѣе было въ немъ желаніе увидѣться съ молодой дѣвушкой. Батильда слѣбалась однимъ изъ элементовъ жизни его, однимъ изъ органовъ, необходимыхъ для его существованія и, въ ожиданіи вѣчной, быть можетъ, разлуки, онъ чувствовалъ, что не можетъ прожить одного дня безъ нея. Чувствуя непреодолимое желаніе увидѣться съ любимой дѣвушкой, кавалеръ забылъ своихъ товарищей и пошелъ по направленію къ улицѣ Танъ-Пері.

Бѣдная дѣвушка была въ сильномъ безпокойствѣ. Бюва не возвращался со вчерашняго утра. Нанетта ходила осведомиться въ Библіотеку и, къ величайшему своему изумленію, узнала, что почтенный чиновникъ уже шесть дней не приходилъ въ должность. Подобное нарушеніе привычекъ Бюва могло быть только слѣдствіемъ важныхъ событій. Кромѣ этого, молодая дѣвушка замѣтила наканунѣ въ Рауль какое-то лихорадочное волненіе, изблѣчившее важный переворотъ въ жизни его. Сло-

вомъ, Батильда инстинктивно чувствовала, что неизбежное несчастіе готово было разразиться надъ ея головою.

Но когда Рауль приходилъ къ Батильдѣ, всѣ опасенія ея исчезали въ настоящемъ блаженствѣ. И Рауль, какъ бы подвергаясь одинакому вліянію, въ присутствіи Батильды забывалъ весь міръ. Однакожъ теперь опасенія Батильды возросли до того, что она не могла скрыть ихъ отъ Рауля, и тѣмъ еще болѣе утвердила въ умѣ молодого человѣка подозрѣнія, возбужденныя уже отсутствіемъ Бюва. Не смотря на жалобы молодой дѣвушки, время пролетѣло такъ быстро, что когда пришло четыре часа, Батильдѣ и Раулю показалось, что они вмѣстѣ не болѣе пяти минутъ.

Надобно было разстаться, потому что Бюва обыкновенно возвращался въ это время. Послѣ тысячи увѣреній во взаимной привязанности, молодые люди разстались, условившись немедленно уведомить другъ друга, если случится что-нибудь особенное.

У крыльца дома г-жи Дені, д'Арманталь встрѣтилъ Бригд. Засѣданіе кончилось; никто не зналъ развязки его, но носились слухи, что были приняты страшныя мѣры. Впрочемъ аббатъ ожидалъ болѣе положительныхъ извѣстій; онъ назначилъ Помпадуру и Мальзѣ свиданіе у д'Арманталя, какъ въ самомъ безопасномъ мѣстѣ.

Около часа спустя, явился маркизъ де-Помпадуръ. Парламентъ сначала было поупрямился, но потомъ долженъ былъ подчиниться волѣ регента. Письма испанскаго короля были прочтены въ собраніи и возбудили общее негодованіе. Герцога дю-Мэнъ лишили званія главнаго воспитателя молодого короля, въ пользу герцога Бурбонскаго. Одному герцогу Тулузскому были оставлены всѣ его права и привилегіи.

Потомъ пришелъ Мальзѣ прямо отъ герцогини. Ей приказано было удалиться изъ Тюльері и уступить свои покои герцогу. Подобное оскорбленіе возбудило гнѣвъ гордой внуки великаго Кондѣ. Въ бѣшенствѣ она перебила всѣ свои зеркала и приказала выбросить всю мебель изъ оконъ; потомъ отправила Лаваля въ Рамбульѣ, чтобы убѣдить герцога дю-Мэна принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры, и приказала Мальзѣ созвать всѣхъ ея приверженцевъ въ Арсеналь.

Помпадуръ и Бригд находили послѣднее приказаніе крайне неосторожнымъ и неблагоразумнымъ. Не было никакого сомнѣнія, что за герцогиней строго присматривали. Идти въ Арсеналь было все-равно, что идти прямо въ Бастилю. Въ-слѣд-

ствіе этого Помпадуръ, и Бригд хотѣли уговорить герцогиню назначить другой день.

Мальзѣ и д'Арманталь раздѣляли мнѣніе ихъ касательно осторожности и опасности подобнаго поступка; но и тотъ и другой, первый изъ преданности, второй по чувству долга, говорили, что чѣмъ приказаніе опаснѣе, тѣмъ скорѣе должно повиноваться ему, чтобы доказать герцогинѣ преданность ея приверженцевъ.

Въ самомъ жару спора они услышали чьи-то шаги на лѣстницѣ. Такъ какъ оба лица, которымъ Бригд назначала свиданіе у д'Армантала уже явились, то аббатъ, приложивъ палецъ ко рту, приказалъ своимъ товарищамъ замолчать. Тогда они ясно услышали приближавшіеся шаги. Минуту спустя дверь открылась: солдатъ французской гвардіи и молодая гризетка вошли въ комнату.

Солдатъ былъ баронъ де-Валёфъ.

Гризетка откинула чернѣйшій капюшонъ, закрывавшій лицо ея, и присутствовавшіе узнала герцогиню лю-Мэнъ.

ГЛАВА VII.

ЧЕЛОВѢКЪ ПРЕДПОЛАГАЕТЪ.

— 'Ваше высочество' вы, здѣсь! У меня! вскричала д'Арманталь. Чѣмъ я заслужила такую честь?

— Наступило время, кавалеръ, сказала герцогиня: доказать нашу привязанность людямъ, которыхъ мы уважаемъ. Притомъ, я не хочу, чтобы кто-либо могъ сказать, что друзья герцогини лю-Мэнъ жертвуютъ собою для нея, между тѣмъ какъ она спидитъ сложа руки. Слава Богу! я внука великаго Кондэ и чувствую, что кровь моего дѣда течетъ въ моихъ жилахъ!

— Дважды приветствуемъ ваше высочество, сказалъ Помпадуръ: ваше присутствие рѣшитъ нашъ споръ и выведетъ насъ изъ затруднительнаго положенія! Хотя мы вполнѣ готовы повиноваться вашимъ повелѣніямъ, однакожъ намъ кажется, что совѣщаніе въ Арсеналѣ въ такое время, когда вы окружены всею тайною полиціею Парижа, сопряжено съ опасностію....

— Совершенно справедливо, маркизъ; а потому, вмѣсто того, чтобы звать васъ къ себѣ, я сама рѣшилась идти къ вамъ. Баронъ проводилъ меня къ графинѣ де-Шаванья, подругѣ моей доброй де-Лоне, живущей въ улицѣ дю-Маль. Туда намъ принесли

это платье, мы переодѣлись и пришли сюда пѣшкомъ. Д'Аржансонъ хитеръ, если узналъ насъ въ этомъ костюмѣ.

— Я вижу съ удовольствіемъ, сказалъ Мальзѣ, что ужасныя событія этого дня не поколебали духа и твердости вашего высочества.

— Я думала, Мальзѣ, что вы имѣете лучшее мнѣніе обо мнѣ. Напротивъ! я никогда еще не чувствовала въ себѣ столько непоколебимой твердости! О! зачѣмъ я не мужчина!

— Прикажите, ваше высочество, сказалъ д'Арманталь, и мы исполнимъ все, что вы сами сдѣлали бѣ, если бѣ были женщиной.

— Нѣтъ, нѣтъ. Другіе не могутъ этого сдѣлать.

— Для людей, истинно преданныхъ, нѣтъ ничего невозможнаго. Впрочемъ, для нашей же собственной пользы, мы должны принять рѣшительныя и энергическія мѣры. Не думайте, что регентъ удовольствуется тѣмъ, что сдѣлалъ. Послѣ завтра, завтра, быть можетъ, сегодня вечеромъ насъ всѣхъ арестуютъ. Дюбуа увѣряетъ, что онъ выхватилъ изъ пламени, въ кабинетѣ принца Челламаре, списокъ всѣхъ заговорщиковъ. Если это правда, то онъ знаетъ насъ всѣхъ; слѣдовательно, надъ нами виситъ на волоскѣ мечъ; не будемъ ждать, чтобы онъ сорвался съ волоска, сорвемъ его сами и будемъ дѣйствовать.

— Дѣйствовать? Но гдѣ, какъ? спросилъ Бригд. Полный парламентъ испортилъ все дѣло. Приняли ли мы какія-нибудь мѣры? Составили ли мы планъ?

— Да! сказалъ Помпадуръ: нашъ первый планъ былъ прекрасенъ, и если бѣ ему не помѣшало неожиданное происшествіе, такъ теперь все дѣло было бы кончено.

— Если этотъ планъ разъ не удался, то въ другой разъ мы можемъ быть счастливѣе, сказалъ Валёфъ.

— Нѣтъ, регентъ съ тѣхъ поръ сталъ осторожнѣе, отвѣчалъ Мальзѣ.

— Напротивъ, сказалъ Помпадуръ; такъ какъ нашъ первый планъ не удался, то регентъ, вѣроятно, увѣренъ, что мы не осмѣлимся попытаться вторично.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Валёфъ, потому что регентъ принимаетъ менѣе предосторожностей, нежели прежде. Напримѣръ, съ тѣхъ поръ какъ принцесса Шартрека сдѣлалась настоятельницею въ шельскомъ аббатствѣ, онъ каждую недѣлю ѣздитъ къ ней одинъ, безъ стражи, въ каретѣ; съ однимъ кучеромъ и двумя лакеями ѣздитъ онъ черезъ Веннсенскій лѣсъ, въ девять часовъ вечера.

— Въ какіе дни? спросилъ Бригд.

- По середамъ, отвѣчалъ Мальзьѣ.
 — Завтра, кажется, среда? сказала герцогиня.
 — Бригъ, спросилъ Валѣфъ: цѣль ли у васъ паспортъ въ Испанію?
 — Какъ же, цѣль.
 — Всѣ затрудненія устранены?
 — Всѣ. Почтмейстеръ изъ нашихъ, а съ другими можно легко справиться.
 — Прекрасно! сказалъ Валѣфъ. Прикажите, ваше высочество, и я соберу завтра нѣсколькихъ друзей, отправлюсь въ Венсенскій лѣсъ, буду ждать тамъ регента, остановлю его, и черезъ три дня буду съ нимъ въ Пампелунѣ!
 — Позвольте вамъ замѣтить, любезный баронъ, сказалъ д'Арманталъ, что исполненіе этого плана принадлежитъ мнѣ по праву первенства.
 — Вы, любезный кавалеръ, сдѣлали все, что могли сдѣлать: теперь наша очередь.
 — Нѣтъ, нѣтъ, Валѣфъ. Дѣло касается моей чести, и вы обидите меня, если не откажетесь отъ того, что принадлежитъ мнѣ.
 — Любезный д'Арманталъ, отвѣчалъ Валѣфъ; я могу согласиться только на одно: пусть ея высочество рѣшитъ нашъ споръ; она знаетъ, что мы равно преданы ей.
 — Согласны ли вы на это, кавалеръ? спросила герцогиня.
 — Согласенъ, ваше высочество, потому что полагаюсь на ваше правосудіе, отвѣчалъ кавалеръ.
 — Благодарю васъ. Да, честь исполненія этого плана принадлежитъ вамъ по праву; да, я отдаю въ ваши руки судьбу сына Людовика XIV и внуки великаго Кондѣ; да, я вполне полагаюсь на вашу преданность и неустрашимость, и надѣюсь, что теперь вамъ удастся. И такъ вамъ, любезный д'Арманталъ, всѣ опасности, вамъ вся честь.
 — Съ признательностію принимаю и то и другое, ваше высочество, сказалъ д'Арманталъ, почтительно цѣлуя руку герцогини: и завтра, въ это время, я буду убитъ, или регентъ будетъ на дорогѣ въ Испанію.
 — Прекрасно! сказалъ Помпадуръ: вотъ что дѣло, такъ дѣло! Если вамъ нуженъ товарищъ, любезный кавалеръ, такъ предложите на меня.
 — И на меня, сказалъ Валѣфъ.
 — А развѣ мы не годимся? сказалъ Мальзьѣ.
 — Любезный канцлеръ, сказала герцогиня: каждому свое: поэты, духовныя особы, законники могутъ совѣтовать; люди

- военные должны исполнять. Кавалеръ, можете ли вы найти тѣхъ-же людей, которые помогаютъ вамъ въ первый разъ?
 — Я найду ихъ начальника.
 — Когда?
 — Сегодня вечеромъ.
 — Въ какомъ часу?
 — Сейчасъ, если угодно, ваше высочество.
 — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.
 — Черезъ четверть часа, я буду у него.
 — Какъ намъ узнать, на что вы рѣшитесь съ нимъ?
 — Я явлюсь къ вашему высочеству, куда прикажете.
 — Только не въ арсеналъ, сказалъ Бригъ: туда опасно.
 — Нельзя ли намъ обождать здѣсь? спросила герцогиня.
 — Я долженъ замѣтить, ваше высочество, отвѣчалъ Бригъ, что мой воспитанникъ—молодой человекъ весьма скромный и порядочный, а потому продолжительный визитъ можетъ возбудить подозрѣніе.
 — Такъ нельзя ли назначить гдѣ-нибудь свиданіе въ безопасномъ мѣстѣ? спросилъ Помпадуръ.
 — Можно, отвѣчала герцогиня: напримѣръ, въ кружкѣ Элисейскихъ полей. Я поѣду туда съ Мальзьѣ въ каретѣ безъ лакеевъ; Помпадуръ, Валѣфъ и Бригъ сойдутся туда же съ разныхъ сторонъ. Тамъ мы подождемъ д'Армантала и примемъ послѣднія рѣшительныя мѣры.
 — Чудесно! сказалъ д'Арманталъ: тѣмъ болѣе, что мой отчаянный капитанъ живетъ въ улицѣ Сентъ-Онорѣ.
 — Вы знаете, кавалеръ, продолжала герцогиня, что можете обѣщать какую хотите награду; мы исполнимъ ваше обѣщаніе.
 — Я берусь наполнить вашъ кошелекъ, сказалъ Бригъ.
 — А я берусь найти человека, сказалъ д'Арманталъ, улыбаясь: который опорочитъ его.
 — И такъ кончено, сказала герцогиня. Черезъ часъ, вы будете въ Элисейскихъ поляхъ.
 — Черезъ часъ, отвѣчалъ д'Арманталъ.
 — Черезъ часъ, повторили Помпадуръ, Мальзьѣ и Бригъ.
 Накинувъ опять кашюшонъ своей мантильи на лицо, герцогиня взяла Валѣфа подъ руку и вышла съ нимъ. Мальзьѣ послѣдовалъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи; Бригъ, Помпадуръ и д'Арманталъ вышли послѣдніе.
 Доходя до улицы Викторін, маркизъ и аббатъ разстались и разошлись въ разныя стороны. Кавалеръ же пошелъ прямо къ

улицъ Сентъ-Онорё, къ тому дому, гдѣ онъ надѣялся найти почтеннаго капитана.

Случайно ли или по расчету герцогини дю-Мэнъ, умѣвшей оцѣнить д'Армантала и понять, какую пользу можно было извлечь изъ него, кавалеръ болѣе прежняго былъ запутанъ въ заговорѣ; но такъ какъ дѣло касалось его чести, то онъ шелъ смѣло на встрѣчу предпріятію, страшныя послѣдствія котораго онъ очень хорошо предвидѣлъ, рѣшившись всеѣмъ пожертвовать, жизнью, даже своею любовію, для исполненія даннаго обѣщанія.

И такъ онъ явился къ Филльонѣ въ такомъ же спокойномъ и твердомъ расположеніи духа, какъ въ первый разъ, хотя, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ жизни его. Какъ и въ первый разъ его приняла сама хозяйка, и онъ спросилъ ее, можно ли видѣть капитана Рокфинета.

Вѣроятно Филльона не ожидала такого невиннаго вопроса, ибо, взглянувъ на д'Армантала и узнавъ его, она не могла скрыть своего изумленія. Какъ бы сомнѣвалась еще въ дѣйствительности своего подозрѣнія, она спросила кавалера, не онъ ли приходилъ къ капитану два мѣсяца тому назадъ. Кавалеръ отвѣчалъ утвердительно, надѣясь такимъ образомъ скорѣе быть допущеннымъ къ капитану.

Д'Арманталь не ошибся, ибо тотчасъ послѣ его отвѣта, Филльона позвала довольно красивую и нарядную служанку и приказала ей проводить кавалера въ комнату подъ номеромъ 72, въ шестомъ этажѣ. Служанка взяла свѣчу и пошла впередъ, бросая по временамъ искусительные взгляды на кавалера.

Д'Арманталь послѣдовалъ за нею. Въ этотъ разъ все было тихо въ домѣ. Важныя событія того дня, вѣроятно, удалили отъ ежедневнаго мѣста сходбища постоянныхъ посѣтителей почтенной хозяйки; а такъ какъ и умъ кавалера былъ занятъ серьезными мыслями, то онъ поднялся до шестаго этажа, не обращая вниманія на кокетничанье субретки, которая, дойдя до 72 номера, обернулась, и граціозно улыбаясь спросила, не ошибся ли кавалеръ и точно ли имѣетъ онъ дѣло съ капитаномъ.

Вмѣсто отвѣта кавалеръ постучался въ дверь.

— Милости просимъ, отвѣчалъ Рокфинетъ густымъ басомъ.

Кавалеръ вложилъ въ руку служанки лундоръ, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Во внутреннемъ убранствѣ произошла та же перемѣна, какъ и въ наружномъ расположеніи. Рокфинетъ не былъ уже, какъ въ первый разъ, соперникъ г. Бонивалля, окруженный одалисками, остатками сытнаго обѣда, съ длинной трубкой въ зу-

бахъ и философически сравнивавшій блага сего міра съ табачнымъ дымомъ. Онъ былъ одинъ, въ мрачной мансардѣ, освѣщенной небольшою догаравшею сальной свѣчей, распространявшей болѣе смраду, нежели свѣта; вспыхивавшее по временамъ пламя придавало страннѣй, фантастическій видъ угловатой физиономіи капитана, стоявшаго передъ каминомъ. Въ глубинѣ мансарды, на складной кровати и противъ окна, покачивавшаяся занавѣска котораго свидѣтельствовала о неплотности рамы, лежала шляпа капитана и шпага его, знаменитая Комламарда.

— Ага! сказалъ Рокфинетъ нѣсколько проницескимъ тономъ: это вы, кавалеръ? я ждалъ васъ.

— Вы ждали меня, капитанъ? Что могло заставить васъ предполагать, что я приду?

— Обстоятельства, кавалеръ, обстоятельства.

— Я васъ не понимаю.

— Я объяснюсь. Вы думали, что можно вступить въ открытую войну, а потому забыли бѣднаго капитана Рокфинета, какъ кондотьера, бандита, который голень только для ночнаго нападенія, изъ-за угла или въ чащѣ дѣсной; вы хотѣли возобновить маленькую лигу, составить свою маленькую фрѣнду; не тутъ-то было! Пріятель Любуа все узналъ; великожи, на которыхъ вы полагались, струсили; парламентъ сказалъ не *нѣтъ*, а *да!* Тогда вы рѣшились вернуться къ капитану. «Незвѣя ли, любезный капитанъ? Помогите, почтенный капитанъ!» — Не такъ ли, кавалеръ?... Извольте, капитанъ не злопамятенъ! Что вамъ нужно отъ него? говорите.

— Точно, любезный капитанъ, сказалъ д'Арманталь, удивленный словами Рокфинета: въ томъ, что вы сказали, есть много правды. Только вы ошибаетесь, думая, что я забылъ васъ. Еслибъ наше предпріятіе удалось, такъ я доказалъ бы вамъ, что у меня хорошая память, и я пришелъ бы къ вамъ съ предложеніями услугъ такъ точно, какъ теперь прихожу просить вашей помощи.

— Гм! произнесъ капитанъ, покачавъ головой: съ тѣхъ поръ, какъ я переселился въ эту новую квартиру, я успѣлъ хорошенько поразмыслить о суетности всего мірскаго, и мнѣ нѣсколько разъ приходила охота рѣшительно отказать отъ всѣхъ дѣлъ, или взяться только за одно блнстательное дѣло, которое обезпечило бы меня на всю жизнь.

— Прекрасно! сказалъ кавалеръ: я именно пришелъ предложить вамъ такое дѣло; вотъ въ чемъ дѣло... послѣ того, что произошло уже между нами, мы можемъ говорить прямо, безъ предисловія... и такъ, вотъ въ чемъ дѣло...

— Въ чемъ? спросилъ капитанъ нетерпѣливо, замѣтивъ, что д'Арманталъ замолчалъ и съ беспокойствомъ осматривался.

— Извините, капитанъ, но мнѣ показалось...

— Что вамъ показалось, кавалеръ!

— Мнѣ послышались шаги.... и легкій скрипъ за стѣною.

— Ага! возразилъ капитанъ: я забылъ предупредить васъ, что здѣсь много, очень много крысъ; не дайте, какъ въ прошлую ночь, онѣ прогрызли мнѣ кафтанъ; посмотрите.

И капитанъ показалъ кавалеру полу своего кафтана.

— Да, да, я ошибся, сказалъ д'Арманталъ: и такъ, любезный Рокфинетъ, мы должны отправиться въ Венсенскій лѣсъ, ожидать тамъ регента, отправляющагося безъ свиты въ шельское аббатство, гдѣ находится дочь его, похитить регента и отправить его наконецъ въ Испанію.

— Ага! постойте, кавалеръ, сказалъ Рокфинетъ: позвольте вамъ замѣтить, что это новое дѣло и что всякое новое дѣло требуетъ новыхъ условій.

— На счетъ условій мы спорить не будемъ, любезный капитанъ. Вы сами назначите ихъ. Можете ли вы располагать тѣми же людьми? Это главное.

— Могу.

— Будутъ ли они готовы завтра въ два часа?

— Будутъ.

— И такъ дѣло кончено.

— Нѣтъ, позвольте, еще не кончено: мнѣ нужны еще деньги на покупку лошади и оружія.

— Въ этомъ кошелькѣ сто лундоровъ; возьмите его.

— Хорошо, я представлю вамъ отчетъ въ томъ, какъ употреблю эти деньги.

— И такъ завтра у меня, въ три часа.

— Рѣшено.

— Прощайте, капитанъ.

— До свиданія, кавалеръ. И такъ вы не удивитесь, если требованія мои будутъ нѣсколько велики?

— Ни мало. Вы помните, что въ послѣдній разъ я удивлялся вашей умѣренности.

— Ладно, сказалъ капитанъ: съ вами можно имѣть дѣло. Постойте, я посвящу вамъ; по этой лѣстницѣ легко можно сломить шею.

И капитанъ взялъ свѣчу, которая, догорѣвъ до бумажки, которою была обернута внизу, бросала яркій свѣтъ, такъ что д'Арманталъ сошелъ внизъ безъ приключеній. Дойдя до послѣдней ступени, онъ еще разъ напомнилъ капитану время свиданія.

Рокфинетъ отвѣчалъ, что не опоздаетъ ни одной секундой.

Д'Арманталъ не забылъ, что герцогиня дю-Мэнъ нетерпѣливо ожидала отвѣта, а потому не обращая вниманія на то, что не встрѣтилъ Филльоны, которая обыкновенно принимала и провожала своихъ гостей, онъ пошелъ прямо къ Елисейскимъ-полямъ. Дойдя до назначеннаго мѣста, онъ увидилъ карету, стоявшую по одну сторону дороги, и двухъ человѣкъ, прохаживавшихся въ нѣкоторомъ разстояніи по аллеѣ; д'Арманталъ пошелъ къ нимъ; въ то же время изъ кареты выглянула женщина. Кавалеръ узналъ герцогиню дю-Мэнъ; съ нею были Мальзье и Валёфъ. Прогуливавшіеся же по аллеѣ были Помпадуръ и Бригбъ, которые, увидѣвъ кавалера, скоро приблизились къ каретѣ.

Д'Арманталъ рассказалъ въ немногихъ словахъ о результатѣ свиданія съ Рокфинетомъ, ни имени, ни званія котораго онъ не считъ нужнымъ открыть своимъ слушателямъ. Общее восклицаніе радости послѣдовало за рассказомъ д'Армантала; герцогиня дала ему поцѣловать свою маленькую ручку; мужчины съ признательностію пожали ему руку.

Было условлено, что на слѣдующій день въ два часа, герцогиня, Помпадуръ, Лаваль, Валёфъ, Мальзье и Бригбъ, отправятся къ матери д'Аврамша, жившей въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи и тамъ будутъ ждать извѣстій объ окончаніи предпріятія. Извѣстія эти долженъ былъ принести имъ самъ д'Аврамша, который съ трехъ часовъ долженъ былъ ждать у заставы съ двумя лошадьми, одною для себя, другою для кавалера. Кромѣ того они условились поставить въ домѣ матери д'Аврамша пять осѣдланныхъ и взнузданныхъ лошадей, чтобы, въ случаѣ неудачи, заговорщики могли немедленно обратиться въ бѣгство.

Условившись на счетъ всего, герцогиня заставила кавалера сѣсть съ нею въ карету, чтобы отвезти его домой; но онъ замѣтилъ ей, что появленіе кареты передъ домомъ г-жи Денй произведетъ волненіе во всемъ кварталѣ и возбудитъ любопытство, которое можетъ имѣть для нихъ вредныя послѣдствія. Согласившись съ справедливостію этого замѣченія, герцогиня высадила д'Армантала на площади Викторіи, нѣсколько разъ пѣзавивъ ему всю свою признательность.

Было десять часовъ вечера. Д'Арманталъ почти не видалъ Батильды въ этотъ день; ему хотѣлось еще разъ увидѣться съ нею; онъ былъ увѣренъ, что увидитъ молодую дѣвушку у окна, но этого было ему недостаточно: ему непременно нужно было переговорить съ нею наединѣ. Придумывая предлогъ, подъ которымъ онъ могъ бы явиться къ Батильдѣ въ такое позднее время и, приближаясь къ своему дому, онъ увидѣлъ

женщину, какъ бы поджидавшую его. Приблизившись, онъ узналъ Нанетту.

Она ждала его по приказанію Батильды. Бѣдная дѣвушка была въ смертельномъ страхѣ. Бювѣ все еще не возвращался. Весь вечеръ простояла она у окна, ожидая д'Арманталь, но и д'Арманталь не возвращался. Въ слѣдствіе неясныхъ идей, родившихся въ умѣ ея въ ту ночь, когда кавалеръ въ первый разъ хотѣлъ похитить регента, ей казалось, что между отсутствіемъ Бювѣ и задумчивостью д'Арманталя было нѣчто общее.

И такъ Нанетта ожидала возвращенія Бювѣ и кавалера. Последній воротился и пошелъ утѣшить Батильду; Нанетта же осталась ждать Бювѣ.

Батильда услышала и узнала шаги д'Арманталя и выбѣжала къ нему на встрѣчу. Съ перваго взгляда она замѣтила на лицѣ его задумчивость, которая уже прежде поразила ее.

— О, Боже мой, Боже мой! вскричала она, схвативъ молодого человѣка за руку и затворяя за нимъ дверь. О, Боже мой! Скажите, Рауль, что съ вами?

— Батильда, отвѣчалъ д'Арманталь съ грустною улыбкой и съ любовью смотря на молодую дѣвушку: Батильда, вы уже нѣсколько разъ говорили, что во мнѣ есть нѣчто загадочное, таинственное, устрашающее васъ.

— О, да, да! вскричала Батильда: и эта таинственность составляетъ меня страшиться за будущее.

— Вы правы, Батильда, ибо прежде, чѣмъ я познакомился съ вами, прежде, чѣмъ увидалъ васъ; я пожертвовалъ частью своей воли, частью своей свободы. Эта часть уже не принадлежитъ мнѣ; она подчиняется высшей волѣ, вліянію неожиданныхъ приключеній и обстоятельствъ. Это пятно на свѣтломъ небѣ. Смотри по тому, куда подуетъ вѣтеръ, это пятно можетъ исчезнуть, какъ туманъ, или спуститься какъ громопосная туча. Рука, управляющая моею волею, можетъ возвести меня на высшую точку милости, или вернуть въ пропасть немилости. Батильда, скажите, готовы ли вы раздѣлить со мною счастье и горе, ясную погоду и грозу?

— Все съ вами, Рауль, все, все!

— Подумайте о томъ, что вы принимаете на себя, Батильда. Можетъ быть, намъ предстоитъ счастливая, блистательная жизнь; можетъ быть, изгнаніе; можетъ быть, заточеніе; можетъ быть... можетъ быть, вы овдовѣете, не сдѣлавшись еще моею женою!

Батильда такъ странно поблѣднѣла, что Раулю показалось, что она упадетъ въ обморокъ; онъ протянулъ руки, чтобы под-

держатъ ее... но Батильда была исполнена силы и воли; преодолевъ минутную слабость, она протянула руку Раулю и сказала:

— Рауль, развѣ я не сказала вамъ, что люблю, любила и буду любить только васъ однихъ? Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ заключается отвѣтъ на всѣ ваши вопросы. Вы требуете отъ меня новыхъ увѣреній... Извольте, но онѣ напрасны. Ваша жизнь, Рауль, будетъ моею жизнію; ваша смерть будетъ моею смертію. И то и другое зависить отъ воли Всевышняго... а потому да будетъ Его святая воля, какъ на землѣ, такъ и на небѣ!

— А я, Батильда, сказалъ д'Арманталь, подводя молодую дѣвушку къ распятію, стоявшему у кровати ея: а я клянусь вамъ предъ лицомъ Всевышняго, что съ этой минуты вы моя жена, предъ Господомъ и предъ людьми, и такъ какъ предстоящія обстоятельства располагаютъ моею жизнію, то я могу предложить вамъ только свою любовь, вѣчную, неизмѣнную любовь!... Батильда, дай первый поцѣлуй твоему мужу!...

И передъ распятіемъ молодые люди упали другъ-другу въ объятія и запечатлѣли послѣднюю клятву свою первымъ поцѣлуемъ.

Когда д'Арманталь ушелъ отъ Батильды, Бювѣ еще не возвращался.

ГЛАВА VIII.

ДАВИДЪ и ГОЛИАФЪ.

Около восьми часовъ утра, аббатъ Бригѣ пришелъ къ кавалеру д'Арманталь; онъ принесъ ему около 20,000 ливровъ, частью золотомъ, частью испанскими ассигнаціями. Герцогиня провела ночь у графини де-Шавиньи. Въ условіяхъ, заключенныхъ наканунѣ, не было сдѣлано ни малѣйшей перемѣны, и герцогиня дю-Мэнъ все надѣялась на кавалера, какъ на своего избавителя. Бригѣ узналъ между тѣмъ, что регентъ, по обыкновенію своему, намѣревался отправиться въ Шелль.

Въ десять часовъ Бригѣ и д'Арманталь сошли внизъ: Бригѣ, чтобы идти на мѣсто свиданія, назначеннаго Помпадуромъ и Вазефомъ, на бульварѣ Тамль; д'Арманталь же пошелъ къ Батильдѣ.

Безпокойство молодой дѣвушки возросло до высшей степени. Бювѣ все еще не было, и по глазамъ Батильды можно было узнать, что она мало спала и много плакала. И она, со своей

стороны, взглянув на д'Армантэля, угадала, что онъ готовился къ страшному предпріятію. На немъ былъ тотъ же костюмъ темнаго цвѣта, въ которомъ она видѣла его въ ту ночь, когда, воротившись домой, онъ сбросилъ съ себя плащъ и сложилъ пистолеты; въ другое время, всѣ эти признаки не обратили бы на себя ея особеннаго вниманія, но въ настоящемъ расположеніи духа, она придавала имъ великое значеніе, великую важность.

Батильда хотѣла-было разспросить кавалера, но когда онъ сказалъ ей, что онъ не смѣетъ открывать тайны, не принадлежащей ему, тогда молодая дѣвушка, молча и съ покорностью судьбы, опустила голову. Около часа спустя послѣ прихода д'Армантэля, Панетта вошла въ комнату съ разстроенымъ видомъ. Она ходила въ Библіотеку. Бювэ не являлся туда, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Батильда не могла болѣе удержаться; она бросилась въ объятія Рауля и залилась слезами.

Тогда Рауль сообщилъ ей свои опасенія: бумаги, которыя принцъ де-Листіе далъ почтенному каллиграфу для переписки, были весьма важны въ политическомъ отношеніи. Можетъ быть, Бювэ показавъ кому нибудь эти бумаги и—его арестовали. Впрочемъ ему не чего было опасаться, такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ игралъ совершенно второстепенную роль. Такъ какъ воображенію Батильды представлялось гораздо болѣе несчастіе, то она съ нѣкоторою радостію приняла предположеніе д'Армантэля, позволявшее ей еще надѣяться. Кромѣ того, бѣдная молодая дѣвушка сама не сознавалась себѣ, что болѣшая часть безпокойства ея была не о Бювэ, и что она плакала не объ одномъ отсутствующемъ.

Время летѣло, пока д'Армантэль былъ съ Батильдой. Онъ не успѣлъ еще наговориться, какъ пробило половина перваго. Рауль вспомнилъ, что въ два часа Рокфинетъ хотѣлъ быть у него, чтобы условиться на счетъ вознагражденія. Онъ всталъ. Батильда поблѣднѣла; д'Армантэль понялъ, что происходило въ сердцѣ ея, и обѣщалъ ей вернуться, когда человекъ, котораго онъ ждалъ, уйдетъ. Это обѣщаніе успокоило нѣсколько молодую дѣвушку, и она старалась улыбнуться, чтобы разсѣять глубокое впечатлѣніе, произведенное ея печалію на Рауля. Притомъ же они нѣсколько разъ повторили клятву вѣчно любить другъ-друга, а потому разстались печальные, но увѣренные въ себѣ.

Кавалеръ воротился къ себѣ и простоялъ нѣсколько минутъ у окна, когда изъ-за угла сосѣдней улицы показался Рокфинетъ. Онъ ѣхалъ на гнѣдомъ конѣ, шагомъ, какъ человекъ, которому рѣшительно все равно, смотрятъ ли на него или нѣтъ.

Только, вѣроятно, по причинѣ движеній коня, шляпа его приняла наклонное положеніе, по которому даже ближайшіе знакомые его не могли бы узнать состоянія его финансовъ.

Подъѣхавъ къ крыльцу дома госпожи Дені, Рокфинетъ сошелъ съ лошади въ три приема, съ спокойствіемъ и точностью берейтора. Онъ привязалъ коня къ ставню, осмотрѣлъ пистолеты и вошелъ въ домъ. Минуту спустя, д'Армантэль услышалъ мѣрные шаги его, потомъ дверь отворилась, и капитанъ вошелъ въ комнату.

Лицо его было серьезно и задумчиво. Нѣсколько нахмуренныя брови и сжатые губы изобличали твердую рѣшимость, и улыбка, съ которою встрѣтилъ его д'Армантэль, не вызвала ничего подобнаго на лицѣ капитана.

— Любезный капитанъ, сказалъ д'Армантэль, быстрымъ взглядомъ осмотрѣвъ Рокфинета съ головы до ногъ, и нѣсколько обезпокоенный мрачнымъ видомъ его: я вижу, что вы по-прежнему олицетворенна точность.

— Военная привычка, кавалеръ, не удивительная въ старомъ солдатѣ.

— Я въ васъ и не сомнѣвался, но вы могли не найти вашихъ людей.

— Я сказалъ вамъ, что знаю, гдѣ найти ихъ.

— И они собрались.

— Собрались.

— Гдѣ?

— На конномъ рынкѣ, близъ Сень-Мартенскихъ воротъ.

— И никто не замѣтилъ ихъ?

— Какъ вы хотите, чтобы посреди трехъ-сотъ крестьянъ, торгующихъ лошадьми, можно было узнать человекъ пятнадцати, одѣтыхъ одинаково съ прочими крестьянами? Это, какъ говорится, игла въ стоѣ сѣна, и я одинъ знаю, какъ найти эту иглу.

— Но какимъ образомъ отправитесь вы всѣ вмѣстѣ?

— Весьма просто. Каждый изъ моихъ людей будетъ торговать на рынкѣ лошадь. Я явлюсь, дамъ каждому отъ двадцати-пяти до тридцати дундоровъ; они заплатятъ за лошадей, осѣдлаютъ ихъ, всунутъ въ чунки по парѣ пистолетовъ, и отправятся въ разныя стороны. Въ пять часовъ, всѣ явятся въ Венсеннскомъ лѣсу, на условленномъ мѣстѣ. Только тамъ я объясню, зачѣмъ созвалъ ихъ; раздамъ имъ еще денегъ, возмю на себя начальство отрядомъ, и улажу дѣло!... Разумѣется, все это только въ такомъ случаѣ если мы сойдемся въ цѣль.

— Говорите ваши условія, капитанъ, сказалъ д'Армантъль: мы будемъ говорить прямо, какъ люди военные, и я надѣюсь, что вы будете довольны тѣмъ, что я намѣренъ предложить вамъ.

— Посмотримъ, сказалъ Рокфинеть, сѣвъ къ столу, подшерпи подбородокъ кулаками, и пристально смотря на д'Армантъля, стоявшаго передъ нимъ.

— Во-первыхъ, я предлагаю вамъ вдвое болѣе, нежели въ послѣдній разъ, сказалъ кавалеръ.

— О! возразилъ Рокфинеть: мнѣ денегъ не нужно!

— Какъ! вамъ не нужно денегъ, капитанъ?

— Не нужно.

— Чего же вы хотите?

— Мѣста.

— Объяснитесь.

— Извольте видѣть, кавалеръ, каждые сутки я становлюсь старѣе двадцатью четырьмя часами; а съ лѣтами приходитъ благоразуміе.

— Говорите же, капитанъ, сказалъ д'Армантъль, начинавшій серьезно безпокоиться: говорите, чего хотите ваше благоразуміе?

— Я уже сказалъ вамъ, кавалеръ, приличнаго мѣста, соотвѣтственнаго моему долготѣнной службѣ. Только не во Франціи, вы понимаете, кавалеръ? Во Франціи у меня слишкомъ много враговъ, начиная отъ начальника полиціи. Но, напримѣръ, тепленькое мѣстечко въ Испаніи я принялъ бы весьма охотно; Испанія славная страна! Красавица тѣма, дублоны лопатой гребни! Какъ хотите, кавалеръ, а мнѣ нужно мѣсто въ Испаніи.

— Это очень возможно, смотря по тому, какое мѣсто вы хотите.

— Вы сами знаете, кавалеръ, что если приходится выбирать, такъ надо выбрать что-нибудь получше.

— Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, капитанъ, сказалъ д'Армантъль: я не уполномоченъ Филиппомъ V разлаивать мѣста и должности въ его государствѣ; но все равно, говорите.

— Столькимъ молокососамъ даютъ полки, сказалъ Рокфинеть, что и мнѣ пришла охота сдѣлаться полковникомъ.

— Полковникомъ? Это невозможно! вскричалъ д'Армантъль.

— Отчего невозможно? спросилъ Рокфинеть.

— Если вамъ, занимающему второстепенное, мѣсто въ предпріятіи, дадутъ полкъ, такъ что же придется просить мнѣ, начальнику?

— Вотъ въ этомъ-то и дѣло; я хотѣлъ просить васъ помѣняться на время ролями. Помните ли вы, что я сказалъ вамъ ночью, въ улицѣ Валуа?

— Напомните мнѣ, капитанъ; у меня, къ несчастію, слабая память.

— Я сказалъ вамъ, что еслибъ мнѣ поручили подобное предпріятіе, такъ я исполнилъ бы его лучше васъ. Я общалъ напомнить вамъ объ этомъ, и напоминаю.

— Что вы толкуете, капитанъ?

— Я толкую дѣло. Мы попытались уже разъ, и намъ не удалось. Тогда вы распорядились иначе: вы хотѣли обойтись безъ меня, и опять дали промахъ. Первая ваша неудача произошла ночью, безъ шума; мы разошлись по домамъ и — тѣмъ дѣло и кончилось. Вторая неудача совершилась днемъ и съ такимъ шумомъ, что весь заговоръ открылся, такъ, что если вамъ не удастся убраться отсюда, то вы все погибли, ибо пріятель Дюбуа знаетъ васъ всѣхъ, и завтра, даже, можетъ быть, сегодня еще, васъ, господъ кавалеровъ, бароновъ, маркизовъ, герцоговъ и принцевъ, арестуютъ и упрячутъ въ тюрьму. Въ цѣломъ мірѣ есть одинъ человѣкъ, одинъ только человѣкъ, который можетъ помочь вамъ; этотъ человѣкъ никто иной, какъ добрый капитанъ Рокфинеть; и вы предлагаете ему второстепенное мѣсто! вы торгуетесь съ нимъ! Фи, кавалеръ, это не хорошо! Чортъ возьми! по мѣрѣ услугъ возрастаютъ и требованія. Кажется, это естественно. Я сдѣлался теперь человѣкомъ весьма значительнымъ, такъ прошу васъ поступать со мною согласно степени моей важности, или я опущу руки въ карманы, и тогда извольте вѣдаться съ Дюбуа.

д'Армантъль укусилъ себѣ губу чуть не до крови; но онъ понялъ, что имѣлъ дѣло со старымъ кондотьеромъ, привыкшимъ извлекать всевозможную пользу изъ оказываемыхъ имъ услугъ; а такъ какъ все, сказанное капитаномъ, было совершенно справедливо, то онъ скрылъ свою досаду и рѣшился подчиниться.

— И такъ, сказалъ онъ: вы хотите быть полковникомъ?

— Желая, отвѣчалъ Рокфинеть.

— Положимъ, я дамъ слово, что желаніе ваше будетъ исполнено; кто поручится, что я буду имѣть довольно вліянія, чтобы сдержать свое слово?

— Не нужно поручительства, я самъ устрою это дѣло.

— Глѣ?

— Въ Мадридѣ, разумѣется.

— Кто вамъ сказалъ, что я повезу васъ туда?

— Не знаю, повезете ли вы меня туда; а что я самъ туда поѣду, такъ это вѣрно.

— Вы, въ Мадридъ? Зачѣмъ?

— Проводить регента.

— Вы съ ума сошли!

— Полно, полно, кавалеръ, не бранитесь! Вы хотѣли, чтобы я сказалъ вамъ свои условія; я исполнялъ ваше желаніе; вы не хотите принять ихъ? Прощайте! Это не мѣшаетъ намъ остаться добрыми друзьями.

И капитанъ всталъ, взявъ шляпу съ комода и пошелъ къ двери.

— Какъ! вы уходите? сказалъ д'Арманталь.

— Разумѣется; что мнѣ здѣсь дѣлать?

— Но вы забываете, капитанъ...

— Ахъ, виноватъ! отвѣчалъ Рокфинетъ, притворяясь, будто бы онъ иначе понялъ смыслъ послѣднихъ словъ д'Арманталя: точно, я забылъ, что долженъ отдать вамъ отчетъ во ста лундорахъ, которые вы мнѣ дали,—и онъ вынулъ кошелекъ изъ кармана:—за гнѣдуу лошадь тридцать лундоровъ; за пару двухствольныхъ пистолетовъ—десять лундоровъ; за сѣдло, уздечку и пр.—два лундора; итого,—сорокъ два лундора. Возьмите себѣ лошадь, пистолеты, сѣдло и уздечку; остальные пятьдесятъ восемь лундоровъ въ этомъ кошелекѣ. Сосчитайте: мы квиты!.. И онъ бросилъ кошелекъ на столъ.

— Да я не тѣ хотѣлъ вамъ сказать, капитанъ.

— Чтѣ же вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что вамъ невозможно поручить такого важнаго предпріятія.

— Какъ хотите! Вотъ мое послѣднее слово: я отвезу регента въ Мадридъ, и отвезу его одинъ, или регентъ останется въ Парижѣ.

— Только знатный, столбовой дворянинъ, сказалъ д'Арманталь, можетъ вырвать изъ рукъ Филиппа Орлеанскаго шпагу, опрокинутую стѣны Лериды и лежавшую возлѣ скипетра Людовика XIV, на бархатной подушкѣ съ золотыми кистями!

— Я слышалъ въ Италіи, отвѣчалъ Рокфинетъ: что во время битвы при Павіи, Францискъ I отдалъ свою шпагу мяснику.

И надвинувъ шляпу на глаза, капитанъ опять пошелъ къ двери.

— Послушайте, капитанъ, сказалъ д'Арманталь, притворившись голосомъ: не будемъ толковать по-пустому; раздѣливъ споръ нашъ по поламъ: я отвезу Регента въ Испанію и возьму васъ съ собою.

— Э! неужели? Вы хотите, чтобы бѣдный капитанъ исчезъ въ

пыли, которую подниметь знатный кавалеръ? Вы хотите, чтобы блистательный полковникъ затмилъ стараго слугаку? Нельзя, кавалеръ, нельзя! или поручите мнѣ начальство, или—мое почтеніе!

— Да это измѣна! вскричалъ д'Арманталь.

— Измѣна, кавалеръ?...капитанъ Рокфинетъ никогда не былъ измѣнникомъ! Развѣ я далъ вамъ обѣщаніе, котораго не намѣренъ сдержать? Развѣ я открылъ вашу тайну? Я измѣнникъ! Тысячу чертей! Не далѣе какъ третьяго-дня, мнѣ предлагали цѣлую груду золота, чтобы я сдѣлался измѣнникомъ, и я не вдался въ искушеніе. Нѣтъ! вчера вы пришли просить меня, чтобы я еще разъ помогъ вамъ; я охотно согласился, но на новыхъ условіяхъ. Я сказалъ вамъ свои условія; хотите—такъ я вашъ, а нѣтъ—такъ нѣтъ. Гдѣ же тутъ измѣна?

— Если я и соглашусь на эти условія, такъ неужели вы думаете, что ея высочество герцогиня дю-Мэнъ будетъ имѣть къ капитану Рокфинету ту же довѣренность, какую она имѣетъ къ кавалеру д'Арманталю?

— Какое дѣло герцогинѣ дю-Мэнъ до нашихъ условій? Вы взялись исполнить ея порученіе; существенныя препятствія мѣшаютъ вамъ сдержать слово; вы передаете ея порученіе мнѣ, и дѣло съ концомъ!

— Мнѣ кажется, возразилъ д'Арманталь, покачавъ головой: что вы хотите имѣть возможность отпустить регента, если онъ предложитъ вамъ вдвое болѣе того, чтѣ я вамъ предлагаю.

— Можетъ быть, сказалъ Рокфинетъ насмѣшливо.

— Послушайте, капитанъ, сказалъ д'Арманталь, стараясь сохранить хладнокровіе и возобновить договоры: послушайте, я сейчасъ отсчитаю вамъ 20,000 ливровъ.

— Пустяки! отвѣчалъ Рокфинетъ.

— Я возьму васъ съ собою въ Испанію.

— Скажи! отвѣчалъ капитанъ.

— Даю вамъ честное слово выхлопотать для васъ полкъ.

Рокфинетъ сталъ насвистывать пѣсенку.

— Берегитесь! сказалъ д'Арманталь: вы знаете всѣ наши тайны, а потому, отказываясь помочь намъ, вы подвергаетесь опасности....

— Чтѣ мнѣ могутъ сдѣлать? спросилъ Рокфинетъ.

— То, что вы не выйдете изъ этой комнаты.

— А кто запретитъ мнѣ? спросилъ капитанъ.

— Я! вскричалъ д'Арманталь, бросившись къ двери, съ пистолетомъ въ каждой рукѣ.

— Вы! сказалъ Рокфинетъ, ступивъ два шага къ кавалеру, скрестивъ руки на груди и пристально смотря на него.

— Еще одинъ шагъ, капитанъ, вскричалъ кавалеръ: нечестное слово!—я разможу вамъ голову!

— Вы разможите мнѣ голову, вы?...А зачѣмъ вы дрожите, какъ старая баба? Знаете ли, чѣмъ это кончится? Вы дадите промахъ; сосѣди, испуганные выстрѣломъ, созовутъ стражу, меня спросятъ: за что вы стрѣляли въ меня, и я долженъ буду сказать правду.

— Справедливо, капитанъ, совершенно справедливо! вскричалъ кавалеръ, спустивъ курки пистолетовъ и отложивъ ихъ въ сторону: вы умрете болѣе благородно смертію, нежели заслуживаете. Обнажите вашу шпагу, скорѣе!

И уперевъ лѣвую ногу въ дверь, д'Арманталь обнажилъ шпагу и всталъ въ позицію.

Рокфинетъ захохоталъ при видѣ тоненькой придворной шпаги съ золотымъ эфесомъ.

— Чѣмъ же мнѣ защищаться? сказалъ онъ, осматриваясь: скажите, пожалуйста, кавалеръ, нѣтъ ли у васъ вязальной иглы?

— Защищайтесь вашей шпагой, капитанъ! отвѣчалъ д'Арманталь: не смотря на всю длину ея, я всталъ, какъ вы видите, въ такую позицію, что мнѣ невозможно отступить ни на одинъ шагъ!

— Ты что скажешь, Колишмарда? спросилъ капитанъ насмѣшливымъ тономъ, обращаясь къ своей шпажницѣ, сохранившей названіе, данное ей Раванномъ.

— Она скажетъ вамъ, капитанъ, что вы подлый трусъ, вскричалъ д'Арманталь: если вамъ надобно дать пощечину, чтобы заставить васъ драться!

И движеніемъ, быстрымъ, какъ молнія, д'Арманталь ударилъ капитана въ лицо.

Рокфинетъ заревѣлъ, какъ разъяренный левъ, отскочилъ назадъ, выхватилъ свою шпагу и сталъ въ позицію.

Тогда между этими двумя людьми завязался страшный, жестокий, молчаливый поединокъ; они видѣли другъ друга въ дѣлѣ, и слѣдовательно, знали, что нужно было употребить все свое искусство. По весьма понятному перевороту, теперь д'Арманталь былъ хладнокровенъ, а Рокфинетъ виѣ себя. Каждую минуту длинная шпага послѣдняго грозила пронзить грудь кавалера, но тоненькая стальная полоска извивалась и свистѣла, какъ змѣя. Въ продолженіе пяти минутъ, кавалеръ только отразалъ удары капитана; вдругъ рука измѣнила ему; онъ по-

чувствовалъ конецъ шпажицы на своей груди, и въ ту же минуту кружевная манишка его оросилась кровію.

При видѣ крови, д'Арманталь бросился впередъ... Тогда только Рокфинетъ понялъ все неудобство своей длинной шпаги. Одно неловкое движеніе—и онъ погибъ. Чтобы поправиться, онъ отскочилъ назадъ, но нога его поскользнулась на гладкомъ полу; по естественному движенію онъ поднялъ руку, въ которой держалъ шпагу.... д'Арманталь воспользовался этой секундой, бросился впередъ, и шпага его воцѣпилась въ грудь капитана по самой эфесѣ. Чтобы уклониться отъ удара своего противника, кавалеръ опять отскочилъ назадъ; но эта предосторожность была напрасна; капитанъ простоялъ около минуты неподвиженъ, страшно вытаращилъ глаза, выронилъ шпагу и, приложивъ обѣ руки къ ранѣ, изъ которой струилась горячая кровь, упалъ навзничь.

— Проклятая шпаженка! проворчалъ онъ, и упалъ мертвый. Тоненькая стальная полоска пронзила грудь великана.

Между тѣмъ д'Арманталь оставался въ оборонительномъ положеніи, устремивъ взоръ на капитана и опуская свою шпагу по мѣрѣ того, какъ смерть овладѣвала имъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ передъ собою трупъ, но этотъ трупъ не закрывалъ глазъ и продолжалъ пристально смотрѣть на него. Страшный видъ мертвеца поразилъ кавалера ужасомъ...волосы поднялись дыбомъ на головѣ его, холодный потъ выступилъ на лбу... онъ не смѣлъ пошевелинуться.. онъ не вѣрнѣ своей побѣдѣ. Вдругъ послѣднія судороги искривили ротъ капитана, придавъ ему проницское выраженіе и ...партизанъ умеръ, унеся съ собою тайну заговорщиковъ...

Но какъ теперь узнать пятнадцать наемщиковъ, между тремястами крестьянъ, торгующихъ на конномъ рынкѣ?

д'Арманталь вскрикнулъ съ яростію; десять лѣтъ жизни своей отдалъ бы онъ, еслибъ могъ возвратитъ капитана къ жизни на десять минутъ. Онъ схватилъ трупъ, поднялъ его, старался привести въ чувство, но тщетно!... Увидѣвъ кровь, струившуюся по рукамъ его, кавалеръ задрожалъ и уронилъ трупъ въ лужу крови, которая, слѣдуя по скату пола, дотекла до двери и начинала уже просачиваться подъ нею на лѣстницу.

Въ эту минуту лошадь, привязанная къ ставню, петерфильдово заржала.

Кавалеръ пошелъ уже къ двери, но вдругъ вспомнилъ, что, можетъ быть, у Рокфинета есть записка или списокъ, которымъ онъ могъ бы воспользоваться. Не смотря на все свое отвраще-

не къ трупу капитана, д'Арманталь осмотрѣлъ, обыскалъ всѣ карманы его, но нашелъ въ нихъ только три или четыре счета трактирщиковъ, да любовную записку Нормандки.

Тогда, находясь вынужденнымъ навсегда разстаться съ этой комнатой, онъ открылъ свое бюро, спряталъ золото и ассигнаціи въ карманы, вышелъ, заперъ за собою дверь, поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ на коня, поскакалъ въ галопъ, и исчезъ за угломъ улицы, ведущей къ бульвару.

ГЛАВА IX.

СПАСИТЕЛЬ ФРАНЦІИ.

Въ то самое время, какъ эта ужасная катастрофа происходила въ мансардѣ дома госпожи Денъ, Батильда, чрезвычайно обезпокоенная тѣмъ, что окна сосѣда ея оставались затворенными, открыла свое окно и увидѣла гнѣдую, красивую лошадь, привязанную къ ставню. Такъ какъ она не видѣла капитана, то подумала, что эта лошадь приведена для Рауля, и сердцемъ ея опять овладѣли невыразимая тоска и боязнь.

Батильда осталась у окна, осматриваясь по сторонамъ и стараясь прочесть на лицѣ каждаго прохожаго, не занималъ ли онъ какой роли въ таинственной готовившейся драмѣ, въ которой, какъ она инстинктивно угадывала, д'Арманталь былъ первымъ лицомъ. Вдругъ сердце ея забилось сильнѣе, и безпкойный взоръ остановился на одномъ предметѣ. Въ ту же минуту молодая дѣвушка радостно вскричала...

Изъ-за угла Монмартрской улицы показался Бювѣ.

Почтенный каллиграфъ, осматриваясь по сторонамъ съ боязнію, какъ будто опасаясь погони, и держа свою трость горизонтально, приближался быстрыми шагами.

Пока онъ взбирается по темной лѣстницѣ, на половинѣ которой встрѣтить свою питомцу, мы считаемъ долгомъ объяснить читателямъ причины его продолжительнаго отсутствія, которое, мы въ томъ увѣрены, столько же обезпокоило нашихъ благосклонныхъ читателей, какъ и бѣдную Батильду, и добрую Нанетту.

Читатели помнятъ, какъ угрозы коварнаго Дюбуа заставили бѣднаго Бювѣ признаться во всемъ и согласиться переписывать для новаго архіепископа всѣ бумаги, получаемыя имъ отъ мнимаго принца де-Листисѣ. Такимъ образомъ министръ ре-

гента узналъ постепенно всѣ намѣренія заговорщиковъ, которыми онъ нанесъ первый ударъ, арестовавъ маршала де-Вильруа и созвавъ парламентъ.

Въ понедѣльникъ утромъ Бювѣ, какъ по обыкновенію, принесъ новыя бумаги, врученныя ему Авраншемъ наканунѣ вечеромъ; между ними былъ манифестъ, составленный Помпадуромъ и Мальзбѣ, и письма главныхъ бретанскихъ дворянъ, присоединившихся къ заговору.

Бювѣ сѣлъ за работу; но въ четыре часа, когда онъ всталъ и, взявъ шляпу и трость, готовился уйдти, Дюбуа пришелъ за нимъ, увелъ его въ маленькую комнатку и спросилъ, какъ правится ему убранство ея. Польщенный внимательностію перваго министра къ его вкусу, Бювѣ поспѣшилъ отвѣтить, что какъ убранство, такъ и положеніе этой комнаты было чрезвычайно мило.

— Тѣмъ лучше, возразилъ Дюбуа: я очень доволенъ, что она вамъ нравится, потому что я приказалъ убрать ее для васъ.

— Для меня? вскричалъ Бювѣ, остоленѣвъ.

— Ну да, для васъ. Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что я желаю имѣть подъ рукою и въ виду такого полезнаго чловѣка, какъ вы, мосьѣ Бювѣ.

— Такъ стало-быть я буду жить въ королевскомъ дворцѣ? спросилъ Бювѣ.

— Да, нѣсколько дней, отвѣчалъ Дюбуа.

— О, ваше преосвященство, позвольте мнѣ хоть извѣстить Батильду!

— Въ этомъ-то и дѣло, Батильда не должна знать, гдѣ вы.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, когда я выйду прогуляться...

— Вы не выйдете отсюда ни на шагъ.

— Такъ стало-быть я въ заточеніи!... вскричалъ съ ужасомъ Бювѣ.

— Именно, любезный Бювѣ. Но, успокойтесь, заточеніе ваше продолжится недолго, и во все продолженіе его съ вами будутъ поступать, какъ со спасителемъ Франціи; да! любезный мосьѣ Бювѣ, вы спасли Францію! Это дѣло рѣшеное.

— Я спасъ Францію! вскричалъ Бювѣ: а меня арестуютъ; меня запираютъ, какъ государственнаго преступника, меня сажаютъ за желѣзныя двери, затворы и рѣшетки!

— Гдѣ же вы видите желѣзныя двери и затворы, любезный Бювѣ?... спросилъ Дюбуа, громко засмѣявшись. Посмотрите, у двери нѣтъ даже замка; окно выходитъ въ пале-рояльскій садъ

и передъ нимъ вѣтъ на малѣйшей рѣшетки; напротивъ, отсюда видъ чудесный, точно изъ покоевъ самаго регента.

— О, моя каморочка! о, моя терраса, мой саликъ! проговорилъ Бювâ, въ отчаяннѣ опустившись на стулъ.

Дюбуâ некогда было утѣшать бѣднаго каллиграфа, а потому онъ удалился, поставивъ у двери часоваго.

Эту мѣру предосторожности не трудно объяснить. Дюбуâ опасался, чтобы, послѣ арестованія Вильруа, заговорщики не догадались, кто измѣнилъ имъ и чтобы они не заставили Бювâ признаться во всемъ. Признаніе Бювâ заставило бы ихъ перемѣнить свой планъ и принять другія мѣры; а это было несогласно съ видами Дюбуâ; онъ хотѣлъ, чтобы заговорщики запутались до-нельзя, и тогда намѣревался разомъ положить конецъ всѣмъ замысламъ ихъ.

Около восьми часовъ вечера, когда наступили сумерки, Бювâ услышалъ шумъ за своей дверью; онъ слышалъ много плачевныхъ исторій о государственныхъ плѣнникахъ, лишенныхъ жизни въ ихъ темницѣ, и вскочивъ со страхомъ, подбѣжалъ къ окну.

Дворъ и садъ Пале-Рояля были наполнены народомъ. Галереи освѣщались, и весь видъ, представлявшійся Бювâ, былъ исполненъ жизни, движенія, свѣта. Онъ глубоко вздохнулъ при мысли, что, можетъ быть, ему суждено навѣки проститься съ этимъ свѣтомъ.... Въ то же время отворилась дверь: Бювâ задрожалъ, оглянулся и увидѣлъ двухъ лакеевъ, въ богатой красной ливреѣ. Они внесли накрытый столъ.

Первымъ движеніемъ Бювâ было возблагодарить Всевышняго, что опасность, которой онъ страшился, превратилась въ довольно пріятную нечаянность; но почти въ то же мгновеніе, ему пришло на мысль, что вмѣсто того, чтобы умертвить его какъ Іоанна Безстрашнаго или герцога де-Гиза, его хотѣли отравить, какъ Великаго-Дофина или герцога Бургундскаго.

Онъ бросилъ быстрый взглядъ на двухъ лакеевъ, и ему показалось, что въ фizioноміи ихъ было нѣчто мрачное, изобличавшее агентовъ робкаго мщенія. Тогда, не смотря на искуссительный запахъ блюдъ, еще болѣе подтверждавшій подозрѣнія его, Бювâ рѣшился ничего не ѣсть и не пить, и величественно отвѣчалъ, что онъ не голодеетъ.

Лакеи перемигнулись; они съ перваго взгляда поняли, съ кѣмъ имѣли дѣло; они угадали опасенія Бювâ уже потому, что видъ фазана съ трюфелями и бутылки стараго шамбертена могъ внушить аппетитъ даже человѣку сытому, между тѣмъ какъ бѣдный каллиграфъ ничего не ѣлъ съ самаго утра. Лакеи пере-

шегнулись, и самый смѣлый изъ нихъ, желая воспользоваться случаемъ, пошелъ къ плѣннику, который со страхомъ отступилъ до самаго камина.

— Милостивый государь, сказалъ лакей съ чувствомъ: мы постигаемъ ваши опасенія, но такъ какъ мы люди честные, то желаемъ доказать вамъ, что мы неспособны принять участіе въ гнусномъ злодѣяніи. Пока вы пробудете здѣсь, мы беремъ поочередно отвѣдывать всѣ кушанья и вина, которыя будемъ вамъ подавать, и душевно желаемъ, чтобы это доказательство нашей преданности возвратило вамъ спокойствіе.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ Бювâ, пристыженной тѣмъ, что тайныя мысли его были угаданы: покорно благодарю, но кланюсь вамъ, мнѣ не хочется ѣсть.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ лакей: но такъ какъ мы желаемъ отнять у васъ всякое сомнѣніе, то позвольте намъ исполнить то, что мы вамъ предложили. Контуа, другъ мой, продолжалъ лакей, садясь на мѣсто Бювâ: потрудись подать мнѣ тарелку супа, крыльишко пулярки съ рисомъ, и налей мнѣ стаканъ шамбертена. Вотъ такъ. За ваше здоровье.

— Я крайне признателенъ вамъ, отвѣчалъ Бювâ, съ изумленіемъ смотря на наглаго лакея, наѣдавшагося вмѣсто него: я бы очень желалъ узнать, какъ васъ зовутъ, чтобы включить вашъ великодушный поступокъ въ число исторій, прекрасно рассказанныхъ въ прекрасной книгѣ, извѣстной подъ названіемъ *Нравоученій въ лицахъ*.

— Милостивый государь, отвѣчалъ съ скромностію лакей: меня зовутъ Бургинономъ, а моего товарища Контуа; завтра будетъ его очередь, и надѣюсь, что вы останетесь довольны и имъ. Контуа, другъ мой, отрѣжь мнѣ ломтикъ фазана и налей мнѣ стаканъ шампанскаго. Развѣ ты не понимаешь, что я долженъ отвѣдать отъ всѣхъ блюдъ и всѣхъ винъ, чтобы совершенно успокоить господина арестанта; конечно, это довольно трудно, но гдѣ нѣтъ труда, тамъ нѣтъ и заслуги! за ваше здоровье, мосьё Бювâ.

— Покорно васъ благодарю, мосьё Бургинонъ.

— Теперь подай мнѣ десертъ, Контуа, чтобы г. Бювâ былъ вполне убѣжденъ въ нашей честности.

— Господинъ Бургинонъ, я уже ни мало не сомнѣваюсь въ ней.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вы еще сомнѣваетесь; я вижу это по вашимъ глазамъ. Контуа, другъ мой, старайся, чтобы кофе не простылъ. Я хочу пить его точно въ томъ видѣ, въ какомъ

вы, мосьё Бювэ, стали бы пить его, ибо я увѣренъ, что вы любите, чтобы кофе былъ горячій.

— Какъ кипятокъ, мосьё Бургиньонъ, какъ кипятокъ! отвѣчалъ Бювэ съ жаромъ: чѣмъ горячѣе, тѣмъ лучше!

— Да! сказалъ Бургиньонъ, прихлебывая кофе и съ выраженіемъ наслажденія поднимая глаза къ потолку: да, вы говорите правду. Кофе только тогда хорошъ, когда горячъ; холодный кофе никуда не годится. Надобно отдать справедливость этому кофе: онъ удивительно вкусенъ. Контуа, другъ мой, ты мастеръ прислуживать. Теперь помоги мнѣ убрать со стола. Ты, я думаю, знаешь, что для человѣка сытаго нѣтъ ничего неприятели запаха кушанья. Мосьё Бювэ, продолжалъ Бургиньонъ, отступая къ двери, если вамъ что-нибудь понадобится, такъ извольте позвонить: у васъ въ комнатѣ три колокольчика, два по сторонамъ камина и одинъ возлѣ кровати. Звонки близъ камина проведены къ намъ, а звонокъ возлѣ кровати проведенъ къ вашему камердинеру.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ Бювэ; я не хочу ничего безпокоить.

— Напротивъ, напротивъ; мы готовы служить вамъ.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ....

— Не прикажете ли еще чего?

— Ничего, другъ мой, ничего, возразилъ Бювэ, тронутый услужливостью лакея: позвольте еще разъ изъяснить вамъ мою искреннюю признательность.

— Помилуйте, я только исполнилъ свой долгъ, съ скромностію отвѣчалъ Бургиньонъ, поклонившись еще разъ и затворивъ за собою дверь.

— Надобно однакожъ признаться, сказалъ Бювэ съ признательностію смотря въ ту сторону, куда ушелъ Бургиньонъ: надобно признаться, что есть весьма несправедливыя пословицы. Говорятъ: «наглъ, какъ лакей», а между тѣмъ я не встрѣчалъ человѣка вѣжливіе мосьё Бургиньона, исправляющаго эту должность. Вѣрь послѣ этого пословицамъ.

Бювэ остался одинъ. Ничто не возбуждаетъ такъ аппетита, какъ видъ и запахъ вкусныхъ блюдъ, къ которымъ нельзя прикоснуться. Бювэ сталъ раскаиваться въ своей мнительности—но это было позднее раскаяніе. Конечно, онъ могъ позвонить и приказать принести себѣ другой обѣдъ; но для подобнаго поступка нужна была твердость, которою не обладалъ бѣдный каллиграфъ. Сонъ казался ему лучшимъ средствомъ заставить умолкнуть голосъ желудка.

Но въ то самое время, когда Бювэ готовился лечь въ постель, умомъ его овладѣли новыя опасенія: не хотятъ ли гонители его воспользоваться ночьюю темнотой, чтобы умертвить его? Бювэ помнилъ, что мать часто рассказывала ему о балдахинахъ, которые опускались и задушали несчастнаго, о люкахъ, въ которые опускались кровати такъ осторожно, что спавшій даже не просыпался; наконецъ, о потайныхъ дверяхъ, открывшихся въ стѣнахъ. Кто знаетъ, можетъ быть, сытнѣй уживъ, отличныя вина были поданы ему только для того, чтобы заставить его крѣпче заснуть?...

Все это было очень возможно, а потому Бювэ, обладавшій въ высшей степени чувствомъ самосохраненія, взялъ со стола свѣчу и сталъ внимательно осматривать всѣ закоулки. Открывъ всѣ шкафы, осмотрѣвъ всѣ ящики, оцупавъ обои, Бювэ подошелъ къ кровати и, ставъ на колѣни, боязливо заглянулъ подъ кровать, какъ вдругъ услышалъ за собою чьи-то шаги. Въ положеніи, въ которомъ онъ находился, невозможно было думать о сопротивленіи, а потому Бювэ остался неподвиженъ и притянулъ дыханіе, между тѣмъ какъ сердце его сильно билось и потъ выступилъ на лбу.

— Позвольте спросить, произнесъ послѣ минутнаго мрачнаго молчанія, голосъ, заставившій Бювэ вздрогнуть: чего вы ищете? Въ этомъ ночномъ столѣ вы найдете все, что вамъ нужно.

Бювэ боязливо поднял голову, взялъ свѣчу, и оставался въ колѣняхъ, въ положеніи человѣка, умоляющаго о пощаду, оглянулся и увидѣлъ за собою человѣка въ черномъ платьѣ.

— Я... я... искалъ ночной колпакъ, отвѣчалъ Бювэ, весьма довольный этимъ отвѣтомъ: да, гдѣ мой ночной колпакъ?

— Зачѣмъ же вы изволите напрасно трудиться? Вамъ стоило только позвонить; мнѣ поручено служить вамъ, и я принесъ вамъ плафрокъ и колпакъ.

Съ этими словами, камердинеръ положилъ на кровать красивый плафокъ съ узорами, тонкій батистовый колпакъ и розовую ленточку. Бювэ, не вставая, смотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ.

— Прикажете раздѣть васъ? спросилъ слуга.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ цѣломудренный Бювэ, сопровождая отказъ своею ласковою, признательною улыбкой. Нѣтъ, я всегда самъ раздѣваюсь. Не извольте безпокоиться.

Камердинеръ ушелъ, и Бювэ опять остался одинъ.

Такъ какъ онъ осмотрѣлъ уже комнату и такъ какъ голосъ его увеличивался, то онъ рѣшился поскорѣ лечь въ постель и, вздыхая, приступилъ къ своему ночному туалету. Чтобы не

остаться въ темнотѣ, онъ поставилъ одну свѣчу въ каминъ и, продолжая вздыхать, забился въ мягкіе подушники.

Но Бюва удостовѣрился на опытѣ, что для того, чтобы спать, недостаточно мягкой постели. Отъ страха ли, или съ голоду, Бюва провелъ чрезвычайно безпокойную ночь, и только къ утру сталъ засыпать; но и тутъ ему снились ужаснѣйшія вещи. Ему снилось, что его отравили въ телятинѣ, начиненной бобами, когда вошелъ камердинеръ и спросилъ, въ которомъ часу ему угодно будетъ завтракать.

Этотъ вопросъ имѣлъ такую связь съ сновидѣніемъ Бюва, что онъ задрожалъ и, рѣшившись ничего не вѣсть, отвѣчалъ невнятными звуками, которые камердинеръ, вѣроятно, объяснилъ по своему, ибо удалился, сказавъ, что сейчасъ подадутъ.

Бюва не привыкъ завтракать въ постели, а потому поспѣшно вскочилъ и такъ же поспѣшно сталъ одѣваться; когда Бургиньонъ и Контуа вошли съ завтракомъ, Бюва былъ уже одѣтъ.

Вчерашняя сцена, которую мы уже рассказали, повторилась, съ тою только разницею, что Контуа вѣлъ, а Бургиньонъ прислуживалъ. Но когда дѣло дошло до кофе, и когда Бюва, нѣвшій ничего со вчерашняго дня, увидѣлъ свой любимый напитокъ въ рукахъ Контуа, тогда онъ объявилъ, что, чувствуя нѣкоторый аппетитъ, онъ намѣренъ самъ выпить кофе и съѣсть булку. Это намѣреніе пришлось, по видимому, не совсѣмъ по вкусу мосье Контуа; однакожъ, нечего было дѣлать: онъ удовольствовался двумя ложечками ароматной жидкости и, оставивъ кофейникъ, сахарницу и булку на столѣ, унесъ съ своимъ товарищемъ остатки завтрака.

Едва они затворили дверь, какъ Бюва бросился къ столу и съ жадностію съѣлъ булку и выпилъ кофе. Нѣсколько удовлетворенный этимъ умѣреннымъ завтракомъ, онъ сталъ смотрѣть на предметы съ менѣе непріятной точки зрѣнія.

У Бюва не было недостатка въ здоровомъ смыслѣ; онъ рассудилъ, что такъ какъ въ продолженіе сутокъ съ нимъ не приключилось ничего непріятнаго, но что, напротивъ, ему вслѣдствіе угодливыхъ, то, вѣроятно, политическихъ, неизвѣстныхъ ему причинъ побуждали Дюбуа продержатъ его въ заперти нѣсколько времени, но что жизнь его была въ совершенной безопасности; вмѣстѣ съ тѣмъ Бюва невольно подчинялся влиянію роскоши, производящей на всѣ чувства наши благодѣтельное впечатлѣніе. Онъ сталъ уже замѣчать, что вчерашній обѣдъ былъ гораздо лучше обыкновеннаго обѣда его; что ему не случилось еще спать на такой мягкой постелѣ; что кофе имѣлъ чудный ароматъ, и что въ немъ не было ни крошки цикорія;

онъ не могъ не согласиться, что эластическія кресла и покойныя стулья имѣли неоспоримое преимущество надъ его кожанымъ кресломъ и плетеными, камышевыми стульями. Его безпокоила только одна мысль: что скажетъ Батильда объ отсутствіи его?

Результатомъ всѣхъ этихъ размышленій и сравненій было то, что Бюва провелъ довольно спокойное утро; даже аппетитъ его, мало удовлетворенный чашкой кофе и булкой, служилъ ему новымъ наслажденіемъ при увѣренности, что ему предстоитъ вкусный обѣдъ. Если прибавить къ этому пріятный видъ изъ окна комнатки плѣнника, то читатели поймутъ, что онъ безъ скуки и печали провелъ все утро.

Ровно въ часть, дверь отворилась и лакеи внесли накрытый столъ. Но въ этотъ разъ ни Бургиньонъ, ни Контуа не попользовались обѣдомъ; Бюва объявилъ, что, не сохранивъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній г. министра, онъ благодаритъ господъ Бургиньона и Контуа за то, что они разсѣяли его сомнѣнія, и проситъ ихъ не беспокоиться болѣе и не обременять себѣ желудка, а прислуживать ему; плуты лакеи поморщились, но повиновались.

Пріятное расположеніе духа, въ которомъ Бюва уже находился, было еще увеличено превосходнымъ обѣдомъ, поданнымъ ему; онъ съѣлъ все, что было на столѣ. Выпивъ чашку горячаго кофе и запивъ его рюмочкой отличнаго ликѣра, Бюва пришелъ въ восторженное состояніе.

За ужиномъ Бюва, пресыщенный уже обѣдомъ, вѣлъ менѣе, но за то пилъ вдвое болѣе. Запивъ отличный шамбертенъ шипучимъ шампанскимъ, онъ почувствовалъ невыразимое благосостояніе, и камердинеръ засталъ его уже не подъ кроватью и не на козьяхъ, а въ покойномъ креслѣ; развалившись, положивъ ноги на перильца камина, опустивъ голову на спинку кресла и щуря глаза, Бюва напѣвалъ невыразимо нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ:

Пустите меня,

Пустите поиграть;

Пустите меня подъ линкой поиграть.

Это служило доказательствомъ великой перемены въ расположеніи духа почтеннаго каллиграфа. Мало того: когда камердинеръ предложилъ ему свои услуги, Бюва, не будучи въ состоя-

ни явственно выразить своих мыслей, только кивнуть головою, приятно улыбнулся и протянул руки и ноги, как бы приглашая камердинера раздеть его; однакожь справедливость требует сказать, что, несмотря на сладостное забвение, в котором находился, онъ позволилъ снять съ себя только башмаки и раздеть до жилета; остальные части своего костюма онъ снялъ только тогда, когда слуга удалился.

Съ сладостной нѣгой углубился Бюва въ перину; пять минутъ спустя заснулъ и видѣлъ во снѣ, что его съѣдали турецкимъ султаномъ и что у него, было триста женъ и пятьсотъ наложницъ.

Спѣшимъ прибавить, что это былъ первый и единственный не цѣломудренный сонъ Бюва, во всю жизнь его.

Онъ проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа, и былъ бы счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, еслибъ не безпокоился о томъ, что скажетъ бѣдная Батильда.

Завтракъ ни мало не испортилъ его пріятнаго расположенія духа. Освѣдомившись, можетъ ли онъ писать къ архіепископу камбрскому, и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ, чтобы ему дали бумагу и чернила; потомъ онъ вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ, съ которымъ никогда не разставался, тщательно очинилъ перо, и самымъ красивымъ почеркомъ сталъ писать просьбу, заключающуюся въ томъ, что если его заточеніе должно быть продолжительно, то онъ покорнѣе проситъ позволенія увидѣться съ Батильдой, или хотя увѣдомить ее о томъ, что онъ совершенно счастливъ, благодаря лестной внимательности перваго министра.

Эта просьба, о каллиграфическомъ исполненіи которой Бюва заботился съ особеннымъ тщаніемъ, и всѣ начальныя буквы которой изображали различныя фигуры растений или животныхъ, заняла почтеннаго каллиграфа до самаго обѣда. Садясь за столъ, онъ поручилъ Бургиньону лично вручить просьбу его преосвященству. Четверть часа спустя, Бургиньонъ воротился и объявилъ, что перваго министра не было дома, но что просьба была отдана его товарищу, раздѣлившему съ нимъ всѣ государственныя заботы; товарищъ министра приказалъ привести къ себѣ Бюва послѣ обѣда, прося его однакожь не торопиться, такъ какъ онъ самъ только что садился за столъ. Повинуясь этому приказанію, Бюва принялся обѣдать; ѣлъ съ аппетитомъ, нѣлъ съ разстановкой, чуть не обжегъ себѣ косеемъ языкъ, съ наслажденіемъ запылъ вкусный обѣдъ рюмкой ликера, и потомъ объявилъ, что готовъ предстать предъ представителемъ и товарищемъ перваго министра.

Часовому дано было приказаніе пропустить Бюва, и слѣдуя за Бургиньономъ, онъ гордо прошелъ мимо него. Пройдя длинный корридоръ и спустившись нѣсколько ступеней внизъ, они вошли въ обширную прихожую. Слуга пошелъ доложить.

Минуту спустя, Бюва вошелъ въ нѣкотораго рода лабораторію; передъ нимъ былъ мужчина лѣтъ сорока двухъ, лицо котораго показалось ему знакомымъ; мужчина этотъ былъ одѣтъ очень просто, и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за весьма важной, по видимому, химической операціей; при входѣ Бюва, онъ поднялъ голову и, съ любопытствомъ посмотрѣвъ на каллиграфа, спросилъ:

— Вы господинъ Жанъ Бюва?

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Бюва поклонившись.

— Вы сами написали просьбу къ аббату?

— Собственноручно.

— У васъ очень красивый почеркъ.

Бюва поклонился съ гордо-скромною улыбкой.

— Аббатъ рассказалъ мнѣ, продолжалъ незнакомецъ: чѣмъ мы вамъ обязаны.

— Его преосвященство извоить слишкомъ высоко цѣнить ничтожную услугу.

— Какъ ничтожную! Нѣтъ, напротивъ, моеѣ Бюва, это весьма важная услуга! И если вы хотите о чемъ нибудь просить регента, такъ я берусь лично передать ему вашу просьбу.

— Покорно васъ благодарю. Если вы въ самомъ дѣлѣ хотите услужить мнѣ, такъ потрудитесь изъяснить его высочеству мою глубочайшую преданность, и попросите его, если онъ при деньгахъ и если это не затруднитъ его, попросите его заплатить мнѣ должокъ.

— Должокъ? Какой должокъ?

— Извольте видѣть: я имѣю честь служить при королевской библіотекѣ, но вотъ уже шесть лѣтъ, какъ намъ не платятъ жалованья.

— Ага! а великъ ли этотъ должокъ?

— Позвольте... на обумъ сказать не умѣю. Нѣтъ ли тутъ бумажки и пера, я бы сосчиталъ.

— Все равно, скажите приблизительно. Сосчитайте въ умѣ.

— Сейчасъ... Всего... будетъ... пять тысячъ, триста и еще нѣсколько ливровъ.

— И вы желаете, чтобы вамъ заплатили?

— Очень было бы пріятно, признаться сказать.

— И въ этомъ заключается вся ваша просьба?

— Рѣшительно вся.

— Но неужели вы ничего не требуете за услугу, оказанную вами Франціи?

— Я требую, чтобы мою питомицу Батильду, крайне обезпеченную моимъ отсутствіемъ, уведомили, что я подл арестомъ во дворцѣ, но что меня не обижаютъ и что арестъ мой не долго продолжится; я даже попросилъ бы васъ, если будетъ ваша милость, выхлопотать мнѣ позволеніе принять здѣсь мою питомицу; она останется не долго. Впрочемъ, если вамъ покажется, что вторая просьба не скромна, такъ я удовольствуюсь одной первой.

— Мы сдѣлаемъ для васъ болѣе, почтенный москѣ Бювѣ; причины, по которымъ мы васъ задержали, уже не существуютъ, а потому мы возвращаемъ вамъ свободу и вы сами можете идти успокоить вашу питомицу.

— Какъ! вскричалъ Бювѣ, я свободенъ!

— Вы можете идти, куда и когда вамъ будетъ угодно.

— Душевно благодаренъ вамъ, милостивый государь; ваншъ покорнѣйшій слуга.

— Постойте, москѣ Бювѣ, еще одно слово.

— Хоть два.

— Повторю вамъ, что вы оказали Франціи услугу, за которую она должна вознаградить васъ. Напишите къ регенту; представьте ему подробный счетъ суммы, которую казна вамъ должна; объясните ему ваше положеніе и просите смѣло какой угодно награды. Я ручаюсь, что регентъ исполнитъ вашу просьбу.

— Чувствительно благодаренъ. И такъ я могу надѣяться, что лишь только въ кассѣ будутъ деньги...

— Даю вамъ слово, что вы получите всю сумму сполна.

— Я сегодня же подамъ просьбу регенту,

— А завтра получите деньги.

— О! какъ я вамъ благодаренъ!

— Идите, москѣ Бювѣ, идите, васъ ждетъ ваша питомица.

— О, теперь она можетъ пождать еще немножко, потому что я вернусь съ радостными вѣстями. До свиданія: Ахъ, извините; позвольте узнать, какъ васъ зовутъ?

— Филиппомъ.

— И такъ до свиданія, москѣ Филиппъ, до свиданія.

— Прошайте, москѣ Бювѣ. Постойте, я долженъ дать приказаніе, чтобы васъ выпустили.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Позвать Раванна.

Слуга ушелъ. Минуту спустя вошелъ молодой офицеръ дворцовой стражи.

— Раваннъ, сказалъ москѣ Филиппъ: проводите этого господина до дворцовой рѣшетки. Онъ можетъ вернуться домой.

— Слушаю, ваше высочество, отвѣчалъ молодой офицеръ.

У Бювѣ зарябѣло въ глазахъ; онъ хотѣлъ спросить, кто былъ тотъ, кого офицеръ называлъ высочествомъ; но Раваннъ былъ уже за дверями.

— Пойдемте, сказалъ онъ: я жду васъ.

Бювѣ вытаращилъ глаза на москѣ Филиппа; Раваннъ, не понимая причины нашедшаго на него столбняка, вторично позвалъ его. Онъ повиновался, отирая платкомъ крупныя капли пота, выступившаго на лбу его.

Часовой не хотѣлъ пропустить Бювѣ.

— Имеемъ его высочества, регента Франціи, объявляю, что этотъ господинъ свободенъ, сказалъ Раваннъ.

Солдатъ сдѣлалъ на караулъ и пропустилъ Бювѣ.

Ноги бѣднаго каллиграфа подкосились; чтобы не упасть, онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Что съ вами? спросилъ его молодой офицеръ.

— Извините, извините... проговорилъ Бювѣ: скажите; пожалуйте, неужели я говорилъ сейчасъ съ...

— Съ его высочествомъ регентомъ, отвѣчалъ Раваннъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ Бювѣ.

— Увѣрю васъ, что это былъ самъ регентъ, сказалъ молодой человекъ.

— Какъ! самъ регентъ обѣщалъ выплатить мнѣ долгъ! вскричалъ Бювѣ.

— Не знаю, что онъ вамъ обѣщалъ, но увѣрю васъ, что тотъ, кто приказалъ мнѣ проводить васъ, былъ самъ регентъ, отвѣчалъ Раваннъ.

— Да, онъ сказалъ мнѣ, что его зовутъ Филиппомъ.

— Конечно, Филиппомъ Орлеанскимъ.

— Такъ и есть, такъ и есть!... Да регентъ прекраснѣйшій, добрѣйшій человекъ! И есть негодни, изверги, дерзающіе составлять заговоры противъ человека, обѣщавшаго выплатить мнѣ все мое жалованье сполна! Да такихъ людей надобно вѣшать, колесовать казнобно этихъ злодѣевъ, четвертовать, сожигать! Не права ли?

— Я совершенно согласенъ съ вами, сказалъ Раваннъ, смѣясь: но вотъ рѣшетка и, не смотря на все мое желаніе проводить васъ далѣе, я долженъ вернуться во дворецъ, потому

что его высочество через полчаса отправляется въ Шель, и я долженъ быть при его отъѣздѣ.

— Помилуйте, я не знаю, какъ благодарить васъ за ласки... за честь... сказалъ Бювâ, низкимъ поклономъ отвѣтивъ на послѣднiя слова Раванна, который уже исчезъ, когда Бювâ выпрямился и поднялъ голову.

Тогда почтенный каллиграфъ немедленно отправился домой, въ улицу Танъ-Пери, и заворотилъ за уголъ ея въ ту самую минуту, когда д'Арманталь закололъ Рокфинета. Въ эту же минуту бѣдная Батильда, ни мало неподозрѣвавшая того, что происходило у сосѣда ея, увидѣла своего опекуна и выбѣжала ему на встрѣчу.

Бювâ и молодая дѣвушка встрѣтились между вторымъ и третьимъ этажемъ.

— О, папашенька! милый папашенька! вскричала Батильда, всходя по лѣстницѣ и цѣлуя почти на каждой ступени Бювâ: гдѣ вы были? Что случилось съ вами? Гдѣ вы были съ понедельника? Боже мой! какъ вы безпокоились съ Нанеттой! Съ вами, вѣрно, случилось что-нибудь необыкновенное?

— О да! необыкновенное, сверхъестественное! отвѣчалъ Бювâ.

— Ахъ, Боже мой! расскажите же, папашенька, расскажите. Во-первыхъ скажите, откуда вы?

— Изъ королевскаго дворца.

— Какъ, изъ королевскаго дворца! У кого же вы были тамъ?

— У регента.

— Вы, у регента! Что вы дѣлали у регента?

— Я сидѣлъ подъ арестомъ.

— Подъ арестомъ! вы?

— Какъ государственнiй преступникъ.

— Преступникъ! Что же вы сдѣлали?

— Я спасъ Францію!

— О, Боже мой, Боже мой, папашенька! Что съ вами сдѣлалось! вскричала Батильда со страхомъ.

— Ничего не сдѣлалось, слава Богу! Но еслибъ у меня была голова послабѣе, такъ я непременно сошелъ бы съ ума!

— Ради Бога, объяснитесь.

— Представь себѣ, что противъ регента былъ составленъ заговоръ...

— О, Боже мой!

— И я былъ сообщникомъ этого заговора.

— Вы?

— Да, я,—то есть я былъ и не былъ сообщникомъ;—ты помнишь принца де-Листне?

— Помню.

— Онъ не принцъ, дитя мое, а обманщикъ!

— А бумаги, которыя вы переписывали для него?

— Манифесты, прокламаціи, возмутительныя бумаги; общее возмущеніе... Бретанія.. Нормандія... Пиреней... Байонна... Испанскій король... и я, я открылъ весь заговоръ!

— Вы! вскричала Батильда съ ужасомъ.

— Да, я; и его высочество регентъ назвалъ меня спасителемъ Франціи; онъ обѣщалъ выплатить мнѣ все мое жалованье!

— Папашенька, папашенька, вскричала Батильда: вы говорили о заговорѣ... знаете ли вы имена заговорщиковъ?

— Знаю; первый герцогъ дю-Мэнъ; представь себѣ, этотъ несчастный герцогъ дю-Мэнъ вздумалъ возстать противъ его высочества регента! Потомъ—графъ Лаваль, маркизъ Помпадуръ, баронъ де-Валёфъ, принцъ Челламаре, аббатъ Бригд.—Этотъ несчастный аббатъ! представь себѣ, я долженъ былъ переписать весь списокъ...

— Папашенька, прервала его Батильда задыхающимся голосомъ, не было ли между заговорщиками имени... имени... кавалера .. Рауля д'Армантала...

— Еще бы! вскричалъ Бювâ: кавалеръ Рауль д'Арманталь начальникъ заговора; но регентъ знаетъ ихъ всѣхъ, и сегодня вечеромъ они будутъ всѣ арестованы, а завтра повѣшены, четвертованы, колесованы...

— О, несчастный! несчастный, что вы сдѣлали! вскричала Батильда, ломая руки, вы погубили человѣка, котораго я люблю! Клянусь вамъ именемъ моей матери, что если онъ умретъ, такъ и я умру!

И надѣясь еще увѣдомить Рауля объ угрожающей ему опасности, Батильда оставила Бювâ одного, съ быстротою птицы сбѣжала съ лѣстницы, перебѣжала черезъ улицу, поднялась на верхъ, не касаясь почти ступеней, и ударились о дверь, которая, будучи не плотно заперта, отворилась и представила молодой дѣвужкѣ видъ трупа капитана, распростертаго на полу, въ крови...

Это зрѣлище было такъ неожиданно, что Батильда отскочила съ ужасомъ, и громкимъ голосомъ стала звать на помощь, но отступая, она поскользнулась въ крови и, страшно вскрикнувъ, упала безъ чувствъ.

На крикъ ея сбѣжались сосѣди; Батильда была безъ чувствъ; упавъ, она ударились объ уголъ двери и опасно ранила себѣ голову.

Нѣкоторые услужливые жильцы снесли Батильду къ г-жѣ Де-пи, которая охотно оказала бѣдной дѣвушкѣ гостеприимство.

Что же касается до капитана Рокфинета, то такъ какъ онъ разорвалъ конвертъ письма, бывшаго у него въ карманѣ, чтобы закурить трубку, и такъ какъ при немъ не было никакихъ другихъ бумагъ, по которымъ можно было бы узнать его имя или мѣсто жительства, то тѣло его снесли въ Моргу, складочное мѣсто найденныхъ труповъ неизвестныхъ особъ.

Три дня спустя, его нашли и узнала Нормандка.

ГЛАВА X.

БОГЪ РАСПОЛАГАЕТЪ.

Д'Арманталь, какъ мы уже сказали, усккалъ въ галопъ, чтобы выгадать время для переменъ, которыя необходимо было произвестъ въ его отважномъ предпріятіи, по случаю смерти капитана Рокфинета. Въ надеждѣ узнать, по какому-либо особенному признаку, людей, которымъ были назначены роли въ готовившейся великой драмѣ, онъ поскакалъ къ Сентъ-Мартенскимъ воротамъ и оттуда повернулъ къ конному рынку. Тамъ, какъ читатели уже знаютъ, наемщики ожидали дальнѣйшихъ приказаній своего капитана.

Но бѣдный покойникъ сказалъ правду; ни по какому особому признаку нельзя было узнать таинственныхъ людей, одѣтыхъ одинаково съ прочими крестьянами и едва знавшихъ другъ друга. Д'Арманталь искалъ тщетно: ни одного знакомаго лица; покупатели и продавцы были, по-видимому, такъ заняты торгами, что не было никакой возможности узнать мнимыхъ крестьянъ. Нѣсколько разъ подходилъ д'Арманталь къ покупателямъ, но опасаясь ошибки, которая могла повлечь за собою неприятности, онъ удалялся, не вымолвивъ ни слова.

Положеніе д'Арманталя становилось невыносимымъ: все мѣры для успѣшнаго исполненія смѣлаго предпріятія были приняты; но со смертію капитана все рушилось; д'Арманталь разбилъ главное звѣно, и вся цѣль разсыпалась. Кавалеръ былъ въ отчаяніи: онъ ходилъ взадъ и впередъ по рынку, надѣясь, что неожиданный случай выведетъ его изъ затруднительнаго положенія; но время проходило, никто не заговаривалъ съ д'Арманталемъ, а двое крестьянъ, къ которымъ онъ обратился съ отчаяніемъ, вытирали глаза и разинули рты съ такимъ наивнымъ

изумленіемъ, что кавалеръ тотчасъ же прервалъ начатый разговоръ, убѣдившись, что ошибся.

Между тѣмъ пробило пять часовъ.

Около девяти часовъ, регентъ долженъ былъ вернуться изъ шельскаго аббатства; слѣдовательно, каждая минута была дорога, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе было послѣднимъ средствомъ заговорщиковъ. Д'Арманталь вполне понималъ всю затруднительность своего положенія: онъ самъ вызвался быть начальникомъ послѣдней попытки, слѣдовательно, на немъ лежала вся отвѣтственность, ужасная отвѣтственность; но случай или, лучше сказать, обстоятельства поставили его въ одно изъ тѣхъ положеній, гдѣ никакое мужество не можетъ ничего сдѣлать; гдѣ сильнѣйшая человѣческая воля разбивается о невозможность, и гдѣ остается только сознаться въ своей слабости и просить помощи у тѣхъ, которые отъ насъ ждуть ее.

Какъ человѣкъ рѣшительный, д'Арманталь не долго думалъ; онъ еще разъ обошелъ рынокъ, надѣясь по выраженію нетерпѣнія или скуки долгаго ожиданія, узнать кого-либо изъ наемщиковъ; но увидѣвъ, что все лица сохраняли свое безвыразительное ничтожество, онъ пустилъ лошадь свою въ галопъ, поскакалъ до Сентъ-Антуанскаго предместья, и остановившись передъ извѣстнымъ ему домомъ, вошелъ въ него, поднялся въ пятый этажъ, и тамъ, въ маленькой комнаткѣ, нашелъ герцогиню де-Монъ, графа де-Лавала, маркиза де-Помпадура, барона де-Валефа, Мальзье и аббата Бриго.

Общій крикъ изумленія раздался при входѣ кавалера.

Д'Арманталь разсказалъ все: требованія Рокфинета, воспомянувшій за ними споръ и поединокъ, окончившій споръ; онъ разтегнулъ свое полукафтанье и показал окровавленную грудь; потомъ онъ разсказалъ о своихъ тщетныхъ поискахъ на рынкѣ; о своемъ отчаяніи и, наконецъ, обратился къ Лавало, Помпадуру и Валефу, требуя ихъ содѣйствія; они отвѣчали единодушно, что готовы повиноваться ему и слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта.

Слѣдовательно, не все еще было потеряно: четыре мужественныхъ человѣка, дѣйствовавшихъ для себя, могли замѣнить дюжину наемныхъ бродягъ, движимыхъ только алчностью, и желаніемъ заработать нѣсколько десятковъ ливровъ. Лошади были осѣдланы, все было вооружено. Д'Аваншъ еще не уѣхалъ, слѣдовательно, маленькій отрядъ увеличивается еще однимъ преданнымъ человѣкомъ. Заговорщики послали за бархатными масками, чтобы сколько возможно долѣе скрыть отъ регента лица его похитителей; съ герцогиней оставался Мальзье, который по

своимъ лѣбамъ, и Бриго, который по своему званію, не могли принять участія въ подобномъ предпріятіи. Заговорщики условились съѣхаться въ Сепъ-Мандѣ, и отправились, по-одиначкѣ, въ разныя стороны, чтобы не возбудить подозрѣнія. Частъ спустя, они съѣхались и скрылись по сторонамъ шельской дороги, между Венсенномъ и Ножаомъ-на-Маріѣ.

На башнѣ замка пробилъ половина седьмого.

Д'Авраишъ освѣдомился: герцогъ проѣхалъ въ половинѣ четвертаго; съ нимъ не было ни свиты, ни стражи; онъ ѣхалъ въ каретѣ, запряженной четверней, управляемой двумя лакеями и предшествуемой однимъ курьеромъ. Слѣдовательно, нельзя было ожидать сопротивленія. Заговорщики намѣревались остановить регента, отвезти его въ Шарантонъ; тамошній почмейстеръ былъ преданъ герцогинѣ лю-Мэнъ и приготовилъ уже дорожный экипажъ; д'Арманталь и Валефъ должны были усадить герцога въ этотъ экипажъ и сами съѣсть съ нимъ; еслибъ регентъ вздумалъ кричать, такъ д'Арманталь и Валефъ должны были угрожать ему смертію; еслибъ онъ сталъ кричать, такъ паспортъ свидѣтельствовалъ о томъ, что они везли бѣднаго умалишеннаго, вообразившаго себя регентомъ и возвращающагося въ Сарагоссу, къ своимъ роднымъ. Все это было нѣсколько рисковано, но подобнаго рода предпріятія обыкновенно удаются лучше менѣ смѣлыхъ и менѣ отчаянныхъ.

Пробило восемь часовъ.

Д'Арманталь и товарищи его замѣчали съ удовольствіемъ, что ночной мракъ стучался болѣе и болѣе; два или три проѣзжавшіе экипажа производили уже ложную тревогу, но заговорщики успѣвали во-время замѣчать свою ошибку. Въ половинѣ десятаго, сдѣлалось совершенно темно, и нѣкотораго рода невольное стѣсненіе сердца, ощущаемое заговорщиками, превратилось въ петириѣніе.

Въ десять часовъ, послышался отдаленный шумъ. Д'Арманталь прилегъ ухомъ къ землѣ и различилъ стукъ приближающейся кареты. Въ тоже мгновеніе, на поворотѣ дороги показался свѣтъ, подобный звѣздочкѣ... заговорщики вздрогнули.

Свѣтъ, подобный звѣздочкѣ, происходилъ отъ факела курьера. Такъ точно, потому что, минуто спустя, показались два фонаря кареты. Д'Арманталь, Помпадуръ, Валефъ и Лаваль, еще разъ пожали другъ другу руки, молча закрылись масками, и каждый всталъ на назначенное ему мѣсто.

Между тѣмъ карета приближалась быстро; факель явственнo освѣтилъ красную ливрею курьера, скакавшаго на двадцать пять шаговъ передъ каретой.

Все было тихо и пустынно; все, казалось, способствовало исполненію предпріятія заговорщиковъ. Д'Арманталь бросилъ послѣдній взглядъ своимъ товарищамъ; д'Авраишъ вышелъ на середину дороги и сталъ притворяться пьянымъ; Лаваль и Помпадуръ выступили по обѣимъ сторонамъ дороги; напротивъ д'Армантала стоялъ Валефъ, осматривавшій свои пистолеты. Курьеръ, жокеи и регентъ, были, по видимому, совершенно спокойны и какъ бы сами спѣшили отдаться въ руки ожидавшихъ ихъ.

Карета приближалась скоро: уже курьеръ проскакалъ мимо д'Армантала и Валефа. Вдругъ онъ наткнулся на д'Авраиша, который вскочилъ, выхватилъ изъ рукъ его факель и погасилъ его. Увидавъ это, жокеи хотѣли повернуть назадъ, но уже было поздно; Помпадуръ и Лаваль выскочили впередъ и прицѣлились въ нихъ пистолетами, между тѣмъ какъ д'Арманталь и Валефъ, подскочивъ къ дверцамъ кареты, погасили фонари и объявили регенту, что ему не будетъ причинено ни малѣйшаго зла, если онъ не будетъ сопротивляться; но что, въ противномъ случаѣ, будутъ употреблены крайнія мѣры.

Вопреки ожиданію д'Армантала и Валефа, знавшихъ мужество регента, они не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія со стороны его.

— Хорошо, господа, сказалъ онъ имъ: я не буду сопротивляться; везите меня, куда хотите.

Между тѣмъ Лаваль, Помпадуръ и д'Авраишъ увели въ лѣсъ курьера, двухъ жокеевъ, лошадь курьера и двухъ переднихъ лошадей, которыхъ они отпрягли. Кавалеръ соскочилъ тогда съ своей лошади и съѣлъ верхомъ, на мѣсто одного жокея; Лаваль и Валефъ заняли мѣсто возлѣ дверецъ, и карета своротила съ большой дороги, и быстро, безъ шума и свѣта, покати-лась по направленію къ Шарантону. Все это было исполнено въ продолженіе пяти минутъ, безъ шума и сопротивленія. Счастье улыбнулось заговорщикамъ.

Но доѣхавъ до конца побочной дороги, д'Арманталь встрѣтилъ первое препятствіе: ворота въ рѣшеткѣ, окружающей Венсеннскій лѣсъ, были закрыты; надобно было повернуть назадъ и избрать другую дорогу. Выѣхавъ на нее, карета покати-лась съ прежнею быстротою.

Новая дорога вела къ перекрестку: одна изъ дорогъ, сходящихся на этомъ перекресткѣ, вела прямо въ Шарантонъ. Вдругъ кавалеру показалось, что нѣсколько человекъ скоро перешли черезъ дорогу и скрылись въ лѣсу. Д'Арманталь приударилъ лошадей. Приближаясь къ перекрестку, онъ услы-

шалъ ржаніе лошади и звукъ оружія; но не довѣривъ своему слуху, онъ продолжалъ скакать съ прежнею скоростью.

Но доѣхавъ до перекрестка, д'Арманталь увидѣлъ странное зрѣлище: нѣчто въ родѣ мрачной ограды или стѣны, преграждавшей всѣ дороги. Д'Арманталь немедленно остановилъ лошадей и хотѣлъ повернуть назадъ; но и за нимъ внезапно образовалась такая же ограда; и въ то же мгновеніе Валѣфъ и Лаваль вскрикнули:

— Мы окружены! спасайся, кто можетъ!

И прищпоривъ лошадей, оба перескочили черезъ рвы по сторонамъ дороги, и исчезли въ лѣсной чащѣ. Но д'Арманталю невозможно было послѣдовать за своими товарищами. Не видя другаго спасенія, онъ рѣшился пробиться сквозь живую ограду, преграждавшую ему путь и состоявшую, какъ онъ увидѣлъ, изъ отряда сѣрыхъ мушкетеровъ; опустивъ голову, схвативъ въ каждую руку по пистолету, вонзивъ шпоры въ бока лошади, онъ пустился впередъ; но едва проскакалъ онъ десять шаговъ, какъ пуля поразила въ голову его коня, который въ ту же минуту упалъ и увлекъ кавалера съ собою.

Человѣкъ десять всадниковъ соскочили тогда съ лошадей и бросились на д'Армантала, выстрѣливавшаго на удачу изъ одного пистолета и приставившаго уже другой ко лбу, чтобы разможжить себѣ голову. Но онъ не успѣлъ привести своего намѣренія въ исполненіе: два мушкетера схватили его за руку, другіе четверо высвободили его изъ-подъ лошади. Въ то же время изъ кареты вышелъ не регентъ, а передѣтый лакей: на его мѣсто посадили д'Армантала, и два офицера сѣли влѣзъ него.

Между тѣмъ другіе мушкетеры успѣли впрячь другую лошадь, на мѣсто убитой, и карета, сопровождаемая эскадрономъ мушкетеровъ, быстро повеселась. Четверть часа спустя, она проѣхала по подъемному мосту; заскрипѣли петли тяжелой двери, и д'Арманталь очутился подъ мрачнымъ сводомъ, гдѣ ожидалъ его военный, въ полковничьемъ мундирѣ.

То былъ г. де-Лоне, комендантъ Бастиліи.

Если читатели желаютъ узнать, какимъ образомъ намѣреніе заговорщиковъ открылось, то пусть они вспомнятъ разговоръ Дюбуа съ Филлоной. Кумушка перваго министра подозрѣвала капитана Рокфинета въ участіи въ заговорѣ, и сообщила о томъ министру, съ тѣмъ условіемъ, чтобы капитану было даровано прощеніе; нѣсколько дней спустя къ капитану пришелъ д'Арманталь; она вспомнила, что этомъ самымъ молодой

дворянинъ имѣлъ уже переговоры съ Рокфинетомъ, пошла за нимъ и подслушала весь разговоръ изъ сосѣдней комнаты.

Въ тотъ же вечеръ, Дюбуа былъ увѣдомленъ. Чтобы поймать преступниковъ на дѣлѣ, онъ нарядилъ мосѣ Бургиньона въ костюмъ регента и окружилъ Венсеннскій лѣсъ кордономъ сѣрыхъ мушкетеровъ и драгунъ. Мы сейчасъ рассказали, какъ ему удалась эта хитрость. Начальникъ заговора былъ пойманъ на дѣлѣ, а такъ какъ министръ зналъ имена всѣхъ прочихъ заговорщиковъ, то не было вѣроятности, чтобы они вышутались изъ обширной сѣти, которую онъ ихъ опуталъ.

ГЛАВА XI.

ПАМЯТЬ ПЕРВАГО МИНИСТРА.

Батильда открыла глаза въ комнатѣ мамзель Эмили. Мирза лежала у ногъ ея; двѣ сестры сидѣли по сторонамъ изголовья кровати, а Бюва, удрученный горестью, сидѣлъ въ углу, опустивъ голову на грудь.

Первымъ ощущеніемъ молодой дѣвушки было одно физическое страданіе; она поднесла руку къ головѣ, застонавъ болѣзненно. Рана ея была за вискомъ; докторъ, призванный еще во время безпамятства ея, перевязалъ ей рану и приказалъ дать ему знать, если у больной откроется бредъ.

Удивленная тѣмъ, что послѣ такого тяжелаго и болѣзненнаго сна, она проснулась въ чужомъ домѣ, молодая дѣвушка устремила вопросительный взоръ на присутствующихъ; но Атенанс и Эмили отвернулись, чтобы скрыть свои слезы. Бюва застоналъ, и одна только Мирза протянула свою граціозную головку, какъ бы прося ласки. Но Батильда начинала уже вспоминать; завѣса, опустившаяся между памятью ея и происшествіями, начинала мало по малу подниматься. Она стала соединять, приводить въ порядокъ свои мысли; вспомнила возвращеніе Бюва, рассказъ его о заговорѣ, опасность, въ которой находился д'Арманталь; она вспомнила, что хотѣла послѣдить, чтобы имѣть еще время спасти его; вспомнила, какъ перебѣжала черезъ улицу; наконецъ, воображенію ея представилось страшное зрѣлище, и громко вскрикнувъ, какъ будто бы трущъ капитана вторично представился глазамъ ея, она спросила:

— А онъ? чѣмъ съ нимъ стало?

Никто не отвѣчалъ, ибо ни кто не зналъ, что отвѣчать: только Бюва встала, всхлипывая, и пошелъ къ двери. Батильда поняла, сколько горести и раскаянія было въ этомъ нѣмомъ движеніи; однимъ взглядомъ остановила она Бюва и, протянувъ къ нему обѣ руки, спросила:

— Папашенька, неужели вы разлюбили вашу бѣдную Батильду?

— Разлюбилъ, мое милое дитя! вскричалъ Бюва, упавъ на колѣни возлѣ кровати и сквозь одѣяло цѣдуя ноги Батильды: могу ли я разлюбить тебя! О, Боже мой! Ты имѣешь право не любить меня болѣе, потому что я взвергъ, злодѣй! Я долженъ былъ угадать, что этотъ молодой человѣкъ любить тебя, и скорѣе подвергнуться жесточайшей пыткѣ, нежели... Но ты мнѣ ничего не сказала, ты не хотѣла довѣрить мнѣ своей любви; а я, не смотря на желаніе угождать тебѣ всячески, часто дѣлаю глупости. О, я несчастный, несчастный! вскричалъ Бюва, рыдая: можешь ли ты простить мнѣ! И могу ли я жить, если ты не простишь мнѣ!

— Папашенька, вскричала Батильда: милый папашенька, постарайтесь только узнать, что стало съ нимъ, умоляю васъ.

— Да, дитя мое, да! Я узнаю..... Не правда ли, ты простишь мнѣ, если я принесу тебѣ добрыя вѣсти?..... А..... а если придутъ съ дурными вѣстями..... такъ ты можешь ненавидѣть меня еще болѣе! да!.... Только не умирай, пожалуйста не умирай!

— Идите, идите! сказала Батильда, обхвативъ обѣими руками шею Бюва и поцѣловавъ его съ чувствомъ, въ которомъ пятнадцать лѣтъ признательности боролись съ однимъ днемъ страданій. Идите, жизнь моя въ рукахъ Господа; Его святая воля рѣшить, жить мнѣ или умереть.

Изъ всего этого Бюва понималъ только, что Батильда поцѣловала его; ему казалось, что еслибъ Батильда была очень сердита, такъ не поцѣловала бы его; и въ половину утѣшившись, онъ взялъ трость и шляпу, и узнавъ отъ г-жи Денй, какъ кавалеръ былъ одѣтъ, онъ пустился искать его.

Одна изъ сосѣдокъ сказала ему, что видѣла, какъ молодой человѣкъ вскочилъ на гнѣдую лошадь, простоявшую около подлеса у крыльца, и ускакалъ; мелочной торговцевъ, жившій нѣсколько подалѣе, вспомнилъ, что видѣлъ всадника, проскакавшего во весь галопъ мимо его лавки на гнѣдой лошади; наконецъ, овощная торговка, лавка которой выходила на бульваръ, клялась всѣми богами, что видѣла, какъ красивый моло-

дой человѣкъ поскакалъ на гнѣдой лошади къ Сенъ-Денискимъ воротамъ; но дагбѣ никто не могъ сказать ничего положительнаго. Пробродивъ напрасно цѣлыя два часа, Бюва воротился къ г-жѣ Денй, и могъ только сказать Батильдѣ, что д'Арманталъ уѣхалъ на гнѣдой лошади къ Сенъ-Денискимъ воротамъ.

Во время отсутствія Бюва, питомищъ его сдѣлалось хуже; страданія ея увеличивались, и кризисъ, о которомъ говорилъ докторъ, приближался. Глаза Батильды сверкали, лицо горѣло, она говорила отрывисто. Госпожа Денй послала за докторомъ.

Бѣдная хозяйка дома сама была въ сильномъ безпокойствѣ; давно уже она подозрѣвала, что Бригъ былъ замѣшанъ въ тайномъ заговорѣ; узнавъ, что д'Арманталъ былъ не простой студентъ, а полковникъ и знатный дворянинъ, она еще болѣе убѣдилась въ томъ, такъ какъ Бригъ представилъ ей кавалера. Это сходство положеній еще болѣе расположило отъ природы доброе сердце ея въ пользу Батильды. Нетерпѣливо ожидала она Бюва; но когда онъ вернулся съ весьма неудовлетворительными извѣстіями, то госпожа Денй сама вызвалась освѣδοчиться.

Пришелъ докторъ. По выраженію лица его, легко можно было угадать, что состояніе Батильды казалось ему весьма опаснымъ. Онъ пустилъ ей кровь, прописалъ ей освѣжительные напитки, и приказалъ, чтобы непременно кто-нибудь оставался при ней. Эмилія и Атенанса были добрыя дѣвушки, не смотря на нѣкоторые физическіе недостатки, а потому онѣ взялись поочередно ухаживать за больною. Эмилія, какъ старшая, объявила, что первая очередь принадлежитъ ей. Бюва не могъ остаться при больной, тѣмъ болѣе, что его вздохи и слезы только безпокоили ее, а потому ему велѣли идти домой; но онъ согласился на это не прежде, пока сама Батильда не попросила его о томъ.

Батильда нѣсколько успокоилась послѣ кровопусканія. Г-жа Денй и Атенанса ушли къ себѣ; Бонифасъ, ходившій изъ любопытства въ Моргу полюбоваться капитаномъ Рокфинетомъ, также вернулся домой и ушелъ въ свою каморку; Эмилія сидѣла у камина и читала, когда вдругъ кто-то торопливо постучался въ дверь. Батильда вздрогнула и приподнялась; Эмилія поспѣшно спрятала книгу, и замѣтивъ движеніе больной, побѣжала къ ней; потомъ наступило минутное молчаніе, послѣ котораго послышался скрипъ двери и чей-то голосъ.

— Это голосъ аббата Бригъ, сказала Эмилія.

Батильда опустила въ изнеможеніи на подушки.

Минуту спустя, г-жа Денй отворила дверь, и измѣнившимся голосомъ позвала Эмилию; молодая дѣвушка вышла и оставила большую одну.

Другъ Батильда вздрогнула. Аббатъ былъ въ сосѣдней комнатѣ, и ей показалось, что онъ произнесъ имя Рауля. Въ то же время, она вспомнила, что нѣсколько разъ видѣла аббата у д'Армантала; она знала, что аббатъ былъ одинъ изъ ревностѣйшихъ приверженцевъ герцогини дю-Мэнъ, и подумала, что, можетъ быть, онъ знаетъ, что стало съ кавалеромъ. Первою мыслию ея было встать, одѣться и идти въ другую комнату; но она разумно разсудила, что если извѣстiя дурны, то ей ихъ не скажутъ, а потому она рѣшилась подслушать разговоръ, казавшійся весьма оживленнымъ. Она приложила ухо къ перегородкѣ и стала внимательно слушать, какъ будто бы вся жизнь ея сосредоточилась въ чувствѣ слуха.

Бригò рассказывалъ г-жѣ Денй, что случилось: Валѣфъ приискалъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, въ квартиру матери д'Авраша, и объявилъ герцогинѣ дю-Мэнъ, что предпрiятiе не удалось; тогда герцогиня дю-Мэнъ освободила всѣхъ заговорщиковъ отъ даннаго ей слова, и приказала Мальзѣ и Бригò спастись бѣгствомъ. Она же сама удалась въ Арсеналь. Бригò пришелъ проститься съ г-жею Денй: онъ былъ перодѣтъ разносчикомъ и намѣревался бѣжать въ Испанiю.

Во время рассказа Бригò, въ то самое время, когда онъ говорилъ о несчастiи д'Армантала, ему посыпалось, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то вскрикнулъ; но такъ какъ ни г-жа Денй, ни дочери ея, оплакивавшiя несчастiя бѣднаго аббата, не слышали этого крика, и такъ какъ аббатъ не зналъ, что Батильда была тамъ, то онъ не обратилъ вниманiя на этотъ крикъ; тѣмъ болѣе, что появленiе Бонифаса, за которымъ послали и къ которому Бригò питалъ особенную привязанность, обратили всѣ мысли его къ совершенно личнымъ впечатлѣнiямъ.

Надобно было скорѣе проститься. Бригò желалъ убраться подальше отъ Парижа до разсвѣта; а потому онъ еще разъ перодѣвался все семейство и ушелъ, взявъ съ собою только Бонифаса, объявившаго рѣшительно, что онъ проводить дяденьку до заставы.

Выйдя на лѣстницу, они услышали голосъ привратника, выпускавшаго кого-то изъ дому, и послѣшно сошли внизъ.

На лѣстницѣ стояла Батильда, съ распущенными по плечамъ волосами, босыми ногами и закутанная въ длинную, бѣлую простыню. Несчастная дѣвушка слышала весь рассказъ аббата и впаала въ бѣдную горячку: она хотѣла идти къ Раулю, видѣть

его, умереть съ нимъ. Г-жа Денй и дочери ея, сошедши внизъ по призыву аббата, насильно увели большую. Сначала она сопротивлялась, произнося безсвязныя слова, дрожа всѣмъ тѣломъ и скрежеща зубами, но вскорѣ силы ея истощились, голова опрокинулась назадъ, и проговоривъ еще разъ имя Рауля, она лишилась чувствъ.

Опять послали за докторомъ; то, чего онъ опасался, случилось: у молодой дѣвушки открылось воспаленiе въ мозгу.

Кто-то постучался: то былъ Бювâ, котораго Бригò и Бонифасъ встрѣтили на улицѣ; не будучи болѣе въ состоянiи преодолѣть своего безпокойства, онъ умолялъ, чтобы ему позволили забиться куда нибудь въ уголъ, и по временамъ справляться о Батильдѣ. Бѣдная г-жа Денй была сама такъ печальна, что легко поняла горестъ Бювâ. Она сказала ему, чтобы онъ сѣлъ въ уголъ, и ушла съ Атенасой, оставивъ Эмилию при больной.

На разсвѣтѣ вернулся Бонифасъ; онъ проводилъ аббата до заставы, откуда Бригò надѣялся легко добраться до границы на молодой и сильной лошади, которую онъ купилъ.

Бредъ Батильды продолжался; всю ночь она говорила о Раулѣ. Нѣсколько разъ она произнесла имя Бювâ, обвиняя его въ томъ, что онъ убилъ ея возлюбленнаго; и каждый разъ бѣдный каллиграфъ, не смѣя защищаться, не смѣя возражать, не смѣя жаловаться, молча заливался слезами и напрягалъ всѣ успiя своего ума, чтобы прискаты средство поправить причиненное имъ зло; наконецъ, когда наступило утро, онъ повидимому, принялъ энергическое намѣренiе, подошелъ къ постели, поцѣловалъ горѣвшую руку Батильды, которая, не узнавая, посмотрѣла на него, и вышелъ.

Бювâ точно принялъ энергическое намѣренiе идти къ Дюбуâ, рассказать ему все дѣло и просить его помиловать д'Армантала; Бювâ не хотѣлъ другой награды, онъ даже отказывался отъ недоплаченнаго жалованья. Кажется эту милость можно было оказать человѣку, котораго самъ регентъ называлъ спасителемъ Францiи. И такъ, Бювâ не сомнѣвался, что вернется съ добрыми вѣстями, которыя возвратятъ здоровье Батильдѣ.

Онъ пошелъ къ себѣ, чтобы перодѣться; притомъ же онъ не смѣлъ слишкомъ рано явиться къ министру, чтобы не обезопасить его. Въ девять часовъ, Бювâ былъ готовъ и сошелъ въ комнату Батильды: все въ ней было въ томъ же видѣ, какъ наканунѣ. Бювâ сѣлъ на ея стулъ, прикоснулся къ любимымъ ея вещамъ, приложился къ распятiю, къ которому она прикладывалась каждый вечеръ; онъ походилъ на влюбленнаго, возвращающагося на мѣсто, покинутое его возлюбленною.

Пробило десять часовъ; это было время, въ которое Бювâ въ послѣдніе дни отправлялся во дворецъ, и опасеніе обезпokoитъ перваго министра, уступило мѣсто надеждѣ быть принятымъ. Бювâ взявъ шляпу и трость, сошелъ къ г-жѣ Дени, чтобы осѣдомиться о Батильдѣ; она не переставала звать Рауля, и ей въ третій разъ пустили кровь. Бювâ глубоко вздохнулъ, поднявъ глаза, какъ бы призывая небо въ свидѣтели, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы облегчить страданія своей питомицы, и пошелъ ко дворцу.

Онъ выбралъ дурное время: Дюбуа, безпрестанно бывшій на ногахъ въ теченіе пяти или шести дней, ужасно страдалъ первыми припадками болѣзни, которая свела его въ могилу нѣсколько мѣсяцевъ спустя; кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что одинъ д'Арманталъ былъ пойманъ и только что приказалъ Леблану и д'Аржансону скорѣе произвести судъ надъ бѣднымъ плѣнникомъ, когда камердинеръ его, привыкшій уже видѣть каждое утро почтеннаго копіста, доложилъ о приходѣ его.

— Г. Бювâ, сказалъ слуга.

— Какой Бювâ? спросилъ Дюбуа.

— Это я, ваше преосвященство, сказалъ бѣдный каллиграфъ, просунувъ голову между дверью и камердинеромъ.

— Кто, вы? спросилъ Дюбуа, какъ будто бы никогда не видѣлъ его.

— Какъ, ваше преосвященство, вскричалъ Бювâ съ изумленіемъ: вы не узнаете меня? Я пришелъ поздравить васъ съ счастливымъ окончаніемъ дѣлъ.

— Благодарю, не нужно мнѣ вашихъ поздравленій, мосьѣ Бювâ, сухо отвѣчалъ Дюбуа.

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ я пришелъ просить у вашего преосвященства оказать мнѣ милость.

— Милость? За что?

— Неужели вы забыли, ваше преосвященство, проговорилъ Бювâ, что обѣщались наградить меня?

— Наградить! Тебя, негодяй!

— Какъ, ваше преосвященство! вскричалъ Бювâ со страхомъ, неужели вы забыли, что сами изволили сказать мнѣ? Вы обѣщались осчастливить меня....

— Я осчастливлю тебя тѣмъ, что позволю выдти отсюда въ вѣзлости, сказалъ Дюбуа: убирайся же скорѣе, или....

— Но, ваше преосвященство....

— А! ты еще разговариваешь! вскричалъ Дюбуа, привставъ

и протягивая правую руку къ своей трости. Постой, постой! Я тебѣ покажу....

Бювâ не имѣлъ ни малѣйшей охоты видѣть того, что первый министр хотѣлъ показать ему; по первому грозному движенію, онъ понялъ намѣреніе его, отвернулся и пустился бѣжать. Не смотря на свое послѣднее бѣгство, онъ слышалъ еще, какъ Дюбуа, произнося страшныя проклятія, приказывалъ своему камердинеру заколотить Бювâ до-смерти, если онъ осмѣлится еще разъ показаться во дворцѣ.

Бювâ понималъ, что съ этой стороны все было кончено, и что онъ долженъ былъ отказаться отъ надежды быть полезнымъ д'Арманталю и отъ жалованья, которое самъ герцогъ обѣщалъ ему выплатить; послѣдняя мысль напомнила ему, что уже болѣе недѣли онъ не былъ въ Библиотекѣ; находясь по близости ея, онъ рѣшился зайти туда, чтобы извиниться передъ директоромъ и объяснить ему причину своего отсутствія; но тамъ еще ужаснѣйшій ударъ ожидалъ Бювâ: отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что мѣсто его было занято!...

Такъ какъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, Бювâ не опаздывалъ ни минутой, то директоръ подумалъ, что онъ умеръ, и назначилъ на его мѣсто другаго.

Бювâ потерялъ свое мѣсто въ королевской Библиотекѣ за то, что спасъ Францію.

Бѣдный каллиграфъ не могъ перенести всѣхъ этихъ ударовъ и воротился домой больной, огорченный....

ГЛАВА XII.

Б О Н И Ф А С Т Ъ.

Мы уже сказали, что Дюбуа приказалъ какъ можно скорѣе судить д'Армантала, надѣясь, что его признаніе дастъ ему новое оружіе противу тѣхъ, которыхъ онъ намѣревался уничтожить. Но д'Арманталъ хранилъ упорное молчаніе на счетъ своихъ сообщниковъ. Во всемъ прочемъ, касавшемся лично до него, онъ признавался откровенно, говоря, что поступокъ его былъ слѣдствіемъ личной жажды мщенія, возбужденной тѣмъ, что у него отняли полкъ. Что же касается до людей, бывшихъ съ нимъ, то онъ говорилъ, что это были бѣдные наемщики, которые сами не знали, на кого нападали. Все это было довольно сомнительно; однакожъ рапорты должно было состав-

лять по отвѣтамъ обвиненнаго; слѣдовательно, къ величайшей досадѣ Дюбуа, настоящіе виновные ускользали отъ мщенія его, потому что кавалеръ утвердительно говорилъ, что видѣлъ герцога и герцогиню дю-Мэнъ не болѣе двухъ разъ, и что ни онъ, ни она не давали ему ни какого политическаго порученія.

Аваль, Помпадуръ и Валёфъ были арестованы и посажены въ Бастилію; но такъ какъ они знали, что могли положиться на кавалера и такъ какъ они напередъ условились на счетъ того, что каждому слѣдовало отвѣчать, еслибъ ихъ стали допрашивать, то они рѣшительно отрицались во всемъ, признаваясь, что они точно имѣли сношенія съ герцогомъ и герцогиней дю-Мэнъ, но что эти сношенія ограничивались съ ихъ стороны почтительною привязанностію. Что же касается до д'Арманталя, то онъ говорилъ, что знаетъ его какъ человѣка благороднаго и честнаго, которому была оказана великая несправедливость. Ихъ свели на очную ставку, которая послужила только къ тому, что каждый изъ заговорщиковъ убѣдился въ томъ, что заключенныя между ними условія были свято сохранены.

Дюбуа бѣгнулъ, выходилъ изъ себя; у него были ясныя доказательства, но они были уже развѣ предъявлены на совѣщаніи и потеряли силу свою вслѣдствіе суда, произнесеннаго надъ письмами Филиппа V, и уничтоженія привилегій духъ принцевъ. Дюбуа надѣялся на признаніе д'Арманталя, чтобы запутать герцога и герцогиню дю-Мэнъ въ новое, болѣе важное дѣло, въ слѣдствіе прямого посягательства, если и не на жизнь, то на свободу регента; но упрямство кавалера разстроило всѣ надежды его, а потому весь гнѣвъ его обратился на д'Арманталя, котораго онъ приказалъ судить какъ можно скорѣе.

Между тѣмъ болѣзнь Батильды постоянно усиливалась, и жизнь ея находилась въ величайшей опасности; но наконецъ, молодость восторжествовала; за бредомъ горячки послѣдовало глубокое уныніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ей становилось со дня на день легче, къ величайшей радости добрыхъ людей, окружавшихъ ее. Мало по малу она стала узнавать окружавшихъ, потомъ протянула имъ руку, и наконецъ заговорила съ ними. Къ величайшему изумленію всѣхъ, Батильда ни разу не произнесла имени д'Арманталя; впрочемъ всѣ были очень довольны этимъ молчаніемъ, потому что не могли ей сказать ничего утѣшительнаго на счетъ кавалера; слѣдовательно, всѣ, не исключая даже доктора, стали думать, что Батильда совершенно забыла о прошедшемъ, или что оно слилось въ умѣ ея съ бредомъ горячки.

Но всѣ ошибались. Вотъ что случилось.

Въ одно утро, когда Батильду оставили одну, Бонифасъ, сохранившій привычку привязанности къ сосѣдкѣ, тихонько отворилъ дверь, чтобы освѣдомиться о ея здоровьѣ. Мирза заворчала, Батильда оглянулась, увидѣла Бонифаса, подумала, что, вѣроятно, отъ него узнаетъ то, что другіе скрывали отъ нея, и удерживая Мирзу, протянула блѣдную, исхудавшую руку къ молодому человѣку. Бонифасъ съ признательностію схватилъ протянутую къ нему руку, посмотрѣлъ на Батильду и, покачавъ головою, сказалъ:

— Вы правы, мамзель Батильда, вы правы; вы знатная барышня, а я простой мѣщанинъ.... Вы не могли полюбить меня!

— Точно! Бонифасъ, я не могла полюбить васъ, какъ вы хотѣли; но я могу любить васъ иначе.

— Въ самомъ дѣлѣ, мамзель Батильда? О, любите меня, какъ знаете, только любите!

— Я могу любить васъ, какъ брата.

— Какъ брата! Неужели вы любите бѣднаго Бонифаса, какъ брата! Неужели онъ можетъ любить васъ, какъ сестру; брать васъ за руку, вотъ какъ теперь; неужели вы позволите ему цѣловать васъ иногда, какъ онъ цѣлуетъ Милю и Нансу? О, говорите, мамзель Батильда, говорите, чѣмъ я могу заслужить такое счастье?

— Другъ мой.... сказала Батильда.

— О! она назвала меня своимъ другомъ! вскричалъ Бонифасъ; она назвала меня своимъ другомъ! А я оклеветала ее! Нѣтъ, мамзель Батильда, не называйте меня вашимъ другомъ, я не достоинъ этого имени; вы не знаете, что я говорилъ про васъ! Я говорилъ, что вы живете съ старикомъ, хотя знаю, что это не правда; клянусь честію, мамзель Батильда, я самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ; но я былъ взбѣшенъ, я былъ раздраженъ, въ себя! Мамзель Батильда, называйте меня негодяемъ, называйте меня извергомъ! Право, я не достоинъ быть вашимъ другомъ! А, негодий Бонифасъ! я разбойникъ, извергъ, злодѣй!

— Другъ мой, сказала Батильда: если вы это сказали, такъ я прощаю вамъ, потому что теперь вы не только можете вознаградить меня, но еще заслужить право на мою вѣчную признательность.

— Говорите, что я долженъ слѣзать, говорите! Хотите ли, чтобы я влѣзъ въ огонь? Хотите ли, чтобы я выскочилъ въ окно? Хотите ли.... требуйте, что хотите, я все исполню, все!

— То, о чемъ я хочу васъ просить, другъ мой, не трудно исполнить.

— Такъ говорите, говорите!

— Поклянитесь сперва, что вы исполните мою просьбу.

— Клянусь, мамзель Батильда!

— А если вамъ запретить?

— Кто можетъ мнѣ запретить услуживать вамъ? Никто, рѣшительно никто!

— А если то, что вы сдѣлаете для меня, огорчить меня?

— А это другое дѣло, мамзель Батильда! Нѣтъ, я васъ огорчать не хочу; я лучше дамъ разрубить себя на части.

— Но если я сама попрошу васъ о томъ, братъ мой! произнесла Батильда самымъ убѣдительнымъ голосомъ.

— О! коли вы станете говорить такимъ голосомъ, такъ я расплачусь, какъ фонтанъ. Смотрите, слезы такъ сами и текутъ.

И Бонифасъ захныкалъ.

— И такъ вы скажете мнѣ все, любезный Бонифасъ.

— О! все, все.

— Такъ скажите же мнѣ.

Батильда замочала.

— Что?

— Вы не угадываете, Бонифасъ?

— Какъ не угадать! Вы хотите знать, что случилось съ москѣ Раулемъ? Не такъ ли?

— Да, да! вскричала Батильда: именемъ самаго неба умоляю васъ! Скажите, что случилось съ нимъ?

— Бѣдняжка! проговорилъ Бонифасъ.

— Боже мой! Неужели онъ умеръ? спросила Батильда, быстро поднявшись съ подушекъ.

— Нѣтъ еще, слава Богу; но онъ сидитъ....

— Гдѣ?

— Въ Бастилии.

— Я такъ и думала, отвѣчала Батильда, упавъ снова на подушки: въ Бастилии! О, Боже мой, Боже мой!

— Перестаньте плакать, мамзель Батильда! перестаньте плакать!

— А я прикована къ постели, я больна! вскричала Батильда.

— Да не плачьте же, мамзель Батильда; Бонифасъ проситъ васъ, не плачьте!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду плакать, я не упаду духомъ! Смотрите, Бонифасъ, ты видишь, я уже не плачу.

— Она сказала мнѣ *ты!* вскричалъ Бонифасъ.

— Но ты понимаешь, продолжала Батильда съ лихорадочною восторженностію: ты понимаешь, другъ мой, что я должна все узнать, все! чтобы я могла умереть въ тотъ же день, когда онъ умретъ.

— Вы хотите умереть, мамзель Батильда! о, нѣтъ, нѣтъ!

— Я обѣщала, сказала Батильда: я поклялась ему въ томъ. Бонифасъ, ты будешь извѣщать меня обо всемъ, не правда ли?

— О, Боже, Боже мой! какъ я несчастливъ, что далъ вамъ слово!

— И потомъ, если можно будетъ.... въ рѣшительную, страшную минуту.... ты поможешь мнѣ.... ты проводишь меня, не правда ли, Бонифасъ?... Я должна еще разъ увидѣть его.... еще разъ ... одинъ разъ.... хоть на эшафотъ.

— Все, что вы хотите, все, все! вскричалъ Бонифасъ, упавъ на колѣни и всхлипывая.

— Обѣщаешь?

— Клянусь.

— Тише, идуть.... Ни слова; это должно остаться тайной между нами,

— Да.... да.... между нами.

— Хорошо, встань, утри глаза, улыбайся; смотри, какъ я весела!

И Батильда судорожно, страшно засмѣялась. Вошелъ Бювѣ. Бонифасъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ускользнуть.

— Каково тебѣ, дитя мое? спросилъ добрякъ.

— Лучше, папашенька.... лучше, отвѣчала Батильда. Я уже гораздо сильнѣе, и чувствую, что черезъ нѣсколько дней буду въ состояніи встать. Но отчего вы, папашенька, не пошли на службу.

Бювѣ глубоко вздохнулъ.

— Пока я была больна, вы могли оставаться при мнѣ.... Но теперь мнѣ гораздо легче; ступайте же въ Библиотеку; слышите, папашенька?

— Да, дитя мое, слышу, отвѣчалъ Бювѣ, глотая слезы.... да, я сейчасъ пойду.

— Вы не хотите даже поцѣловать меня?

— Сейчасъ, дитя мое, сейчасъ.

— Вы плачете, папашенька? Развѣ вы не видите, что мнѣ гораздо легче? Я умру съ горя, если вы будете еще плакать.

— Развѣ я плачу? сказалъ Бювѣ, утирая глаза платкомъ: да, точно, я плачу....но вѣдь это отъ радости! Да дитя мое, я пойду въ Библиотеку, пойду сейчасъ.

И поцѣловавъ Батильду, Бюва отправился къ себѣ, потому что не хотѣлъ еще открывать молодой дѣвушкѣ, что лишился мѣста.

Батильда осталась одна. Она вздохнула свободнѣе; теперь она была спокойна: Бонифасъ, въ качествѣ писаря у прокурора, могъ узнавать всѣ новости, и Батильда была увѣрена, что онъ не скроетъ отъ нея ничего. И точно, на слѣдующій же день, она узнала, что Рауля допрашивали, и что онъ взялъ все на себя; на третій день она узнала, что его сводили на очную ставку съ Валѣфомъ, Лавалемъ и Помпадуромъ, но что это не пошло ни къ чему. Словомъ, каждый вечеръ Бонифасъ приходилъ къ Батильдѣ съ новостями, и каждый день молодая дѣвушка чувствовала себѣ здоровѣе и сильнѣе.

Такимъ образомъ прошли двѣ недѣли, по прошествіи которыхъ Батильда стала вставать и прохаживаться по комнатѣ, къ величайшей радости Бюва, Нанетты и всего семейства г-жи Дені.

Однажды Бонифасъ пришелъ, противъ своего обыкновенія, въ три часа, отъ г. Жулю, и вошелъ въ комнату больной: бѣднякъ былъ такъ блѣденъ и разстроенъ, что Батильда поняла, что онъ принесъ страшное извѣстіе; громко вскрикнувъ, она встала, и устремивъ глаза на него, спросила:

— Все кончено?

— Увы! отвѣчалъ Бонифасъ: онъ самъ виноватъ! Повѣрите ли, мамзель Батильда, что ему обѣщали прощеніе, если онъ все откроетъ, а онъ заупрямился и ничего не хотѣлъ сказать,

— И такъ нѣтъ болѣе надежды, всричала Батильда; онъ приговоренъ!..

— Сегодня утромъ, мамзель Батильда, сегодня утромъ.

— Къ смерти?

Бонифасъ утвердительно кивнулъ головою.

— Когда будутъ его казнить?

— Завтра, въ восемь часовъ утра.

— Хорошо, сказала Батильда.

— Но есть еще надежда, сказалъ Бонифасъ.

— Какъ? спросила Батильда.

— Можетъ быть, онъ согласится выдать своихъ сообщниковъ...

Молодая дѣвушка засмѣялась, но такимъ страннымъ смѣхомъ, что холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Бонифаса.

— Кто знаетъ! продолжалъ онъ. Я бы, навримѣръ, на его мѣстѣ, непремѣнно выдалъ бы ихъ. Я бы сказалъ: ей Богу, это не я; это такой-то, такой-то и еще такой-то.

— Бонифасъ, сказала Батильда: я хочу выдти.

— Выдти, мамзель Батильда! вскричалъ Бонифасъ, испугавшись: вы хотите выдти? Да вы убьете себя!

— Я должна выдти, повторяю вамъ.

— Да вы едва стоите на ногахъ!

— Ошибаетесь, Бонифасъ, я сильна; смотрите!

И Батильда прошла по комнатѣ твердыми шагами.

— Впрочемъ вы наймете мнѣ карету, прибавила она.

— Но, мамзель Батильда...

— Бонифасъ, вы обѣщались слушаться меня, сказала молодая дѣвушка. До этихъ поръ вы держали слово; неужели вы хотите теперь измѣнить мнѣ?

— Измѣнить вамъ, мамзель Батильда! измѣнить вамъ! Пусть Господь Богъ накажетъ меня, если въ томъ, что вы говорите, есть хоть искра правды! Вы хотите, чтобы я нанялъ карету? Извольте, я найму двѣ!

— Идите, другъ мой, сказала молодая дѣвушка: идите, братъ мой.

— О! мамзель Батильда, этими словами вы заставите меня идти на край свѣта для васъ. Черезъ пять минутъ карета будетъ здѣсь.

И Бонифасъ убѣжалъ.

На Батильдѣ было длинное, бѣлое платье; она подвязала его въ талиѣ кушакомъ, накинула на плечи мантилью и готовилась выдти. Въ дверяхъ она встрѣтила г-жу Дені.

— Боже мой! вскричала добрая хозяйка: что вы хотите дѣлать, дитя мое?

— Мнѣ надобно выдти, сударыня.

— Выдти... вы не въ своемъ умѣ!

— Ошибаетесь, я въ полномъ умѣ, отвѣчала Батильда, грусно улынувшись; но я могу сойти съ ума, если вы захотите удерживать меня.

— Но куда же вы идете, дитя мое?

— Развѣ вы не знаете, сударыня, что его приговорили къ смерти?

— О, Боже мой, Боже мой! Кто вамъ это сказалъ? Я строго запретила сообщать вамъ это печальное извѣстіе.

— Прекрасно! а завтра вы, вѣроятно, сказала бы мнѣ, что онъ умеръ? Не такъ ли? Тогда я отвѣчала бы вамъ, что вы убили его, потому что у меня есть еще средство спасти его.

— У васъ, дитя мое, есть средство спасти его?

— Можетъ быть! Не мѣшайте же мнѣ испробовать это послѣднее, единственное средство!

— Идите, дитя мое, идите, сказала г-жа Денй, пораженная вдохновеннымъ голосомъ Батильды. Идите, да хранить васъ Богъ!

И г-жа Денй посторонилась, чтобы пропустить Батильду.

Она вышла, медленно, но твердыми шагами сошла съ лѣстницы, перешла черезъ улицу и поднялась на верхъ къ себѣ, въ свою комнату, съ которою она такъ давно не выдалась. Услышавъ шумъ отворявшейся двери, Нанетта вышла изъ кухни и громко вскрикнула: ей показалось, что она видитъ предъ собою тѣнь своей барышни.

— Что съ тобою, моя добрая Нанетта! спросила Батильда спокойнымъ голосомъ.

— О, Боже мой! вскричала бѣдная женщина, дрожа всѣмъ тѣломъ: вы ли это, барышня?

— Я, Нанета, я сама; поцѣлуй меня, тогда ты узнаешь, что, благодаря Бога, я еще жива.

— За чѣмъ же вы ушли изъ дому г-жи Денй? Ужъ не сказали ли они вамъ чего такого, чего не слѣдовало говорить?

— Нѣтъ, моя добрая Нанетта, нѣтъ; но мнѣ нужно выйти со двора.

— Выхти со двора! О, нѣтъ, мы не пустимъ васъ.... г. Бювâ, г. Бювâ! барышня хочетъ выйти со двора! Скажите ей, что это невозможно.

Батильда обратилась къ Бювâ съ намѣреніемъ употребить на него свое вліяніе, ежели онъ вздумаетъ удерживать ее, но по разстроенному виду его угадала, что онъ зналъ уже ужасную новость.

Взглянувъ на Батильду, Бювâ залился слезами.

— Отецъ мой, сказала ему Батильда: только Господь можетъ защитить насъ и—надѣюсь, что Онъ скалится надъ нами!

— О! вскричалъ Бювâ, опустившись въ кресла: я убилъ его, я убилъ его!

Батильда подошла къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Успокойтесь, сказала она ему.

— Но что ты намѣрена дѣлать? спросилъ Бювâ

— Я хочу исполнить свой долгъ, отвѣчала Батильда.

И она открыла маленькій шкафъ, вынула изъ него черныи сафьянный бумажникъ и развернула его.

— О, да, да, дитя мое! вскричалъ Бювâ; я совсѣмъ забылъ про это письмо.

— Но я не забыла, сказала Батильда, поцѣловавъ письмо и положивъ его на сердце: это единственное наследство, оставленное мнѣ матерью.

Въ эту минуту, послышался стукъ кареты, подъѣхавшей къ крыльцу.

— Прощайте, отецъ мой; прощай Нанетта, сказала Батильда: молитесь Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ.

И Батильда удалась съ торжественностію, придававшю ей видъ сверхъестественнаго существа.

У крыльца ждалъ ее Бонифасъ съ каретой.

— Прикажете мнѣ ѣхать съ вами, мамзель Батильда? спросилъ Бонифасъ.

— Нѣтъ, другъ мой, сказала Батильда, пожавъ ему руку: сегодня не нужно; но завтра, можетъ быть....

И она сѣла въ карету.

— Куда прикажете везти васъ, барышня? спросилъ пэвозчикъ.

— Въ Арсеналь, отвѣчала Батильда.

ГЛАВА XIII.

ТРИ ВИЗИТА.

Приѣхавъ въ Арсеналь, Батильда отыскала г-жу Делонэ, которая, по просьбѣ ея, повела молодую дѣвушку къ герцогинѣ дю-Мэнъ.

— А, это вы, дитя мое, сказала герцогиня разсѣянно. Я вамъ очень благодарна за то, что вы не забываете вашихъ друзей, хотя они и въ несчастіи.

— Увы, сударыня! отвѣчала Батильда: я пришла къ вашему высочеству, чтобы говорить о человѣкѣ, который еще несчастіе васъ. Конечно, вы, ваше высочество, лишились нѣкоторыхъ правъ, нѣкоторыхъ преимуществъ, но этимъ ограничилось мщеніе вашихъ враговъ; никто не дерзнетъ посягнуть на жизнь, или даже на свободу сына Людовика XIV или внука великаго Кондэ.

— На жизнь, нѣтъ, сказала герцогиня дю-Мэнъ: но на свободу посягнуть могутъ. Представьте себѣ, что глупаго аббата Бриггô, нарядившагося разнощикомъ, поймали въ Орлеанѣ и что, въ-слѣдствіе ложныхъ признаній, будто бы сдѣланныхъ мною и представленныхъ ему, онъ во всемъ признался и поставилъ насъ въ весьма непріятное положеніе; я съ минуты на минуту ожидаю, что насъ арестуютъ!

— Тотъ, за котораго я пришла просить васъ, сказала Ба-

тильда: ни въ чемъ не признался, и его приговорили къ смерти за то, что онъ хранилъ упорное молчаніе.

— Ахъ, милое дитя мое, вскричала герцогиня: вы говорите о кавалерѣ д'Арманталѣ! Да, я знаю, онъ благородный, истинный дворянинъ. Развѣ вы его знаете?

— Увы! сказала г-жа Делонэ, Батильда не только знаетъ, но любитъ его.

— Бѣдное дитя! Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Я не имѣю никакого вѣса, никакой власти. Просьбы мои не будутъ приняты въ уваженіе; напротивъ, если я буду ходатайствовать за него, то совершенно погублю его!

— Знаю, отвѣчала Батильда: а потому я пришла просить ваше высочество только объ одномъ: не можете ли вы доставить мнѣ случай добраться до регента.

— Бѣдное дитя, знаете ли вы, о чемъ вы меня просите? вскричала герцогиня. Знаете ли вы, что регентъ ничего не уважаетъ? Знаете ли вы, что вы прелестны какъ ангелъ и что даже самая бѣдность придаетъ вамъ болѣе прелести! Знаете ли вы...

— Ваше высочество, отвѣчала Батильда съ величественнымъ достоинствомъ: я знаю, что мой отецъ спасъ ему жизнь и умеръ служа ему.

— А! это другое дѣло, сказала герцогиня. Пойдите, какъ бы это сдѣлать?... Да, да, такъ точно... Делонэ, позовите Мальзье.

Делонэ повиновалась, и минутой спустя вошелъ вѣрный канцлеръ герцогини.

— Мальзье, сказала она ему: проводите эту дѣвицу къ герцогинѣ Беррійской и скажите ей отъ меня, что я убѣдительно прошу ее, чтобы она сейчасъ же представила эту дѣвицу регенту. Сейчасъ же, слышите? Дѣло касается жизни человѣка, бѣднаго д'Армантала...! Я сама дала бы многое, чтобы спасти его.

— Иду, герцогиня, сказалъ Мальзье.

— Вы видите, дитя мое, сказала герцогиня: я дѣлаю все, что могу; если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезна, располагайте мною; я сама не богата, но если вамъ нужны деньги, чтобы подкупить тюремщика и способствовать его бѣгству, то я отдамъ вамъ свои брильянты. Не теряйте времени, дитя мое; поцѣлуйте меня и идите къ моей племянницѣ; вы знаете, что она любимая дочь регента.

— О, благодарю, ваше высочество! сказала Батильда: я знаю, что вы ангелъ, и если мнѣ удастся, то я буду обязана вамъ болѣе, чѣмъ жизнью.

— Бѣдняжка! сказала герцогиня, смотря вслѣдъ удалившейся Батильдѣ.—Скорѣе, Делонэ, продолжала она, когда молодая дѣвушка исчезла, — примемся опять укладывать мои вещи.

Между тѣмъ Батильда, сопровождаемая добрымъ Мальзье, воротилась въ карету, и двадцать минутъ спустя подъѣхала къ Люксембургскому дворцу.

Благодаря покровительству Мальзье, Батильду немедленно ввели въ маленькій будуаръ, гдѣ ее просили обождать, между тѣмъ какъ канцлеръ пошелъ къ самой герцогинѣ, доложить о просьбѣ герцогини дю-Манъ. Мальзье исполнилъ возложенное на него порученіе съ усердіемъ, и минутъ десять спустя герцогиня Беррійская вышла къ Батильдѣ.

У герцогини было прекрасное, чувствительное сердце; рассказъ Мальзье глубоко тронулъ ее, и она вышла къ молодой дѣвушкѣ, исполненная участія къ ея горести. Батильда съ перваго взгляда замѣтила благосклонное расположеніе герцогини, и съ умоляющимъ видомъ простерла къ ней руки и хотѣла упасть передъ нею на колѣни, но герцогиня остановила ее, поцѣловала въ лобъ и сказала:

— Бѣдное дитя! За чѣмъ не пришли вы недѣлей раньше!

— Отчего недѣлей раньше? спросила Батильда съ боязнью.

— Оттого, что за недѣлю я никому не уступила бы удовольствія представить васъ моему отцу, между тѣмъ какъ сегодня это невозможно.

— Невозможно! О, Боже мой, отчего же невозможно? вскричала Батильда.

— Развѣ вы не знаете, что я впала въ совершенную немощность? Увы! хоть я принцесса, но у меня такое же сердце, какъ и у васъ и—я полюбила! Но вы знаете, что мы, принцессы, не смѣемъ располагать нашимъ сердцемъ; это, нѣкоторымъ образомъ, драгоценность, принадлежащая къ короннымъ сокровищамъ; драгоценность, которою мы не смѣемъ располагать, безъ разрѣшенія короля или его перваго министра. Я отдала сердце свое—и мнѣ простили это великое преступленіе; но я отдала руку—и меня наказали. Три дня тому назадъ, мой возлюбленный сдѣлался моимъ мужемъ и—странная вещь! меня обвинили за нестужность, похвальный во всякомъ другомъ состояніи, но предосудительный въ принцессѣ! Даже отецъ мой раздѣлялъ всеобщее негодованіе, и съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я имѣю право предстать предъ нимъ не красясь, онъ не хочетъ видѣть меня. Вчера у меня отняли стражу; сегодня утромъ я явилась во дворецъ, и меня не впустили.

— Увы! вскричала Батильда: какъ я несчастна! Вся моя надежда была на васъ, герцогиня; потому что я не знаю никого, кто могъ бы доставить мнѣ доступъ къ его высочеству! И завтра, ваше высочество, завтра, въ восемь часовъ утра, казнить того, кого я люблю, какъ вы любите г. де-Рюна! О, Боже мой, Боже мой! сжальтесь надо мною, ваше высочество! Если вы не поможете мнѣ, такъ я погибла!

— Рюнь, помогите же намъ, сказала герцогиня, обратившись къ своему мужу, входившему въ это время, и протягивая къ нему руку: эта бѣдная дѣвица должна видѣть моего отца, сегодня, сейчасъ; отъ этого зависитъ жизнь ея; что я говорю, болѣе жизни! жизнь того, кого она любитъ! Какъ быть? Помогите намъ, подумайте.... Рюнь, придумайте какое-нибудь средство, и я буду любить васъ еще болѣе, если это возможно!

— Я знаю одно средство, сказалъ Рюнь, улыбаясь.

— О, скажите! вскричала Батильда: скажите, и я буду вѣчно признательна вамъ.

— Говорите же, сказала герцогиня Беррійская почти такимъ же умоляющимъ голосомъ, какъ Батильда.

— Но это средство компрометируетъ вашу сестру.

— Которую?

— Принцессу де Валуа.

— Аглаю? Какимъ образомъ?

— Развѣ вы забыли, что есть на свѣтѣ волшебникъ, имѣющій средства входить къ ней днемъ и ночью, неизвѣстно какъ и откуда?

— Ришель? Правда! вскричала герцогиня Беррійская. Ришель можетъ помочь намъ. Но....

— Но.... договаривайте, ваше высочество, умоляя васъ! Онъ, можетъ быть, не захочетъ?

— Можетъ быть, отвѣчала герцогиня.

— О! я буду просить его такъ убѣдительно, что онъ сжалится надо мною! вскричала Батильда. Вы дадите мнѣ къ нему записку, не правда ли? Вы такъ милостивы, и онъ не осмѣлится отказать вашему высочеству!

— Я распоряжусь еще лучше. Рюнь, прикажите позвать г-жу де-Мушій и попросите ее, чтобы она сама отправилась къ герцогу. Госпожа де-Мушій моя первая фрейлина, дитя моя, продолжала герцогиня, обращаясь къ Батильдѣ, между тѣмъ какъ Рюнь пошелъ исполнять порученное приказаніе: говорить, герцогъ де-Ришель обязанъ ей, следовательно вы видите, что я не могла найти вамъ лучшей покровительницы.

— О, благодарю васъ, герцогиня, вскричала Батильда, цѣ-

лудя руки ея: благодарю! Теперь я опять начинаю надѣяться!... Вы говорите, что герцогъ де-Ришель имѣетъ всегда возможность входить во дворецъ?

— Не я говорю, а всѣ говорятъ.

— О, Боже мой! вскричала Батильда: застанемъ ли мы его дома!

— Вотъ это довольно трудно. Но, стойте... Который теперь часъ? Еще нѣтъ восьми. Я думаю, что теперь вы застанете его за туалетомъ. Впрочемъ, если его и нѣтъ еще, такъ я скажу г-жѣ де-Мушій, чтобы она подождала его. Неправда ли, продолжала герцогиня, обращаясь къ входившей фрейлинѣ, ты подождешь герцога?

— Я готова исполнить все, что прикажете ваше высочество, отвѣчала г-жа де-Мушій.

— Ну, такъ я приказываю тебѣ подождать его, слышишь? Я приказываю тебѣ уговорить герцога де-Ришель, чтобы онъ доставилъ этой дѣвицѣ доступъ къ регенту, и я позволяю тебѣ употребить все вліяніе, какое ты имѣешь на него...

— Не много ли это будетъ, ваше высочество, сказала улыбаясь г-жа де-Мушій.

— Иди, иди, сказала герцогиня, и дѣлай, что тебѣ приказываютъ; я беру все на свой счетъ. Надѣйтесь, дитя мое. Идите за г-жею де-Мушій, и если вы когданибудь услышите, что будутъ дурно говорить о бѣдной принцессѣ Беррійской за то, что она однажды приняла посланниковъ, сидя на тронѣ и за то, что она проѣхала однажды по Парижу съ четырьмя, то скажите, что я не злая женщина и что, не смотря на всѣ анаемы, мнѣ будетъ многое прощено, потому что я много любила; не такъ ли, Рюнь?

— О, ваше высочество, вскричала Батильда: я не знаю, говорятъ ли дурно про васъ, но вы такъ великодушны, что я готова цѣловать слѣды вашихъ ногъ!

— Идите, дитя мое, идите. Если вы замѣшкаетесь, такъ не застанете уже герцога де-Ришель и тогда вамъ трудно будетъ найдти его.

— Пойдемте же скорѣе, сказала Батильда, увлекая за собою г-жу де-Мушій, тебѣ мнѣ каждая минута дороже цѣлаго года. Четверть часа спустя, Батильда и г-жа де-Мушій были у дома герцога де-Ришель. По особенно счастливому случаю, герцогъ былъ дома. Г-жа де-Мушій приказала доложить о себѣ; ее немедленно впустили; она вошла вмѣстѣ съ Батильдой.

Ришель занимался съ своимъ секретаремъ, г. Раффе, сожиганіемъ писемъ.

— Э, Боже мой! вскричал герцогъ, идя на встрѣчу г-жѣ де-Мушй; какому счастливому случаю обязанъ я удовольствіемъ и честью видѣть васъ у себя, послѣ восьми часовъ вечера?

— Желанію доставить вамъ случай сдѣлать доброе дѣло.

— Неужели? Говорите же скорѣе, сударыня.

— Развѣ вы увѣжаете сегодня вечеромъ?

— Не сегодня вечеромъ, а завтра утромъ, я отправляюсь въ Бастилію.

— Вы шутите!

— Повѣрите мнѣ, сударыня, что я никогда не шучу, когда меня заставляютъ выѣзжать изъ моего дома, гдѣ мнѣ очень хорошо, въ казенный домъ, гдѣ мнѣ очень нехорошо. Я знаю этотъ казенный домъ, потому что уже жила въ немъ.

— Но почему вы знаете?...

— Меня предувѣдомили.

— Вѣрные люди?

— Посмотрите.

И герцогъ подавъ г-жѣ де-Мушй письмо слѣдующаго содержания:

« Спасайтесь бѣгствомъ, хоть бы вы были цевинны. Завтра васъ арестуютъ; герцогъ сказалъ при мнѣ вслухъ, что герцогъ де-Ришльё попался ему наконецъ въ руки.»

— Можете ли повѣрить этому бездмянному письму?

— Я знаю этотъ почеркъ. И такъ повторяю вамъ, говорите скорѣе. Если услуга, которую вы отъ меня требуете, можетъ быть исполнена въ одну ночь, такъ говорите, я къ вашимъ услугамъ.

— Не въ одну ночь, а въ одинъ часъ.

— Такъ извольте говорить. Вы знаете, что я ни въ чемъ не могу отказать вамъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала г-жа де-Мушй. Намѣрены ли вы идти сегодня вечеромъ благодарить особу, предувѣдомившую васъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ герцогъ, смѣясь.

— Такъ вы должны представить ей эту дѣвицу.

— Эту дѣвицу? повторилъ герцогъ съ изумленіемъ и обратился къ Батильдѣ, оставшейся до сихъ поръ въ отдаленіи и въ тѣни. А кто эта дѣвица?

— Невѣста д'Арманталя, котораго будутъ завтра казнить; она хочетъ видѣть регента и испросить помилованіе своему возлюбленному.

— Вы любите кавалера д'Арманталя? спросилъ герцогъ де-Ришльё, обратившись къ Батильдѣ

— О! герцогъ... проговорила молодая дѣвушка, краснѣя.

— Не краснѣйте, сударыня; кавалеръ д'Арманталя благородный молодой человекъ, и я самъ отдалъ бы десять лѣтъ своей жизни, чтобы спасти его. Но имѣете ли вы надежду тронуть регента?

— Имѣю, герцогъ.

— Такъ извольте. Это принесетъ мнѣ счастье. Сударыня, продолжалъ герцогъ, обращаясь къ г-жѣ де-Мушй: скажите ей высочеству, что чрезъ часъ желаніе ея будетъ исполнено.

— О, герцогъ! вскричала Батильда.

— Я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, герцогъ, сказала г-жа де-Мушй: что говорятъ правду, будто бы вы заключили союзъ съ нечестнымъ, чтобы онъ далъ вамъ возможность пролѣзть сквозь замочную скважину; и признаюсь, менѣе прежняго безпокоюсь о вашемъ заточеніи...

— Во всякомъ случаѣ прошу васъ помнить, сударыня, сказалъ герцогъ, что милосердіе повелѣваетъ навѣщать плѣнниковъ. Если вы не совсемъ забыли бѣднаго Армана...

— Молчите, герцогъ; будьте скромны, а тамъ что Богъ дастъ. И такъ вы обѣщаете мнѣ, что мадамъзель Батильда увидитъ регента?

— Это рѣшеное дѣло.

— Такъ прощайте, герцогъ; не скучайте слишкомъ въ Бастиліи! Прощайте!

— Прощайте, говорите вы?

— До свиданія.

— Вотъ это другое дѣло!

И поцѣловавъ руку г-жи де-Мушй, герцогъ проводилъ ее до двери, потомъ вернулся къ Батильдѣ.

— Сударыня, сказалъ онъ ей: ни для кого въ мірѣ я не сдѣлалъ бы того, что намѣренъ сдѣлать для васъ; никто не знаетъ тайны, которую я открою вамъ; я ввѣрю вамъ доброе имя, честь принцессы крови; но положеніе ваше требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ. Поклонитесь же мнѣ, что никому, кромѣ одной особы; ибо я знаю, что есть люди, отъ которыхъ мы не можемъ ничего скрывать, поклонитесь же, что вы никому не откроете того, что увидите, и что никто, кромѣ его, не будетъ знать, какимъ образомъ вы вошли къ регенту.

— О, герцогъ! клянусь вамъ всѣмъ священнѣйшимъ для меня въ мірѣ; клянусь памятью моей матери!

— Этого довольно, сударыня, отвѣчалъ герцогъ и позвонилъ. Вошелъ камердинеръ.

— Лафоссъ, сказалъ герцогъ: вели заложить бурыхъ лошадей въ простую карету, безъ гербовъ.

— Герцогъ, сказала Батильда, чтобы не терять времени, позвольте мнѣ предложить вамъ мѣсто въ наемной каретѣ, въ которой я пріѣхала.

— О, это еще лучше. Я готовъ, сударыня.

— Прикажете мнѣ идти съ вами? спросилъ камердинеръ.

— Нѣтъ, не нужно; останься съ Раффѣ и помоги ему привести въ порядокъ мои бумаги. Между ними есть нѣкоторыя, которыхъ Дюбуа не зачѣмъ видѣть.

И подавъ руку Батильдѣ, герцогъ сошелъ съ нею, сѣлъ въ карету, и приказалъ извозчику ѣхать въ улицу Сентъ-Оноре; онъ принялъ такой беззаботный видъ, какъ будто бы не зная, что участь, отъ которой онъ хотѣлъ спасти кавалера могла вскорѣ постигнуть его самого.

ГЛАВА XIV.

ШКАФЪ СЪ ВАРЕНЬЯМИ.

Карета остановилась на углу улицы Сентъ-Оноре; извозчикъ отворилъ дверцы, герцогъ вышелъ и высадилъ Батильду; потомъ, вынувъ ключъ изъ кармана, онъ отворилъ дверь въ сѣни углового дома.

— Извините, сударыня, сказалъ герцогъ, подавая руку молодой дѣвушкѣ, что я веду васъ по такимъ дурно освѣщеннымъ мѣстницамъ; но мнѣ очень не хочется, чтобы меня узнали, если неравно мнѣ попадетса на встрѣчу знакомый. Впрочемъ мы дойдемъ только до втораго этажа.

И точно, поднявшись ступеней на двадцать, герцогъ остановился, вынувъ изъ кармана другой ключъ, и также осторожно отперъ дверь въ прихожую, какъ и въ сѣни. Взявъ изъ прихожей свѣчу, онъ зажечь ее у фонаря, тускло горѣвшаго въ сѣняхъ.

— Извините еще разъ, сказалъ герцогъ: по здѣсь я привыкъ самъ служить себѣ; и вы сейчасъ поймете, что заставаляетъ меня обходиться безъ лакея.

Батильда вошла въ прихожую, и герцогъ занеръ за нею дверь.

— Теперь пожалуйста за мною, сказалъ онъ и пошелъ впередъ, свѣтя молодой дѣвушкѣ.

Они прошли такимъ образомъ черезъ столовую и гостинную и наконецъ вошли въ спальню; тамъ герцогъ остановился.

— Сударыня, сказалъ Ришелье, поставивъ свѣчу на каминъ: вы дали мнѣ слово ни кому не открывать того, что увидите.

— Повторяю вамъ, герцогъ, что я была бы неблагодарна, преступна, еслибъ захотѣла употребить во зло вашу довѣренность.

— Ну, такъ я повѣрю любви тайну любви. Будьте нашею повѣренною.

И придавивъ пружину, герцогъ де-Ришелье раздвинулъ часть дубовой обшивки стѣны; взору Батильды представилась спинка шкафа. Ришелье ударилъ въ нее три раза пальцемъ. Минуту спустя щелкнулъ замокъ и между щелями досокъ показался свѣтъ. Въ то же время нѣжный голосокъ спросилъ:

— Вы ли это?

На утвердительный отвѣтъ герцога, раздвинулись три продольныя доски и образовали отверстіе, въ которое легко можно было войти.

Принцесса де-Валуа вскрикнула со страхомъ, увидѣвъ, что съ возлюбленнымъ ея была незнакома женщина.

— Не бойтесь, милая Аглая, сказалъ герцогъ, войдя въ комнату и схвативъ принцессу де-Валуа за руку, между тѣмъ какъ Батильда оставалась неподвижна, не смѣя ступить шагу, пока герцогъ не объяснитъ ея присутствія. Вы сами сейчасъ будете благодарить меня за то, что я измѣнилъ нашей тайнѣ.

— Но объясните, герцогъ, сказала принцесса де-Валуа, отступивъ и съ безпокойствомъ смотря на Батильду.

— Сейчасъ, прелестная принцесса. Вы помните, что я говорилъ вамъ объ кавалерѣ д'Арманталѣ, не правда ли?

— Еще третьяго дня вы говорилъ мнѣ, герцогъ, что ему стоитъ произнести одно слово, чтобы спасти себя и погубить васъ всѣхъ, но что онъ не произнесетъ этого слова.

— И онъ не произнесъ его! Онъ приговоренъ къ смерти; завтра его будутъ казнить; эта дѣвица любить его; регентъ однимъ словомъ можетъ помиловать несчастнаго. Понимаете ли теперь?

— О, да, да! вскричала принцесса де-Валуа.

— Пожалуйста сюда, сказалъ герцогъ де-Ришелье, взявъ Батильду за руку и подводя ее къ принцессѣ; милая Аглая, продолжалъ онъ: желая имѣть доступъ къ регенту, вашему отцу, эта дѣвица обратилась ко мнѣ въ самое то время, когда я по-

лучилъ ваше письмо; я долженъ былъ поблагодарить васъ за добрый совѣтъ; такъ какъ я знаю ваше сердце, то подумалъ, что лучше не могу доказать вамъ своей признательности, какъ доставивъ вамъ случай спасти жизнь человѣка, молчанію котораго я обязанъ спасеніемъ своей жизни.

— Вы прекрасно сдѣлали, любезный герцогъ: добро пожаловать, сударыня; скажите, что вамъ угодно? Чѣмъ я могу служить вамъ?

— Я желаю видѣть его высочество регента, отвѣчала Батильда: и прошу васъ представить меня ему.

— Вы подождете меня, герцогъ? спросила принцесса де-Валуа съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Можете ли вы сомнѣваться въ томъ!

— Такъ спрячьтесь опять въ шкафъ съ вареньями, чтобы кто-нибудь не засталъ васъ здѣсь, во время моего отсутствія. Я пойду къ моему отцу и сейчасъ вернусь.

— Я буду ждать васъ, сказалъ герцогъ, уходя въ шкафъ.

Принцесса сказала нѣсколько словъ своему возлюбленному, тихимъ голосомъ, заперла шкафъ, спрятала ключъ въ карманъ и, подавъ руку Батильдѣ, сказала:

— Всѣ любящія женщины сестры. Я благодарна Арману и вамъ за довѣренность ко мнѣ. Пойдемте.

Батильда поцѣловала руку принцессы де-Валуа и послѣдовала за нею.

Обѣ дѣвцы прошли по ряду покоевъ, выходящихъ окнами на королевскую площадь, и потомъ повернули на-лѣво. На этой половинѣ находилась спальня регента.

— Мы пришли, сказала принцесса де-Валуа, остановившись передъ невысокою дверью и взглянувъ на Батильду, поблѣднѣвшую и дрожавшую всѣмъ тѣломъ; вся нравственная сила, поддерживавшая ее до сихъ поръ, готова была покинуть ее въ ту самую минуту, когда она наиболѣе нуждалась въ ней.

— О, Боже мой! Боже мой, мнѣ страшно! произнесла Батильда едва слышимымъ голосомъ.

— Не бойтесь; отецъ мой добръ; войдите, упадите къ его ногамъ; Господь тронетъ сердце его и внушитъ вамъ краснорѣчіе.

Съ этими словами она отворила дверь, втокнула Батильду въ комнату и, затворивъ дверь за нею, скоро побѣжала назадъ къ герцогу де-Ришелье, предоставивъ молодой дѣвушкѣ самой умолять регента.

При этомъ неожиданномъ поступкѣ, Батильда слегка вскрик-

нула, и регентъ, прохаживавшійся взадъ и впередъ по комнатѣ, опутивъ голову на грудь, поднялъ ее и оглянулся.

Не будучи въ состояніи произнести слова, ступить шага, Батильда упала на колѣни, вынула письмо и подала его регенту.

Герцогъ Орлеанскій былъ близорукъ; онъ не понялъ, что происходило, и пошелъ къ блѣмому, неясственному видѣнію, представлявшемуся ему въ тѣни. Подойдя ближе онъ увидѣлъ, что то была женщина, женщина молодая и прелестная, протягивавшая къ нему руки съ умоляющимъ видомъ.

Тщетно старалось бѣдное дитя произнести одно слово; голосъ не повиновался ей; наконецъ, и силы измѣнили ей, и она упала бы безъ чувствъ на коверъ, еслибъ регентъ не поддержалъ ее.

— Боже мой! что съ вами, сказалъ регентъ: чѣмъ могу я помочь вамъ? Встаньте, сядьте въ это кресло; ободритесь!

— Нѣтъ, ваше высочество, нѣтъ, проговорила Батильда: я должна остаться у вашихъ ногъ, потому что пришла просить васъ оказать мнѣ милость.

— Милость! какую?...

— Узнайте сперва, кто я, ваше высочество, сказала Батильда: потомъ только я осмѣлюсь просить.

И она подала герцогу Орлеанскому письмо, на которомъ основывала всѣ свои надежды.

Регентъ взялъ письмо и, подойдя къ свѣчѣ, узналъ свой почеркъ; съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ на молодую дѣвушку и сталъ читать:

«Вашъ мужъ отдалъ жизнь за Францію и за меня. Ни Франція, ни я, не можемъ отдать вамъ мужа; но не забывайте, что мы остаемся вѣчными вашими должниками.

«Преданный вамъ

«Филиппъ Орлеанскій»

— Точно, сказалъ регентъ: это письмо написано мною; но къ стыду своей памяти, я долженъ признаться, что не помню, къ кому писалъ его.

— Взгляните на адресъ, ваше высочество, сказала Батильда, нѣсколько успокоенная выраженіемъ благосклонности, отразившемся на лицѣ регента.

— Кларисса дю-Рошѣ! вскричалъ регентъ... Да, точно, тещеръ помню; я написалъ это письмо изъ Испаніи, послѣ смер-

ти Альберта, убитого под Альманзой; я написалъ это письмо къ его вдовѣ. Какимъ образомъ досталось оно вамъ?

— Увы! ваше высочество, я дочь Альберта и Клариссы.

— Вы! вскричалъ регентъ: а что стало съ вашей матерью?

— Она умерла, ваше высочество.

— Давно?

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ.

— О, скажите, она умерла тихою, спокойною смертію? Не пужался ли въ чемъ?

— Она умерла съ отчаянія и въ величайшей нуждѣ!

— Зачѣмъ же она не обратилась ко мнѣ?

— Вы были еще въ Испаніи, ваше высочество.

— О, Боже мой! что вы говорите! Продолжайте, продолжайте, я принимаю живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ! Бѣдная Кларисса! Бѣдный Альбертъ! Я помню, что они нѣжно любили другъ-друга! Она не пережила его. Знаете ли вы, что при Нервиндѣ вамъ отецъ спасъ мнѣ жизнь, знаете ли вы это?

— Знаю; и это внушило мнѣ смѣлость явиться къ вамъ.

— Но что стало съ вами, бѣдной сиротой, послѣ смерти вашей матери?

— Меня принялъ къ себѣ другъ моихъ родителей, бѣдный каллиграфъ, Жанъ Бюва.

— Жанъ Бюва! вскричалъ регентъ: постоитъ! это имя мнѣ знакомо. Жанъ Бюва?... Это не тотъ ли бѣдный копистъ, который открылъ весь заговоръ и съ которымъ я познакомился лично нѣсколько дней тому? Онъ служитъ при библиотекѣ, не такъ ли? Ему задолжали за нѣсколько лѣтъ жалованья?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Мадмуазель де-Рошѣ, возразилъ регентъ: мнѣ кажется, что всѣмъ близкимъ къ вамъ особамъ суждено спасать мнѣ жизнь. Я вдвойнѣ вашъ должникъ. Вы сказали, что пришли ко мнѣ съ просьбой; говорите же смѣло, я слушаю васъ.

— О, Боже, Боже! дай мнѣ силу!....

— Стало быть просьба ваша весьма важна?

— Ваше высочество, сказала Батильда: я пришла умолять васъ даровать жизнь чловѣку, заслужившему смерть.

— Не о кавалерѣ ли д'Арманталѣ говорите вы, спросилъ регентъ.

— Увы! ваше высочество угадали....

Лицо герцога приняло серьезное выраженіе; сердце Батильды сжалось.

— Онъ вамъ родственникъ? другъ? знакомый?

— Онъ моя жизнь, моя душа, ваше высочество; я люблю его!

— Но помиловавъ его, я долженъ помиловать всѣхъ; а въ этомъ заговорѣ есть люди, которые гораздо преступнѣе его.

— Пощадите жизнь его, ваше высочество! Даруйте ему только жизнь, вотъ все, о чемъ я прошу васъ!

— Но если я перемию смертный приговоръ на вѣчное заточеніе, то вы все-таки не увидите его.

Сердце Батильды замерло; она оперлась на спинку кресла, чтобы не упасть.

— Что тогда будетъ? продолжалъ регентъ.

— Тогда я вступлю въ монастырь, отвѣчала Батильда: и всю свою жизнь буду молиться за ваше высочество и за него.

— Это невозможно, сказалъ регентъ.

— Отчего, ваше высочество?

— Оттого, что недалѣе, какъ сегодня, я общалъ вашу руку.

— Мою руку, ваше высочество! Вы общали мою руку? Кому, о Боже мой!

— Прочтите, сказалъ регентъ, взявъ со стола письмо и подавъ его молодой дѣвушкѣ.

— Рауль! вскричала Батильда: почеркъ Рауля! О, Боже мой! что это значитъ?

— Прочтите, отвѣчалъ регентъ.

И измѣнившимся, дрожащимъ голосомъ, Батильда прочтала слѣдующее.

«Ваше высочество.

«Я заслужилъ смерть, я это знаю, и потому не прошу васъ даровать мнѣ жизнь. Я готовъ умереть въ назначенный день, въ положенный часъ; но отъ вашего высочества зависить усладить смерть мою, и я на колѣняхъ молю васъ объ этой милости.

«Я люблю молодую дѣвушку, на которой женился бы, еслибъ остался живъ. Позвольте мнѣ сдѣлаться ея мужемъ передъ моею смертію. Разставаясь съ жизнью, я желаю оставить бѣдной сиротѣ мое имя и мое имущество. Даруйте мнѣ эту милость, ваше высочество, и изъ храма я пойду на эшафотъ, благословляя васъ.

«Это мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя воля; не откажите просьбѣ умирающаго.

«Рауль д'Арманталъ.

— О, ваше высочество, вскричала Батильда, рыдая: вы видите, что я о немъ думалъ обо мнѣ! Могу ли я не любить его?

— Да, сказалъ регентъ, я соглашаюсь на его просьбу, потому что она справедлива и желаю, чтобы она уладяла послѣднія минуты его!

— Ваше высочество, ваше высочество! вскричала молодая дѣвушка: неужели ваша милость ограничится этимъ!

— Вы видите, отвѣчалъ регентъ: что онъ самъ отдаетъ себѣ справедливости и больше ни о чемъ не просить.

— О! это жестоко! это ужасно! Свидѣться на минуту, и потомъ на вѣки лишиться его! Ваше высочество, умоляю васъ, даруйте ему жизнь, и я откажусь отъ счастья видѣть его!

— Мадмуазель дю-Рошѣ, возразилъ регентъ рѣшительнымъ тономъ и написавъ записку, которую запечаталъ своею печатью: вотъ письмо къ г. де-Лонѣ, коменданту Бастилии; въ немъ заключается моя воля, касательно приговореннаго къ смерти. Капитанъ моей стражи поѣдетъ съ вами и подтвердитъ мои приказанія.

— О, ваше высочество, даруйте ему жизнь! На колѣняхъ умоляю васъ!

Регентъ позвонилъ; вошелъ слуга.

— Позови маркиза де-Лафара сказалъ регентъ.

— О, вы жестоки, ваше высочество! вскричала Батильда. Такъ позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть съ нимъ, чтобы и эшафотъ не разлучилъ насъ! чтобы мы не разстались и въ могилѣ!

— Маркизь, сказалъ регентъ, обращаясь къ вошедшему де-Лафару: проводите эту дѣвицу въ Бастилию. Вотъ письмо къ г. де-Лонѣ; вы прочтете это письмо вмѣстѣ съ нимъ и потребуете, чтобы мои приказанія были исполнены въ точности.

И не обративъ вниманія на послѣдній крикъ отчаянія Батильды, герцогъ Орлеанскій отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и исчезъ.

ГЛАВА XV.

ПРЕДСМЕРТНЫЙ БРАКЪ.

Полумертвая, послѣдовала молодая дѣвушка за Лафаромъ и сѣла съ нимъ въ одну изъ каретъ, стоявшихъ всегда наготовѣ на дворѣ королевскаго дворца. По приказанію маркиза, кучеръ ударилъ лошадей и онѣ понеслись по направленію къ Бастилии.

Во всю дорогу, Батильда не произнесла ни слова: она была нѣма, холодна и неподвижна, какъ мраморная статуя. На не-

подвижныхъ глазахъ ее не было ни слезинки. Только противъ темницы она задрожала; ей показалось, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ казненъ кавалеръ де-Роанъ, высилось что-то мрачное, подобное эшафоту.

Кто идетъ! закричалъ часовой, и карета въѣхала на подъемный мостъ; рѣшетка поднялась, ворота отворились и экипажъ остановился у крыльца лѣстницы, ведущей къ коменданту.

Нелинейный слуга отворилъ дверцы кареты; Лафаръ помогъ Батильдѣ выйти; она съ трудомъ держалась на ногахъ; вся нравственная сила покинула ее вмѣстѣ съ надеждой. Лафаръ и слуга должны были почти внести ее на лѣстницу во второй этажъ. Г. де-Лонѣ ужиналъ; Батильду ввели въ залу, между тѣмъ какъ Лафаръ отправился прямо къ коменданту.

Десять минутъ просидѣла Батильда безъ чувствъ въ креслѣ, въ которое ее усадили. Одна мысль овладѣла всѣмъ умомъ блѣдной дѣвушки; мысль о предстоящей ей вѣчной разлукѣ; одна картина представлялась воображенію ея: д'Арманталъ входящій на эшафотъ!

По прошествіи десяти минутъ, Лафаръ воротился съ комендантомъ. Батильда подняла машинально голову и посмотрѣла на нихъ блуждающимъ взоромъ. Тогда Лафаръ подошелъ къ ней, и подавая ей руку, сказалъ:

— Сударыня, въ церкви все приготовлено; священникъ ждетъ васъ.

Не отвѣчая ни слова, Батильда встала; лицо ея было покрыто смертною блѣдностью, руки холодны, какъ ледь; не будучи въ силахъ держаться на ногахъ, она оперлась на руку Лафара. Г. де-Лонѣ пошелъ впередъ, предшествуемый двумя слугами, несшими факелы.

Войдя въ церковь, Батильда увидала съ другой стороны приближавшагося кавалера д'Армантала, сопровождаемаго Валёфомъ и Помпадуромъ. То были друзья жениха, между тѣмъ какъ де-Лонѣ и Лафаръ были шаферами невѣсты. У каждой двери стояли двое часовыхъ, неподвижные, какъ статуи.

Женихъ и невѣста пошли на встрѣчу другъ другу. Батильда была блѣдна и дрожала; Рауль шелъ спокойно, съ улыбкой на лицѣ. Противъ алтаря, кавалеръ взялъ руку молодой дѣвушки и подвелъ ее къ двумъ, приготовленнымъ для нихъ стульямъ; тамъ они упали на колѣни и, произнеся ни одного слова, стали усердно молиться.

Алтарь былъ освѣщенъ только четырьмя свѣчами, мало ос-

вѣщавшими мрачную часовню, и тѣмъ придававшими брачной церемоніи печальный, погребальный видъ.

Священникъ началъ службу. То былъ почтенный, сѣдой старецъ, задумчивое, грустное лицо котораго свидѣтельствовало о томъ, что ежедневныя занятія оставляли въ душѣ его глубокіе слѣды. И точно, онъ уже двадцать пять лѣтъ былъ капелланомъ Бастиліи, и въ эти двадцать пять лѣтъ онъ слышалъ много печальныхъ исповѣдей, былъ свидѣлемъ многихъ горестныхъ зрѣлищъ.

Благословяя новобрачныхъ, онъ, по принятому обычаю, обратился къ нимъ съ краткою рѣчью; но вмѣсто того, чтобы говорить имъ о брачныхъ обязанностяхъ, онъ сталъ говорить о будущей жизни, о милосердіи Всевышняго и о возстаніи мертвыхъ. Слова его произвели на Батильду глубокое впечатлѣніе. Рауль видѣлъ, что она готова была зарыдать, взялъ руку ея и посмотрѣлъ на нее съ такою грустною покорностью, что бѣдное дитя сдѣлало послѣднее усиліе и удержало слезы, накопившіяся на сердцѣ ея. Въ минуту благословенія, она опустила голову на плечо Рауля. Священникъ подумалъ, что она лишилась чувствъ и остановился:

— Продолжайте, продолжайте батюшка! проговорила Батильда.

И священникъ произнесъ заветныя слова, на которыя женихъ и невѣста отвѣчали *да... да*, въ которомъ, казалось, сосредоточились все силы душъ ихъ.

По окончаніи обряда, д'Арманталь спросилъ у г. де-Лонэ, позволено ли ему будетъ провести послѣдніе часы жизни его съ женою; г. де-Лонэ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Рауль обнялъ Валёфа и Помпадуръ, поблагодарилъ ихъ за то, что они не отказались быть свидѣтелями предсмертнаго брака его, пожалъ руку Лафару, поблагодарилъ г. де-Лонэ за милостивое съ нимъ обращеніе и, обнявъ талію Батильды, готовой лишиться чувствъ, увлекъ ее съ собою. За дверью, въ которую онъ вошелъ, ожидали его два челоѣвка съ факелами. Нѣсколько минутъ спустя, Батильда и Рауль вошли въ темницу послѣдняго. Тюремный стражъ замкнулъ за ними дверь и они остались одни.

Тогда Батильда не могла болѣе удерживать своихъ слезъ; болѣзненный, горестный крикъ вырвался изъ груди ея, и рыдая, упала она въ кресло, въ которомъ д'Арманталь часто мечталъ о ней, въ теченіе трехъ недѣль своего заточенія. Рауль упалъ на колѣни и хотѣлъ утѣшать ее; но онъ самъ былъ такъ глубоко тронутъ, что не могъ произнести ни слова, и заикался съ нею....

Батильда и Рауль пробыли около получаса вмѣстѣ, когда услышали приближавшіеся шаги. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Батильда вздрогнула и судорожно прижала д'Арманталь къ сердцу. Рауль понялъ болѣзнь, поразившую сердце молодой дѣвушки, и успокоилъ ее. Минута, которой она страшилась, еще не наступила, потому что казнь его была назначена въ восемь часовъ утра, а теперь не было еще полуночи.

Г. де-Лонэ вошелъ.

— Кавалеръ, сказалъ онъ: потрудитесь послѣдовать за мною.

— Я одинъ, сиротилъ д'Арманталь, въ свою очередь прижавъ Батильду къ сердцу.

— Нѣтъ, съ вашей супругой, возразилъ комендантъ.

— О, вмѣстѣ, вмѣстѣ! слышишь ли, Рауль! вскричала Батильда. О, ведите насъ куда угодно, только вмѣстѣ, вмѣстѣ! Мы идемъ, идемъ!

Рауль прижалъ еще разъ Батильду къ сердцу, еще разъ поцѣловалъ ее и, вооружившись всею твердостью, послѣдовалъ за г. де-Лонэ. На лицѣ кавалера не было уже ни малѣйшаго слѣда сильныхъ, горестныхъ впечатлѣній.

Нѣсколько минутъ шли они по корридорамъ, слабоосвѣщеннымъ тусклыми фонарями; потомъ спустились по спиральной лѣстницѣ, и подошли къ двери башни. Изъ башни ходъ на лужокъ, окруженный высокими стѣнами и служившій гульбищемъ для плѣнниковъ. На лугу стояла карета, и въ темнотѣ сверкали кирасы нѣсколькихъ мушкетеровъ.

Лучъ надежды проникъ въ сердца новобрачныхъ. Батильда просила регента перемѣнить смертный приговоръ на вѣчное заточеніе. Можетъ быть регентъ согласился на ея просьбу. Карета, окруженная отрядомъ мушкетеровъ, придавала видъ правдоподобія этому предположенію. Молодые люди посмотрѣли другъ на друга и вмѣстѣ подняли глаза къ небу, чтобы возблагодарить Господа за неожиданное счастье.

Между тѣмъ г. де-Лонэ приказалъ кучеру приблизиться. Слуга отворилъ дверцы; комендантъ снялъ шляпу и подаль руку Батильдѣ, чтобы помочь ей сѣсть въ карету. Батильда колебалась около секунды и оглянулась съ безпокойствомъ, опасаясь, что Рауля увлекутъ въ другую сторону; но онъ готовился слѣдовать за нею и она смѣло вошла въ карету. Секунду спустя, Рауль сидѣлъ возлѣ нея; дверцы захлопнулись, карета тронулась, мушкетеры послѣдовали за нею, и минуту спустя они выѣхали изъ Бастиліи.

Новобрачные бросились другъ другу въ объятія. Теперь нельзя уже было сомнѣваться въ томъ, что герцогъ даровалъ

д'Армантэю жизнь, и кромѣ того, не хотѣлъ разлучать его съ Батильдой. Они не смѣли даже мечтать о подобномъ блаженствѣ! Сколько счастья, сколько наслажденій представлялось имъ даже въ заточеніи! Они будутъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ, и одни! Могли ли они желать лучшаго?... Одна грустная мысль мелькнула въ ихъ умѣ, и оба, съ сердечнымъ согласіемъ, встрѣчающимся только въ людяхъ, любящихъ другъ друга, произнесли имя Бюва.

Въ то же время, карета остановилась. Въ подобныхъ случаяхъ, малѣйшее обстоятельство можетъ внушить боязнь, и молодые люди вадрогнули.... Дверцы отворились.

— Что тебѣ нужно? спросилъ д'Арманталь подошедшаго кучера.

— Что нужно? повторилъ кучеръ. Я бы желалъ знать, сударь, куда вы прикажете везти васъ?

— Куда везти меня! вскричалъ д'Арманталь. Развѣ тебѣ не сказано?

— Миѣ приказали отвезти васъ въ Венсенскій лѣсъ, и мы прѣехали.

— А куда дѣвался отрядъ, сопровождавшій насъ? спросилъ кавалеръ.

— Отрядъ? Онъ отсталъ отъ насъ у заставы.

— О, Боже мой, Боже мой! вскричалъ д'Арманталь, между тѣмъ какъ Батильда молча сложила руки: о, Боже мой! возможно ли?

И кавалеръ выскочилъ изъ кареты, осмотрѣлся съ блаженствомъ и протянулъ руки къ Батильдѣ, которая также вышла; потомъ оба вскрикнули съ радостію и признательностію.

Они были свободны, какъ воздухъ, которымъ дышали!

Регентъ приказалъ отвести кавалера въ самое то мѣсто, гдѣ послѣдній похитилъ Буриньона, думая овладѣть регентомъ.

Это было единственное мнѣніе Филиппа-добраго.

Четыре года спустя послѣ этого происшествія, Бюва, получившій опять свое мѣсто при Библиотекѣ и все свое жалованье, съ радостію вложилъ перо въ ручку хорошенькаго трехлѣтняго мальчика; то былъ сынъ Рауля и Батильды.

На первой прописи, которую дали ребенку, были написаны имена Альберта дю-Рошѣ и Клариссы Грей.

На второй — имя Филиппа Орлеанскаго, регента Франціи.

POST-SCRIPTUM.

Можетъ быть, читатели приняли нѣкоторое участіе во второстепенныхъ лицахъ разсказанной нами исторіи, и желаютъ знать, что стало съ ними послѣ катастрофы, разрушившей замыслы заговорщиковъ и спасшей регента.

Слѣшимъ удовлетворить ихъ.

Герцогъ и герцогиня лю-Мэнъ были арестованы; онъ въ Сд, а она въ маленькомъ домикѣ ея, въ улицѣ Сентъ-Ондре. Герцогъ былъ отправленъ въ замокъ Дурленъ, а герцогиня въ Дижонъ, откуда ее перевели въ шалонскую цитадель. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они были освобождены, обезоруживъ регента: онъ — рѣшительнымъ отреченіемъ; она — искреннимъ признаніемъ.

Госпожа Делонѣ была посажена въ Бастилю, гдѣ заточеніе ея была услаждено, какъ видно по запискамъ ея, любовью кавалера де-Меніля; будучи освобождена и оплакивая измѣну своего любезнаго товарища плѣна, она часто восклицала: «Куда дѣвалось то счастливое время, когда я была такъ несчастна!»

Ришльѣ былъ арестованъ на другой день послѣ того, какъ онъ ввелъ Батильду къ регенту; но самое заточеніе послужило ему новымъ торжествомъ. Когда распространился слухъ, что прекрасному плѣннику было позволено прогуливаться по террасѣ Бастиліи, тогда вся Сентъ-Антуанская улица покрылась красивыми экипажами и сдѣлалась моднымъ гульбищемъ. Регентъ не захотѣлъ на вѣки посориться съ прекраснымъ поломъ, и освободилъ герцога. Послѣ трехмѣсячнаго заточенія, Ришльѣ вышелъ изъ Бастиліи съ большимъ блескомъ и торжествомъ, нежели когда либо. Только шкафъ съ вареньями былъ заложенъ кирпичемъ, и принцесса де-Валуа сдѣлалась герцогинею Моденской.

Аббатъ Бригдъ, пойманный, какъ мы уже сказали, въ Орлеанѣ, просидѣлъ нѣсколько времени въ тюрьмѣ этого города, къ величайшей горести доброй госпожи Дені, Эмилии, Атенасы и Бонифаса. Но въ одно прекрасное утро, въ то самое время, когда вся семья собиралась завтракать, вошелъ аббатъ Бригдъ, спокойный и хладнокровный, какъ ни въ чемъ не бывало. Его приняли съ восторгомъ. На всѣ разспросы Бригдъ отвѣчалъ, что судъ, производившійся надъ нимъ, до того уже надоѣлъ ему, что онъ проситъ, чтобы ему никогда не напоминали о немъ. Такъ какъ Бригдъ имѣлъ весьма весьма авторитарскія права въ домѣ госпожи Дені, то воля его была уважена, и съ

тѣхъ портъ ни кто не упоминалъ объ этомъ дѣлѣ въ улицѣ Танъ-Пери.

Нѣсколько дней спустя, были выпущены изъ темницы Валлефъ, Помпадуръ, Лаваль и Мальзье, и по-прежнему, какъ будто бы ни чего особеннаго не случилось, составили кругъ приверженцевъ герцогини дю-Мэнъ. Что же касается до кардинала де-Поляньяка, то онъ не былъ даже арестованъ, а сосланъ въ свое аншэнское аббатство.

Лагранжъ-Шансель, авторъ *Филлиппикъ*, былъ призванъ во дворецъ къ регенту.

— Думаете ли вы обо мнѣ то, что пишете? спросилъ его регентъ.

— Думаю, отвѣчалъ Лагранжъ-Шансель.

— Это ваше счастье, возразилъ регентъ: потому что если бы вы писали всѣ эти мерзости противъ вашей совѣсти, такъ я приказалъ бы васъ повѣсить.

И регентъ отправилъ его на островъ св. Маргариты, гдѣ онъ пробылъ не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцовъ. Такъ какъ враги регента распустили слухъ, будто бы онъ приказалъ отравить Лагранжъ-Шанселя, то герцогъ Орлеанскій не нашелъ лучшаго средства опровергнуть эти клеветы, какъ выпустить плѣнника, и Лагранжъ-Шансель вернулся въ Парижъ, болѣе прежняго исполненный ненависти и желчи.

Эта послѣдняя милость до того взбѣсила Дюбуа, что онъ побѣждалъ къ регенту, чтобы осыпать его выговорами; но на всѣ его упреки, регентъ отвѣчалъ ему прищивомъ пѣсни, сочиненной на него Сентъ-Симономъ:

Je suis débonnaire, moi,
Je suis débonnaire.

Это до того раздражило Дюбуа, что регентъ долженъ былъ пожаловать его кардиналомъ, чтобы помириться съ нимъ.

Это новое производство внушило Филлонъ столько гордости, что она объявила, что будетъ принимать у себя только такихъ дворянъ, которые ведутъ родъ свой съ 1399 года.

Около того же времени домъ ея лишился одного изъ знаменитѣйшихъ его украшеній: три дня послѣ смерти капитана Рокфинета, Нормандка вступила въ монастырь Кающихся-Дѣвъ.

II. ФУРМАННЪ.

ОТДѢЛЕНИЕ V.

Науки и Художества.

О ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ И НАРОДАХЪ АМЕРИКИ.

Американскій материкъ надолго останется предметомъ любопытныхъ изслѣдованій. Тому еще только три столѣтія съ половиною, какъ Новый Свѣтъ открылся взорамъ Старого, и на ряду съ другими образованными государствами, сталъ отмѣчать совершающіяся въ немъ событія на страницахъ всеобщей исторіи. Между тѣмъ Америка прожила много вѣковъ; до времени Колумба она была театромъ безчисленныхъ общественныхъ переворотовъ; въ ней успѣли смѣшиться періоды младенчества, возмужалости и медленнаго увяданія политическихъ обществъ.

Еще Испанцы, первые завоеватели Нового Свѣта, замѣтили, что тамъ народы запада и востока бродили по развалинамъ великаго *прошедшаго*, о которомъ свидѣтельствовали разрушенные памятники. На западѣ Европейцы нашли четыре пункта, гдѣ рѣзко обозначались слѣды древней образованности. То были:

- 1.) Области, лежащія при рѣкахъ Колумби, Гилъ и Колорадо.
- 2.) Плоская возвышенность Мексики.
- 3.) Область Гватимала.
- 4.) Область древняго царства Инковъ въ Перу.

Эти пункты отличались другъ отъ друга частію памятниками, частію сагами и самымъ народонаселеніемъ.

Подобными пунктами образованности на востокѣ были слѣдующія страны:

1.) Въ Сѣверной Америкѣ, обширная страна, орошаемая водами Миссисипи, граничащая къ сѣверу цѣнью озеръ—Винипегъ, Лѣснаго, Верхняго, Мичиганъ, Гюронъ, Эри и Онтарио, къ востоку горами Аллеганскими, къ западу хребтомъ Каменныхъ горъ, и къ югу Мексиканскимъ заливомъ.

2.) Весь востокъ Южной Америки, отъ горъ Кордильерскихъ до океана. Востокъ далеко отсталъ отъ запада въ образованности, но тѣмъ не менѣ тамъшніе памятники, гигантскія символическія фигуры, выдѣланныя изъ гранита, свидѣтельствуютъ, что грубые народы, заселившіе востокъ, смѣнили народы образованныхъ.

Впрочемъ, исторія вѣковъ, пронесшихся надъ материкомъ американскимъ до времени Колумба, представляется урною вопросовъ, еще и теперь не совсѣмъ разрѣшенныхъ. Какое мѣсто занимаетъ Америка въ семьѣ человѣческихъ обществъ? Какой народъ развился тамъ, посѣляя сѣмена образованности, жилъ самою бытною жизнію и оставилъ въ память своего политическаго существованія огромныя постройки Куско, гигантскія дороги въ Кордильерскихъ горахъ, пирамидальныя зданія и иероглифическія письма? Откуда и когда зашелъ этотъ народъ? Какъ раздѣлился онъ съ общою семьей человѣчества? Какъ забылъ онъ о своемъ родствѣ съ другими народами, которые, въ свою очередь, забыли его? Вотъ вопросы, которые дѣлаешь себѣ невольно, при взглядѣ на Америку.

Много было догадокъ о населеніи Америки. Одни думали, что тамъ родился, взросъ и развился какой-то особый родъ людей. Эта мысль была порождена вольнодумствомъ и невѣріемъ прошлаго вѣка. Энциклопедисты указывали на Америку, какъ на живое доказательство своихъ теорій о состояніи дикаго человѣка, который, вышедъ изъ рукъ природы, стоялъ на одной ступени съ безсловесными, и самъ собою создалъ все возвышающее его надъ животными, какъ-то: языкъ, религію, искусства и пр. Хотя американскіе памятники доказывали совсѣмъ противное теоріи энциклопедистовъ, именно, что туземцы были только въ отдаленіи, а не въ дикомъ состояніи; но духъ невѣрія возставалъ и противъ этихъ очевидныхъ свидѣтелей. Встрѣчая въ современныхъ описаніяхъ Америки слѣды древней образованности и религіозныхъ постановленій Старога Свѣта, ученые XVIII вѣка рѣшили, что подобныя сочиненія раждались въ кабинетахъ

усердныхъ католиковъ, подъ влияніемъ религіознаго настроенія духа. Но въ концѣ прошлаго же вѣка взглядъ на цивилизацію народовъ измѣнился; иначе стали объяснять причины быстрыхъ успѣховъ или медленнаго развитія и упадка гражданственности. Родились новыя догадки и о народонаселеніи Америки. Предполагали, что обитатели Америки произошли отъ какихъ-нибудь переселенцевъ Азіи, или Европы, или Африки.—Мысль самая естественная, какъ скоро мы вѣримъ библейскимъ сказаніямъ о происхожденіи рода человѣческаго отъ одного корня; но указывая на одинъ какой-нибудь источникъ народонаселенія американскаго, она ведетъ къ односторонности и оставляетъ многіе вопросы неразрѣшимыми. Съ болѣею вѣроятностію думаютъ, что всѣ народы, замѣчательные въ исторіи: Финикіане, Карфагеняне, Египтяне, Индійцы, Турки, Тунгузы, Китайцы, Японцы, Скандинавы,—всѣ, удержавъ часть своей народности, слились въ одномъ общемъ народонаселеніи Америки. Эту догадку можно считать близкою къ истинѣ, только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Но какое мы имѣемъ право нѣкоторымъ изъ знаменитыхъ народовъ исторіи отказывать во влияніи на американское народонаселеніе, тогда какъ за другими оставимъ это преимущество?

Древняя Америка не завѣщала намъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ иероглифическихъ письменъ Мексики и Перу. Не смотря на то, европейскіе ученые мало по малу снимаютъ таинственный покровъ съ цѣлаго полушарія, разкрываютъ архивъ давно минувшихъ временъ, пронесшихся надъ этимъ міромъ. Америка, владѣя безчисленными древними памятниками, развертывается передъ взорами Европейцевъ, какъ открытое дно моря, гдѣ издавна покоятся развалины былаго. Кромѣ того, историческимъ изслѣдованіямъ о древней Америкѣ много помогаетъ характеристика теперешнихъ американскихъ народовъ. Въ растеніяхъ есть внутренняя организація, которая, не смотря на внѣшнія случайныя перемѣны, не измѣняется никогда, и разсмотрѣвъ эту организацію, вы безошибочно узнаете классъ, къ которому принадлежитъ извѣстное растеніе, куда бы его ни пересадили. И въ народахъ всегда сохраняется первоначальный типъ той фамиліи, къ которой они принадлежатъ, не смотря на перемѣны климата, почвы и другихъ случайныхъ причинъ. Прибавьте къ тому еще языкъ, который, при всей испорченности сохраняетъ нѣкоторое сходство съ своимъ корнемъ, и наконецъ, нравы, которые переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ, какъ неприкосновенное, священное наследіе. Всмотритесь во всѣ эти черты народовъ американскихъ, и вы увидите тѣ фамиліи, къ

которымъ они принадлежатъ, но отъ которыхъ, отдѣлились еще въ древности, и развились особою вѣтвью.

Предметомъ статьи мы избираемъ три главные пункта: 1) указать классы народовъ, населяющихъ Америку въ настоящее время; 2) отмѣтить памятники, характеризующіе гражданскій бытъ ихъ предковъ, и 3) по этимъ даннымъ опредѣлить чужеземные элементы, вошедшіе въ составъ американскаго міра, указавъ въ тоже время путь ихъ переселенія.

1. Народонаселеніе Америки главнымъ образомъ можно раздѣлить на два класса:

Къ первому классу мы относимъ сѣверное полярное племя Эскимосовъ. Эскимосы обитаютъ въ Гренландіи, Лабрадорѣ, на сѣверныхъ берегахъ Гудсонова залива, по Берингову проливу, на полуостровѣ Аляскѣ, и при заливѣ Принца Вилліама. Тѣ же самые Эскимосы обитаютъ и въ Азійи, по Берингову проливу, подъ именемъ Чукчей. Восточная и западная отрасль этого племени, т. е. Эскимосы в Чукчи, отдѣленные другъ отъ друга на 800 миль, сохраняютъ самое тѣсное сродство по физиономіи и языку. Эскимосы первоначально отличались бѣлизною кожи; многіе изъ нихъ и теперь сохраняютъ бѣлый цвѣтъ лица.

Ко второму классу принадлежатъ всѣ остальные Американцы, обитающіе отъ крайнихъ пунктовъ сѣвера до конечныхъ предѣловъ юга. Этотъ классъ американскаго народонаселенія отличается высокимъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и темнымъ цвѣтомъ кожи, отъ сѣвѣнной то красною, то желтою, то черною краскою; отличительнымъ признакомъ его можно считать между прочимъ и скудный ростъ бороды. Языки этихъ народовъ, хотя съ безчисленными видоизмѣненіями въ коренныхъ словахъ, имѣютъ общій характеръ въ своемъ грамматическомъ строеніи. Надо замѣтить, что языки народовъ Сѣверной Америки можно повести подъ немногіе классы; но въ Южной сдѣлать этого нельзя. Такъ, въ Гаіаѣ и Колумбіи, на небольшомъ пространствѣ земли и при малочисленности жителей, представляется безчисленное разнообразіе языковъ. Гумбольдтъ насчитываетъ болѣе 200 нарѣчій въ массѣ народа отъ 60 до 80000 человекъ:—одно изъ замѣчательныхъ явленій, которое впрочемъ не трудно объяснить.

Главное, жители тѣхъ странъ обитаютъ въ лѣсныхъ и гористыхъ мѣстахъ, гдѣ роскошная тропическая растительность и глубокая ложа рѣкъ дѣлаютъ большую помѣху и охотѣ и рыбной ловлѣ; почему физическая необходимость заставила ихъ расселиться на небольшихъ клочкахъ земли, отдѣленныхъ другъ отъ друга, на подобіе пустынныхъ пріотовъ. И по цвѣту

кожи, и по всему физическому устройству, сохраняя фамильное сходство, они естественно стали различаться въ нарѣчійхъ; въ развѣдденныхъ семействахъ образовались новыя слова, безвѣстныя другимъ семействамъ того же поколѣнія.

Изъ всей этой массы американскаго народонаселенія особенно выдаются:

1. Караобы, Карибы, Каривы. Они называютъ себя Карина, Калпина, Калпинаго. Отличительныя черты ихъ: массивное, твердое тѣлосложеніе, которое у нѣкоторыхъ доходитъ до гигантскихъ размѣровъ, и воинскій, мужественный духъ. Колумбъ и первые завоеватели Америки встрѣчали ихъ по всему архипелагу, между Флоридою и Южною Америкою, гдѣ они были разсѣяны, какъ грозныя орды пиратовъ. На нѣкоторыхъ островахъ, какъ напр. на Тринидадѣ, они вели осѣдлую жизнь; а на другихъ проживали какъ деспоты, окруженные своимъ дворомъ или воинскою дружиною. Словомъ, въ Америкѣ они были тоже, что въ Европѣ, въ средніе вѣка, Норманны. Орды Караобовъ обитали въ на материкѣ Южной Америки, гдѣ по направленію рѣкъ, они открывали путь во внутреннія области, втѣснялись между родственными племенами, и своими поселеніями отдѣляли ихъ другъ отъ друга. Теперь остатки Караобовъ живутъ, начиная отъ провинціи Новой Барселоны, вдоль береговъ Кароны, Эссеквебо, Бронко, до самаго экватора. Догадываются, что Флорида была родиною и исходною точкою караобскаго племени, потому-что первые путешественники встрѣтили тамъ жителей высокой роста и крѣпкаго тѣлосложенія; а въ Южной Каролинѣ, на берегахъ Хикоры, при устьѣ Иордана, нашли, еще въ 1520 году, многочисленное племя гигантскихъ размѣровъ. Известно, что Караобы, вторглась въ чужія земли, какъ на материкѣ, такъ равно и на островахъ, умерщвляли всѣхъ иноплеменниковъ-мужчинъ, а женщинъ брали себѣ въ родъ невольницъ; поэтому въ нѣкоторыхъ племенахъ до сихъ поръ господствуетъ два языка: языкъ мужчинъ и языкъ женщинъ. Изъ того же варварскаго обычая легко объяснить, почему одніе племена Караобовъ имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи, нежели другіи; такъ наиримѣръ: нынѣшніе черные Караобы на островѣ Сентъ-Винцентѣ произошли отъ Караобовъ и негритановъ.

2. Замѣчательное поколѣніе составляютъ сѣверо-американскіе уроженцы Миссисипской области, живущіе между горъ Аллеганскихъ и Каменныхъ. Эти племена, разсѣяныя на пространствѣ 120.000 квадр. миль, по различію языковъ, можно возвести къ немногимъ отраслямъ, изъ которыхъ главныя: Ленни-Делавы или Делаварскіе Индѣйцы, Ирокезы и жители Флориды.

Во Флоридѣ живутъ Креки или Мускоги; по ихъ сагамъ, они переселились съ восточнаго берега Миссисипи, какъ завоеватели, покорили себѣ первоначальныя немногочисленныя племена Флориды, и соединили ихъ въ одно цѣлое. Но до нашествія Мускоговъ, въ Флоридѣ жили Апалачи, Натхи и Туника; теперь болѣею частию они исчезли или разсѣялись по берегамъ Миссисипи. У Мускоговъ находятъ много признаковъ давней и высокой образованности, и еще одно замѣчательное явленіе, что женщины и люди высшаго сословія говорятъ языкомъ, отличнымъ отъ языка мужчинъ низшаго класса.

Между Сѣвероамериканцами встрѣчаются племена, у которыхъ дѣти имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи, и уже въ дѣтахъ мужества, быть можетъ чрезъ искусственныя средства, принимаютъ бронзовый цвѣтъ лица, хотя покрытыя части тѣла вообще сохраняютъ бѣлизну: это Міамы, и нѣкоторые другія племена, живущія по берегамъ Атлантическаго Океана, напр., Колуши и Чипкитары. Бѣлизна кожи указываетъ на европейское или азиатское ихъ происхожденіе отъ кавказскаго корня.

3. Особого вниманія заслуживаютъ черныя племена Южной Америки, т. е., тѣ, у которыхъ кожа черна, какъ уголь. Представителями ихъ могутъ быть *Омавы*, живущіе подъ 5° ю. ш., при рѣкѣ Амазонской. Кожа у нихъ словно сажа; лобъ безобразный, брѣхо толстое, борода густая и длинная; даже грудь покрыта волосами. Черное народонаселеніе нашли еще Колумбъ и первые посѣтители Америки.

Виліамъ Пеннъ рассказываетъ о природныхъ жителяхъ Пенсильваніи, еще не утратившихъ свой первоначальный колоритъ, что ихъ наружность и хватки напоминаютъ что-то еврейское; очутившись въ ихъ кругу, можешь думать, что ты попалъ на Дукскую площадь или на Берійскую улицу въ Лондонѣ *Sames Adair*, прожившій среди этихъ Индѣйцевъ 40 лѣтъ, рѣшительно говоритъ объ ихъ еврейскомъ происхожденіи. Приведемъ слова миссіонера Ионафана Эдуарда, который въ 1824 году описалъ пенсильванскихъ Индѣйцевъ:

«Послѣ того, какъ я изучилъ преданія, обычаи и обряды здѣшнихъ Индѣйцевъ, мнѣ представляется много основаній думать, что это потомки Авраама. У нихъ, какъ у Израильтянъ палестинскихъ, есть города убѣжища, праздники начатковъ, жертвы первородныхъ изъ своихъ стадъ, которыя должны быть такъ чисты и совершенны, чтобы не было видно на нихъ никакого недостатка и не было ни одной переломленной косточки. Никто не слышалъ, чтобы они поклонялись кумирамъ или

приносили жертвы идоламъ, всѣ они держатся одного преданія о Единомъ Высочайшемъ Духѣ.»

Ихъ праздники, священные дни, по словамъ Ионафана Эдуарда, расположены по числу 7, какъ по 7 ночамъ, по 7 луннамъ, 7 по годамъ т. д. У нихъ былъ и родъ ковчега завѣта; что хранилось въ немъ, было предметомъ высочайшаго благоговѣнія и скрывалось отъ народа, какъ глубокая тайна. Этотъ ковчегъ носили люди святой жизни. Въ военныхъ походахъ этотъ ковчегъ всегда брали съ собою, и жрецъ не смѣлъ ставить его на голую землю; его ставили обыкновенно на гладкой скалѣ или на деревянномъ пьедесталѣ. Даже другія племена питали къ этой святынѣ глубокое уваженіе; побѣдители не смѣли дотронуться до нея, когда она оставалась на полѣ битвы. Этотъ фактъ, конечно, будетъ необъяснимъ, если, по крайней мѣрѣ, не предположить вліянія еврейскаго народа на развитіе гражданской жизни американскихъ Индѣйцевъ.

Къ этому надо прибавить сходство многихъ индѣйскихъ словъ съ еврейскими. Ученые, изслѣдовавшіе діалекты сѣвероамериканскихъ Индѣйцевъ, находили совершенное сродство ихъ языка съ еврейскимъ. Самое словосочиненіе и расположеніе періодовъ удивительно сходны въ обоихъ языкахъ. Такъ какъ большая часть словъ, послѣднихъ фисіономію еврейскаго языка, относится къ области религіи, то естественно думать, что религія была главнымъ предметомъ восточныхъ преданій, пересаженныхъ самими Евреями, или родственными имъ народами, на американскій материкъ. Имя Іеговы звучитъ въ ихъ торжественныхъ пѣсняхъ, и въ припѣвахъ при религіозныхъ обрядахъ слышится аллелуія; то и другое у нихъ раздѣляется на четыре части; и каждая часть повторяется по два, по три и четыре раза, Я-го-ге-ва, Гал-ле-лу-я, галъ, галъ, ле, ле, ле, лу, лу, лу, я, я. Они цюютъ имя Шилогъ, не циниая его значенія.

Наконецъ въ нравахъ и обычаяхъ Индѣйцевъ отражается еврейскій законъ о городахъ убѣжища для невинныхъ убійцъ. Индѣйцы вѣрятъ, подобно всѣмъ древне-азиатскимъ народамъ, что кровь родственника требуетъ пролитія крови, и они отираются за сотни верстъ, чтобы смыть кровавое пятно кровью убійцы. Но издавна ведется обычай, подобный еврейскому, отдѣлять извѣстные дома и города, въ которыхъ находятъ безопасность преступники и пѣлнныя; тамъ не проливается кровь человѣческая. Такой городъ въ области Кресковъ извѣстенъ подъ именемъ Апалачуселы. Черокезы и теперь чтутъ законъ о неприкосновенности скрывшагося въ городѣ убѣжища. Слу-

чается, что преступниковъ насильно извлекаютъ за городъ и тамъ совершаютъ надъ нимъ смертную казнь.

Гумбольдтъ, на барельефахъ и въ иероглифической живописи, открылъ сходство священныхъ костюмовъ мексиканскихъ жрецовъ съ одеждою иудейскаго первосвященника.

На островѣ Испанюль, Колумбъ слышалъ сагу, будто черные люди пришли на острова съ юга и юго-востока, вооруженные дротиками съ металлическими наконечниками; дѣйствительно металлъ, изъ котораго выдѣланы были наконечники дротиковъ, Колумбъ встрѣчалъ въ большомъ количествѣ на южно-американскихъ берегахъ. Догадываются, что эти черные гости зашли въ Америку съ Каравскихъ острововъ или, лучше, съ западнаго берега Африки. Вотъ основанія догадки: въ бухтѣ Порто-Белло, на южно-американскомъ берегу, во времена Колумба, туземцы вообще ходили нагие и раскрашивали себя краскою; но *кацхи*, старшины, чернили свое тѣло, вѣроятно, для того, чтобы отличить свое происхождение. Одну провинцію въ Южной Кубѣ туземцы называли на своемъ языкѣ Маканаръ; кромѣ того, они ловили рыбу неводами, похожими на неводы, какіе употребляются на восточномъ берегу Африки въ Мозамбикѣ и Мадагаскарѣ. Въ Каріари, Колумбъ видѣлъ въ одномъ домѣ балзамированные труны и гробы, украшенные грубой рѣзной работою и живописью, которая изображала различныхъ звѣрей.

Послѣ этихъ трехъ мѣсящъ племень Американскихъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣхъ народовъ, которые обитали и теперь еще обитаютъ на указанныхъ нами пунктахъ древней образованности.

1. Племена, живущія при рѣкахъ Колумбій, Колорадо, Гилѣ, и теперь еще остаются малозабвѣтными, исключая только прибрежныхъ жителей рѣки Колумбій, которые въ послѣдніе времена, по торговымъ сношеніямъ съ Европейцами, стали намъ нѣсколько знакомѣе. Здѣсь живутъ Атевы, Антаги, Такулліи, (мореплаватели) и Вакоши, (друзья) и другія — всѣ они принадлежатъ къ одному великому семейству; ихъ представителями могутъ быть Вакоши. Природа отличила эти племена особенныхъ безобразіемъ. Вакоши, Колуши и Такулліи еще могли бы похвалиться стройностію стана и нѣкоторою пріятностію лица, но они безобразятъ свое тѣло; прокалываютъ носъ, и продѣваютъ въ нѣхъ: мужины мѣдныя, а женщины деревянные пластинки, къ концамъ которыхъ привѣшиваютъ раковины; еще у дѣтей они сплющиваютъ головы связками, дощечками и тяжестями, чтобы дать имъ пирамидальную форму. — Кромѣ того, женщины, для щеголь-

ства, продѣваютъ въ нижнюю губу деревянную пластинку, четырехъ дюймовъ длины и трехъ ширины, почему нижняя губа оттягивается до того, что закрываетъ собою подбородокъ.

Всѣ эти племена цвѣта смуглаго, или бѣловатаго, а нѣкоторыя женщины также бѣлы, какъ и Европейскія. Но они часто окрашиваютъ себѣ лицо красною краскою. Мускулы щекъ у нихъ выдаются впередъ, волосы у нихъ черные, гладкіе. Вакоши и Колуши мажутъ волосы котовымъ жиромъ и обсыпаютъ, вмѣсто пудры, бѣлымъ, нѣжнымъ пухомъ. Они носятъ бороду; но въ молодости вырываютъ ее, чтобы подольше пощеголять безбородыми. Живутъ они въ небольшихъ хижинахъ, которыя обкладываютъ древесною корою и досками, и украшаютъ грубыми изображеніями солнца, луны, звѣрей, и предметами поклоненія. Тѣла умершихъ выставляютъ въ ближайшей рошѣ, безъ погребенія. Впрочемъ Вакоши, Такулліи и Колуши сжигаютъ умершихъ, исключая своихъ старшинъ, таги. Труны таги, обернутыя въ кожи морской выдры и положенныя въ гробъ, ненадолго вѣшаются на вершинѣ горы, на дерево, и послѣ сохраняются нѣсколько времени подъ навѣсомъ, входъ котораго обстанавливаютъ деревянными статуями всѣхъ умершихъ таги. Но здѣсь оставляютъ одинъ только черепъ, который ставятъ на спинѣ деревяннаго кита, а трупу зарываютъ въ землю. Такулліи вѣрятъ, что души покойниковъ вселяются въ любое новорожденное дитя, по своему произволу. Но если жрецъ, при сожженіи тѣла, вдыхаетъ дупу покойника кому-нибудь изъ его родственниковъ, тогда волей, неволей, онъ оживаетъ въ первомъ дитяти своего родственника. До прибытія Европейцевъ, въ этой странѣ въ большомъ употребленіи была антропфагія; таги Вакошей ѣли не только враговъ, но и рабовъ; человеческое мясо было лучшею праздничною приправою. Вакоши вѣрятъ въ одного Бога. Кнауцль, какъ они называютъ высшее существо, сотворилъ когда-то женщину и далъ ей въ жилище цвѣтущую ролицу Юкуастъ. Изъ ноздрей новосотворенной жены вытекала жидкость и падала на землю, изъ этой-то жидкости выросъ первый человекъ и сталъ ея мужемъ. Отъ перваго сына ихъ происходятъ таги, отъ другаго остальной народъ. Души таговъ отходятъ къ Кнауцлю, если они хорошо исполняли свои обязанности; въ противномъ случаѣ, съ низшими людьми, съ черныя, переносятся въ одно мѣсто, которымъ завѣдуетъ Исмицъ. Вакоши вѣрятъ въ бытіе злаго существа, источникъ всѣхъ золъ, войны и смерти, и въ бытіе злыхъ демоновъ. Злое начало, Матточъ, это звѣробразное чудовище, съ черными волосами, съ ужасною человѣческою личиною и съ медвѣжьими когтями. У Вакошей развилася

деспотизмъ въ высшей степени; таги сосредоточиваютъ въ себѣ лицъ власть старшинъ, отцевъ семейства и верховнаго жреца. Таги молятся солнцу, какъ своему родственнику. Языкъ Вакошей богатъ окончаніями на *ti, tz, trl*, и словами многословными, болѣею частію трехсложными и болѣе; эту особенность замѣчаютъ и въ языкахъ сѣверныхъ племенъ. Хронологію свою они ведутъ съ прибытія Кауцля въ Юкуастъ; годъ ихъ начинается съ іюля; мѣсяцы состоятъ изъ 20 дней, съ различными названіями и прибавочными днями. Вакоши должны знать имена и число таги, по крайней мѣрѣ съ ихъ прибытія на проливъ Нутка. Страна, лежащая при проливѣ Нутка, у нихъ называется Юкуастъ.

Стоитъ замѣчанія, что знанія Вакошей, живущихъ на островѣ Ванкуверѣ и на берегу Тихаго океана, необыкновенно длинны и велики, болѣею частію съ плоскими кровлями, и украшены многими изваяніями. Тоже находятъ и у Слуконъ, которые совершенно похожи на Вакошей; страна при проливѣ Нутка, и у Слуконъ называется Юкуастомъ; вѣроятно у нихъ таже и міеологія. Вакоши, жители острова Шарлотты, стоятъ не на низкой степени образованности; дома ихъ властелиновъ украшены колоссальными фигурами, которыхъ раскрытая пасть служитъ вмѣсто дверей. Здѣсь встрѣчаются деревни и земляные валы, обложенные дерномъ и покрытые палисадами.

Южная часть рассматриваемой нами области, заключаетъ въ себѣ Калифорнію и Новую Мексику. Отъ рѣки Колорадо до Каменныхъ горъ, съ сѣвера къ югу, насчитываютъ очень много племенъ. Во времена Франческо Васке де-Корнадо, завоевателя испанскаго (въ 1540), страны Киборы и Кваривы представлялись довольно образованными. Первый изъ этихъ городовъ находится подъ 30½°, а послѣдній подъ 40° с. ш. Монахи Гарнестъ и Феонтъ, испанскіе миссіонеры прошлаго вѣка, тамъ же нашли многолюдный городъ, съ двумя открытыми площадями, параллельными улицами, домами о двухъ и болѣе этажахъ. На южномъ берегу рѣки Гилы, гдѣ жили Авачи, открыты развалины древняго города Каза-Гранде. Здѣсь видна таже самая архитектура, слѣды какой находятъ въ городѣ Мокки; въ срединѣ города построена крѣпость, расположенная по четыремъ странамъ свѣта. Вообще эта страна составляетъ пунктъ образованности. Если, говорить Гумбольдтъ, вернуться изъ Верхней Луизианы по р. Колумбіи, то къ западу отъ Каменныхъ горъ, при побочныхъ рѣкахъ Колумбіи и Колорадо, можно замѣтить значительную степень гражданственности.

2. Народонаселеніе Мексики представляетъ массы различныхъ

народовъ, столкнувшихся на одной обширной равнинѣ. Испанцы, при завоеваніи этой страны, насчитывали здѣсь до 35 разныхъ нарѣчій. Нынѣ туземцевъ можно раздѣлить на два класса: одни, принявъ христіанскую религію, бросили кочевую жизнь и занимаются земледѣліемъ и ремеслами; другіе живутъ, какъ номады, занимаются звѣриною ловлею, и до сихъ поръ удерживаютъ за собою права независимости. Изъ числа послѣднихъ самыя страшныя племена—Авачи, многолюдныя племена Чичимеконъ, извѣстныхъ вообще подъ именемъ Меконъ и Куманчонъ. Испанское владычество наложило печать своей народности на всѣ подвластныя племена. Многіе народы, знаменитые въ старину, исчезли и съ своими языками, или потерялись среди Индѣйцевъ, какъ Чичимеки въ Южной Мексикѣ; многія племена, скитающіяся по сѣверу, намъ мало извѣстны, какъ въ Халиско Кауцуканы, Гуачичиллы и Кумары, которыхъ путешественники изображаютъ кроткими, но не слишкомъ трудолюбивыми; тогда какъ древніе обитатели Халиско, т. е. нынѣшнихъ Закатекоса, Гвадалахары или Новой Галлиціи, были народомъ воинственнымъ, приносили въ жертву и ѣли людей. Изъ туземныхъ нарѣчій замѣчательны: 1, Азтекское или собственно мексиканское; это языкъ древнихъ Азтековъ; 2, Отомитское, языкъ односложный, подобный китайскому; 3, Пиринда; 4, Тараска; 5, Тотонака; 6, Микстека и Сапотека. Всѣ эти языки совершенно отличны одинъ отъ другаго.

3. Центральная Америка, т. е. области Гватимала, Юкатанъ и Табаско, заселена многими, болѣею частію грубыми и дикими племенами. Впрочемъ Испанцы нашли здѣсь огромные храмы, дворцы и великолѣпные дома старшинъ. Здѣсь была въ употребленіи и антропофагія. Мужчины ѣли мясо женщинъ, дѣтей и рабовъ, приносимыхъ въ жертву.

4. Какъ въ Сѣверной Америкѣ Мексика, такъ въ южной Перу, представляется театромъ, на которомъ сталкивались различныя народы, билась и погибала, или сливались въ одну массу. Слѣды древнихъ переворотовъ, остались въ языкѣ Перуанцевъ, тамъ господствующій языкъ одинъ Кичуа или Куеко, но онъ дробится на многіе діалекты, часто далеко несходные межъ собою. Дѣйствительно, въ Перу погибли многіе народы и языки даже во времена Испанцевъ, когда іезуиты, для своихъ цѣлей, старались поддерживать и распространять только главные языки, подавляя нарѣчія малочисленныхъ племенъ. Но еще прежде Испанцевъ, также и съ тѣмъ же намѣреніемъ дѣйствовали Инки. И только на восточной сторонѣ Андскихъ горъ хранятся остатки безчисленнаго множества нарѣчій и племенъ.

Какъ нарѣчія слились въ одномъ общемъ языкѣ Кичуа, такъ равно исчезло и физическое различіе перуанскихъ племенъ. О всѣхъ Перуанцахъ (въ собирательномъ смыслѣ) можно сказать, что они малы ростомъ, но хорошо, симметрически сложены, мускулисты и сильны; кожа у нихъ бронзоваго цвѣта. Замѣчательный здѣсь народъ Паносы; у нихъ встрѣчается нигдѣ неваданное явленіе—обрѣзаніе дѣтей женскаго пола; они владѣютъ іероглифическими книгами, и имѣютъ свой собственный языкъ.

Съ средоточія древняго царства Инковъ взглянемъ на сѣверъ и югъ. На югъ отъ Перу тянется прибрежная страна Чили; всегда враждебная Инкамъ, едва послѣ многихъ и долгихъ битвъ она покорилась Испанцамъ. Большая часть Чилийцевъ принадлежитъ къ одному племени. На сѣверѣ Южной Америки плоская возвышенность Боготы представляетъ слѣды древней образованности; но чѣмъ дальше углубляешься на сѣверъ, тѣмъ меньше встрѣчаешь памятниковъ. За то филологъ нашелъ бы тамъ настоящій кладъ. Въ Попайянѣ, на западной сторонѣ р. Марты, іезуиты насчитывали 52 нарѣчій.

Теперь, по принятому нами плану, перейдемъ къ разсмотрѣнію памятниковъ древней образованности Американцевъ.

Памятники центральной Америки. Въ центральной Америкѣ еще Испанцы застали слѣды довольно высокой образованности. Въ Юкатанѣ встрѣчались имъ деревни или маленькіе города съ каменными домами (въ которыхъ кирпичъ связывался известью) и пирамидальными храмами (теокалліи); жителямъ юкатанскимъ были известны ремесла, на пр: горшечное, и искусство обрабатывать металлы, особенно мѣдь; Юкатанцы были хорошо одѣты; гражданская ихъ жизнь подлежала опредѣленнымъ законамъ. Тоже самое надо сказать и о Табаско. Гватимала состояла изъ многихъ царствъ, которыми управляли короли, раздѣляя свою власть съ вассалами или кациками. То были царства Кичей, Качикелловъ и Сувилловъ, Гвеветлапаллоны, Синковъ—царство Кускатланъ и Копанъ. Но тамъ обитали еще племена, которыя сохранили свою независимость отъ иноплеменнаго господства Испанцевъ, удалившись въ горы, какъ Москосы, Поли, Тавки. Тамъ-то встрѣчаются повсюду развалины древнихъ городовъ и храмовъ. Въ долинѣ Копанъ найдете остатки какого-то города, храмъ, украшенный иступанками, и храмовыя пещеры тибульскія, гдѣ видны фигуры въ различныхъ одеждахъ, какія носили въ старомъ свѣтѣ. Въ Гватималѣ передъ вами лежатъ печальныя развалины могущественнаго пѣкогда Утатлана, выставившаго противъ Испанцевъ 72,000 воиновъ, и окрестныхъ городовъ Текпанатитлана и Атитлана. Раз-

валины Утатлана могли бы поспорить съ руинами Куско и Мексико. Дворецъ короля кичскаго занималъ пространство въ 728 геометрическихъ шаговъ въ длину и 376 въ ширину. Но удивительнѣе и, если можно сказать, роскошнѣе всѣхъ развалины Паленки, Casas des Piedras. Это древній городъ гвеветлапалланскій или тлапаланскій, въ высшемъ округѣ Чианы. Паравей удачно называлъ ихъ Американскими Оливами. Паленкскія руины представляютъ еще и теперь храмы, дворцы, башни, обсерваторіи, могилы, пирамиды, порты, водопроводы, крѣпости, дома, поля, земля; все это построено изъ тесанаго камня или изъ извести и гипса, крѣпко, изящно, и большая часть строеній покрыта гипсомъ яркаго краснаго цвѣта. Въ тѣхъ же рупкахъ открываютъ вазы, яловы, каменные таблицы, медали, музыкальные инструменты, колоссальныя статуи и, что всего замѣчательнѣе, прекрасныя барельефы, еще до сихъ поръ удѣлѣнныя и покрытыя изображеніями, которыя можно считать настоящимъ іероглифическимъ письмомъ. Развалины паленкскія, поросшія уже густымъ лѣсомъ, разбросаны на возвышенностяхъ Табаско, которыя омываетъ рѣка Миколь; съ сосѣднихъ горъ катятся ручьи и выютъ по развалинамъ, до самой рѣки. Антонио дель Рио, посетившій Паленку въ 1787, первый описалъ ее, хотя очень неполно. У него упоминаются только 14 каменныхъ домовъ, найденныхъ на одной плоскости въ 450 варровъ длиною и 300 шириною. Мы скажемъ подробнѣе.

Стиль архитектуры чрезвычайно близокъ къ готическому; все такъ массивно, такъ долговѣчно.

Всѣ открытыя зданія построены изъ четвероугольныхъ, обтесанныхъ камней или плитъ, болѣею частію въ 6 футъ длины и 5 ширины. Эти камни связаны цементомъ. Потолокъ поддерживаютъ столбы, прямоугольные и безъ базисовъ; на нихъ лежатъ четвероугольныя гладкіе камни, болѣе фута толщиною, и образуютъ архитравъ. Каждое большое зданіе имѣетъ, по крайности, одинъ подземный этажъ; тамъ, въ огромной комнатѣ, въ алковѣ, непременно найдете нѣсколько простыхъ камней, 2½ варровъ въ длину и 1¼ въ ширину; они обыкновенно положены на четырехъ каменныхъ четвероугольныхъ подставкахъ, вышиною около половины варра. По всей вѣроятности, это кровати. Верхній и нижній этажъ раздѣлены на нѣсколько прямоугольныхъ комнатъ различной величины.

Проходя по комнатамъ, вы любуетесь рельефными фигурами людей, звѣрей, растений; на поляхъ между нишами оконъ, или возлѣ столбовъ, вы замѣчаете гипсовыя фигуры въ натуральной ростъ. На барельефахъ люди представляются во всѣхъ возмож-

ныхъ дѣйствіяхъ; это картины правовъ давнихъ обитателей Америки; это исторія, которая лучше книгъ открываетъ намъ тайны минувшей жизни. Длинныя и толстыя головы фигуръ укрѣплены на узенькихъ шейкахъ; между тѣмъ надо удивляться искусству художниковъ, когда всмотрѣшься въ выраженіе лица; такъ живо изображается въ немъ, то болѣзнь, то удивленіе, то гордость; руки и ноги выдѣланы чудесно; равно и украшенія одеждъ, головной уборы, вещи, находящіяся въ рукахъ статуи, гирлянды изъ арабесковъ, окружающія, въ видѣ рамы, цѣлое поле, или, въ родѣ ковровъ, служащія подножіемъ фигуръ, поражаютъ изящною и искусною отдѣлкою. Тонкій, высокій станъ, особенная фізіономія облачаютъ въ фигурахъ совершенно другое поколѣніе, чѣмъ теперешніе Американцы. Большой, орлиный носъ, высокій, вдающийся лобъ, большая, отвислая нижняя губа, составляютъ ихъ характеръ, очевидно турецкій. Ни у одной впрочемъ фигуры нѣтъ бороды.

Выйдя изъ комнатъ, вы можете подышать свѣжимъ воздухомъ на широкомъ дворѣ, или прогуляться по вымощеннымъ переходамъ, по корридорамъ съ окнами, то четверугольными, то крестообразными. Осматривая городъ, вы встрѣтите памятники въ родѣ египетскихъ пирамидъ, покрытыхъ іероглифами. Именно, на головѣ, по бокамъ, равно какъ и на узкомъ полѣ нѣкоторыхъ фигуръ, видны изображенія различныхъ предметовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ и расположенныхъ въ одной прямой линіи. Конечно это туземныя изобразительныя писмена; они могли напоминать жрецамъ какія-нибудь мифологическія событія, прославляемыя въ пѣсняхъ или молитвахъ.

Въ паленкскихъ развалинахъ еще замѣчательны водопроводъ и башня. Подземный каменный водопроводъ на большое пространство тянется подъ Казою де Пьедра; на взглядъ Антоніо дель Ріо онъ ходитъ на римскіе водопроводы. Башня удивляетъ своей высотой. Ея вышина, говоритъ Антоніо дель Ріо, простирается до 10 варровъ, и четвертый этажъ башни, вѣроятно, закончивался пятымъ, съ куполомъ, что придавало особенную красоту всей башнѣ.

Занія, похожія на паленскія, въ томъ же стилѣ, съ подобными гипсовыми рельефами, встрѣчаются въ Юкатанѣ; именно въ 20 лигахъ отъ Мерины, вблизи города Никакала, на высокомъ холмѣ, видно каменное зданіе, въ 200 варровъ на каждый фронтъ. Оно извѣстно на языкѣ туземцевъ подъ именемъ Охмуталя. Подвинувшись на восемь миль въ сѣверу, находимъ еще группу такихъ же каменныхъ домовъ; преимущественно они встрѣчаются на восточной сторонѣ Юкатана. На пути отъ

Мерины въ Бакараръ, по обѣимъ сторонамъ дороги, видѣются многія старинныя зданія. Кабрера упоминаетъ еще о многихъ подобныхъ развалинахъ, разсыпанныхъ по Гватималѣ и Юкатану.

Во всѣхъ паленкскихъ памятникахъ замѣтно сходство съ юкатанскими; вѣроятно, эти страны были въ дружескихъ отношеніяхъ, которыми способствовало самое положеніе Паленки; Ханамалъ, соединяющійся съ великою Узумазинтою, представляетъ короткій и пріятный путь до Юкатана.

Памятники Перуанскіе. Перуанскіе памятники, со включеніемъ памятниковъ царства Квито, хотя не менѣе многочисленны и замѣчательны, какъ и памятники центральной Америки, но они не были еще описаны въ подробности и сравнены съ первыми. Вотъ ихъ перечень:

Исполинская дорога Инковъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми, даже азіатскими, дорогами. Она тянется отъ Квито до Куско (конечно это не единственная дорога, къ ней примыкаетъ много побочныхъ). Она проведена между Квалабамбы и Гварупунго, вдоль рѣки Квалабамбы, и просѣчена даже въ скалахъ. Въ Квито она вѣтается съ своими башнями по одной горѣ, равной Монблану. Земляные валы въ 40 футъ шириною поднимались, гдѣ было необходимо, до той высоты, по которой тянулась дорога. Вдоль дороги, въ надлежащемъ отъ нея отдаленія, были разсыяны караванъ-сераи (гостиницы), храмы и крѣпости.

Возлѣ свѣжихъ развалинъ города Такуги, разрушеннаго частыми землетрясеніями, при подошвѣ горъ, лежатъ развалины Кальо, бывшаго нѣкогда дворца Инковъ. Кальо построены изъ порфировыхъ кубовъ, тѣсно соединенныхъ, вмѣсто цемента, нѣ котораго рода асфальтомъ, такъ что рѣшительно нельзя замѣтить ни одного паза. Впрочемъ въ другихъ перуанскихъ развалинахъ находятъ обыкновенный цементъ. Въ 30 саж. отъ дворца, напротивъ главнаго входа, возвышается коническая гора въ 150 футовъ въ вышину. По мнѣнію Испанцевъ, это сторожевая башня, а по сагамъ туземцевъ—гробница древнихъ царей. Совершенно подобныя развалины лежатъ въ томъ же округѣ Квито, вблизи города Вана-Конга.

Въ департаментѣ лимскомъ, вблизи деревни Супе, видны остатки двухъ старинныхъ городовъ; здѣсь много могилъ, или лучше скажешь жилищъ, гдѣ мертвые нѣкогда обитали на подобіе живыхъ, гдѣ и теперь они покоятся, окруженные домашнею утварью и разными инструментами. Такія могилы исключительно встрѣчаются въ Перу и называются гуаками.

Въ долинахъ вблизи столицы Кахамарки лежитъ множество раз-

ваины: это огромныя пещеры, высѣченныя въ скалахъ. Возлѣ Гуниллы есть городъ и крѣпость, тоже высѣченныя въ скалахъ. При Микунгамбѣ, на хребтѣ Андскомъ, 8500 футъ надъ моремъ, лежатъ славныя развалины Чоты. Въ одной милѣ отъ Кахамарки, на дорогѣ Инковъ, есть такъ называемое Ингариспо, т. е. сѣдалище Инка, или родъ кресла, высѣченнаго изъ самой скалы, откуда можно полюбоваться привлекательнымъ видомъ глубокой прекрасной долины Гуланской; задникъ этого кресла украшенъ арабесками.

Въ департаментѣ Аякучо, подлѣ Гуанко Велика, 11.000 футъ надъ моремъ, виднѣется цѣлая группа пирамидъ изъ бѣлаго камня; тоже встрѣтите недалеко отсюда, близъ Акобамбы.

Окрестность Куско, этой гористой страны, главнаго мѣстопробыванія Инковъ, тоже богата памятниками. Въ самомъ Куско лежатъ развалины древнихъ дворцовъ, крѣпостей, бань и гробницъ Инковъ; городскія стѣны Куско, построенныя изъ огромныхъ плитняковъ. Много памятниковъ разбѣяно въ провинціи урубамбской, гдѣ жилъ послѣдній Инка, Сапри Тупакъ, а въ провинціи Квисиванчи, близъ Санчъ-Пабло, есть развалины древняго храма Инковъ.

Особый классъ памятниковъ представляютъ перуанскія крѣпости; онѣ состоятъ изъ каменныхъ брустверовъ, окруженныхъ рвами съ водою. Развалины крѣпости пармогонской, въ лимскомъ округѣ, собственно состоятъ изъ одного главнаго зданія, построеннаго на холмѣ, который до самой подошвы обведенъ многими концентрическими стѣнами.

Не менѣе любопытны древніе водопроводы Перуанцевъ. Такъ большая, пустынная теперь равнина, въ лимскомъ округѣ, между Суе и Гваурою, нѣкогда орошалась водою, посредствомъ канала, проведеннаго изъ рѣки Гвауры. Также около Трухильо теперь песчаная пустыня; а нѣкогда водопроводы производили тамъ плодородіе.

Развалины калмбскія замѣчательны по своей массивности. Стѣны въ 5 футъ толщиною и 15 вышины построены изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; хотя климатъ здѣсь влаженъ, но такіе камни долго выдерживаютъ вліяніе измѣнчивой погоды.

Во многихъ мѣстахъ, гдѣ бьютъ ключи, какъ на пр., въ Баносѣ, что въ Куэнкѣ, встрѣчаютъ развалины, которыя слывутъ банями Инковъ.

По указаннымъ памятникамъ можно судить, на какой высокой степени образованности стояли нѣкогда Перу и Квито; а по колоссальности этихъ памятниковъ легко догадываться, что

тамъ царствовалъ деспотизмъ, распространявшій свою власть завоеваніями. Только деспотизмъ могъ создать такія пещеры и каменныя горы, бесполезныя для общества, но убійствія изнурительными трудами, быть можетъ, не одну сотню тысячъ людей. Надо предположить, что и народонаселеніе Перу было очень многочисленно. Перуанское царство могло прокормить до 20 мил. Съ перваго взгляда замѣтно, что чѣмъ болѣе удаляемся на сѣверъ и югъ отъ Квито и Куско, тѣмъ болѣе рѣдѣютъ памятники, слѣдовательно, тѣмъ болѣе удаляемся отъ главнаго мѣста древней образованности. Однако нельзя не согласиться, что и новая Гренада могла стоять въ ряду образованныхъ государствъ; земледѣліе, искусства и ремесла были тамъ въ цвѣтущемъ состояніи; тамъ славилось нѣкогда прекрасно устроенное государство, средоточіемъ котораго была возвышенность Боготы. Царство Инковъ образовалось изъ завоеванныхъ странъ, и деспотизмъ, совершенно азіатскій, постоянно находилъ пищу въ томъ, что расселялъ покоренныхъ народовъ, подавлялъ народныя нарѣчія, и насильственно вводилъ языкъ кичуанскій. Царское поколѣніе Инковъ всегда сохраняло наследственный бѣлый цвѣтъ лица; это, быть можетъ, зависѣло отъ образа жизни и отъ того, что они не вступали въ супружество съ другими поколѣніями. Въ сагахъ осталось преданіе о происхожденіи Инковъ. Когда то бѣлый явился на перуанскомъ берегу и женился на дочери одного кацика. Хитростію и силою этотъ бѣлый заставилъ признать свою власть сперва жителей Лимы, потомъ народовъ, обитавшихъ при озерѣ Титикакѣ; а наконецъ дѣти солнца, какъ величали себя Инки, покорили себѣ оружіемъ и Куско. — Инки съ царскимъ достоинствомъ соединили и санъ первосвященника. Превжніе священники или учителя, амавды, превратились въ могоновъ, чародѣевъ, въ нѣкотораго рода шамановъ. Народъ сталъ поклоняться солнцу, какъ отцу Инковъ. Деспотизмъ Инковъ не зналъ границъ и нещадилъ крови; тысячи подданныхъ убивались на могилѣ Инка. Не въ одномъ перуанскомъ царствѣ бѣлые являются начальниками династій. Такъ въ Бразиліи былъ какой-то Камаруру, сынъ огня; въ Боготѣ разсказываютъ, что старикъ изъ Чингазы, по имени Бочика, или Немкетета пришелъ къ нимъ съ своей молодой женою и сыномъ и ввелъ у нихъ поклоненіе солнцу. Вручивъ своему сыну правленіе, онъ удалился въ священную съ тѣхъ поръ долину Тункскую, на гору Идаканзасъ, и его потомки царствовали въ Боготѣ подъ именемъ Тунковъ.

Памятники колумбійскіе и колорадскіе. Памятники Ко-

лombs и Колорадо разсыпаны по южному берегу рѣки Гилы, выше Сант-Ксавье де-Пацъ; это такъ называемыя казы. Первое описаніе казы сдѣлано отцами Гарсесомъ и Фонтонъ. По ихъ рассказамъ, зданія въ нѣсколько этажей были расположены по четыремъ странамъ свѣта. То были храмы, возвышавшіеся надъ группою другихъ зданій, а кругомъ храмовъ видѣлись частныя жилища, быть можетъ, жилища жрецовъ. Около разваливъ домовъ замѣтны остатки крѣпкихъ башенъ, соединенныхъ каменными стѣнами. Ограничиваемся только рассказами испанскихъ монаховъ, потому-что эта страна, какъ мы замѣтили прежде, намъ мало извѣстна. Франческо Васке де-Корнадо, бывшій въ Америкѣ около 1540 г., встрѣтивъ здѣсь дома съ плоскими кровлями и террасами, былъ удивленъ, что они построены не настоящими обитателями. И тогда древними образованными странами владѣли уже грубые народы. Испанецъ Фрай Маркосъ де-Ница (около половины 16 столѣтія) большой хвастунишка, какъ замѣтилъ Гумбольдтъ, изображаетъ эту страну словно Эльдorado; онъ видѣлъ издала позлоченныя кровли большого города, принадлежавшаго владѣтелю Татараху, который играетъ въ Америкѣ роль попа Ивана. Другіе Испанцы тоже принесли въ Европу много баснословныхъ рассказовъ объ этой странѣ. Вѣроятно, испанскіе завоеватели, не предвидя въ этой странѣ никакихъ выгодъ, оставили ее въ покоѣ.

Памятники мексиканскіе. Въ округѣ Вера-Круса, въ окрестностяхъ деревни Папантлы, на прекрасной долианѣ, въ густомъ лѣсу Тохинскомъ или Таийскомъ, стоитъ славная уступчатая пирамида папантльская. Она оканчивается платформою, на которую ведутъ три лѣстницы, расположенныя параллельно, каждая о 57 ступеняхъ. Уступы покрыты небольшими четырехугольными нишами, въ которыхъ видны различныя изображенія—это мексиканскіе іероглифы. Ниши размѣщены въ известной симметріи, такъ что первый уступъ содержитъ 24, второй 20, третій 16 нишей. Уступчатыя пирамиды, часто встрѣчающіяся въ Мексикѣ, называются теокалли (греческое теокаллиа, то есть группа боговъ, пещера боговъ, жилище боговъ). Въ теокаллияхъ погребали знаменитыхъ людей; и теперь еще находятъ гробы, въ нишахъ, нарочно для того устроенныхъ.

Въ округѣ оахакомъ, гдѣ на мѣстѣ древняго города Гвахіакака, стоитъ нынѣшній Оахака, къ востоку отъ столицы лежитъ деревня Мигла, называвшаяся прежде Мигутлакъ (мѣсто скорби), или Леоба (могила). Въ этой деревнѣ Дюпе видѣлъ громадныя памятники, колонны невѣроятной величины, колоссальныя фигуры и обелиски; чудесную мозаику, которую по-

крыты стѣны палатъ, и множество гробницъ. Художники умѣли соединить въ этихъ памятникахъ прочность памятниковъ египетскихъ и красоту греческихъ. Вниманіе путешественника останавливается на такъ называемомъ митланскомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ одни считали памятникомъ, сооруженнымъ надъ гробами царей; но какъ въ подземельи не отыскали ни одной кости, то рѣшили, что сюда удалялись цари оплакивать членовъ своей фамилии. Но если памятники надобно объяснить изъ мѣстной аналогіи, то дворецъ надо признать не болѣе, какъ за чебы Вакошей, построенныя съ большимъ искусствомъ: это три симметрически расположенныя зданія, выстроенныя въ самой романтической странѣ. Внутренняя и наружная сторона стѣнъ украшена мозаикою изъ порфировыхъ кубовъ; въ нѣкоторыхъ залахъ своды опираются на порфировыя колонны, высѣченныя изъ цѣльнаго камня.

Въ пуэблскомъ округѣ, въ Чолуль, есть уступчатая пирамида. Это самая огромная теокаллиа, изъ всѣхъ, доселѣ открытыхъ. Вышина ея 45 французскихъ метровъ (172 ф.); каждая сторона базиса 430 метровъ (1355 ф.) въ длину; 120 ступеней ведутъ на платформу пирамиды. На платформѣ стояли жертвенникъ, посвященный Кизцалкоатлу. Эта пирамида только о четырехъ уступахъ; но преданіе говоритъ, что она осталась недокопченною. Судя по ея сходству съ башнею паленскою, въ ней недостаетъ еще трехъ ступеней. Въ округѣ мексиканскомъ, кромѣ огромныхъ насыпей, кромѣ разваливъ водопроводовъ, кромѣ плодучихъ садовъ, напоминающихъ Китай, достойно замѣчанія древнее кладбище близъ города Тезкуко. На равнинѣ Миватль увидите двѣ огромныя уступчатыя пирамиды, по туземному названію домъ солнца и домъ луны. Кругомъ этихъ исполиновъ толнятся сотни маленькихъ пирамидъ въ 9—10 метровъ высоты. Группа послѣднихъ раздѣлена на четыре части двумя перекрещивающимися дорогами. Изъ большихъ пирамидъ одна—домъ солнца (тонатитль-атцакваль) имѣетъ въ высоту 55 метровъ; а другая, домъ луны (мецли-атцакваль) 44 метра. Базисъ первой имѣетъ 268 метровъ длины. Въ той и другой только четыре уступа. Онѣ построены изъ глины и полудреватаго камня; на камняхъ остались слѣды извести. Лѣстницы, ведущія на платформу, были покрыты обсидіаномъ. На платформѣ стояли колоссальныя, покрытыя золотыми листами, статуи и жертвенники для приношенія жертвъ за умершихъ. Вѣроятно, большія пирамиды хранили прахъ царей. Тезкуко былъ нѣкогда средоточіемъ наукъ и искусствъ древне-мексиканскаго царства. Остатки древнихъ крѣпостей, дворцовъ и

храмовъ еще и теперь представляются взорамъ путешественниковъ; здѣсь особенно замѣчательнъ дворецъ прежнихъ кациковъ тезкускихъ; онъ построенъ на холмѣ, похожемъ на террасу, такъ что на нее надо подниматься по лѣстницѣ. По краямъ террасы разбросаны большія и малыя пирамиды, теокалли, а въ срединѣ возвышается четырехугольное зданіе, 12000 ф. въ окружности. Зданіе построено изъ базальтовыхъ плитъ, хорошо обтесанныхъ и полированныхъ, въ 5 футовъ длины и въ 2 фута толщины; базальтомъ покрыта и терраса. Въ двухъ англійскихъ миляхъ отъ Тезкуко встрѣчается новая группа разваловъ; на отлогомъ склонѣ горы видѣются разрушенные дворцы, храмы, бани и сады. Кромѣ того вся гора до самой вершины перевита высѣченными гротами. Назначеніе этихъ гротовъ не разгадано еще; развалены, разбросанныя по горѣ, позволяютъ думать, что они были родъ увеселительныхъ дворцовъ. Бейлохъ нашелъ здѣсь много обломковъ рукоятокъ и украшеній, изъ которыхъ одно имѣло совершенно китайскій характеръ. Въ этой группѣ есть баня короля Монтезумы; она построена изъ вытесаннаго и полированнаго порфира. Въ ней бассейнъ, въ 12 футовъ длины, 8 ширины и 4 глубины, наполняется свѣжею водою изъ одного соседняго источника; балюстрада въ 6 футовъ вышиною окружаетъ бассейнъ; надъ ней возвышается сѣдалище, похожее на тронъ, въ 2¼ фута вышины; отсюда по ступенькамъ вы спускаетесь въ бассейнъ.

Къ югу, не далеко отъ Квернавакки, на пути, ведущемъ къ Акапулко, находится замѣчательный памятникъ, извѣстный подъ именемъ Хочикалко, то есть «домъ цвѣтовъ». Это каменный, конусообразно-обсѣченный холмъ, въ 170 метровъ высоты, въ 72 метра ширины и 86 длины. Онъ окруженъ высокими каменными брустверами и обведенъ широкимъ и глубокимъ рвомъ въ 4000 метровъ въ окружности. Въ срединѣ продолговатой платформы, какою заканчивается холмъ, возвышалась вѣкогда теокалли, о 5 ступеняхъ или уступахъ, и въ 20 метровъ вышины; теперь видны только обломки ея. Конусъ равно состоитъ изъ пяти уступовъ и террасъ, покрытыхъ каменными строениями. Камни полированы и искусно обработаны. Въ самомъ холмѣ высѣчено нѣсколько комнатъ, стѣны которыхъ украшены барельефами. На барельефахъ встрѣчаются человѣческія фигуры, сидящія на подогнутыхъ ногахъ, что напоминаетъ Индію или вообще Азію. Не менѣе удивительно видѣть здѣсь головы крокодиловъ, извергающія воду. Обыкновенно думаютъ, что этотъ памятникъ имѣлъ военное назначеніе, но этой мы-

сли противорѣчить и его туземное названіе, и изящная отѣлка барельефовъ, и построенная на верху теокалли. Кромѣ того каменные зданія здѣсь неспособны для помѣщенія военнаго гарнизона. Очевидно, это религиозный побѣднй памятникъ какого-нибудь славнаго сраженія, даннаго на горѣ.

Къ мексиканскимъ памятникамъ принадлежатъ также мексиканскій календарь и изобразительныя письмена.

Мексиканскій календарь рекомендуетъ древнихъ Мексиканцевъ знатоками солнечнаго года. По этому календарю, годъ заключается въ себѣ 360 дней и раздѣляется на 18 мѣсяцевъ; въ каждомъ мѣсяцѣ считается по 20 дней; мѣсяць дѣлится на четыре части, въ 5 дней каждая. Чтобы уравнивать свое лѣтосчисленіе съ солнечнымъ круговращеніемъ, Мексиканцы прибавляли въ концѣ каждаго года по 5 дней, а по истеченіи 52 лѣтъ присчитывали за разъ 13 дней лишняхъ, почему послѣдній годъ содержалъ въ себѣ 378 дней. Пятьдесятъ два года составляли эпоху, которая дѣлилась на четыре равныя части; два пятидесяти-двухъ-лѣтніе періода составляли вѣкъ. Впрочемъ у Мексиканцевъ два календаря: одинъ гражданскій, компоугваллунтль, или тонанпогуалли; другой священнй календарь обрядовъ и праздниковъ, комилгунтаногваллитцли.

Нельзя не замѣтить, что мексиканскій зодіакъ чрезвычайнo сходенъ съ зодіакомъ татаро-манчжурскимъ. Для повѣрки стѣбитъ только сравнить знаки обонхъ зодіаковъ. Представляемъ таблицу того и другаго.

Зодіакъ татаро-манчжурскій

Зодіакъ мексиканскій.

Pars, тигръ.
Taoulai, заяць.
Mogai, змѣй.
Petehi, обезьяна.
Vocai, собака.
Tukia, птица, курица.

Ocelott, тигръ.
Tochili, заяць.
Cohual, змѣй.
Ozomatli, обезьяна.
Hzeuintli, собака.
Quauhli, птица, орелъ.

Кромѣ того, извѣстно, что на сѣверозападѣ Мексики вѣтъ въ обезьянъ, ни тигровъ. По этому можно догадываться, что зодіакъ мексиканскій занесенъ въ Америку со стараго свѣта.

Сравнивая изобразительныя письмена Мексики съ иероглифами египетскими, обыкновенно говорятъ, что мексиканскіе и египетскіе иероглифы образовались изъ двухъ совершенно различныхъ началъ—одни изъ живописи, а другіе изъ скульптуры. Но это объясненіе ничего не объясняетъ. Съ одной стороны въ немъ предполагается, что тѣ и другія письмена одинаковы; а

сть другой опускается изъ виду, что такими письменами покрыты мексиканскіе памятники, и Испанцы нашли много грамотъ, писанныхъ іероглифами. Въ бібліотекахъ мексиканскихъ хранятся до сихъ поръ изобразительныя письмена, рисованныя на агавской бумагѣ, или на бумажной ткани, или на кожѣ. Смыслъ іероглифовъ могли понимать, кромѣ жрецовъ, только люди высшаго сословія. Но жрецы и дворяне болѣею частью погибли въ битвахъ, и во времена испанскихъ завоевателей едва можно было отыскать истолкователя, стѣющаго довѣрія. Гумбольдтъ говоритъ, что въ мексиканскихъ рисункахъ находятса лѣтосписи царей, опредѣляются времена податей, жертвоприношеній, объясняются многіе космогоническіе и астрономическіе предметы и пр. Конечно, многіе изъ этихъ предметовъ можно было изобразить мексиканскими іероглифами; но какъ выразить ими отвлеченныя понятія, какъ посредствомъ ихъ передать потомству народныя пѣсни, поэмы и законы? Изобразительныя письмена всегда требовали обширныхъ комментариевъ, которыя устное преданіе передавало изъ рода въ родъ. Комментаторами были обыкновенно жрецы. Отъ того-то въ Мексикѣ Испанцы встрѣтили чрезвычайно много жрецовъ, раздѣленныхъ на разные классы.

Важный источникъ для изслѣдованія мексиканскихъ памятниковъ представляютъ намъ историческія свѣдѣнія о Мексикѣ, оставленныя намъ испанскими завоевателями. Въ то время средоточіемъ мексиканскихъ государствъ, известныхъ подъ общимъ именемъ Анагуака, былъ Теночтитланъ или Мексика, къ которой въ различныхъ отношеніяхъ находились сосѣднія царства Аколтуаканъ, Такуба, Мехоаканъ и Халиско.

Не рѣшаясь подробно обрисовывать состояніе Анагуака, мы представимъ нѣкоторыя замѣчательныя его черты. Первое, что бросается въ глаза, это деспотизмъ, совершенно азіатскій. Его развивала и усердно поддерживала многочисленная каста жрецовъ: ихъ религиозныя торжественныя обряды требовали такъ много человеческихъ жертвъ, что Мексикѣ можно было назвать бойнею людей; списокъ приносимыхъ ежегодно жертвъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Каста жрецовъ мексиканскихъ, воиновъ отражала въ себѣ индійское начало. Ихъ наружность, желтыя и красныя головныя покрывала, черное платье, все придавало имъ поразительное сходство съ буддистами. Кромѣ того, громадныя религиозныя зданія, колоссальныя идола, покаянія, бичеванія, праздники, цвѣтчныя жертвы, страсть къ цвѣтамъ, все это носило печать буддизма; и жрецы анагуакскіе, подобно буддійскимъ, имѣли пѣсни религиозныя на древнемъ непонятномъ языкѣ.

Въ Мексикѣ былъ общій обычай сжигать умершихъ; исключенія допускались только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; умершіе иногда зарывались въ могильныхъ склепахъ, гдѣ ихъ сажали на небольшомъ стулѣ, спали, и окружали любимыми предметами, и также, какъ въ Индіи, ставили въ склепѣ небольшого идола.

Религія древнихъ Мексиканцевъ намъ мало извѣстна. Знаемъ только, что они признавали доброе и злое начало, вѣрили въ душепереселеніе, въ награды и наказанія, ожидающія человека въ будущей жизни. Судя по религиознымъ картинамъ, можно догадываться, что Мексиканцы обожали змѣя, и совершали постыдное поклоненіе Лингаму и Фаллусу. Впрочемъ они не обоготворяли другихъ животныхъ, какъ Египтяне.

Чтобы дополнить нашъ обзоръ Мексикѣ, скажемъ еще объ ея сагахъ. Испанцы сохранили нѣсколько историческихъ сагъ, какія удалось имъ слышать отъ американскихъ уроженцевъ, или какъ простое преданіе, или какъ изъясненіе изобразительныхъ письменъ. По сагамъ Азтековъ выходитъ, что около 1160 года по Р. Х. семь дикихъ племенъ нахлынули на царство мексиканское, и основали семь царствъ, которыя попеременно владѣли первенствомъ; но наконецъ, въ 1325 году, Азтеки захватили владычество въ свои руки, и построили или распространили свою столицу Теночтитланъ, впоследствии переименованній въ Мексико. Саги Толтековъ восходятъ къ 600 г. по Р. Х. Тогда Толтеки пришли въ Анагуакъ, и основали царство, существовавшее 400 лѣтъ, до 1000 г. по Р. Х. Голодъ и моровая язва опустошили ихъ царство; Толтеки разсѣли по различнымъ странамъ, и болѣею частью удалились на югъ; по этому ихъ потомками считаютъ Патагонцевъ.

Кромѣ сагъ историческихъ, въ Мексикѣ есть саги или преданія религиозныя. Съ удивленіемъ открываютъ путешественники въ новомъ мірѣ такіе памятники искусствъ, которые на азіатскомъ материкѣ восходятъ къ первой зарѣ гражданственности; но еще удивительнѣе, среди народа, отличавшаго въ кочевой жизни, слышать преданія, напоминающія свѣтлыя черты религіи откровенной, первыя сѣмена которой хранились въ семьѣ Ноа, и разнесены его потомками по всѣмъ странамъ свѣта. Тамъ найдете преданія о невинномъ состояніи человека, о паденіи, потопѣ, вавилонской башнѣ, и другія, хотя онѣ искажены нѣкоторыми прикрасами американскаго воображенія, хотя время происшествій не опредѣлено, за неимѣніемъ письменъ, хотя, наконецъ, въ рассказахъ народныхъ преданій древности перемѣшались съ новѣйшими происшествіями.

Нѣкогда, говорятъ Мексиканцы, въ Анагуакѣ царствовали Кветцалкоатль. Кветцалкоатль это таинственное существо, съ исторіей котораго мексиканская мифологія слила темное преданіе о блаженномъ состояніи первыхъ людей. Называютъ его первосвященникомъ Тулы, столицы Толтековъ, и законодателемъ. Говорятъ, онъ имѣлъ бѣлый цвѣтъ лица, широкій лобъ, длинные черные волосы, большіе глаза и густую бороду; былъ строгой жизни и кроткаго нрава; носилъ длинную одежду; научилъ жителей искусству растапливать металлы и гранить драгоценные камни; его имя означаетъ змѣй, покрытый зелеными перьями, Coatl, змѣй, Quetzal, зеленое перо. Царствованіе его было золотымъ вѣкомъ народовъ анагуакскихъ; дружно жили тогда и животныя и люди; богатой жатвой искрывалась земля, не требуя трудовъ земледѣльца; чудныя прелестныя птицы порхали надъ сводами лазурнаго неба и оглашали воздушныя пространства очаровательными мелодическими пѣснями. Но недолго продолжалось это блаженное время. Великій духъ Тецкатлипока, Брама Анагуакъ, принесъ Кветцалкоатлю питье, которое сдѣлало его бессмертнымъ и пробудило въ немъ охоту путешествовать. Онъ рѣшился посѣтить отдаленную сторону Тлапалланъ.

Проходя землю Чолуловъ, по настоятельной просьбѣ жителей, онъ принялъ верховную власть надъ ними; прожилъ у нихъ 20 лѣтъ, завѣщалъ имъ мирную жизнь, и требовалъ, чтобы Богу изъ всѣхъ жертвъ приносились одни начатки жатвы. Отъ Чолуловъ онъ удалился къ устью рѣки Гоазакоалко, и оттуда прислалъ къ Чолуламъ вѣсть, что нѣкогда возвратится къ нимъ и возстановитъ ихъ блаженство.

Паденіе перваго человѣка тоже осталось въ преданіяхъ народовъ мексиканскихъ. Гумбольдтъ видѣлъ одинъ рисунокъ, изображающій исторію паденія.

Группа представляетъ женщину со змѣемъ. Женщина, токоаттеуктли, мать рола человѣческаго; послѣ бога рая небснаго, Ометеуктли, она занимаетъ первое мѣсто среди анагуакскихъ божествъ. Возлѣ нея находится большой змѣй. На другихъ рисункахъ видѣны змѣи, раскрашенныя разными цвѣтами; его поражаетъ великій духъ, Тецкатлипока, или богъ Тонагуагъ. Позади змѣя, который, кажется, говоритъ что-то богинѣ, видны двѣ человѣческія фигуры, разнаго цвѣта, одна бѣлая, другая чернаго или синяго; онѣ борятся другъ съ другомъ. Поводъ къ ссорѣ выраженъ двумя опрокинутыми вазами. Женщину считаютъ матерью двухъ малютокъ близнецовъ.

Рисунокъ очень хорошо напоминаетъ преданіе о паденіи перваго человѣка. Жена—это Ева; змѣй и по преданіямъ американ-

скимъ есть символъ злаго начала. Тонагуагъ Мексиканцевъ тоже, что Кришна у Индѣйцевъ, воспѣтый въ Баговота-Пурана, и Митра у Персовъ. Два мальчика—это Каинъ и Авель; черныя цвѣтъ одной фигуры, быть можетъ, выражаетъ ту печать проклятій, которую божественный приговоръ положилъ на Каинѣ, а двѣ опрокинутыя вазы, вѣроятно, изображаютъ два жертвенника.*

Мексиканцы сохранили преданіе и о потопѣ, въ которомъ погибли всѣ люди, и только мужъ да жена спаслись въ лодкѣ, акалле. Мужъ назывался Кокскокъ, жена Хихеветцаль. Эта чета пристала къ подошвѣ горы Колгуаканъ, и здѣсь вышла на сушу. Отъ нихъ родилось много дѣтей. Къ несчастію, дѣти были все пѣмые. Но однажды прилетаетъ голубь, садится на высокомъ деревѣ и даритъ дѣтямъ способность говорить; но они заговорили на разныхъ языкахъ, и не понимая другъ друга, разошлись въ разные стороны.

Гумбольдтъ видѣлъ и мексиканскій рисунокъ, изображающій это сказаніе. У различныхъ народовъ, обитающихъ въ Мексикѣ, говоритъ онъ, потопъ представляется въ рисункахъ, какъ у Азтековъ, Мизтековъ, Запотковъ, Тласкаотекъ и Мехкоканцевъ. Ной, Ксазургъ или Мену Мексиканцевъ, называется Кокскокъ, Теокипактли или Тезпи. На рисункѣ, передъ вами Кокскокъ плаваетъ по водамъ въ лодкѣ. Изъ воды высовывается гора, на которой стоитъ дерево; это Араратъ Мексиканцевъ, шкъ Колгуаканскій. По лѣвую сторону горы лежитъ рогъ, фонетическій іероглифъ Колгуакана. У подошвы видѣются головы Кокскокса и его жены; послѣднюю можно узнать по двумъ косамъ, заплетеннымъ въ видѣ роговъ, чѣмъ женскія фигуры всегда отличаются отъ мужскихъ. Народы мекхоаканскіе сохра-

* Слѣды того же преданія видны и въ другихъ мѣстахъ Америки. Нѣсколько лѣтъ назадъ, сильная буря, разразившаяся близъ Брауншвейга въ западной части Пенсильваніи, вырвала съ корнемъ огромный дубъ. На томъ мѣстѣ, увидѣны камень, около 16 квадратныхъ футовъ, покрытый рѣзбою. Среди другихъ фигуръ, двѣ имѣли форму человѣческую, представляли мужчину и женщину; ихъ отдѣляло другъ отъ друга дерево. Женщина держала въ рукѣ плоды. На остальномъ пространствѣ вырѣзаны были олени, медвѣди и птицы. Нельзя сомнѣваться, что рѣзба изображаетъ грѣхонадеіе первыхъ людей, особенно если вспомнить, что въ Пенсильваніи обитаетъ одно племя еврейскаго происхожденія. И такъ какъ дубъ былъ, по крайней мѣрѣ, пяти или шести сотъ лѣтъ, то очевидно и фигуры были вырѣзаны задолго до открытія Америки Колумбомъ.

или и то преданіе, что Коксоксъ или Тезпи, сѣвъ въ барку, взявъ съ собою животныхъ и сѣмена растений, сохраненіе которыхъ дорого было роду человѣческому. Когда великій духъ Тецкатлипока повелѣлъ водамъ оставить землю, Тезпи выпустилъ коршуна. Птица, питающаяся падающею, не воротилась назадъ, потому что нашла много труповъ на землѣ, только что начинавшей обсыхать. Тезпи выпускалъ и другихъ птицъ, между прочими и колибри. Колибри возвратилась и принесла вѣтвь съ листьями. Тогда Тезпи, узнавъ, что земля начала покрываться зеленью, оставилъ свою лодку близъ горы Колгуакана. Колибри Тезпи напоминаетъ голубку Ноя, голубку Девкалиона, и птицу, которыхъ, по разказу Бероза, Ксиэутръ выпускалъ изъ своего кочегая, чтобы узнать, сбыва ли вода и можно ли поставить жертвенникъ богамъ, покровителямъ Халдеи.

Вотъ еще преданіе Мексиканцевъ о столпотвореніи. Прежде потопа, случившагося въ 4000 году послѣ сотворенія міра, въ странѣ Анагуакъ жили исподины; но всѣ они погибли во время потопа, или обратились въ рыбу, за исключеніемъ семи человѣкъ, укрывшихся въ пещерахъ. Когда вода сбыва, одинъ изъ спасшихся гигантовъ, по имени Хелгуа, пришелъ въ Хоаллоланъ, и тамъ, въ воспоминаніе горы, служившей ему убѣжищемъ, равно какъ и его шести братьямъ, хотѣлъ сдѣлать искусственный холмъ, въ видѣ пирамиды. Кириичъ, по его приказанію, приготовлялся въ провинціи Таманалко, при подошвѣ горы Кокотль; отъ Хоаллолана до Таманалко онъ поставилъ цѣнь людей, которые должны были передавать кирпичи другъ другу. Боги гнѣвно смотрѣли на это строеніе, вершина котораго должна была упряться въ облака; раздраженные дерзостью Хелгуа, они послали огонь на пирамиду; огонь убилъ многихъ работниковъ; работа остановилась, и пирамида была посвящена богу воздуха, Кветцалкоатлу. Еще во времена Кортеза, Холулены хранили камень, будто бы въ огненномъ шарѣ упавшій съ облаковъ на вершину пирамиды. Антонио дель-Ріо доказываетъ древность этого сказанія тѣмъ, что оно воспоминалось въ гимнахъ, которые Чолулы пѣли во время своихъ праздниковъ, танцуя кругомъ теокалли; а эти гимны начинались словами: Тулаианъ Гулулаекъ (аллилуя), какихъ нѣтъ ни въ одномъ языкѣ мексиканскомъ. Замѣчательно, что во всѣхъ странахъ на хребтѣ Кордильеровъ, въ религіозныхъ мѣстахъ сохраняются слова языковъ первобытныхъ.

Послѣ неудачной попытки построить пирамиду до небесъ, каждое семейство получило особый языкъ. Вотанъ (внукъ славнаго старца, спасающагося во время потопа) получилъ отъ

великаго духа, Теотла, приказаніе идти въ Анагуакъ и тамъ поселиться. Это преданіе напоминаетъ разсѣяніе народовъ послѣ столпотворенія. Но мы замѣтили, что преданія древняго міра у Мексиканцевъ слились съ преданіями новѣйшими о собственно американскихъ историческихъ событіяхъ. И Вотанъ лицо историческое; подлинныя документы Вотана хранились долго у его потомковъ, которые жили до 1700 въ Тепизкѣ. Но епископъ хіапскій, Донъ-Франческо Нунне де Вега, въ 1690, публично сожегъ эти документы въ Гвехетанѣ.

Мексиканцы, согласно съ азіатскими народами, признавали и періодическія разрушенія и возрожденія вселенной. Но тогда какъ индійскія священныя книги, особенно Багавата Пурана, говорятъ о четырехъ вѣкахъ или катастрофахъ, мексиканскіе народы вѣрятъ, что прежде нынѣшняго нашего солнца, разрушились уже четыре солнца, во время страшныхъ катастрофъ, въ которыя и наша земля разрушалась отъ наводненія, землетрясенія, пожаровъ и урагановъ. По разрушеніи четвертаго солнца надъ міромъ разливался мракъ въ продолженіе 25 лѣтъ. Среди этой глубочайшей ночи, за десять лѣтъ до явленія пятаго солнца, явился родъ человѣчскій. Въ пятый разъ боги сотворили мужа и жену. Такъ писалъ Гашира въ половинѣ XVI столѣтія. Гумбольдтъ подробно раскрываетъ сказаніе Мексиканцевъ о четырехъ вѣкахъ.

Первый вѣкъ, продолжавшійся 5006 лѣтъ, былъ вѣкъ правды, тлатлатитлугъ, видійскій сакіа-юнга; онъ называется еще вѣкомъ земли, или вѣкомъ гигантовъ. Въ годъ подъ знакомъ кеанале настала голодь, отъ котораго погибли всѣ люди. Эта катастрофа начинается днемъ подъ знакомъ четырехъ тигровъ. Вѣроятно пероглифъ дня и подаль поводъ къ другому сказанію, будто гиганты истреблены тиграми, явленія которыхъ Мексиканцы ждуть со страхомъ въ концѣ каждаго цикла. Пероглифическая живопись представляетъ злаго гения: онъ спускается на землю, чтобы истребить траву и цвѣты. Три человѣчскія фигуры держатъ въ правой рукѣ острый инструментъ, а въ лѣвой палку или колосья. — Второй вѣкъ, продолжавшійся 4804 года, есть вѣкъ огня, тлетлатитлугъ, или вѣкъ красной, тцотхахлатекъ. Въ концѣ этого вѣка земля разрушена огнемъ. Такъ какъ отъ всеобщаго пожара могли спастись однѣ только птицы, то люди и обратились въ птицъ, кромѣ мужа и жены которые нашли убѣжище въ пещерѣ. Третій вѣкъ, 4010 лѣтъ, называется вѣкомъ вѣтра или воздуха, эгекатлатитлугъ, потому что люди погибли тогда отъ урагановъ. Впрочемъ два человѣка пережили и эту катастрофу,

сокрывшись въ пещерѣ. Четвертый вѣкъ, 4008 лѣтъ, есть вѣкъ воды, атонатиухъ; въ концѣ этого вѣка люди или погибли отъ наводненія, послѣдней катастрофы міра, или превратились въ рыбу, за исключеніемъ мужа и жены, которые спаслись на шнѣ дерева анагуета или кипариса. На рисункѣ, изображающемъ это событіе, богиня водъ спускается на землю; Коксокъ и жена его сидятъ на древесномъ покрытомъ листьями шнѣ, который носится по волнамъ.

Памятники миссисипскіе. Всѣ памятники, разбѣянные по обширной области, отъ горъ Каменныхъ до Алеганскихъ, и отъ большихъ озеръ до устьевъ Миссисипи, Гумбольдтъ раздѣляетъ на два класса; курганы (тумули) и крѣпости. Крѣпости встрѣчаются, хотя довольно рѣдко, на далекомъ сѣверовостокѣ, близъ восточнѣ рѣки Св. Лаврентія, въ западномъ направленіи къ Миссисипи. Но чѣмъ болѣе приближаешься къ устью Миссури, Огіо и Арканзаса, тѣмъ становятся они чаще, громаднѣе и замѣчательнѣе; а самые замѣчательные находятся въ округѣ Огіо. Новѣйшіе путешественники открыли подобныя памятники еще далѣе къ западу, при подошвѣ горъ Каменныхъ, на берегахъ Миссури, и при верховьяхъ Арканзаса. Самая сѣверная крѣпость находится при Неваркѣ; она образуетъ правильный восьмиугольникъ, обведенный землянымъ валомъ. Каждая изъ осми сторонъ имѣетъ свой выходъ; четыре выхода расположены сообразно четыремъ странамъ свѣта. Нѣсколько южнѣе при Серкльвилѣ лежитъ другая крѣпостьца, четырехъугольная, но съ осмью воротами; къ ней примыкаетъ еще небольшая круглая крѣпость, обведенная двумя стѣнами и рвомъ. Крѣпость, открытая близъ Маріэтты, состоитъ изъ двухъ большихъ четырехъугольниковъ, расположенныхъ по странамъ свѣта; въ ней двѣнадцать воротъ; кругомъ идутъ земляные валы, 21 фута высоты и 42 фута въ основаніи. Стѣны упомянутыхъ крѣпостей построены изъ земли. Первая крѣпость съ каменными стѣнами, 12—15 ф. въ высоту и 5—8 ф. въ ширину, находится въ двухъ миляхъ отъ Челикотты; онѣ окружаютъ площадь въ 80 морговъ. Въ сагахъ народовъ миссисипскихъ разсказывается о нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, будто онѣ построены бѣлыми людьми; но всѣ бѣлые погибли въ сраженіяхъ съ предками нынѣшнихъ Индійцевъ.

О курганахъ надобно сказать тоже, что сказано о крѣпостяхъ, чѣмъ далѣе склоняешься къ югу, тѣмъ больше встрѣчаешь эти памятники, особенно при слияніи рѣкъ. Круглые въ своемъ основаніи, они часто имѣютъ совершенно коническую фигуру, а иногда заканчиваются плоскостію; сложены или изъ

земли, или изъ камней, и частію стоятъ одиноко, какъ при Сентъ-Луи, Новомъ Мадридѣ, Вашингтонѣ, что въ округѣ Миссури, частію примыкаютъ къ крѣпостямъ, какъ при Понтѣ Крикѣ, Маріэттѣ и Челикоттѣ. Высота и окружность ихъ различны; курганы при Новомъ Мадридѣ имѣютъ 350 футовъ въ поперечникѣ, при Сентъ-Луи, при рѣкѣ Кагагокіа 600 футовъ въ поперечникѣ и 100 высоты. Разрывая эти курганы, всегда находятъ въ нихъ тысячи человѣческихъ скелетовъ, едва 5 футовъ вышины, каменные топоры и ножи, мѣдныя чашки и украшенія, немного желѣза, а также и серебряныя бляхи. Очевидно, это могилы въ которыхъ погребено племя, родственное нынѣшнимъ полярнымъ обитателямъ Америки, Эскимосамъ и Гренландцамъ; за это родство речаются изслѣдованія сравнительной анатоміи. Но есть еще курганы, близъ Понтъ-Крика и Сентъ Луи, которыя имѣютъ по два и по три этажа. Они скорѣе походятъ на мексиканскія теокалли и уступчатая пирамиды Египта и восточной Азіи.

ПАТАГОНЦЫ и ПЕЧЕРЕГИ.

(Извлечение из письма П. Мерие, миссионера в Западной
Океании.)

...Я умалчиваю о мелких подробностях нашего путешествия и начинаю рассказ об окончности южной Африки. Вместо того, чтобы взять направление к мысу Горну, которое берут обыкновенно суда, идущия в южныя моря, мы пожелали, съ г. Морсо, пройти через проливъ Магеллановъ. Этотъ проливъ, въ длину сто тридцать миль, представляетъ мореплавателямъ большія затрудненія, какъ по причинѣ необыкновенно быстраго теченія, такъ и по множеству островковъ и скалъ, которыми онъ усѣянъ; кромѣ того здѣсь почти непрерывно дуютъ западныя вѣтры; а такъ какъ суда, особенно большія, рѣдко заходятъ сюда, то свѣдѣнія объ этомъ огромномъ каналѣ болѣе или менѣе несовершенны. Кромѣ усердія, заставившаго насъ предпринять этотъ переходъ, чтобы познакомиться съ потребностями и характеромъ туземцевъ, г. Морсо желалъ послѣдовать самый проливъ. По его распоряженію, мы направились къ устью пролива Магелланова, и скоро обогнули мысъ *Лосъ-Виженесъ*, господствующій надъ этимъ устьемъ.

«17-го числа, въ четыре часа утра, мы подняли паруса и плыли отъ восьми до девяти миль въ часъ. Въ полдень, мы миновали уже первый узкій проходъ, и вошли въ обширную бухту, окруженную высокими горами (горами Грегори), съ вершинъ которыхъ поднимались въ нѣсколькихъ мѣстахъ клубы дыма; вполнѣдствіи мы узнали, что это происходило, просто, отъ огней, зажженныхъ жителями. Въ теченіе этого дня, у насъ постоянно были въ виду, берега Патагоніи по правую сторону, и Огненной-Земли по лѣвую. Эти берега оба очень высоки и равно оба безплодны; но отличаются другъ отъ друга своимъ цвѣтомъ: первый имѣетъ цвѣтъ черный, а послѣдній красноватый; отъ чего, вѣроятно, и Огненная-Земля получила свое наименование, равно какъ и отъ обыкновенія мѣстныхъ жителей зажигать вездѣ большіе костры.

День былъ прекрасный; насъ все приводило въ восторгъ; мы какъ будто плыли по какому нибудь швейцарскому озеру, и на нашемъ кораблѣ также было пріятно ѣхать, какъ на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ, посланныхъ по европейскимъ рѣкамъ. Наши взоры, такъ долго искавшіе земли, теперь не могли ея полюбоваться. Если мы не открыли никакого человеческого слѣда, то, по крайней мѣрѣ, встрѣтили тысячи птицъ всякаго рода, гагаръ, полевыхъ чириковъ, утокъ, дикихъ гусей, карморовъ, которые играли на поверхности пролива. Можно было почестъ ихъ ручными. Со всѣхъ сторонъ ихъ головы граціозно поднимались надъ зеркальной поверхностью воды; въ воздухѣ раздавались ихъ крики и пѣсни; въ то время какъ одни сотнями порхали надъ нашими головами, другія цѣлыми стадами, числомъ въ пятнадцать, въ двадцать и болѣе, усаживались на водоросляхъ, служившихъ имъ вмѣсто байдаръ, а иногда на спицѣ морскихъ свиней, которыхъ тысячами выскакивали изъ волнъ. Мы видѣли, какъ стая маленькихъ птичекъ преслѣдовала стаю мелкихъ рыбъ. Въ ту минуту, какъ мы подъѣзжали къ острову Елисаветы, насъ забавляла особенно цѣлая армія пингвиновъ, построенныхъ въ карре и спокойно смотрѣвшихъ, какъ мы плыли въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи. Ихъ было болѣе тысячи на краю берега. Види ихъ въ такомъ боевомъ порядкѣ, отъ десяти до двѣнадцати ротъ, можно было сравнить ихъ съ полкомъ маленькихъ солдатъ, готовыхъ защищать свою отечественную землю противъ неурядительскаго нападена. Такъ какъ судно плыло очень скоро, то ни съ нашей, ни съ ихъ стороны, не было начато ни какихъ враждебныхъ дѣйствій.

На другой день, когда туманъ разсѣлся, Мюнъери, Палдель и Башонъ поѣхали съ офицеромъ и пятью матросами,

осматривать островъ Елисаветы, возлѣ котораго корабль сталъ на якорь. Море было тихо въ минуту отправленія, но едва наши люди вышли на землю и начали дѣлать свои изслѣдованія, какъ вѣтеръ засвѣжѣлъ. Командиръ, предвидя грозу, приказалъ поднять флагъ, чтобы призвать назадъ отлучившихся нашихъ товарищей. Они тотчасъ сѣли въ шлюпку; но всѣ ихъ усилія возвратиться на корабль остались тщетными; вѣтеръ свистѣлъ, волны бушевали, и быстрое теченіе увлекло ихъ въ противную сторону. Напрасно истощали они свои усилія, въ продолженіе цѣлаго часа; напрасно съ корабля бросали имъ боченки, привязанные къ четыреста-саженной веревкѣ; они никакъ не могли приблизиться къ намъ. Къ большому несчастію, шлюпка начала течь со всѣхъ сторонъ; она, то скрывалась въ волнахъ, то поднималась на ихъ хребтѣ; мы трепетали за нашихъ товарищей, потому что одинъ какой-нибудь валъ могъ поглотить ихъ. Находясь еще на берегу острова, они собрали нѣсколько любопытныхъ предметовъ натуральной исторіи; но все это надобно было побросать въ воду. Наконецъ, они кое-какъ возвратились на островъ Елисаветы.

Съ корабля мы наблюдали за нашими бѣдными братьями, которые, претерпѣвъ корабскрушеніе, были брошены на безлюдную, необитаемую землю, оцѣпенѣлые отъ холода и промокшіе до костей. Они разводятъ большой огонь, сложивъ въ груды водоросли и сухія растенія, которыми покрытъ весь берегъ. Въ этомъ несчастномъ положеніи, они обращаются къ Богу; мысль о вѣрѣ ихъ душевляеть. Они воздвигаютъ на берегу крестъ, въ десять футовъ вышиной, употребивъ на то двѣ доски и два гвоздя, ими тамъ найденныя; вырѣзываютъ на немъ главныя буквы имени Богоматери, и упавъ на колѣни, поручаютъ Патагонію покровительству Креста и Пресвятой Дѣвы.

Наступила ночь; на берегу острова засвѣтились огни. Неснѣя, по причинѣ бури, подать помощь нашимъ милымъ братьямъ, мы молили Ту, Которую беззащитные никогда не призываютъ понапрасну, хранить ихъ подлѣ Своимъ покровомъ. И мы нисколько не воображали, что они въ то время были снова жертвою ярости волнъ. Пользуясь той минутой, когда море, казалось, волновалось не такъ сильно, они пустились въ путь, и счастливо плыли по теченію довольно долгое время; уже они подлѣзжали къ нашему кораблю, какъ вдругъ почувствовали первые порывы вихря, сдѣлавшагося потомъ ужаснымъ. Послѣ послѣдняго усилія, гребцы, обливаемые волнами, измученные безпрерывно набѣгающими волнами, остановились отъ утомленія и безнадежнаго положенія своего. Вдругъ

огромная волна съ бѣшенствомъ набѣгаетъ на нихъ, вода наполняетъ утлый ихъ челнъ, и среди нихъ водворяется мертвое молчаніе. Каждый вручаетъ себя, въ глубинѣ своего сердца, покровительству Богоматери, и тотчасъ, сами не понимая какъ, они очутились возлѣ корабля. Всѣ за одно громко провозгласили они, что обязаны своимъ спасеніемъ явному покровительству неба, и мы также раздѣляли ихъ чувства въ благодарственномъ моленьи къ Небесной Царицѣ.

Мы подняли паруса 19-го числа, въ одиннадцать часовъ утра, и счастливо проѣхали второй поворотъ, котораго ширина съ полверсты; потомъ мы вошли въ прекрасное, обширное море, оканчивающееся на горизонтѣ высокими горами. Со всѣхъ сторонъ, поднимались клубы дыма, которые затѣвляли воздухъ и мѣшали наблюденіямъ. Дикіе жители Огненной Земли и Патагонцы, живущіе по этимъ берегамъ, разводять огни на всемъ пространствѣ острововъ, чтобы пепломъ удобрять почву. Передъ захожденіемъ солнца, мы прошли близъ жилья Патагонцевъ, расположеннаго при опушкѣ дремучаго лѣса; мы горѣли желаніемъ ихъ видѣть, но такъ какъ надѣялись еще встрѣтить ихъ далѣе, то, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, рѣшились плыть не останавливаясь.

На другой день, въ четыре часа утра, мы пріѣхали на оконечность св. Анны. Раздался крикъ: *замок! колоколъ!* И точно, мы ясно усматриваемъ въ зрительную трубу небольшую крѣпость, на вершинѣ которой развѣвается флагъ; потомъ въ глубинѣ гавани, видимъ военный гальотъ, поднимающій также свой флагъ, въ которомъ мы узнаемъ флагъ Чили. Мы находились уже близко къ Порту-Фамине, названіе, происходящее отъ маленькой испанской колоніи, которую въ шестнадцатомъ столѣтіи хотѣли тамъ основать, и жители которой, исключая одного, умерли всѣ отъ нищеты. Теперь на томъ мѣстѣ станція Чилийцевъ, поселившихся тамъ года два тому, чтобы защищать корабли, идущіе по проливу въ Вальпараисо. Тамъ находится человекъ до шестидесяти солдатъ, женщинъ и дѣтей. Два перевозныя судна отправились къ намъ на встрѣчу; на нихъ пріѣхали офицеры гальота и крѣпости посѣтить нашего командира. Г. Морсо велѣлъ скоро спустить свою шлюпку на море, и отправился на станцію, гдѣ онъ былъ встрѣченъ губернаторомъ. Это смиренное пристанище выстроено изъ досокъ, и окружено рѣшеткой; земляной валъ, съ обѣихъ сторонъ обнесенный досками, служитъ оградой противъ вѣшнихъ нападеній; двѣ плохія пушки защищаютъ эти слабыя ретраншаменты, а на рейдѣ стоитъ гальотъ, чтобы при случаѣ защищать ихъ.

Семейства солдатъ живутъ въ ограды крѣпостцы въ бѣднѣхъ лачугахъ. Хотя эти колонисты не испытывали тамъ жестокихъ зимъ, они однакожъ не надѣются найти въ этихъ мѣстностяхъ достаточнаго продовольствованія; до сихъ поръ одишь лишь картофель хорошо родился; а лѣтніе жары бываютъ не довольно продолжительны и сильны, чтобы возбудить большую надежду въ земледѣльцѣ, отъ чего жители *Портъ-Фамине* скучаютъ, терпятъ голодъ, и желаютъ жить въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

Мы встрѣтили, на этомъ скучномъ берегу, отца Доминика Пазолини, родомъ Итальянца. Этотъ священнослужитель пришелъ съ острова Чилое, гдѣ онъ жилъ восемь лѣтъ; семеро его собратій находятъ еще тамъ пастырями семидесяти тысячъ челоуѣкъ. Этотъ добрый служитель Божій не встрѣчался со священникомъ уже полтора года; онъ воспользовался нашимъ присутствіемъ, чтобы исповѣдаться одному изъ насъ. Хотя онъ находился въ *Портъ-Фамине*, для чилийскаго народонаселенія, исповѣдующаго католическую вѣру; но онъ окрестилъ и училъ христіанской религіи шесть челоуѣкъ дикихъ. Патагонцы посвящаютъ время отъ времени крѣпостцу, гдѣ они покупаютъ табакъ и нѣкоторые съѣстные припасы; мы получили тамъ отъ нихъ нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія; я считаю долгомъ вамъ передать ихъ.

Народъ кочующій, Патагонцы покидаютъ свои палатки и главныя свои принадлежности на востокъ, и приходятъ на западъ, чтобы поохотиться на гуаноко; но они не долго остаются въ этой части ихъ земли. Они поклоняются, какъ мы слышали, солнцу и огню; они раздѣляются на четыре племени, имѣющія каждое своего начальника или кадика, власть котораго очень ограничена. Патагонцы вообще высокаго роста; изъ нихъ самыя большіе имѣютъ около шести футовъ. Они ѣздятъ обыкновенно верхомъ, и питаются раковинами, дичью, въ особенности птицами, находящимися въ изобиліи на ихъ берегахъ, и гуаноко; это дикое четвероногое, величиной съ оленя, родъ ламы, не иное что, какъ южно-африканскій верблюдоу. Жители Патагоніи обоего пола носятъ, вмѣсто всякой одежды, плащи изъ кожи этого животнаго. Эти народы не мореходцы; они живутъ между собою мирно; но иногда воюютъ съ жителями Огненной-Земли. Услышавъ, что стантъ Патагонцевъ, замѣченный нами наканунѣ, былъ ихъ главнымъ сборищемъ, мы пожалѣли, что болѣе не встрѣтимъ этихъ дикарей на берегахъ пролива. Мы оставили *Портъ-Фамине* 21 числа, и отравились, чтобы стать на якорь вечеромъ во французской бухтѣ. Св. Николая. Въ тече-

ніе всего дня, мы забавлялись, смотря на чудовищныхъ китовъ, которыми наполнена эта часть пролива. Они, казалось, были длиной отъ семидесяти до восьмидесяти футовъ. Нѣкоторые изъ нихъ подплывали къ самому кораблю; широкія ихъ ноздри выбрасывали фонтаны воды, отъ тридцати до сорока футовъ; дыханіе ихъ походило на шумъ клана на пароходѣ.

На другой день, въ воскресенье, тотчасъ послѣ обѣдни, мы разсѣялись по лѣсу, по берегамъ, вдоль рѣкъ; вездѣ лишь раздавались радостныя крики, духовныя пѣнія и гулъ ружейныхъ выстрѣловъ. По мѣрѣ того, какъ входилъ въ эти лѣса, удивленіе невольно мѣшается съ ужасомъ. Трава поднимается въ вышину на шесть футовъ; дубъ, букъ-антарктической, ясенъ, кипарисъ растутъ другъ возлѣ друга, перевиваются, перемѣшиваются между собою, и вырастаютъ до чрезвычайной величины. Лавровыя деревья, вышиной болѣе шестидесяти футовъ, усыяны бѣлыми цвѣтами; ракушечники не уступаютъ другимъ деревьямъ въ вышинѣ и толщинѣ. Кустарники состоятъ изъ миртъ, смородины, остролистника съ амарантовыми цвѣтами, и другихъ кустовъ, неизвѣстныхъ въ нашихъ странахъ. Весь берегъ покрытъ раковинами, а по крайнамъ лѣса нестрѣютъ сельдерей, крессъ-салатъ, проскурнякъ, испанскій мохъ и другія разноцвѣтныя растенія. Можно почесть эти мѣста за аллеи прекраснаго сада. Но въ этихъ лѣсахъ, въ которыхъ ничемъ не прерывается глубокое безмолвіе, всего болѣе поражаютъ путешественника громады деревь, разбитыхъ, вырванныхъ съ корнемъ, съ обломанными вѣтвями, и пни, покрытые мхомъ, которые лежатъ въ беспорядкѣ тамъ и сямъ и заграждаютъ путь. Рѣчныя берега, также какъ морскіе, покрыты такими же гигантскими и вѣковыми деревьями, гнущимися другъ на другѣ, въ густотѣ травы, или въ половину засыпанными пескомъ. Въ нашемъ странствованіи, мы нашли также желѣзныя руды, богатая каменоломня бѣлаго и сѣраго мрамора.

Во время нашего пребыванія во французской бухтѣ Св. Николая, мы совершили торжественное богослуженіе за упокой души отца Бре, нашего собрата, умершаго на морѣ при поѣздкѣ въ Океанію, въ мартѣ 1837 года, также за мосьиньора Рушуза и его двадцать шесть товарищей, погребенныхъ съ нимъ въ волнахъ. 24-го числа нашъ командиръ кончилъ свои наблюденія; а мы, хорошо отдохнувъ, отсалютовали французской бухтѣ; большіе огни, зажженные нами, уже погасли; птицы, единственные жители этихъ дикихъ мѣстъ, встревоженные нашимъ прибытіемъ, возвратились къ своимъ привычнымъ жилищамъ; эхо этихъ пустынныхъ горъ повторило наши послѣднія прощальныя сло-

ва; якорь поднять, мы отправились. Мы проходили между тысячами островов и островковъ, плывемъ вдоль береговъ, то справа, то слѣва, возлѣ зеленыхъ или голыхъ, или покрытыхъ снѣгомъ горъ, вершины которыхъ возносятся въ воздухъ въ разнообразныхъ формахъ, въ видѣ стрѣлъ, зубцовъ, куполовъ, пирамидъ, тогда какъ съ вершинъ ихъ низпадаютъ игривые каскады. У Портъ-Галанъ мы бросили якорь.

Этотъ портъ такъ хорошъ и спокоенъ, что командиръ нашъ сравниваетъ его съ Брестомъ. Утесы горъ, его окружающихъ, состоятъ изъ бѣлаго мрамора. Богатство произрастеній здѣсь также изобильно, какъ въ другихъ земляхъ, нами уже посѣщенныхъ. Достоинно удивленія то, что растительность простирается до той черты, гдѣ разбиваются морскія волны. Мы имѣли утѣшеніе отслужить въ Портъ-Галанъ церковную службу за нашихъ усопшихъ родныхъ.

Дожидааясь попутнаго вѣтра, командиръ составлялъ свои записки, а между тѣмъ мы старались ознаменовать наше странствованіе въ этихъ пустыняхъ нѣкоторыми религіозными знаками. Однакожъ намъ осталось осуществить еще одну мысль. Мы увезли бы съ собою горькое сожалѣніе, еслибъ не могли воздвигнуть на этой прекрасной землѣ знаменія креста: восьми-дневный отдыхъ въ Портъ-Галанъ намъ далъ возможность выполнить это благочестивое желаніе. Прекрасный крестъ, вышиной въ тридцать футовъ былъ приготовленъ; мѣсто для него выбрали на небольшомъ островѣ, посреда бухты, которая служила входомъ въ гавань, чтобы этотъ памятникъ, воздвигнутый нашими руками, могъ служить знакомъ спасенія для всѣхъ, сперва для дикихъ племенъ, которые могутъ легко его замѣтить съ вышины холмовъ, потомъ для мореплавателей, которымъ онъ послужитъ вмѣсто фarosа.

4-го марта, въ день этой трогательной церемоніи, всѣ тѣ, кому только служба на суднѣ позволяла отлучиться, сошли на берегъ. Корабль нашъ былъ украшенъ разноцвѣтными флагами: онъ салютовалъ двадцать одинъ выстрѣлъ, въ честь священнаго знаменія христіанъ. Двадцать человекъ несли крестъ, въ торжественной процессіи, на своихъ плечахъ, мы шли за ними въ пѣли гимнъ: *Vexilla regis prodeunt...* Скоро крестъ былъ воздвигнутъ, при радостномъ пѣніи псалмовъ: *Exurgat Deus et dissipentur inimici ejus... Dominus regnavit...* На крестѣ вырѣзаны слова: *Mundi salus, Arche d'alliance, 2-го марта 1846 года.* (Мы надѣялись совершить церемонію въ этотъ же день.) Да благоволитъ Богъ-Спаситель людей, чтобы какъ можно скорѣе миссіонеры изъ Европы пріѣхали раскинуть свои палатки у под-

ножія этого креста! Но что дѣлать, скажете вы, въ этой пустынѣ? Вы скоро поймете это.

5 го числа, мы снова подняли паруса. Казалось, Небо хотѣло, ускоривъ попутнымъ вѣтромъ наше плаваніе, вознаградить насъ за время, нами посвященное Его прославленію. Но вдругъ подулъ сильный и противный вѣтеръ; хотѣли уже бросить якорь, какъ раздалось восклицаніе ужаса командира экипажа; мы становимся на мель. Глубоко спустился только на тринадцать футовъ, и по какой-то необъяснимой ошибкѣ приняты были футы за пять футовыхъ сажени. Корабль, шедшій на всѣхъ парусахъ и увлекаемый теченіемъ, прошелъ уже по песку довольно большое пространство. Этотъ случай, благодаря особенному покровительству нашей доброй Небесной Матери, не имѣлъ никакого худого послѣдствія; въ ту минуту, какъ рубили мачту на кораблѣ, и когда думали, что мы подвергнемся горестной необходимости снять съ него весь такеажъ и свезти весь грузъ на сосѣдній берегъ, сильный порывъ вѣтра снялъ насъ съ мели, и скоро мы были уже въ безопасности.

Къ тому же, мы видѣли въ этомъ происшествіи удивительное дѣйствіе Провидѣнія, чтобы привести насъ въ общество бѣдныхъ жителей этихъ неизвѣстныхъ странъ. Мы не надѣялись болѣе встрѣтить дикихъ, какъ 6-го марта, въ тотъ самый день, какъ мы стали на мель, двѣ байдары плыли по направленію къ нашему кораблю. Какое счастье! Вѣрно, Богородица сама послала ихъ къ намъ, и насъ Она же привела въ такое близкое разстояніе отъ ихъ острова. Мы махаемъ нашими платками, чтобы придать имъ довѣріе; мы имъ кричимъ: *galeas, tabago* (сухари, табакъ). Они отвѣчаютъ нашимъ сигналамъ, махая намъ также руками; но когда они приблизились къ кораблю, недовѣрчивость вдругъ овладѣла ими; они прямо отправляются на берегъ и оттуда дѣлаютъ намъ знаки пріѣхать къ нимъ туда. Командиръ позволилъ мнѣ взять съ собою на берегъ нѣсколько матросовъ. Наша лодка остановилась сперва въ почтительномъ разстояніи; потому что дикіе, числомъ пятнадцать человекъ, собравшись кругомъ большаго огня, были вооружены копиями, и мы не знали, дружески ли они насъ примутъ. Одинъ изъ нихъ, отдѣлившись отъ группы, пришелъ къ намъ, крича: *шеру, шеру*, и дѣлая знаки, что онъ отвезетъ нашу *шеру* (лодку) въ маленькую рѣчку, въ которую они поставили свои лодки. Хотя приглашеніе, казалось, было чистосердечно, но благоразуміе запрещало намъ выйти изъ лодки. Почему мы звали ихъ къ себѣ, показывая имъ сухари и табакъ. Они долго колебались, потомъ одинъ за другимъ приблизились къ намъ, сперва мужичны, а по-

томъ и женщины. Они стояли въ водѣ до колѣнъ, кругомъ нашей лодки; принимая наши подарки, они считали медали наши за съѣстное и клали ихъ въ ротъ съ сухарями, чтобы съѣсть ихъ. Мы нашли, что они хорошо къ намъ расположены, и звали на корабль къ себѣ, увѣряя что ихъ примутъ тамъ очень хорошо. Послѣ долгихъ переговоровъ со своими товарищами, двое изъ нихъ согласилась сопутствовать намъ. Вѣроятно, имъ было у насъ пріятно, потому что они скоро дали знакъ другимъ, и тѣ также присоединись къ нимъ.

Наконецъ, мы увидѣли вблизи четырнадцать дикарей, въ самомъ жалкомъ состояніи. Намѣсто одежды, на нихъ были кожи гуаноко, покрывавшія ихъ плечи, и на нѣкоторыхъ были еще изорванныя панталоны, подаренныя имъ мореплавателями. Нельзя повѣять, какъ этотъ народъ, живущій на землѣ самой близкой къ южному полюсу, можетъ выносить это состояніе наготы. Правда, что они всегда почти находятъ возлѣ огня, держатъ его при себѣ въ своихъ ладьяхъ, и едва лишь выйдутъ на землю, зажигаютъ большія кучи хвороста въ своихъ лѣсахъ. *Файи* говорили они намъ, *файи* (холодно), и дергали насъ за платье, чтобы заставить насъ снять его и отдать имъ. Мы снабдили ихъ одеждой, какой могли. Забавно было взглянуть на ихъ неловкія движенія въ новомъ костюмѣ; они поглядывали съ удивленіемъ другъ на друга и, казалось, не узнавали болѣе своихъ товарищей. Спустя нѣсколько часовъ, они уѣхали; но сильное теченіе и гроза воспрепятствовали имъ плыть по морю, чтобы возвратиться къ своимъ; они провели ночь на берегу, и на другой день рано по утру уже явились опять на нашъ корабль, въ ту самую минуту, какъ мы готовились служить обѣданно. Мы позволили имъ присутствовать при священнослуженіи. Благочестивое наше молчаніе, украшенія алтара, священникъ въ церковнымъ облаченіи, — все ихъ изумляло; но особенно, они пришли въ восхищеніе, услышавъ пѣніе *Veni Creator, Ave, Maris Stella*, равно какъ и молитвы, возсылаемыя нами Богу, чтобы испросить имъ Его святой благодати о скоромъ обращеніи ихъ въ христіанскую вѣру. Такъ какъ они обладаютъ удивительною способностію повторять точно слова, ими слышанныя, они пѣли съ нами, *ora pro nobis*; брали наши книги, открывали ихъ, закрывали, перелистывали и показывали видѣ, что читаютъ; однимъ словомъ, они подражали всѣмъ нашимъ тѣлодвиженіямъ.

Въ этотъ день, они не надѣли платья, наканунѣ ими полученнаго. Мы узнали позже, что они берегли его для отсутствующихъ своихъ товарищей. День прошелъ для насъ пріятно; мы изучали этихъ дикарей, наряжали ихъ и заставляли ихъ пѣть

гимны. Мы присутствовали при ихъ обѣдѣ, состоявшемъ въ особенностяхъ изъ раковинъ, собранныхъ на берегу моря. Они остались съ нами до вечера, мы имъ дали свободу ходить вездѣ, разсматривать и даже трогать всѣ предметы, не теряя однакожъ ихъ изъ виду. Иные изъ нихъ присоединялись къ матросамъ и помогали самымъ забавнымъ образомъ натягивать снасти; другіе лазили по мачтамъ, какъ молодые юнги; иные остряли о кремень куски желѣза; одинъ изъ нихъ показывалъ намъ свою ловкость въ искусствѣ шить, зачинивая старыя панталоны, которыя мы ему подарили и которыя онъ имѣлъ несчастье уже разорвать. Начальникъ ихъ важно прохаживался по палубѣ корабля, хвастаясь своимъ новымъ нарядомъ; онъ былъ наряженъ въ огромный женскій чепчикъ и въ старыя панталоны, которыя напрасно онъ старался застегнуть; къ концамъ его волосъ были привязаны ножикъ, ножницы и три или четыре медали. Другіе также забавно были одѣты и не менѣе своего начальника любовались собою. Самое же любопытное было зрѣлище видѣть ихъ удивленіе передъ зеркаломъ нашей столовой комнаты. Они то подходили ближе, то отходили отъ зеркала, желая посмотреть, что находится позади его, и кончали тѣмъ, что, смѣясь, отходили прочь; видъ ихъ, казалось, говорилъ, что для нихъ это была тайна непроницаемая.

На другой день утромъ, 8-го марта, насъ разбудили крики нашихъ добрыхъ дикахъ друзей; мы услышали издали, какъ они пѣли *Iezusъ Maria*. Въ этотъ разъ подѣхала къ намъ цѣлая флотилія, около шестидесяти человѣкъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ; они привезли, на своихъ байдарахъ, все свое имущество, лошадей, домашнихъ птицъ, стрѣлы, палатки и прочее. До сихъ поръ, мы видѣли лишь лучшихъ, богатыхъ людей изъ ихъ племени, но въ этотъ разъ нищета была еще ужаснѣе. Мужчины сидѣли кругомъ огня, который былъ разведенъ посреди каждой байдары на большомъ камнѣ, и окруженъ водою, чтобы не загорѣлась ладья; они всѣ сидѣли, наклонясь къ огню, чтобы не потерять сколько нибудь испаренія жару, но не боясь несколько обжечься или задохнуться отъ дыма. Женщины по болѣе части носятъ дѣтей у груди или на спинѣ; онѣ еще обязаны грести веслами и поддерживать огонь. На нихъ налагается самая тяжелая работа. И вотъ судьба этого слабого существа вездѣ, гдѣ христіанская вѣра не научила мужчину, что женщина дана ему въ подруги, а не въ рабы.

Дикіе окружили наше судно; они кричатъ, махаютъ всѣ руками и взлезаютъ со всѣхъ сторонъ на бортъ корабля, какъ будто берутъ его на абордажъ. Между ними находился большой, у ко-

торого была на боку рана въ десять дюймовъ въ длину и въ ширину; она была такъ глубока и ужасна, что г. Монгаржи; нашъ докторъ, увѣрялъ насъ, что онъ еще не видалъ подобной въ госпиталяхъ. Однакожъ чувства у этого человѣка, казалось, такъ были притуплены, что онъ, лазилъ съ прочими по веревкамъ, не ощущая боли. Въ то время, какъ перевязывали его рану, онъ объяснилъ намъ воемъ и движеніемъ челюсти, что онъ былъ укушенъ дикимъ звѣремъ. При нашемъ отъѣздѣ, онъ былъ въ состояніи выздоравливающаго.

Большая часть этого дня была проведена въ пѣніи *Iesus Maria*; мы еще надѣлили дикарей подарками: платьемъ, сухарями, четками и медалями; послѣ того байдары отплыли назадъ. Вечеромъ командиръ захотѣлъ заплатить этому дружелюбному племени; мы сошли на берегъ съ нимъ и нѣсколькими матросами. Всѣ дикіе вышли изъ своихъ шалашей, чтобъ насъ принять и отогнать собакъ, которыя бросались на насъ; они насъ повели, при громкихъ восклицаніяхъ радости, въ свои хижины, которыми числомъ было только четыре. Потомъ мы осмотрѣли подробнѣе ихъ небольшое жилище; дѣтей мы обласкали, начальниковъ ихъ поздравили съ новыми нарядами, и роздали нѣсколько четокъ, которыя они цѣловали и надѣли себѣ на шею.

Всѣ известныя намъ авторы ничего не говорятъ объ этихъ народахъ, кромѣ того, что они самые глупые и хуже всѣхъ другихъ; видно, что эти путешественники не довольно изучали ихъ нравы. Мы же полагаемъ, что они примутъ хорошо миссіонеровъ, которые бы обрекли себя на жизнь въ этихъ дикихъ, неизвѣстныхъ странахъ. Дѣло было бы ихъ трудное; но слѣдуетъ ли останавливаться тамъ, гдѣ можно ожидать счастливыхъ послѣдствій? Я часто молился Богу, во время нашего пребыванія въ этой бухтѣ, чтобы мнѣ привелось съ какимъ нибудь собратомъ жить среди этихъ дикарей, если на то будетъ Его святая воля.

Теперь я вступлю въ нѣкоторыя подробности объ здѣшнихъ дикаряхъ, которыхъ обыкновенно зовутъ *Печерегами*. Ихъ обыкновенный ростъ около четырехъ футовъ и семи или восьми дюймовъ. Они походять на американское племя, описанное натуралистами; волосы у нихъ черные и гладкіе, лобъ ихъ низокъ и покрытъ у нѣкоторыхъ короткими волосами до бровей; черные ихъ глаза, въ которыхъ отражаются доброта и кротость, имѣютъ наклонное положеніе; носъ у нихъ очень приплюснутъ, и большой ихъ ротъ, открываясь, выказываетъ два ряда зубовъ, почти всегда дурныхъ. Порчу зубовъ можно приписать сыррой почвѣ, на которой они живутъ, и образу ихъ жизни, потому что они питаются только лишь тѣмъ, что даетъ море. Скулы у нихъ выдаются; подбородокъ круглый, но безъ бороды. Подошва ихъ

ногъ такъ жестка, что они не только бѣгаютъ по острымъ камушкамъ, но даже по огню, не дѣлая себѣ ни малѣйшаго вреда. У всѣхъ у нихъ брюхо чрезвѣрно велико. Цвѣтъ лица ихъ почти мѣднаго цвѣта; къ тому же, они любятъ разкрашивать волосы и лицо краснымъ веществомъ, которое очень похоже на охру. Одежду ихъ составляетъ родъ мантии изъ кожи тюленя, гуанако или выдры, которую они надѣваютъ на плеча и такимъ образомъ прикрываютъ свое тѣло; одѣяніе это равно служитъ для обоего пола. На ихъ шеяхъ навшены ожерелья изъ красивыхъ раковинъ; на рукахъ и на ногахъ надѣты родъ браслетъ, сплетенныхъ изъ китовыхъ жилъ. Они привязываютъ къ волосамъ все, что имъ служитъ предметомъ любопытства.

Байдары ихъ дѣлаются изъ древесной коры, связанной между собою и надѣтой на деревянный остовъ; онѣ проконопачены мохомъ, наитаннѣмъ масломъ или жиромъ. Въ байдарахъ помѣщаются отъ восьми до десяти человѣкъ. Я уже сказалъ, что женщины обязаны ими управлять; для этого онѣ употребляютъ весла индѣйскія; иногда, и то лишь при попутномъ вѣтрѣ, онѣ поднимаютъ квадратный парусъ изъ кожи. Эти утлые ладьи нагружены всѣмъ, что нужно для хозяйства: кусокъ китоваго жира, раковины, кожаное или жестяное ведро, наполненное прѣсной водой, маленькія корзины изъ тростника, довольно хорошо сплетенныя, конья, которыя ничто иное, какъ совершенно прямой шестъ, длиною отъ двухъ до трехъ метровъ, на концѣ котораго привязана китовая или кашлотовая кость, оканчивающаяся остриемъ, и зубчатая, какъ пила.

Хижины Печереговъ; принятыя нами сперва за норы звѣрей, походять на шалашы, которые иногда дѣлаютъ охотники при ловлѣ птицъ. Главная хижина, устроенная изъ вѣтвей, была длиною въ три или четыре метра, а шириною въ два съ половиною, и не болѣе двухъ въ вышину. Верхняя часть этихъ шалашей не покрыта, и въ отверстіе, сквозъ вѣтви, пробирается дымъ. Входъ въ хижины такъ низокъ, что надо ползти на рукахъ и колѣняхъ, чтобъ войти во внутренность. Огонь занимаетъ середину комнаты, а кругомъ лежатъ четырнадцать или пятнадцать человѣкъ, мужчины съ одной стороны, а женщины съ другой; позади находятся дѣти; пять или шесть собакъ грызутъ и рвутъ, прежде своихъ господъ, куски вѣта, рыбъ, раковины, валяющіеся тамъ и сямъ, подъ ногами, въ пепѣ и въ грязи. Эти племена отвратительно нечистоплотны.

Мы не могли замѣтить у нихъ никакого слѣда правленія; каждая хижина, казалось, составляла маленькую республику, въ которой начальникъ—отецъ семейства. Родители очень привязаны къ своимъ дѣтямъ. Вотъ примѣръ, доказывающій это. Подшкперъ изъ Чили, встрѣченный нами въ *Портъ-Фамиле*, предложилъ какому-то Печерегу, чтобы тотъ продалъ ему одного изъ своихъ сыновей; раздраженный дикарь бросился на офицера и нанесъ ему глубокую рану, отъ которой онъ до сихъ поръ еще не выключился.

Главную черту ихъ характера, кажется, составляетъ большое простосердечіе. Они принимали насъ всегда радушно и привѣтливо, исполняя со всею готовностію небольшія услуги, какихъ мы отъ нихъ требовали. Когда надо было переправляться черезъ рѣки или трудныя мѣста, они спѣшили къ намъ съ своими байдарами, или переносили насъ на своихъ плечахъ. Всѣ любопытныя маленькія вещицы, которыя мы желали имѣть, они отдавали намъ даромъ. Къ тому же они несклонны къ воровству; ничего они не унесли у насъ, кромѣ салфетки; впрочемъ это не была кража. Одинъ изъ дикарей пришелъ попросить, во время нашего обѣда, пить, его посадили за столъ; когда же всѣ встали, каждый изъ насъ взялъ свою салфетку; дикарь думалъ, вѣроятно, что онъ обязанъ сдѣлать то же, что и другіе. Удивительно, что въ этихъ дикихъ мы не замѣтили жадности; они дружелюбно всегда дѣлили между собою сухари и другую пищу, которую имъ давали, и еще прятали на долю отсутствующихъ.

Мы не могли получить никакого свѣдѣнія на счетъ ихъ религіозныхъ вѣрованій. Замѣтили только то, что они произносили съ таинственнымъ видомъ слова: *ара, ура*, поднимали глаза къ небу, дули на воздухъ, чтобы удалить злыхъ духовъ, и дѣлали другіе знаки, выражающіе боязнь. Одного изъ нихъ мы убѣдили съѣсть кусокъ хлѣба, который ему дали; онъ обратился къ солнцу, какъ будто посвящая ему этотъ кусокъ. Дѣйствительно въ Портъ-Фамине разсказывали намъ, что эти бѣдники обожаютъ дневное свѣтло и огонь. Что касается до этого послѣдняго божества, если точно они ему поклоняются, надо признать, что они съ нимъ обходятся довольно смѣло.

Наконецъ, настала минута, въ которую мы должны были оставить эти берега; мы дѣлаемъ прощальные знаки нашимъ добрымъ дикарямъ; они отвѣчаютъ намъ съ берега такими же знаками. Уже мы не распознаемъ дыма ихъ шалашей; сердце наше сжимается при мысли, что мы болѣе ихъ не увидимъ и не поможемъ ихъ жалостному состоянію; но мы надѣемся, что не понапрасну они воздвѣвали руки своя къ небу и тысячекратно призывали имена Спасителя и Богоматери.

Наше плаваніе шло медленно, и не было ознаменовано никакимъ замѣчательнымъ происшествіемъ. Наконецъ, 22 марта, мы вышли изъ пролива при подутномъ вѣтрѣ и также быстро, какъ вошли въ него; мы въ немъ пробыли двадцать четыре дня. Вотъ уже мы въ Тихомъ-Океанѣ; 7-го апрѣля надѣмся придти въ Вальпараисо, и отправимся отсюда въ наше дальнее странствованіе. Конечно, намъ предстоитъ еще опасности; но упованіе на видимое покровительство Богородицы слишкомъ въ насъ твердо, чтобы предаваться боязни; мы позволимъ себѣ думать, что нашъ *Arche d'alliance* безопасенъ отъ кораблекрушенія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Кримика и Гуснографія.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ГОСУДАРИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I. *Сочиненіе Н. Устрялова. С. Петербургъ. 1847.*

Это обозрѣніе, написанное нашимъ извѣстнымъ историкомъ, Н. Г. Устряловымъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ и одушевленіемъ, объемлетъ собою эпоху, не продолжительную по числу лѣтъ, но эпоху великую по тѣмъ событіямъ, которыя, быстро сменяясь одно другимъ, въ нашихъ глазахъ, наполняли наше сердце радостнымъ, благородно-гордымъ сознаніемъ народной славы, могущества и благоденствія нашего отечества подъ сѣнію престола; по событіямъ, которыя, въ отдаленные вѣка, передъ взорами отдаленнаго потомства, будутъ сіять немерцающимъ блескомъ истиннаго величія; которыя, наконецъ, составляютъ блистательныя страницы не только въ нашей отечественной исторіи, но и въ лѣтописяхъ другихъ народовъ, вступившихъ въ періодъ новой жизни, благодаря могущественному, благодатному покровительству Россіи.

Всѣ происшествія нашего времени, живыя въ нашей памяти, представлены г. Устряловымъ въ сжатой, но тѣмъ не менѣе

полной картинѣ, въ ихъ надлежащей связи и послѣдовательности, и въ настоящемъ свѣтѣ.—Въ этомъ и состоитъ главное достоинство новаго и въ этомъ родѣ единственнаго у насъ сочиненія нашего историка, не говоря уже объ его изложеніи, всегда простомъ, тепломъ и увлекательномъ. Современники, живые свидетели фактовъ, часто не понимаютъ ихъ значенія, ихъ начала и послѣдствій. А такое невѣдѣніе ведетъ къ опрометчивымъ сужденіямъ, которыя закрываютъ отъ нашего взгляда тѣ, чѣмъ долженъ гордиться народъ, сознающій свое истинное мѣсто въ ряду другихъ народовъ. Подобныя сужденія выражаются у насъ то въ рѣшительномъ презрѣніи ко всему чужеземному и въ безотчетномъ прославленіи всего нашего, когда оно даже и не стоить того, или, напротивъ,—крайности еще болѣе жалкая, чѣмъ первая—въ раболѣпномъ удивленіи всему чужеземному, и если не въ порицаніи, то, по крайней мѣрѣ, въ холодности и безчувствіи къ отечественному. Послѣдняя крайность тѣмъ скорѣе находитъ у насъ своихъ поборниковъ, что иностранная историческая литература, знакомая у насъ едва ли не болѣе отечественной, и одушевленная вногда истиннымъ, иногда ложнымъ патриотизмомъ писателей, обрисовываетъ поразительными красками, въ гигантскихъ размѣрахъ, всѣ, даже мелкія событія, совершившіяся въ отечествѣ историковъ. Между тѣмъ, жизнь нашего отечества проявляется въ такихъ исполинскихъ размѣрахъ, что рѣдко находятся у насъ органы, которые передали бы ихъ съ достоинствомъ, соответствующимъ предмету. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, мы еще разъ должны сказать, что книга г. Устрялова принадлежитъ къ числу немногихъ явленій въ нашей исторической литературѣ, которыя объясняютъ намъ нашу эпоху, а слѣдовательно, ведутъ насъ къ просвѣщенному сознанію насъ самихъ.

Описавъ восшествіе на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора, и раскрывъ мрачную картину мятежа, на мгновеніе затмившую зарю новаго царствованія,—историкъ характеризуетъ нашу внѣшнюю политику слѣдующими чертами:

«Первымъ Царскимъ словомъ Императора Николая I былъ объѣтъ: «жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего желаетъ онъ для счастья Россіи, и слѣдуя примѣру его, стяжать благословеніе Божіе и любовь народную.»

«Многозначительное слово: «жить единственно для любезнаго отечества» указало, какой системѣ политической намѣренъ былъ

слѣдовать Преемникъ Александра: двадцатилѣтній рядъ событій раскрылъ ее вполне. Положивъ въ основаніе ея начала строгой справедливости, умѣренности и безкорыстнаго великодушія, Государь нашъ съ честью и достоинствомъ поддерживаетъ политическій вѣсъ Россіи, благовременно принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ Европейскихъ, и своимъ могущественнымъ вліяніемъ, своимъ грознымъ положеніемъ, не обнажая меча, однимъ, такъ сказать, взглядомъ, уничтожаетъ замыслы поколебать общій миръ Европы; но не вмѣшивается въ мелкія, безконечныя неурядица запада, такъ безпокоившія Его предшественника, и презрительнымъ молчаніемъ отвѣтствуетъ на неистовыя вопли демагоговъ, безсилные возмутить тишину всеобщую и потому недостойныя Его вниманія. Съ другой же стороны, ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ названіемъ, не терпитъ и не допускаетъ чуждаго вмѣшательства въ дѣла своей имперіи, въ ея отношенія къ сосѣдямъ, въ ея распри или союзы, и горе тому, кто дерзнетъ оскорбить достоинство Россіи или потревожить ея спокойствіе.»

Рядъ блистательныхъ событій, наполняющихъ царствованіе Государя Императора, открывается 1826 годомъ, когда Стамбулъ, грозившій... для слабыхъ, твердою и рѣшительною политикою нашего Двора былъ принужденъ къ уваженію правъ и достоинства Русской имперіи. Еще при жизни Императора Александра, Оттоманская Порта возбудила справедливое негодованіе нашего Двора неоднократнымъ нарушеніемъ Букарестскаго договора, по силѣ котораго она обязалась даровать всеобщее прощеніе народу Сербскому, предоставить разныя льготы Молдавіи и Валахіи, открыть свободный путь нашей торговлѣ чрезъ Босфоръ и Дарданелы, и отказаться отъ разныхъ крѣпостей, для безопасности нашихъ азіатскихъ границъ. Но ни одно изъ этихъ условій не было исполнено. Сербія, Молдавія, Валахія и Греція стонали подъ игомъ мусульманскимъ; грабежъ, кровопролитіе, притѣсненія въ этихъ странахъ не прекращались; наша торговля на Босфорѣ и Дарданелахъ была стѣснена. Въ такомъ положеніи находились дѣла восточныя при вступленіи на престолъ Императора Николая. Европейскіе кабинеты трепетали за Турцію.

«Великобританское правительство, болѣе другихъ дѣятельное, руководимое славнымъ Кенингомъ, успѣшило отправить въ С. Петербургъ герцога Веллингтона, съ порученіемъ узнать намѣренія нашего Двора и завлечь Императора въ союзъ въ пользу Грековъ; на что Его Величество не согласился, а далъ согласіе послать эскадру съ тѣмъ, чтобы взаимно съ Ан-

гаіей и Франціей положить конецъ кровопролитію въ Греціи. Такимъ образомъ, неуклонно вѣрныи правилами политики умѣренной и великодушной, съ тѣмъ вмѣстѣ непоколебимо твердый въ охраненіи правъ и достоинства своей Имперіи, Государь Императоръ не отказывался заключить съ Великобританскимъ Королемъ союзъ, для прекращенія совокупными усиліями безчеловѣчнаго кровопролитія въ Греціи, будущая судьба которой уже составляла важный вопросъ для всей Европы; но рѣшительно отклонилъ всякое вмѣшательство Англіи въ частные споры своей державы съ Портою Оттоманскою, возникшіе въ слѣдствіе нарушенія Турками Букарестскаго трактата. Герцогъ Велингтонъ подписалъ протоколъ 23 марта 1826 года по дѣламъ Греческимъ, впрочемъ не безъ надежды на великодушіе и умѣренность Россійскаго Императора, давашаго слово не прежде прибѣгнуть къ оружію, какъ истощивъ всѣ средства къ примиренію съ Султаномъ. Англійскій парламентъ не раздѣлялъ надеждъ благороднаго герцога, и считалъ его болѣе искуснымъ на поприщѣ брани чѣмъ на поприщѣ политики. Знаменитый полководецъ однакожъ не обманулся.

«Еще до прибытія его въ С. Петербургъ, Россійское министерство извѣстило Порту Оттоманскую, что Государь Императоръ согласенъ возобновить прерванные переговоры, безъ всякаго посторонняго посредничества, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Султанъ предварительно, въ теченіе шести недѣль, обязался вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи, возстановить права Сербіи и прислать своихъ полномочныхъ въ одинъ изъ городовъ Новороссійскаго края, для заключенія дополнительной конвенціи къ Букарестскому трактату. Рѣшительный топъ нашего кабинета поколебалъ гордость Турецкую: Султанъ освободилъ изъ темницы Сербскихъ депутатовъ, далъ слово подтвердить прежнія преимущества Молдавіи и Валахіи, и уполномочилъ двухъ знатныхъ сановниковъ вступить въ окончательные переговоры въ городѣ Аккерманѣ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ и тайнымъ совѣтникомъ Рибошеромъ.

«Требованія нашего Двора были самыя умѣренныя и справедливыя: точное исполненіе Букарестскаго трактата составляло главную, единственную цѣль всѣхъ его усилій и желаній. Дѣло было ясное. Турки, исполняя тайное повелѣніе Султана, хотѣли пролѣть время, входили въ жаркіе споры и не слушали никакихъ доводовъ, доколѣ не была объявлена имъ воля Россійскаго Императора, что если въ теченіе трехъ недѣль договоръ не будетъ заключенъ и подписанъ, Русскія войска, немедленно по минованіи срока, перейдутъ Прутъ и займутъ Молдавію.

Испуганные столь неожиданною угрозою, Турецкіе полномочные постѣпшили извѣстить о томъ Государю Султана, и съ разрѣшенія его, накануне роковаго дня, подписали конвенцію, согласную съ требованіями нашего кабинета.»

Въ томъ же 1826 году, наше побѣдоносное воинство выступило на ратное поле, и вскорѣ украсилось новыми лаврами, стяжавъ ихъ въ самой родинѣ лавровыхъ рощей. Шахъ Персидскій, Фетъ-Али, ополчивъ свой народъ, двинулъ въ край Закавказскій тридцати-пяти-тысячное войско, которымъ предводительствовалъ Аббасъ-Мирза, наследникъ персидскаго престола. Но этотъ порывъ быстро сокрушился подъ стѣнами Елисаветполя. «Здѣсь встрѣтилъ Аббаса-Мирзу тотъ, кому судьба предназначила быть въ наше время грозой враговъ Россіи въ Азій и Европѣ, вождь достойный русскаго воинства: тамъ встрѣтилъ его Паскевичъ». Русскій вождь поразилъ вдесятеро сильнѣйшую армію. Разбитые на голову Персіане, съ ужасомъ бѣжали за Араксъ; Кавказскій край былъ освобожденъ отъ нашествія непріятеля. Это была гуча, разсыпанная взмахомъ гиганта—орла русскаго.

Въ слѣдующемъ году русскія знамена развѣвались въ предѣлахъ Персіи.

«Походъ открылся весною 1827 года. Путь отъ Тифлиса къ Эривани пролегалъ черезъ два горные хребта, еще покрытые снѣгомъ и едва доступные для человѣка. Русскіе солдаты проложили дороги, устроили переправы, перевезли осадныя орудія, обозы, и къ изумленію враговъ явились подъ стѣнами Эривани съ многочисленною артиллеріею, безъ которой тщетны были прежде всѣ усилія Циціанова и Гуловича овладѣть ея твердынями, знаменитыми на востокѣ. Аббасъ-Мирза, считая Эриванъ оплотомъ Персіи, собралъ всѣ свои силы, употребилъ все свое искусство и дѣятельность необыкновенную, чтобы спасти ее отъ Русскихъ; но напрасно: пораженный Паскевичемъ на правомъ берегу Аракса, отбитый храбрымъ Красовичемъ отъ монастыря Эчміадзинскаго, онъ ушелъ въ Тавризъ, почти безъ войска. Славная Эриванъ пала, разгромленная Русскими орудіями. Путь въ Персію былъ открытъ.»

«Устрашенный грознымъ движеніемъ Русской арміи, Шахъ убѣдился въ необходимости примириться съ могущественнымъ Императоромъ Россійскимъ. Аббасъ-Мирза вторично прибылъ въ русскій лагерь; въ присутствіи его, въ деревнѣ Туркманчаѣ, на пути къ Тегерану, 10 февраля 1828 года, подписанъ полномочными съ обѣихъ сторонъ мирный трактатъ, на условіяхъ уже прежде постановленныхъ: Фетъ-Али-Шахъ обязался уступить

Россія ханства Эриванское и Нахичеванское, заплатить 20 миллионов рублей серебромъ контрибуціи и даровать значительныя преимущества Русскимъ подданнымъ, прѣзжающимъ въ Персію по дѣламъ торговымъ.»

«Туркманчайскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ выгодныхъ для насъ трактатовъ: имъ установлены твердыя, безопасныя границы Россіи за Кавказомъ, достаточно вознаграждены ея пожертванія, обезпечена неприкосновенность лицъ и имущества Русскихъ торговцевъ въ Персіи, и прекращена война тягостная, въ то самое время, когда Россія вступала въ борьбу съ Портою Оттоманскою. Признательный Монархъ вознаградилъ труды и подвиги героя Закавказскаго достойнымъ образомъ: Онъ возвелъ Паскевича въ графское достоинство, съ славнымъ проименованіемъ Эриванскаго; сверхъ того пожаловалъ ему миллионъ рублей изъ Персидской контрибуціи.»

За войною Персидскою, послѣдовала столь же славная для русскаго оружія и благотѣльная для злосчастныхъ и единовѣрныхъ намъ Грековъ, которымъ кровопролитная борьба съ Турками грозила уже истребленіемъ. Въ 1828 году надъ бѣдною Греціею тяготѣла страшная гроза. Султанъ Махмудъ далъ повелѣніе войскамъ турецкимъ и египетскимъ разорить въ конецъ Морею и острова Архипелага. Кровопролитіе началось съ необыкновенною жестокостію. Мусульмане свирѣствовали въ морѣ и на островахъ; не щадили ни возраста, ни пола; города и селы пылали; нивы были опустошены; масличныя рощи гибли отъ рукъ ожесточенныхъ враговъ. Казалось, мрачная пустыня начинала господствовать въ классической землѣ Греціи. Въ наваринской битвѣ, въ которой участвовали три эскадры: англійская, французская и русская, соединенныя для прекращенія кровопролитія въ Греціи, — погнѣтъ Оттоманскій флотъ; но это только ожесточило Порту. Во всѣхъ мечетяхъ Оттоманской Имперіи былъ обнародованъ гатишерифъ о поголовномъ ополченіи за вѣру и отечество. Россія была провозглашена вѣчнымъ врагомъ мусульманства. Открылась война между Россіею и Портою. Движеніе Русскаго войска началось весною 1828 года, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Русское оружіе ознаменовалось рядомъ побѣдъ въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на морѣ. Наши войска заняли Молдавію и Валахію, большую половину Болгаріи, значительную часть Анатоліи; на 14 Турецкихъ крѣпостяхъ развѣвался уже Русскій флагъ, въ томъ числѣ были: Браиловъ, Русдукъ, Аваиа и Варна, съ ихъ грозными крѣпостями, служившіе Турціи оплотомъ на Балканскомъ полуостровѣ противъ Россіи, и Карсъ и Ахладцыхъ — на границахъ Азіат-

ской Турціи, и наконецъ 30,000 человекъ съ 9 пашами, 400 знаменами и 120 орудіями, доставшіеся въ плѣвъ, — были трофеями Русскихъ.

Не смотря на все это, Махмудъ оставался непреклоннымъ въ неурядни, и отвергая мирныя предложенія Россіи, готовился къ возобновенію брани. Султанъ ополчилъ всѣ свои силы для борьбы съ Россіею, Государь Императоръ, съ своей стороны, повелѣлъ своимъ полководцамъ Дибичу и Паскевичу, дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе. Они исполнили Монаршую волю самымъ блестящимъ образомъ. Русскіе орлы скоро явились за Балканами. Города, лежащіе на плодородной долинѣ Румелии, пали къ ногамъ Русскаго Царя; въ слѣдъ за ними и Адрианополь отворилъ свои ворота Русскому воинству. Между тѣмъ какъ наша армія, подъ предводительствомъ Дибича, попирала вершины Балкановъ, съ другой стороны графъ Паскевичъ громилъ враговъ и овладѣлъ богатою и многолюдною столицею Анатолии, Арзрумомъ. Эти жестокіе удары, потрясшіе Оттоманскую Порту, заставили наконецъ Султана смириться и просить пощады. Слѣдствіемъ этихъ побѣдъ была достопамятная миръ Адрианопольскій, утвердившій благосостояніе покровительствуемыхъ Россіею, единовѣрныхъ ей обитателей Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Греціи.

«Не требуя для своей Имперіи ничего, что не было признано Портою въ прежнихъ трактатахъ (за исключеніемъ немногихъ крѣпостей въ Малой Азіи), Монархъ Россіи побѣды своего оружія обратилъ на пользу несчастныхъ народовъ, доселѣ страдавшихъ подъ жестокимъ игомъ Турецкимъ. Онъ навсегда обезпечилъ благосостояніе Молдавіи, Валахіи и Сербіи, обязавъ Турецкое правительство самымъ положительнымъ и торжественнымъ образомъ не вмѣшиваться нѣ дѣла ихъ внутренняго управленія, не свертать самовластно Государей, не обременять народа никакими налогами, не стѣснять его промышленности и образованія, и довольствоваться только умѣренною полатью. Побѣды Императора Николая воскресили наконецъ и Грецію къ жизни самобытной и независимой.»

«Полномочные представители Россіи, Англии и Франціи, протоколомъ, подписаннымъ въ Лондонѣ 22 января 1830 года, положили: признать Грецію государствомъ независимымъ, подъ покровительствомъ трехъ державъ. Правленію же въ Греціи быть монархическому и наследственному; Государю ея предоставить титулъ короля и возвести въ сей санъ одного изъ Принцевъ Европейскихъ, по избранію союзныхъ Дворовъ, съ тѣмъ, чтобы

онъ не былъ въ родствѣ ни съ однимъ изъ нихъ. Выборъ палъ сначала на Леопольда Саксенъ Кобургскаго; по отреченіи же его, на юнаго Принца Баварскаго, который и вступилъ на Греческій престолъ въ маѣ мѣсяцѣ 1832 года, подъ именемъ Оттона I.»

Три года спустя, Русское войско снова явилось въ предѣлахъ Оттоманской Порты, но не въ грозномъ видѣ завоевателей, а въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ. «Султанъ Турецкій былъ приведенъ въ стѣснительное положеніе: войска его были разбиты мятежнымъ поданнымъ, его столицѣ, самому ему угрожала опасность плѣна, и на развалинахъ Порты готовилась возникнуть новая власть, незаконная. Этотъ переворотъ замыслилъ Мегмелъ-Али, Паша Египетскій.

«Султанъ просилъ содѣйствія къ усмиренію мятежнаго подданнаго у тѣхъ державъ Европейскихъ, которыя однимъ изъ главныхъ правилъ своей политики всегда провозглашали самостоятельность Порты Оттоманской. Больше всего надѣялся онъ на Англію и Францію: надежда его была тщетна. Ни та, ни другая держава не приняла доблаговременно никакихъ мѣръ къ защитѣ Султана; обѣ онѣ довольствовались одними увѣреніями въ дружбѣ, и вели безплодные переговоры съ Мегметомъ-Али; даже склонялись на его сторону. Иначе поступила Россія.»

«1833 года, февраля 9, контръ-адмиралъ Лазаревъ прибылъ съ эскадрою въ Босфоръ и бросилъ якорь въ виду Константинополя.

«Онъ привелъ 5 линейныхъ кораблей и 4 фрегата. Появленіе нашей эскадры подъ стѣнами Стамбула въ такую сомнительную минуту встревожило его жителей и произвело недоумѣніе въ самомъ диванѣ; а Французскій посланникъ, адмиралъ Руссеъ даже грозилъ Султану разрывомъ Франціи, если не удалятся Русскіе корабли изъ Босфора. Но Махмудъ, не взирая на ропотъ народа, на опасенія своего дивана, на угрозы Французскаго посланника, не поколебался въ безусловной довѣренности къ безкорыстію и великодушію Россійскаго Императора. Наша эскадра осталась предъ Константинополемъ, и по требованію Султана была еще усилена: 20 Русскихъ кораблей, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Орлова, стояли на якорѣ предъ Буюкдере; а 10,000 человекъ пѣхоты расположились лагеремъ на Азіатскомъ берегу у Хункиаръ-Скелеси, подъ начальствомъ генерала Муравьева, готовые встрѣтить и отразить побѣдоноснаго Ибрагима.

«Мало того: когда вѣсть о появленіи Русскихъ предъ вратами беззащитнаго Константинополя встревожила умы въ Англіи и

Франціи, и общее мнѣніе въ той и въ другой странѣ, обвиняя министровъ въ оплошности, предавшей Турцію произволу Россіи, громко требовало отъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ къ удаленію нашихъ войскъ изъ Босфора, Государь Императоръ возвѣстивъ Европѣ, «что флотъ и войска Его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ Египетская армія не перейдетъ обратно за горы Таврскія».

Столь рѣшительное изъявленіе воли могущественнаго Государя Россіи обезоружило завистниковъ нашей славы и спасло Турцію. Мегмелъ-Али отозвалъ войска свои изъ Малой Азіи.»

Вотъ тѣ великія событія, которыя такъ свѣжи еще въ нашей памяти, и которыя запечатлѣваютъ исторію нашего времени эпическимъ величіемъ, событія, для которыхъ у насъ есть историкъ, но... нѣтъ поэтовъ, нѣтъ Державинныхъ!

Разсматриваемое нами сочиненіе раздѣлено авторомъ на три части. Первую мы обозрѣли въ подробности. Во второй части авторъ излагаетъ исторію мятежа польскаго, показавъ благосостояніе Польши, развитіе ея подъ державою Благословеннаго, неблагодарность мятежной страны къ престолу, и весь ходъ мятежа, отъ первой вспышки до окончательнаго подавленія его и возстановленія порядка.

«Мятежъ въ Польшѣ прекратился. Слѣдствія его были ужасны. Страна, дотошъ спокойная, цвѣтущая и богатая, внезапно увидѣла себя жертвою тѣхъ самыхъ золъ, которыя прежде терзали нѣдра ея, въ теченіе многихъ вѣковъ. Цѣлые 8 мѣсяцевъ она представляла кровавое позорище войны, пожаровъ, опустошеній. Правый берегъ Вислы, главный театръ военныхъ дѣйствій, облитъ былъ кровью, засыпанъ пепломъ городовъ и селъ. Жители лѣваго берега были разорены налогами и всякаго рода поборами. Среди бранныхъ тревогъ, насыкли всѣ источники народной промышленности, которая незадолго предъ тѣмъ развивалась такъ дѣятельно и прекрасно. Рушилось все, что доселѣ обогачало народъ; самыя средства продовольствія истощились. Мало того: вмѣстѣ съ мятежемъ свирѣствовала губительная зараза. Перстъ Божій видимо тяготѣлъ надъ преступнымъ народомъ.»

«Соболѣзнувъ о бѣдствіи Польши, Государь Императоръ, немедленно по окончаніи мятежа, принялъ самыя рѣшительныя мѣры, какъ для исцѣленія ранъ злосчастной страны, нанесенныхъ ея собственнымъ оружіемъ, такъ и для отвращенія подобнаго зла на будущее время.

«Обезвечивъ такимъ образомъ миръ и тишину народа Польскаго, Государь Императоръ ввѣрилъ исполненіе своихъ предъ-

начертаній тому, кто съ равнымъ искусствомъ умѣетъ водить войска къ побѣдамъ и водворять благоденствіе среди побѣждаемыхъ имъ народовъ. Князь Варшавскій, облеченный саномъ Намѣстника въ царствѣ Польскомъ, съ изумительнымъ успѣхомъ, въ короткое время, исцѣлилъ глубокія язвы мтежа и возвелъ царство на высокую степень благосостоянія. Промышленность разцвѣла по прежнему; довольство и богатство возвратились. Залогомъ же будущаго счастья Польши служить восстаніе новаго поколѣнія, которое, по всей вѣроятности, будетъ благоразумнѣе стараго.»

Далѣе слѣдуетъ глава, подъ названіемъ: *Холера*. На страницахъ современной нашей исторіи, посвященныхъ изображенію этой тяжкой годовины, наполнившей наше отечество общемою скорбію, русскій читатель съ сердечнымъ умиленіемъ остановится на описаніи прибытія Государя Императора въ Москву, среди вопля и стenanія народнаго.

«По первому донесенію о бѣдствіи, постигшемъ первопрестольный градъ Россіи, Государь Императоръ 24 сентября писалъ къ Московскому генералъ-губернатору: «Съ сердечнымъ соболезнованіемъ получилъ Я ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляйте Меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависеть Мой отъѣздъ. Я приѣду дѣлать съ вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію!» Едва успѣлъ получить князь Голицынъ этотъ рескриптъ, радостная, съ тѣмъ вмѣстѣ невѣроятная, молна разнеслась съ быстротою молніи: «Государь въ Москвѣ!» Многіе видѣли, какъ утромъ 29 сентября (день незабвенный для Россіи!) при въѣздѣ въ Кремль, Онъ остановился у Иверскихъ воротъ и прикладывался къ образу Богоматери. Народъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, окружилъ Государя и громко молился о Его здравіи. «Отецъ нашъ, кричали со всѣхъ сторонъ, мы знали, что Ты будешь. Гдѣ буда, тамъ и Ты!»

«Вскорѣ Императорскій флагъ взвился надъ дворцомъ, раздались обычный благовѣсты на соборахъ, несмѣтныя толпы наполнили Кремль въ трепетномъ ожиданіи, и съ умиленіемъ увидѣли общаго Отца, шествующаго изъ царскихъ чертоговъ въ большой Успенскій соборъ, для моленія Всевышняго о спасеніи дѣтей Его.

Государь Императоръ пробылъ въ Москвѣ болѣе недѣли, и успокоивъ умы, учредивъ все необходимое къ прекращенію заразы, отправился въ С. Петербургъ, къ нетерпѣливо ожидавшему Его семейству. На пути въ столицу, Онъ остановился въ Твери, гдѣ находился кордонъ, для охраненія сѣверной Россіи отъ

заразы, и провелъ тамъ опредѣленный карантинными правилами срокъ, въ примѣръ безусловнаго и точнаго исполненія отечественныхъ законовъ.»

Жители Петербурга съ своей стороны живо помнятъ тѣ мрачные дни, когда сѣверная столица Россіи подверглась всеобщему бѣдствію, тяготѣвшему на всемъ пространствѣ имперіи, и когда простой народъ, въ легковѣрномъ убѣжденіи, что не болѣзнь, а отрана губитъ людей, произвелъ столь великіе безпорядки, что даже нѣсколько человекъ лишились жизни и полиція не въ силахъ была унять буйства черни.

«Въ то время, Государь Императоръ находился въ обыкновенномъ лѣтнемъ мѣстопребываніи своемъ, въ Петергофѣ. Глубоко огорченный неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Песаревича Великаго Князя Константина Павловича, скончавшагося въ Витебскѣ отъ холеры, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій, Государь, извѣстившись о происходящемъ въ столицѣ, утромъ 23 іюня явился въ дорожномъ экипажѣ, сопутствуемый генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ, на Сѣнной площади, усѣянной народомъ, и остановился предъ церковью св. Спаса. Толпы окружили Его со всѣхъ сторонъ. Гнѣвно взглянулъ Онъ на ослѣпленныхъ, въ нѣсколькихъ словахъ изобразилъ всю тягость ихъ проступка, и велѣлъ толпамъ преклонить колѣни предъ храмомъ Божіимъ, чтобы умолять Всемогущаго о прощеніи. Народъ опомнился мгновенно, палъ ницъ съ крестнымъ знаменіемъ, съ расканиемъ въ душѣ, и по удаленіи Государя, возвратился къ своимъ работамъ, стыдился прежняго заблужденія. Тоже магическое дѣйствіе произвело появленіе Императора въ Ямской, въ Каретной Части. Черезъ день Государь, посѣтивъ мѣста прежнихъ безпорядковъ, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что нигдѣ нѣтъ никакихъ сходбищъ и всѣ заняты своимъ дѣломъ. Въ то же время Онъ призвалъ къ себѣ градскаго главу и повелѣлъ немедленно устроить во всѣхъ частяхъ города холерныя больницы, каждую на 100 кроватей, для чего пожаловалъ 130,000 руб. ассигн. изъ государственнаго казначейства. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, холера начала постепенно ослабѣвать.»

Въ послѣдней части нашъ историкъ указываетъ на тѣ правительственныя распоряженія, которыя сдѣланы въ наше время для охраненія внутренняго благоустройства властію закона, для развитія силъ государственныхъ и для нашего образованія; далѣе развиваетъ исторію прекращенія Уніи, и наконецъ, очерчиваетъ современное состояніе Россіи.

До славной эпохи царствованія Государя Императора, наши отечественные законы не были приведены въ правильную

систему. «Законодательство наше», говорит историкъ, обозрѣвъ состояніе законовъ до конца 1825 года, «не взирая на добрыя начала его, представляю нестройную громаду, гдѣ терялся умъ самаго опытнаго правовѣдца, гдѣ ябела, корыстолюбіе, криводушіе находили себѣ защиту и обильную жатву; невинность гибла, а самое наглое преступленіе торжествовало». Съ первыхъ дней по восшествіи на престолъ, Государь Императоръ обратилъ заботливое вниманіе на грустное состояніе отечественнаго законодательства. Царское слово вскорѣ возвѣстало Россіи твердое намѣреніе Государя привести въ порядокъ отечественные уставы. Державная воля совершилась. Въ 1830 году было издано Полное Собраніе Законовъ, въ 45 томахъ; а въ 1833 г. Россія получила Сводъ Законовъ.

«Еще въ свѣжей памяти то время, когда правители и судьи блуждали въ какомъ-то хаосѣ, встрѣчая въ законахъ безпрерывныя недоразумѣнія, темноты, противорѣчія, когда ябела имѣла обширное для себя поприще, когда требовался необыкновенный навыкъ съ приисканіемъ приличныхъ дѣлу законовъ, и криводушный судья могъ зацутать, затемнить самую чистую истину своимъ произволомъ: время это миновало, какъ тяжелое сновидѣніе. Все, что имѣетъ силу закона, что обезпечиваетъ нашу честь и собственность, все теперь доступно и понятно всѣмъ и каждому, все изложено въ Сводѣ съ точностію и ясностію. Это важное, первое условіе каждаго кодекса есть слѣдствіе плана, глубоко обдуманнаго и тщательно исполненнаго, плана, равно сообразнаго и съ коренными уставами нашими, и съ цѣлью практическаго употребленія, и съ требованіями науки.»

«Много трудовъ», говорит историкъ, приступая къ обозрѣнію современнаго состоянія Россіи: «много новыхъ заботъ предстантъ нашему правительству въ дѣлѣ исправленія и усовершенствованія многообразныхъ отраслей гражданской жизни нашей, — устройствомъ взаимныхъ отношеній сословій, обезпеченіемъ строгаго исполненія законовъ, увеличеніемъ государственнаго и народнаго богатства, открытіемъ путей и источниковъ промышленности; но главное, существенное для нашего благоденствія уже сдѣлано, и только люди близорукіе, слѣпцы, косившіе въ предрассудкахъ, или малоопытные мечтатели, незнакомые съ исторіею своего отечества, могутъ не замѣчать непрерывнаго, съ тѣмъ вмѣстѣ спокойнаго, движенія Россіи впередъ, къ лучшему.»

Нужно ли прибавлять что-нибудь къ этимъ послѣднимъ словамъ историка, выражающимъ благородное негодованіе, которое, къ сожалѣнію, справедливо заслуживаютъ нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ. Но, вспомнивъ объ этихъ *нѣкоторыхъ*,

въ то же время, мы можемъ утѣшать себя надеждою, что эти люди, какъ обломки минувшаго, скоро сдѣлаются страннымъ и смѣшнымъ исключеніемъ, въ глазахъ современниковъ. Образованіе, приравненное къ потребностямъ народнымъ, навсегда искоренитъ обветшалыя предрассудки.

«Воспитанію юношества дано иное направленіе, болѣе согласное съ общимъ благомъ народнымъ. Миновало то время, когда дѣти вельможъ, знатныхъ и незнатныхъ помѣщиковъ, даже богатыхъ простолюдиновъ, получали свое образованіе внѣ отечества, забывали родной языкъ, усвоивали чуждый взглядъ на все окружающее, и возвращались въ Россію съ душою холодною ко всему, что дорого и мило Русскому сердцу. Миновало то время, когда домашними наставниками нашими были нерѣдко грубые невѣжды, безнравственные бродяги, часто изгнанные изъ своей родины и принятыя нами въ нѣдра нашихъ семействъ, за одно лепетанье на Французскомъ. Два Царскія слова спасли цѣлое поколѣніе отъ нравственной язвы: съ 1831 года Русское юношество воспитывается предпочтительно въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ; съ 1833 года избавилась Россія отъ нашествія выходцевъ иноземныхъ, которымъ грозитъ строгій экзаменъ въ университетахъ.»

Такъ, скоро настанетъ время, когда воспитанники, указанныхъ нашимъ историкомъ, грубыхъ невѣждъ-иностранцевъ окончатъ свои познанія о прогрессахъ европейскихъ и застоѣ русской гражданственности.

Донъ — Жуанъ, поэма Лорда Байрона. Вольный переводъ В. Любичъ-Романовича. С. Петербургъ. 1847. Дѣль части. Въ типографіи Е. Штигера, въ 8-ю д. въ первой части XI, 355 и LXIII во второй 468 и LXXXIII стр.

Великій писатель, сильно дѣйствовавшій на современниковъ, остается и по смерти своей нѣсколько времени, такъ сказать, въ *живой* славѣ (другая есть мертвенная); современники еще сохраняютъ будто чувственное сознаніе генія, напавшаго ихъ существо своею чудною жизнью. Этотъ періодъ посмертнаго его вліянія можно бы уподобить роковому сроку, который, для всякаго земнороднаго, бываетъ между моментами смерти и погребенія его. Покуда онъ еще *дома*, между *своими*, вліяніе его на нихъ продолжается въ такой же, какъ и прежде, и — можетъ быть — еще болѣе сильнѣе: онъ еще *наше* — и уже знаетъ завѣтную тайну смерти! *Castum doloris* — его послѣднее земное торжество являетъ его такимъ же или еще болѣе сильнымъ — *хозяйномъ* торжества, нежели какимъ бывалъ онъ на своихъ *вмѣ-*

ниныхъ прахъ. Когда вынесли это тѣло и предали землѣ, тогда онъ становится *тѣломъ* для живыхъ, и чувственное существованіе его начинать тлѣть въ памяти его ближнихъ прежде, нежели въ нѣдрахъ земли. — Покуда еще не совершилось умственное погребеніе великаго писателя, сужденія современниковъ о немъ бываютъ столь же пристрастны, какъ и при жизни его; волшебникъ Байронъ очаровалъ всю Европу и даже свѣтлый, вѣрный умъ старика Гёте; возбуждалъ необыкновенное въ свою пользу пристрастіе — такое пристрастіе, что *онъ* — безспорно великій, но все-таки только *областной* гений, въ царствѣ искусства, — при жизни своей не допускалъ на первое мѣсто — обширнѣйшаго гения, нежели онъ, — *мироваго* гения Вальтеръ-Скотта. Одно это обстоятельство можетъ насъ удостовѣрить, что мы въ правѣ не слишкомъ благоговѣть къ произнесеннымъ важными въ европейской литературѣ лицами сужденіямъ о Байронѣ — теперь когда уже состоялось его умственное погребеніе, когда онъ уже во всей Европѣ вышелъ изъ моды. Байронъ, въ наше время, не болѣе въ модѣ, нежели сколько Гёте и Шиллеръ, Вольтеръ и Руссо, Шекспиръ, Дантъ, Платонъ и Гомеръ. У насъ, въ Россіи, Байронъ вышелъ изъ моды съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ ему подражать Пушкинъ. Послѣ того, благодаря одному изъ нашихъ журналовъ, мы имѣли *своего* мнимаго Гомера-*Гоголя*, и *своего* мнимаго Байрона — *Лермонтова*, изъ—за которыхъ публика наша не могла видѣть настоящаго Байрона и ни чего другаго, замѣчательнѣйшаго, нежели Гоголь и Лермонтовъ. Тѣмъ болѣе любопытное и замѣчательное явленіе — переводъ *Донъ-Жуана*, напоминающій намъ о настоящемъ Байронѣ, и вызывающій насъ на свѣжія, совершенно свободныя сужденія — если не обо всемъ Байронѣ (это было бы не кстати и завлекло бы насъ далеко) то, по крайней мѣрѣ, о той исключительной особености его, къ которой принадлежатъ Беппо и Донъ-Жуанъ.

Байронъ хвастался тѣмъ, что у него, въ библіотекѣ, нѣтъ Шекспира; а между тѣмъ величіе одного только Шекспира и тревожило втайнѣ нашего благороднаго лорда, который втайнѣ же соперничествовалъ съ Шекспиромъ и, можетъ статься, ради этого соперничества съ комедіями великаго трагика, — при другой, столь же *Байроновской*, причинѣ, мы разовьемъ ее въ послѣдствіи — написалъ Беппо и Донъ-Жуана, желая также отличиться въ комическомъ родѣ. Но Фальстафъ и другія комическія лица Шекспира очень занимательны и подлѣ трагическихъ созданій его; Беппо же и Донъ-Жуанъ — *такъ*, по крайней мѣрѣ, казалось намъ донынѣ — суть два почти невыноси-

мые шута въ мрачномъ обществѣ Чайльдъ-Гарольда, Лары, Джаура, Каина, Манфреда, Корсара и прочихъ трагическихъ героевъ Байрона. Въ этихъ герояхъ авторъ изображаетъ величественную поэзію своего гигантскаго, враждебнаго Зевесу духа; въ Беппо же и Донъ-Жуанъ — свой безупречный образъ жизни, свое гибельное легкомысліе въ быту человѣческомъ. Беппо и Донъ-Жуанъ суть два очень дурныя *свидѣтельства о поведеніи* благороднаго лорда — и заставляющія сильно подозревать, что его титанское, Зевесу враждебное, стремленіе духа было болѣе воображаемое, нежели дѣйствительное. По этому, признаться, мы не совсѣмъ довольны тѣмъ, что выборъ г-на Любичъ-Романовича, пожелавшаго ознакомить нашу публику съ одною изъ поэмъ Байрона, палъ именно на Донъ Жуана. Кажется, всего ближе было бы взяться за нашего казака Мазену, который, хотя также очень дурнаго поведенія въ исторіи, но весьма хорошъ у Байрона, занимая благую, человѣческую средину между непонятными для насъ шутами Беппо и Донъ-Жуаномъ, съ одной стороны, а съ другой — фантастическими, слишкомъ мрачными созданіями благороднаго лорда. Въ самомъ дѣлѣ, удачнѣйшимъ произведеніемъ Байрона считаемъ мы *Мазену*; истинно прекрасное, для человѣка, рождается только на почвѣ естественности — и намъ очень пріятно бы было сравнить, въ русскомъ стихотворномъ переводѣ, Мазену Байрона съ Полтавою нашего Пушкина.

Этимъ замѣчаніемъ мы отнюдь не хотѣли сдѣлать упрека почтенному В. И. Любичъ-Романовичу; мы уважаемъ свободу поэтическаго выбора, огромный, по крайнему разумѣнію добросовѣстный трудъ перевода, и надѣемся, что переводчикъ Донъ-Жуана, знакомый, по видимому, *лично* съ своимъ авторомъ, т. е. съ твореніями его въ подлинникѣ, не ограничитъ своей литературной дѣятельности переводомъ Донъ-Жуана, но примется и за другія поэмы своего поэта. — Покаместъ займемся Донъ-Жуаномъ.

Досель мы говорили о немъ по прежнимъ впечатлѣніямъ. Лѣтъ двѣнадцать не читавши его, свелемъ съизнова знакомство съ нимъ, безъ предубѣжденія, безъ нравственнаго меланнизма; посмотримъ на него свыше, съ птичьяго полета, — à vue d'oiseau — съ точки зрѣнія свободнаго искусства.

Чего хотѣлъ Байронъ своимъ ославленнымъ Донъ-Жуаномъ? Онъ говоритъ: «Я сорвать хотѣлъ съ общества плащъ, подъ которыми, съ помощью лжи и коварства, скрывается оно отъ глазъ своихъ порки — и сорвать этотъ плащъ для того, чтобъ показать *свѣту* — въ настоящемъ его видѣ!»

Пустое! Давнымъ давно, до появленія Бейроновскаго Донъ-Жуана, свѣтъ показывался въ своемъ настоящемъ видѣ, и всѣмъ извѣстно было, что онъ подъ блескомъ наружности скрываетъ въкоторыя гнусныя пороки — и Донъ-Жуанъ Бейрона не снялъ личины ни съ одного — дотогѣ неизвѣстнаго — порока общества. Благородному Лорду захотѣлось провести по всей Европѣ челоуѣка, который былъ бы — въ Англіи, виновникомъ супружескаго развода; въ Германіи — *сентиментальнымъ* Вертеромъ..... довольно! Ужели Бейронъ не понималъ характера общества, даже въ Англіи, въ своемъ отечествѣ! Но, быть можетъ, это — *умышленное* неразуміе, маленькое мнѣніе за громкій острацизмъ, которому онъ подвергся? И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не рассердиться благородному лорду; со времени ничтожнаго Гипербола, котораго хитрый Алкивиадъ, вмѣсто себя, подвелъ подъ острацизмъ, сіе почетное наказаніе было обезпечено, отмѣнено! Если Бейрону, — необыкновенно счастливому въ англійскихъ *спискахъ указекъ*, — доводилось быть виновникомъ супружескихъ разводовъ, то это было положеніе *исключительное*, по рѣдкой геніальности искусства, въ лучахъ поэтической славы... Г-жа Сталь, въ своей Кориннѣ, гораздо согласнѣе съ истинною изображаетъ англійскіе нравы, говоря словами лорда Нельсона, что въ Англіи даже невѣрность супружеская — буде, къ сожалѣнію, такая *есть* — все-таки бываетъ чище и невиннѣе самаго супружества въ Италіи! — А *сентиментальность* Вертера! Бейронъ не только не зналъ языка, но и духа германскаго! Благодареніе его къ Гёте было чисто-произвольное, отчасти основанное на одномъ Фаустѣ, съ которымъ познакомилъ Бейрона несчастный Шеллей, и который внушилъ ему идею Манфреда.

Сентиментальность Вертера! Приостановимся на этомъ выраженіи, потому, что оно не рѣдко и у насъ слышится и понимается какъ-то превратно, въ смыслѣ нѣжной, пастушеской влюбленности. А знаете ли, что такое — сентиментальность Вертера? Это столь глубокое чувство, что вы ужаснетесь этой глубины. Вертеръ — это демоническая природа, въ которой огромныя, съ дѣйствительнымъ міромъ несообразно развитыя силы подкопали существованіе до того, что моральная чистота земнаго чувства привела гибельный взрывъ. Но лучше всякихъ разсужденій, три замѣчательные факта доказываютъ, что такое — мнимая сентиментальность Вертера!

1. Вертеръ, недовольный своею европейскою славой, вломился и въ китайскую стѣну — и «Китаецъ боязливою рукою пишетъ на стеклѣ Вертера и Шарлотту!»

2. Вертеръ избавилъ своего автора отъ всякой мысли о само-

убійствѣ! Это такъ понятно, вѣроподобно! Стало быть, тѣхъ, которыми будто бы Вертеръ *внушилъ* мысль самоубійства, уже прежде надобно бы было собрать въ домъ умалишенныхъ. Если вы *только влюблены до смерти* — прочтите Вертера: онъ непременно и за *васъ* застрѣлится, какъ застрѣлился за своего автора — и вы останетесь живы!

3. *Наполеонъ* такъ глубоко вчитался въ Вертера, что вызналъ въ немъ то, чего не замѣтилъ ни одинъ докторъ или профессоръ критики! Надѣмся угодить читателю, приводя это любопытное мѣсто изъ лѣтописей (Annalen) Гётевыхъ. (Замѣтимъ, что это написано *послѣ* паденія и смерти Наполеона.)

Будучи въ Эрфуртѣ, въ 1808 году, Наполеонъ позвалъ къ себѣ Гёте.

«Императоръ заговорилъ о моемъ Вертерѣ. Видно было, что онъ основательно его изучилъ (durch und durch studirt hatte). Послѣ разныхъ, очень вѣрныхъ замѣчаній, указывая на одно мѣсто, онъ произнесъ: «Зачѣмъ вы *это* сдѣлали? Это не естественно!» и изложилъ свое мнѣніе подробно и совершенно вѣрно. Я слушалъ съ веселымъ лицомъ и отвѣчалъ съ улыбкою, что, — сколько мнѣ извѣстно, еще *ничто* мнѣ не сдѣлалъ этого упрека, но что нахожу его совершенно справедливымъ и сознаюсь: въ этомъ мѣстѣ есть нѣчто несогласное съ истиною. Но, присовокупилъ я, можетъ быть, простительно поэту употребить нелегко открываемую хитрость (Kunstgriff), чтобы произвести въкоторыя дѣйствія, невозможныя простымъ естественнымъ путемъ. Императоръ казался довольнымъ.»

Вотъ, какого рода сентиментальность Вертера, что ея плѣнялся и *Наполеонъ* и не оуждалъ въ Вертерѣ того, что строго порицалъ въ Катонѣ!

Признаться, чрезвычайно любопытно бы было видѣть Донъ-Жуана *Вертеромъ*! Но *чѣмъ* бы снѣлся этотъ Вертеръ отъ самоубійства? По плану Бейрона, Донъ-Жуанъ вѣдь долженъ былъ погибнуть подъ топоромъ французской революціонной гильотины. Если бы Бейронъ зналъ получше нѣмецкую литературу, то можно думать, что онъ неминуемо воспользовался бы комическою передѣлкою Вертера, у извѣстнаго берлинскаго ученаго и книгопродавца Николая: pistolentъ Вертера, при выстрѣлѣ, оказывается заряженнымъ, вмѣсто пули, куриною кровью, и Вертеръ, трелько завачкавъ себѣ все лице, остается въ живыхъ и женится на Шарлоттѣ.

Провести челоуѣка, въ комической поэмѣ, по всей Европѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ посреди каждаго отдѣльнаго народа выражалъ характеристическую особенность этого народа и то, что она имѣетъ

смѣшного, или порочнаго, передъ судомъ общаго здраваго ума человѣческаго—такая идея была бы истинно-гениальная, есlibы надъ всѣмъ этимъ комическимъ и порочнымъ отражалось, на горизонтѣ поэмы, и философическое сознание той отдѣльной умственной миссиі, которую каждая нація получила отъ Провидѣнія, для отдѣльнаго, и тѣмъ совершеннѣйшаго, развитія разрозненныхъ по всѣмъ народамъ силъ человѣческихъ, и конечнаго сліянія ихъ во одно. Высоко-комическое состояло бы въ томъ, что каждая нація своими пороками, слабостями или смѣшными обыкновеніями, безсознательно уклоняется отъ назначенной ей цѣли, къ которой все-таки стремить ее нѣкая высшая сила. Нѣтъ! выполненіе подобной идеи превышало бы силы Байрона! Даже, если и отстранить то, что долженствовало бы быть умственною атмосферою этой европейской комедіи, т. е. философическое сознание отдѣльной высшей миссиі каждаго народа—еще и тогда бы круто-субъективный Байронъ не могъ бы быть довольно предметнымъ для того, чтобы чисто признавать истинно-комическое у каждаго народа: для этого понадобился бы Шекспиръ или Гёте.

Что же, въ этомъ случаѣ, осталось сдѣлать Байрону, при тѣхъ гениальныхъ способахъ, которыми оцарила его природа?

Ему наскучило олицетворять въ своихъ произведеніяхъ мрачные сны фантазіи! Наскучили ему *дѣйствительныя* его страданія при осуществленіи воображаемыхъ страдотерпецствъ: развѣ безъ великихъ душевныхъ мукъ автора могли бы родиться эти суровые гиганты? Авторъ, испытавъ на Бепно, что гораздо пріятнѣе творить безъ мукъ, и долготѣ изображать всегда только свой нерадостный міръ душевный, на этотъ разъ избралъ предметомъ длинной поэмы своей собственной житейскій бытъ—странническій, беззаботный, легкомысленный, во многихъ отношеніяхъ—истинно Донъ-Жуановскій, и исполнилъ эту идею съ свойственною ему гениальностью. Единственный упрекъ Донъ-Жуану, въ эстетическомъ отношеніи, есть непомѣрная растянутасть разсказа; но, съ другой стороны, именно эта растянутасть всего яснѣе доказываетъ, какъ легко и привольно было Байрону въ Донъ-Жуанѣ, какъ роскошно на немъ отдыхалъ онъ отъ своихъ мучительныхъ для него Пиратовъ и Джауровъ, отъ своихъ житейскихъ раздоровъ съ женою и отечествомъ, отъ своихъ докучливыхъ кредиторовъ, всего неумолимѣе напиравшихъ на него, въ черные дни его небывалаго въ дѣтоисяхъ новѣйшей исторіи—острацизма.

На горькомъ опытѣ своей жизни помирившись нѣсколько со

свѣтомъ, каковъ онъ есть; находясь въ дружескихъ, для его вѣжнаго, чувствительнаго—и все-таки *сугубую* отверженнаго сердца, особенно усладительныхъ сношеніяхъ съ прекрасною, любящею женщиною; остепенившись на столько, что уже не могъ бы въ *дѣйствительности* продолжать свои прежніе проказы, конечно и неумѣстныя при порядочной простѣи—онъ возымѣлъ оригинальную, истинно-Байроновскую идею: въ *поэзіи*, въ лицѣ своего Донъ-Жуана, особенно симпатическимъ къ нему отношеніемъ,—еще разъ, отъ первыхъ лѣтъ юности и съ медлительнымъ наслажденіемъ, прожить свою проказливую жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно его Байроновской гордости, еще разъ являться міру урожденнымъ, несправимымъ беззаконникомъ, тогда, какъ онъ фактически уже исправился. Человѣкъ, который, вѣроятно, въ шутку назвавъ «Коринну» безнравственною, тѣшилъ тѣмъ, какъ досадно должно быть для благойравной г-жи Сталь, слушать отъ *него*—перваго безнравника во всей Европѣ (le plus mauvais sujet de toute l'Europe)—урокъ въ *нравственности*—этотъ человѣкъ, конечно, весьма мало заботился о томъ, что въ Донъ-Жуанѣ, даже при мнимомъ намѣреніи: сорвать плащъ съ пороковъ общества,—и *себѣ самому* писать непохвальный аттестатъ о поведеніи! Такой охотникъ и до дурной славы долженъ былъ, менѣе чѣмъ послѣдній изъ читателей его, понять, что Донъ-Жуанъ,—весьма сносный, если бы былъ произведеніемъ *другаго*, не столь мрачнаго, отчаяннаго автора, становится, какъ мы уже сказали, почти невыносимымъ шуткомъ въ галереѣ Байроновскихъ Титановъ, въ этой страшной инквизиціонной палатѣ Джауровъ, Канновъ и Корсаровъ.

Объяснивъ себѣ такимъ образомъ, по крайнему своему разумѣнію, основную идею Донъ-Жуана, мы въ немъ нисколько и не видимъ мизантропіи и горькой дикости, о которой говоритъ Гёте; напротивъ того, избытокъ шаловливой жизни есть главная царствующая въ Донъ-Жуанѣ стихія, которой безпрекословно подчиняются другіе элементы его, а въ отношеніи къ которой все дикое и горькое, все ѣдкое и саркастическое—есть только соль и приправа, необходимая, по свойству необыкновенной поэмы. Это мнѣніе подтверждается свидѣтельствомъ самаго Байрона: «Душа подобныхъ сочиненій заключается въ самомъ ихъ *своеволіи* (licence)!» А это своеволіе, въ Донъ-Жуанѣ, не иное что, какъ избытокъ шаловливой жизни—рѣзвая Грація, сопровождавшая Байрона по всѣмъ безпутствамъ его!

Мы должны замѣтить, что намъ принадлежитъ только разгадываніе *основной идеи* Донъ-Жуана, мнѣніе, или гипотеза, касательно истинныхъ причинъ, побудившихъ лорда Байрона

взаться за тождественный ему сюжетъ Донъ-Жуана и такъ непомѣрно растагивать рассказъ, вопреки своему стилю; а давнымъ давно, и тотчасъ при появленіи этой поэмы, читатели приняли автора и за *героя* ея, такъ же, какъ было и по случаю Корсаровъ и Джуровъ—и авторъ отиѣкивался въ такомъ тонѣ, будто бы ему весьма не досадно, что общее мнѣніе *только* изъ титанской личности Бейрона можетъ объяснить себѣ мрачныхъ героевъ его! Приведемъ, кетати, одно мѣсто изъ примѣчаній г-на Любичъ-Романовича къ своему переводу:

«Вотъ еще нѣсколько словъ о «Донъ-Жуанѣ» изъ разговора, бывшаго у лорда Бейрона съ г. Кеннеди, въ Кесалонии, недѣль за нѣсколько до смерти поэта.

— «Я не могу понять (говоритъ лордъ Бейронъ) почему такъ всегда хотѣя меня слышать непременно, по характеру и образу мыслей, съ лицами, мною вымышленными и которыхъ, какъ поэтъ, имѣлъ я, кажется, полное право и свободу *создавать!*

— Противъ этого, милордъ, какъ бы вы ни протестовали (отвѣчалъ Кеннеди), не переимѣните, конечно, такого общаго мнѣнія: всѣ слышавшій расположены думать, что съ самаго себя списали въ портретъ въ *Чайльдъ-Гарольдъ*, *Лары*, *Гуизъ* и *Донъ-Жуанъ*, и что эти характеры — просто живые представители собственныхъ, вашихъ чувствъ и мыслей!

— «Въ такомъ случаѣ, весьма несправедливо поступаютъ со мною, и даже—какъ никогда еще не поступали въ съ однимъ поэтомъ! При томъ, въ Донъ-Жуанѣ, я рѣшительно не узнаю! Я беру тамъ человѣка съ пороками, безъ правилъ, и провозжу его по всѣмъ слоямъ общества, которое, подъ блестящею наружностью, скрываетъ тайные пороки; но, разумѣется, я нѣсколько поослабляю истину и посягаю на колоритъ въ моихъ картинахъ!...»—

Какое же это—отиѣкиваніе! Замѣйте: онъ и не спорить на счетъ «Лары» и прочихъ, въ этомъ родѣ, богатырей! Но что могло быть общаго между *Корсарамъ* и авторомъ ихъ, какъ только природа титанская? Авторъ вводилъ ихъ въ положенія, соответственныя этой природѣ; заставлялъ ихъ дѣйствовать *такъ*, какъ дѣйствовалъ бы—или *воображалъ* онъ, что дѣйствовалъ бы самъ, на ихъ мѣстѣ. Это былъ обманъ! Бейронъ буживалъ и титанствовалъ только въ своемъ *умѣ*; но въ *сердцѣ* онъ былъ нѣженъ и чувствителенъ, какъ дитя. Въ Греціи, на берегу Лепантскаго залива, онъ однажды подстрѣлилъ орленка; лечилъ его, и холилъ и нѣжилъ; восхищался его блестящимъ глазомъ. Но дорогой орленокъ изнемогалъ и черезъ нѣсколько дней, своей блестящей глазъ навсегда закрывъ... «Съ тѣхъ

поръ—говоритъ Бейронъ—я не стрѣлялъ ни въ одну птицу и стрѣлять не стану!»— Не *дитя* ли, сожалѣющее о смерти своей канарейки? Эта необыкновенная чувствительность сердца должна была, по закону противоположностей, примѣняемому къ Бейроновой природѣ, имѣть своимъ антиподомъ въ области ума—*Корсарамъ!* Мужественный, по характеру, Бейронъ, при сознаніи чувствительнѣйшаго сердца, любилъ воображать себя — Корсаромъ, чтобы и весь свѣтъ *такимъ* его воображалъ!

Противъ своего тождества съ Донъ-Жуаномъ онъ нѣсколько болѣе протестуетъ; но этотъ болѣе протестъ — разсмотрите его ближе—есть явная улика!

— «Въ Донъ-Жуанѣ, я рѣшительно не узнаю: я беру тамъ человѣка съ пороками, безъ правилъ и проч.»—

Да, милордъ, вы рѣшительно узнаны: человѣкомъ порочнымъ, безъ правилъ, вы всегда любили казаться въ глазахъ всего свѣта—и свѣтъ судить по виду!

— «Провожу своего Донъ-Жуана по всѣмъ слоямъ общества, и проч.»—

Точно такъ, милордъ! ваши любовныя интриги и геніальныя другаго рода затѣи пролегалы по всѣмъ слоямъ общества—отъ салоновъ европейскихъ до гарема мусульманскаго, и хижины земледѣльца, почти во всѣхъ краяхъ *нашей* части міра. Разумѣется, вы должны были допускать нѣкоторые видоизмѣненія въ наружной формѣ походовъ Донъ-Жуановыхъ; но въ сущности, это ваша собственная исторія, потому-то вы и сочили нужнымъ нѣсколько поослабить истину, посягнуть на колоритъ въ вашихъ картинахъ.

Выразумѣніе основной идеи особенно важно въ ославленномъ «Донъ-Жуанѣ» и, можетъ быть, передвинуть его на лучшее мѣсто, открывъ угѣряющую средѣ, черезъ которую можно бы къ нему приблизиться душою и ему сочувствовать. Потому, изслѣдованіе этой основной идеи есть главное въ нашемъ разборѣ, и мы не торопимся приступить къ содержанію общезвѣстной поэмы и къ переводу ея. Если вышеизложенное мнѣніе наше объ основной идеѣ Донъ-Жуана, наше провѣданіе объ истинной побудительной причинѣ автора есть болѣе, чѣмъ гипотеза; если оно, какъ намъ кажется, очевидно имѣетъ нѣкоторое основаніе: то и считаемъ неизлишнимъ утвердить, упрочить это основаніе еще однимъ—очень важнымъ—доказательствомъ, на которое не обращали почти ни какого вниманія.

Откровеннѣе, чѣмъ съ книгопродавцемъ своимъ, Мурраемъ, и съ г-мъ Кеннеди, въ отношеніи къ «Донъ-Жуану», Бейронъ былъ съ графиней Гвиччиоли, какъ надобно думать, когда, она, при

незнаніи англійскаго языка, только через самого Бейрона зна-
комая съ «Донъ-Жуаномъ», ужасалась мысли жить подъ тою
же кровлею, подъ которою сочиняется и Донъ-Жуанъ, и умо-
ляла автора: прекратить сочиненіе! Этотъ ужасъ образованной и
нисколько не жеманной Итальянки не объясняется поэтическимъ
«своеволіемъ» поэмы, или этимъ «излишествомъ истины», раз-
облаченіемъ чувства, лишаящимъ оное паружнаго блеска,» что,
по словамъ Бейрона, «не нравится женщинамъ». Графиня Гвич-
чіоли лучше всѣхъ должна была знать, что это мнимое разобла-
ченіе снаружи блистательнаго чувства до его гнилаго ядра было
у Бейрона не иное что, какъ общая любимая тема всѣхъ вели-
ковъ умовъ саркастическаго свойства. Онъ оцѣнилъ ея чувство
къ нему, остепенился при ней, былъ счастливъ ею, отдалъ ей,
какъ говорится, сердце свое, со всѣми «сокровищами чувстви-
тельности», которыя такъ мило подглядѣла въ немъ леди Блес-
сингтонъ. Г-жа Гвиччіоли лучше всѣхъ могла быть увѣрена въ
томъ, что разгульно и крайне небезукоризненно проведенная
жизнь не оставила на душѣ Бейрона на малѣйшаго пятна, ни-
сколько не очерствила его прекраснаго сердца! Для нея, Бей-
ронъ, въ своей личности, долженствовалъ быть такимъ же воз-
вышеннымъ очарователемъ, какой онъ есть для свѣта въ своихъ
твореніяхъ. Когда ея возвышенный очарователь сочинялъ Донъ-
Жуана, такъ что же было страшнаго жить подъ одною крышею съ
этимъ рождающимся твореніемъ, которое содержаніемъ своимъ
есть, такъ сказать, только невинная идиллія, въ сравненіи съ
нѣкоторыми ужасами итальянской музы, безъ сомнѣнія извѣ-
стными образованной женщиной, такъ хорошо знавшей свою оте-
чественную литературу?

Чѣмъ же объясняется причина поразительнаго душевнаго страха
графини Гвиччіоли отъ гениальнаго беззвучника Донъ-Жуана?
Мы не могли придумать другой причины, кромѣ слѣдующей.

Не признался ли ей—и ей одной—откровенный Бейронъ, чего
именно хочетъ онъ своимъ Донъ-Жуаномъ? т. е. что онъ хо-
четъ, въ столь благоприятныхъ и спокойныхъ обстоятельствахъ,
(нѣсколько комплиментовъ милой графинѣ, пресыщенный сво-
ими титанами, самъ уже отставной титанъ и усердный поклон-
никъ чисто-человѣческаго,—попытался въ комическомъ сти-
лѣ, для соперничества съ Шекспиромъ и, находя богатую тему
въ своихъ собственныхъ житейскихъ опытахъ, еще разъ, въ
поэзии, невиннымъ и безгрѣшнымъ образомъ, прокутить свою
многогрѣшную жизнь—въ типическомъ лицѣ Донъ-Жуана... И
графиня Гвиччіоли, видя, что авторъ, при ней, сонъ амеба раз-
гуливается въ своей поэмѣ, ужаснулась своего бывшаго Донъ-

Жуана; не могла ужиться съ мыслию, что ея благородный, воз-
вышенный Бейронъ, поэтъ своего вѣка, идолъ ея сердца, про-
ходилъ житейскимъ путемъ черезъ такой омутъ!... Прибавьте
къ этому, что графиня, какъ женщина, если и не опасалась со-
перницы въ женскомъ платьѣ, при тогдашней степенности Бей-
рона, могла нѣкоторымъ образомъ ревновать его къ соблазни-
тельной поэмѣ, которая, какъ хитрая гитана, атакуетъ его съ
слабѣйшей стороны человѣка, со стороны воображенія... Не
должно, опираясь довѣрчиво на свою добродѣтель, умомъ пре-
даваться соблазнамъ: какъ разъ лукавый подшутить!...

Если читатель, на придумавъ другаго, болѣе удовлетворитель-
наго, болѣе естественнаго объясненія страха г-жи Гвиччіоли,
допустить наше предположеніе, то порадуемся за Донъ-Жуана:
что внушало ужасъ свободномыслящей и свободночувствующей
Итальянкѣ, и что будто бы утверждаетъ дурную за Донъ-Жуаномъ
репутацию, именно то самое, въ нашихъ глазахъ, снимаетъ съ
него опалу, показывая его въ иномъ, гораздо умѣреннѣйшимъ,
довольно сносномъ, свѣтѣ. Большая разница: произведеніе ли
онъ мизантропін, горько шутивное выраженіе мрачнаго чув-
ства—или шаловливое дитя истинно-веселаго расположенія ума,
будто бы смѣющагося надъ своею прежнею мрачностью и уже
только играющаго тѣми сарказмами, которые онъ, бывало, бро-
саясь молніями гнѣвнаго Зевеса! Если же, какъ мы думаемъ,
этотъ потѣшный огонь сарказмовъ и вся поэма относятся къ
житейскимъ воспоминаніямъ автора, то иногда, можетъ стать-
ся, ожигается фейерверкеръ, то есть самъ авторъ, а почтенной
публикѣ остается одна чистая пиротехническая забава. Съ этой
точки зрѣнія все горькое и ѣдкое, все легкомысленное и пред-
осудительное въ Донъ-Жуанѣ, сводится на степень художественной
умѣренности, спасается изъ области дѣйствительности и отъ суда
моралистовъ въ область чистаго искусства, особенно, подъ сѣ-
нь той идеи, что Донъ-Жуанъ былъ послѣднее произведеніе
Бейрона; что прежній легкомысленный беззаконникъ шутивно
вспоминалъ свой бытъ житейскій въ то время, когда онъ уже
остепенился, уже возвышался до той нравственной высоты, съ
которой могъ начать новую, похвальную жизнь, предпринять
чисто-человѣческій подвигъ. Мы должны радоваться тому, что
судьба поперечила автору въ планѣ этой поэмы: Донъ-Жуанъ,
растерзанной гѣною французской революціи, будто бы въ нака-
заніе за столько беззаконій, ознаменовалъ бы общее отъ поэмы
впечатлѣніе чѣмъ-то невыразимо тяжелымъ и страшнымъ... это
былъ бы Донъ-Жуанъ, влекомый чертями въ адъ! Но Донъ-

Жуанъ, посвященіемъ себя несчастному, въ борьбѣ за жизнь и за вѣру погибавшему народу, является благороднымъ, великимъ, какъ Децій, который, въ критическую минуту битвы, бросается на жертву въ ряды враговъ, увѣренный, что его жертвенная смерть (devotio) принесетъ несчастье врагамъ и доставитъ побѣду его сторонѣ! Донъ-Жуанъ, умирающій на пути героизма, въ Миссолунги, есть истинный Донъ-Жуанъ испанской легенды, изъ незаконниковъ вдругъ преобразившійся въ чистаго отшельника—есть выраженіе дивной гениальной силы въ человѣкѣ, которая однимъ взмахомъ пьѣ грязи земли спасается на чистое поднебесье.

Кромѣ этихъ общихъ, съ поэмою связанныхъ размышленій, есть еще одно особенное, къ самой сущности ея относящееся и чрезвычайно выгодное для нея обстоятельство: это форма ея! Не удивительно ли, что для самаго легкомысленнаго, разгульнаго сюжета избрана самая трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая стройная, такъ прекрасно и строго въ себѣ оконченная стихотворная форма—октава? Авторъ именно *этимъ*, и несравненно лучше, нежели своими разсужденіями, въ письмахъ къ Муррау, о нравственности Донъ-Жуана, доказываетъ, что онъ понимаетъ, или чувствовалъ очень вѣрно, въ чемъ наиболѣе можетъ состоять нравственность подобнаго сочиненія.

Нравственно, въ общемъ смыслѣ, то, что укрѣпляетъ душу; безнравственно то, что ее расслабляетъ, обезсиливаетъ. Въ произведеніи искусства, нравственность заключается гораздо менѣе въ содержаніи, чѣмъ въ формѣ, потому, что первое гораздо менѣе дѣйствуетъ на читателя, нежели послѣдняя. Въ правильномъ расположеніи, въ технической отдѣлкѣ періода, въ стихотворной строфѣ, съ переливами ритма ея,—содержится и внутренняя форма, самая душа сочиненія, которая, независимо отъ изображаемой предметности, относящейся болѣе къ воображенію, своимъ основнымъ тономъ непосредственно и непрерывно отзывается въ душѣ читателя и проникаетъ ее своею сущностью. По основному закону природы, стройности формы не могло бы быть безъ содержащагося въ ней чистаго духа; равнымъ образомъ, по тому же закону природы, всякій беспорядокъ, всякал небрежность въ художественной формѣ дышатъ чѣмъ-то гнилымъ и заражаютъ душу читателя.

Ottava rima, это чудо гармоніи и устройства, рѣшительно и окончательно спасаетъ Донъ-Жуана Байронова, какъ, напротивъ того, нѣкоторыя изъ поэмъ Виланда—не своимъ соблазнительнымъ сюжетомъ, но безправильнымъ произволомъ строфы—отзываются въ насъ нечистымъ впечатлѣніемъ.

Въ своемъ изслѣдованіи поэмы Байрона, дошедши постепенно до ея полнаго оправданія—стихотворнымъ *размѣромъ* ея—мы, на этой же находкѣ печально очутились *внѣ* русскаго перевода, въ неблагопріятномъ, нѣсколько затруднительномъ отношеніи къ переводчику, который замѣнилъ октаву другою—и еще четверостопною—строфою, будто бы на правахъ *вольнаго* перевода. Правдѣ *таковаго* перевода могутъ быть очень обширны, но мы здѣсь еще не имѣемъ надобности заняться точнымъ ихъ опредѣленіемъ, когда одно наше замѣчаніе рѣшитъ дѣло! Вольный переводъ *не воленъ* измѣнять *духъ* подлинника: такъ и *форма* его неприкосновенна! Форма и духъ нераздѣльны не только у великаго, но и у cadaго истиннаго поэта, обуславливаясь взаимно, какъ духъ и тѣло; а въ Донъ-Жуанѣ, кромѣ того, форма, какъ мы старались доказать, имѣетъ еще особенную важность въ нравственномъ отношеніи. Однако, вопреки этому серьезно несогласію уже въ самомъ началѣ перевода, надѣмся поладить съ почтеннымъ переводчикомъ, разсматривая его переводъ со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ столь огромному труду, къ которому мы надѣмся еще возвратиться.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. Соч. Т. Ч. *Изданіе К. Топпи. Одесса. 1847 г.*

Судя по названію книги, мы подумали, что встрѣтимъ въ ней рассказы какого-нибудь путешественника, обозначившаго свое имя буквами Т. Ч., о видѣныхъ имъ странахъ и народахъ, странахъ, быть можетъ, далекихъ и народахъ безвѣстныхъ; страсть къ путешествіямъ теперь сдѣлалась всеобщею, и туристы, желающіе отличиться отъ тысячи своихъ странствующихъ собратьевъ, не хотятъ уже знать Европы, а углубляются въ песчанья и каменистыя пустыни Африки, въ дикія саванны Америки, или въ другія страны, сокрытыя еще отъ любопытства Европейцевъ. Но развернувъ книгу, мы увидѣли свою ошибку. По заглавію книги, въ наше время, такъ же невозможно судить о ея содержаніи, какъ по платью человѣка объ его умѣ. Въ Путевыхъ Замѣткахъ есть предисловіе, изъ котораго тотчасъ узнаешь,—какъ бывало изъ предисловія прежнихъ временъ, теперь къ сожалѣнію встрѣчающихся очень рѣдко,—узнаешь, во первыхъ, что авторъ, означившій свое имя буквами Т. Ч., есть женщина, а во вторыхъ, что въ путевыхъ замѣткахъ мы вовсе не должны искать описанія городовъ и мѣстъ, обычаевъ и нравовъ, горъ и восхитительныхъ видовъ. «Широко стелется передъ нами *путь* жизни, и на *пути* этомъ мы встрѣчаемъ не города, не полуразвалившіяся зданія — твореніе рукъ человѣче-

скихъ, встрѣчаемъ другихъ людей, ближнихъ своихъ.» Такъ говоритъ сочинительница въ предисловіи, объясняя намъ загадочное заглавіе своей книги. «Подобно всѣмъ вамъ я путешествую», продолжаетъ сочинительница, слова которой о путешествіи мы должны понимать въ объясненномъ выше смыслѣ, «подобно всѣмъ, встрѣчаю людей. Но порой въ этихъ лицахъ я доискиваюсь *какого-то* значенія, непонятаго вами, или пропущеннаго безъ вниманія,.. Человѣкъ — вѣчной калейдоскопъ. Хорошъ ли, дуренъ ли, онъ всегда разнообразенъ.»

Послѣ этого объясненія, любопытно посмотрѣть, какихъ людей изображаетъ намъ писательница, и какого значенія она доискалась въ вѣчномъ калейдоскопѣ—человѣкѣ. Ея замѣтки должны быть интересны тѣмъ болѣе, что она изображаетъ людей, живущихъ въ далекомъ отъ насъ краѣ, людей, о которыхъ мы часто судимъ по своимъ понятіямъ, не выдавъ ихъ и въ глаза. Кому же лучше знать и описывать ихъ, какъ не наблюдательной сочинительницѣ, которая живетъ въ ихъ кругу и, конечно невѣдомо своимъ ближнимъ, доврчивымъ, простодушнымъ, доискивается въ нихъ *какого-то* значенія. Въ ея сочиненіи мы находимъ два, двѣ... но мы не придумаемъ названія для новаго рода беллетристическихъ произведеній, наименованнаго впрочемъ его путевыми замѣтками... но все равно, двѣ статьи, подъ названіями: *Три варьяціи на одну тему* и *Гувернантка*. «Три варьяціи» состоятъ изъ трехъ главъ, изъ которыхъ въ первой какая-то Аннетъ, двадцатилѣтняя дѣвушка, любитъ пятнадцатилѣтняго юношу, или, по выраженію сочинительницы, ребенка, Лѣлю, любить чудно, непонятно, какъ Дантъ любилъ Беатрису, т. е. какъ мужчина любилъ женщину.» Лѣля былъ очаровательное дитя; а умъ въ немъ былъ не дѣтскій.» Онъ же отвѣчалъ на любовь своей обожательницы, которая потому и вышла за мужъ за Дмитрія Ивановича. Во второй главѣ, раскрывается картина семейнаго счастья. «Мы жили мирно, говоритъ героиня разсказа или повѣсти: онъ, т. е., мужъ любилъ меня почти *дружбой*; дружба хорошая вещь, и я была счастлива... Я любила его, *разумѣется, привязанностію*. Дмитрій Ивановичъ улыбался цаловалъ (цѣловалъ) меня ласково въ лобъ, и садился догрызать партію въ шахматы. Право, я была очень счастлива.» Спусти пять лѣтъ прожитыхъ въ такомъ семейномъ счастьи... Здѣсь мы не можемъ понять, гдѣ происходитъ дѣйствіе въ городѣ или въ деревнѣ. Вотъ этотъ загадочный разсказъ. «Дмитрій Ивановичъ давно служилъ въ *губернскомъ городѣ*. Одна изъ моихъ кузинъ переѣхала тоже жить *въ городѣ*. Она была страстно влюблена въ своего мужа и ждала съ нетерпѣніемъ его возврата

изъ-за границы.» Эта кузина, Вѣра, пригласила къ себѣ Анету или Анну Федоровну, жену Дмитрія Ивановича. «На другой день я была у Вѣры, говорить Анета; при первомъ дребезжаніи колокольчика, мы выбѣжали на крыльцо. Жоржъ, (мужъ Вѣры, возвратившійся изъ-за границы, вмѣстѣ съ молодымъ человекомъ, Алексисомъ) обнялъ (прежде всего) меня и (потомъ уже) бросился цаловать (цѣловать) жену. Мнѣ хотѣлось спросить, гдѣ этотъ Алексисъ, но Вѣра предупредила меня:

«Гдѣ твой товарищъ?

«Онъ идетъ пѣшкомъ; *деревня* ему нравится, а гора напоминаетъ Швейцарію, и *вотъ онъ воображаетъ себя за границею*. Кстати вотъ и онъ самъ!

«Мы обернулись: въ ворота входилъ человѣкъ лѣтъ двадцати, небольшого роста, но тонкій и граціозный. Черный бархатный сюртукъ составлялъ его дорожный костюмъ; откинутый воротничекъ ослѣпительной оѣлизвы, измятый, но свѣжій, своей чистотой выказывалъ его щеголеватость и привычку къ роскоши; онъ шелъ, *льниво переступая и медленно покачиваясь*. Подходя (куда?), онъ бросилъ палку, на которую онъ опирался, и принялся *щастально опыливать свѣтло-сиреневыя перчатки*.»

Здѣсь все чудно и необыкновенно. Чудно это путешествіе *въ городъ по деревнѣ*; чуденъ и этотъ Алексисъ, который, только что возвратившись на родную сторону, воображаетъ себя за границею; вѣрте послѣ этого, что отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ! Чудна наконецъ и эта эстетическая прогулка пѣшкомъ, совершенная съ такою быстротою, что восторженный швейцарскими видами путникъ отсталъ отъ почтовыхъ лошадей только нѣсколькими секундами. Потому—то, быть можетъ, онъ и шелъ *покачивался*. Онъ, этотъ Алексисъ, ни кто иной, какъ прежній ребенокъ, Лѣля. Онъ измѣнился, сталъ старше, и имя тоже его подверглось измѣненію и варіаціи. За варіаціей въ имени послѣдовала варіація или въ сердцѣ. Онъ влюбился въ Анну Федоровну; сидѣлъ съ нею въ саду, и былъ ею, Анною Федоровною, цѣлуемъ. Въ третьей главѣ, Лѣля, преобразовавшись въ Алексиса, снова подвергся варіаціи, и является уже подъ полнымъ именемъ Алексѣя Петровича. Анна Федоровна съ своей стороны овдовѣла, и варіація окончилась.

Гувернантка.... Трудно понять, что было и что стало съ этой гувернанткой. Но оставимъ сюжетъ въ сторонѣ; мы интересуемся очерками одесскихъ героевъ, столько же оригинальныхъ, какъ и самые очерки, отзывающіеся тѣмъ желаніемъ, какое высказала сочинительница въ предисловіи, желаніемъ во всемъ отыскивать какое-то значеніе. Изъ этихъ очерковъ можно многому

поучиться физиономистамъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Елена Линкевичъ.

«Лицо ея имѣло свой особенный характеръ: губы какъ кораль, *оседа влажныя, концы рта* приподняты насмѣшливой улыбкой, носъ довольно длинный, *ноздри нѣсколько обозначены* — *признакъ пылаго характера*. Щеки смуглыя съ живымъ румянцемъ, лобъ большой, брови густыя, смѣло осыняющія прелестные глаза, глаза необыкновенные. Да, рѣшительно необыкновенные, потому что они были не черные и не голубые; но днемъ вы бы сочли ихъ голубыми, а вечеромъ черными. Они соединяли мягкость и нѣжность голубыхъ глазъ съ огнемъ и страстнымъ блескомъ черныхъ. Не разочаруйтесь, когда я опредѣлю цвѣтъ этихъ глазъ словомъ «сѣрый», потому что это не былъ тотъ пошлый сѣрый цвѣтъ, который пріобрѣтается канцеляристами въ слѣдствіе долгаго употребленія нюхательнаго табаку. Взглядъ ихъ былъ гордый, но не презрительный, страстный, но не жгучій, глубокій, но не томный, и смѣлый, но не дерзкій. Можетъ быть, вы бы не замѣтили ни этого лица, ни этихъ глазъ; но разъ взглядыши въ нихъ, вы бы ихъ не забыли никогда, и захотѣли бы по нимъ сдѣлать опредѣленіе характера Елены.»

Бальный герой.

«Правильныя, красивыя черты странно расположены; красивыя густыя брови приподняты вверхъ—*признакъ хитраго характера*. По всему лицу было разлитое глубокое выраженіе ума злобнаго и холоднаго, который не покорялъ, но подавлялъ всѣ страстныя чувства. Къ тому же онъ скептикъ, слова его дышали неподдѣльнымъ цинизмомъ.»

Другой герой того же разряда.

«Лицо очень блѣдное, волосы черные, коротко остриженные, какъ на портретѣ у Лермонтова, манера благородная, спокойная, но во всемъ естествѣ его слабость и какая-то изнѣженность, рѣшительно женская. Сужденія строгія, но разговоръ умный, свѣтскій; къ тому же, говоря съ женщинами, онъ умѣлъ при- дать своему голосу интонацію мольбы, и смягчалъ звуки его до такой степени, что порой слова почти терялись въ воздухѣ, или доходили до женскаго слуха, какъ неопредѣленный, нѣжный ропотъ. Его черные глаза не горѣли вѣчнымъ огнемъ юной души; но взоръ ихъ, остановясь неподвижно, умѣлъ пройти медленно всѣ фазы женскаго кокетства: всникнуть вдругъ страстнымъ выраженіемъ, онъ становился тихимъ, испытующимъ, глубокимъ, мягкимъ, и принималъ на себя отпечатокъ непонятнаго болѣзненнаго чувства.»

Боринская.

«Боринская превосходно владѣла глазами; они горѣли, искрились южнымъ огнемъ, и взглядъ ихъ манилъ нѣгой и страстью. Прибавьте полненькія щеки съ нѣжнымъ румянцемъ, *носъ съ легкимъ горбомъ*, губы прелестныя, художественно-обрисованныя, — и все это оживлено лукавой улыбкой креолки и самымъ утонченнымъ, глубоко постигнутымъ кокетствомъ.»

Не одни герои, не одніе событія южной Россіи, изображаемой сочинительницею, отличаются оригинальностію; но и самая природа подчиняется другимъ законамъ, неподдѣннымъ учеными. Выищемъ тѣ замѣчательныя строки, которыя должны удивить великихъ астрономовъ, неподдѣвшихъ нигдѣ, на всемъ пространствѣ земнаго шара, ни чего подобнаго. «Елена стояла у окна. Знойный вѣтеръ Украйны гналъ по небу сѣрыя тучи, которыя принимали исполнскіе образы, или застилали *аркую, полную луны*.... Съ отчаяніемъ она, Елена, глядѣла на *горлицярко звѣзды*....» Чудная картина. При яркомъ блескѣ полной луны, ярко горять и звѣзды. Никто, съ сотворенія міра, не замѣчалъ подобнаго явленія. У насъ, какъ и вездѣ, кромѣ Украйны, свѣтъ полной луны уменьшаетъ сіяніе звѣздъ даже первой величины, а прочихъ почти и не видно на небесномъ сводѣ. Надо прибавить еще, что и языкъ одесскаго края часто непонятенъ намъ. Мы уже замѣтили слово *опылвалъ*; по нашему мнѣнію, еслибы такое слово существовало въ русскомъ языкѣ, то значило бы: покрывать пылью; а по смыслу сочинительницы, оно значитъ: сметать или стирать пыль. На стр. 39. «На глазахъ у меня *наворачивались* слезы.» Стр. 49. «Онъ *зѣвалъ, заворачивалъ* въ шубу.»

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ Елены, главнымъ лицѣ повѣсти, портретъ которой вамъ уже извѣстенъ, мы выишемъ нѣсколько словъ изъ ея журнала, которому, обыкновенно, повѣряютъ всѣ тайны сердца:

«... Какъ жаль, что Панчуреевъ не даетъ воли и росту своимъ чернымъ волосамъ. Это очень украшаетъ неправильныя лица. Впрочемъ, онъ стрижетъ ихъ такъ плотно, что становится оригинальнымъ. Мы его встрѣтили верхомъ на красивой лошади и въ походной формѣ. Бѣлый шарфъ на черномъ сюртукѣ прекрасно обрисовываетъ его тонкую, *двѣствениую* талию. Мы, женщины, инстинктивно любимъ гибкую, почти ломкую талию, какъ вѣрную примѣту ловкости и граціозности. Мы всегда предпологаемъ способность сильныхъ чувствъ, матежныхъ страстей и поэтическихъ мыслей, въ слабомъ тѣлосложеніи; мы истолковываемъ слабость физическую усиленнымъ развитіемъ умствен-

выхъ и нравственныхъ силъ, тогда какъ лющія плеча, богатырская грудь и полныя, румяныя щеки оскорбляютъ нашъ эстетическій вкусъ преобладаніемъ жизненности надъ высшею жизнью.»

Но довольно. Въ заключеніе мы скажемъ, что эта книга хороша, даже очень хороша... по своему шрифту и бумагѣ. Это дѣлаетъ честь вкусу провинціального издателя, г. Тотти.

ОДЕССКІЕ ФАКТОРА (Ы). *Физиологическій очеркъ. Одесса. 1847.*

Въ этомъ очеркѣ, на нѣсколькихъ страничкахъ, мы встречаемъ и общество, и языкъ, и нравы, совершенно невзвѣстные намъ. Что касается до общества, описываемаго въ этомъ сочиненіи—вѣдь, сочинялъ же кто-то!—то все оно обрисовывается въ слѣдующихъ строкахъ, замѣчательныхъ по живости изложенія:

«*Денежные фактора*, по части займа, закладовъ и тому подобныхъ вещей. Разъ, сидѣлъ я у себя дома (передаю вамъ это, такъ, какъ я слышалъ отъ того, съ кѣмъ это было). Факторъ ко мнѣ является, не забудьте, въ знотахъ. «Кругомъ зноты, а въ серединѣ собака», подумалъ я и спросилъ, что ему нужно.

— Денегъ подъ залогъ, сказалъ, низко кланяясь, факторъ.

— Кому-же это деньги?

— Ну, на что вамъ знать: я закладъ вамъ даю.

— На что?—я хочу знать.

— Я беру для себя.

— Врешь!

— Ей-Богу, правда!

— Я безъ векселя не дамъ.

— А залогъ?...

Наконецъ онъ мнѣ признался, что деньги занимаетъ для одной генеральши.—«Фамиліюя вамъ послѣ скажу, только деньги дайте.»

ОБРАЗЦОВЫЕ ПЛАНЫ И ФАСАДЫ СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ, какъ-то домовъ помпѣщичьихъ и крестьянскихъ, погребовъ, сараевъ, амбаровъ, сараевъ для фруктовъ, кладовыхъ, сѣноваловъ, конскихъ заводовъ, конюшенъ, хлѣбовъ, скотныхъ дворовъ, овчаренъ, курятниковъ, овиновъ, молотильнъ, житницъ, винокурень, кузницъ, мельницъ, пекарень и проч., издаваемыя королевско-виртембергскимъ центральнымъ обществомъ сельскаго хозяйства. С. Петербургъ. 1847.

Почтенный с. петербургскій книгопродавецъ, В. Поляковъ, предпринимаетъ изданія большею частію дѣльные и полезныя. Подробное заглавіе новаго его изданія вполне объясняетъ его содержаніе, равно какъ и необходимость его для всякаго порядочнаго сельскаго хозяина.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Слѣсь.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ. *Кенигсбергъ.* Удивительно, какъ люди въ дорогѣ сближаются. Разставшись на сутки съ моимъ спутникомъ, я, пріѣхавъ въ Кенигсбергъ, уже тосковалъ по немъ и чрезвычайно обрадовался, когда на другой день громкій голосъ его разбудилъ меня. Онъ пріѣхалъ съ тяжелой почтой (персонень-постъ) и выходилъ изъ себя, вспоминая о претерѣнныхъ мученіяхъ. Искренно сожалѣя о немъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому предстояла такая же пытка, я, однакожъ, не имѣлъ времени выслушать всѣхъ доннерветтеровъ его, потому что спѣшилъ осмотрѣть городъ.

Въ домѣ консула ожидалъ меня милый и умный молодой человекъ, съ любезностью взявшій на себя скучный трудъ обойти со мною городъ и показать мнѣ всѣ достопримѣчательности его.

Самое замѣчательное въ Кенигсбергѣ древняя соборная церковь.

* Это письмо помѣщается только въ настоящей книжкѣ, по времени его полученія въ редакціи, но по своему содержанию, какъ замѣтитъ каждый читатель, оно должно быть не пятымъ, а четвертымъ.

Построение одной части ее относится к XI столѣтію; другая построена гораздо позже, а именно в XV или началъ XVI столѣтія. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свой характеръ, что, однакожъ, не вредить величю общаго. Вообще, во всѣхъ германскихъ средне-вѣковыхъ зданияхъ замѣтно согласованіе строителя съ климатомъ.

На сѣверѣ вы встрѣчаете громадныя массы, приближаясь къ югу, вы видите, что эти массы болѣе и болѣе облегчаются; онѣ начинаютъ, такъ сказать, сквозить. Форма шпилей становится граціознѣе; они образуютъ не плотную массу, а украшены сквозными орнаментами, на подобіе гигантскихъ, каменныхъ кружевъ; плоскости испещрены замысловатыми и до безконечности разнообразными украшениями.

Мнѣ часто случалось читать похвалы прекраснымъ, граціознымъ формамъ готическихъ церквей. Точно, формы эти очель граціозны, но не въ общемъ. Отдѣльно взятый шпиль превосходенъ; порталъ или огромное преддверіе прекрасно; но эти части не гармонируютъ между собою, корпусъ же зданія почти всегда безобразенъ. Видъ готическихъ зданій убѣждаетъ въ томъ, что средній вѣкъ былъ вѣкъ деталей, подробностей, грація которыхъ, верхъ совершенства *въ общемъ*; *въ частности же*, напротивъ, каждое украшеніе тяжело, аляповато.

Контрасты эти легко объяснить очаровательною и вѣсть величественною пропорціональною итальянскихъ и греческихъ зданій.

Въ Италіи и Греціи.... виновать, я забылъ, что мы не дошли еще до этихъ странъ, а потому успѣемъ еще наговориться объ нихъ. Теперь же войдемъ въ Кенигсбергскій соборъ.

Внутренность его также представляетъ два характера. Передняя часть, построенная позже, напоминаетъ церковь Св. Николая въ Ревелѣ, только въ болѣе величественныхъ и громаднѣхъ размѣрахъ.

Звучное эхо повторяло наши шаги по плитяному полу, когда мы, предшествуемые кюстеромъ, вступили подъ высокіе своды храма. Столбы, на которыхъ покоились эти своды, украшены гербами и латами древнихъ рыцарей и бургомистровъ города.

Прежде всего кюстеръ указалъ на органъ, роскошь германскихъ церквей. Этотъ органъ уже самъ по себѣ похожъ на маленькую готическую церковь. Онъ почти весь серебряный и мѣстами вызолоченъ. Неменѣ замѣчательна *канцель*, коедря, высѣченная съ рѣдкимъ искусствомъ изъ одного камня. Передъ алтаремъ, въ передней, новѣйшей части церкви, находится подъ пологомъ могилы первого лютеранскаго проповѣдника, присланнаго въ Кенигсбергъ Лютеромъ.

Алтарь украшенъ картинами Краваха, между которыми особенно замѣчательенъ образъ Богородицы.

Во второй половинѣ церкви, въ которую надобно спуститься нѣсколько ступень, виситъ, непосредственно за алтаремъ, колоссальное распятіе. Надъ самымъ алтаремъ, сохранившимся еще съ того времени, когда эта церковь принадлежала католикамъ, я замѣтилъ желѣзные скрѣпы на крестѣ, распяленномъ въ этомъ мѣстѣ поперегъ.

Кюстеръ рассказалъ намъ по этому случаю слѣдующее:

Съ незапамятныхъ временъ посылось преданіе, что распятіе это было изъ чистаго золота. Не смотря на то, что во время ученія Лютера, реформаты, поставившіе себѣ первымъ правиломъ простоту, пользовались всѣми сокровищами католиковъ, не для украшенія церквей, а какъ средствомъ для распространенія новаго ученія, не смотря на то, говорю, никто не дерзнулъ прикоснуться святоотечественными руками къ этому распятію... тѣмъ болѣе, что реформаты узнали, что оно было не изъ золота, а изъ дерева.

Прошло нѣсколько столѣтій. Непобѣдимыя войска Наполеона овладѣли Кенигсбергомъ. Преданіе о золотомъ распятіи жило еще въ народѣ и подстрекнуло корысть нѣсколькихъ мародѣровъ. Чего не сдѣлали реформаты, на то рѣшились католики. Впрочемъ извѣстно, что всѣ Французы, и въ особеннности, солдаты, были въ то время философы и, въ добавокъ, матеріалисты.

Воспользовавшись удобнымъ ночнымъ временемъ, нѣсколько мародѣровъ забрались въ церковь, вооружившись пилами....

Смѣльце шли они на приступъ крѣпостей, нежели къ распятію.... Это древняго храма казалось живыми грозными голосами душъ эпископовъ, проповѣдниковъ, курфюрстовъ и бургомистровъ, погребенныхъ подъ плитянымъ поломъ, и съ каждымъ шагомъ мародѣрамъ казалось, что изъ подъ высокихъ сводовъ грозный голосъ восклицалъ въ нимъ:

— Огидите, окаанные!!!

Корысть побѣдила, однакожъ, страхъ.

Самый смѣлый изъ побѣдоносной арміи обвязалъ крестъ веревкой и бросилъ конецъ ее товарищамъ, стоявшимъ внизу, для того, чтобы крестъ, будучи перепиленъ, не рухнулъ разомъ на полъ, а опустился потихоньку.

Распорядившись такимъ образомъ, мародѣръ взялся за пилу.

Наступила глубокая, могильная тишина, которую никто не дерзалъ нарушить.... Сердце преступника забилося громко, громко....

Можетъ быть онъ вспомнилъ въ эту торжественную минуту молитвы, которымъ учила его мать, первыя наставленія священника, въ скромной сельской церкви: чувство религіи пробудилось въ немъ...

Лучъ мѣсяца проникнулъ въ окно съ разноцвѣтными стеклами и освѣтилъ распятіе... подобно золоту и алмазамъ заигралъ свѣтъ на крестѣ....

Корысть побѣдила и религію.

Съ ожесточеніемъ провела мародѣръ пилою по кресту... и эхо повторило скрипъ ея, подобно жалобному воплю... Пораженный невольнымъ ужасомъ, мародѣръ остановился... эхо переносилось отъ одного свода къ другому, и жалобный вопль замиралъ въ отдаленіи тихимъ стономъ....

Потомъ все утихло, и снова заскрипѣла пила, и все рѣзче становились звуки ея, по мѣрѣ углубленія въ дерево. Мародѣръ пилилъ съ ожесточеніемъ; болѣе и болѣе углублялась пила, и шумъ ея пробу-

ждалъ эхо; самый органъ, подобно Золовой арфѣ, издавалъ тихіе, плачевные звуки...

Еще нѣсколько минутъ и крестъ упадетъ...

Вдругъ звонкій ударъ въ колоколъ прервалъ ночную тишину.

Мародеры вздрогнули. Преступленіе ихъ было открыто.

Колоколъ продолжалъ гудѣть громче и громче и каждый ударъ развѣсився въ воздухъ, подобно отчаянному призыву на помощь...

Мародёръ, плившій крестъ, оставилъ въ немъ пилу и со страхомъ соскочилъ внизъ и пустился бѣжать съ товарищами.

Въ сосѣднихъ домахъ пробуждался народъ, и со страхомъ выбѣгали люди на улицу, узнать причину необъяснимаго звона въ ночное время.

Преступники успѣли спастись, но долго-долго преслѣдовалъ ихъ грозный звонъ, помѣшавшій имъ привести въ исполненіе задуманное преступленіе.

На другой день рассказывали, что колокола сами пришли въ движеніе. Церковный же кюстеръ увѣрялъ, что, увидавъ еще съ вечера французскихъ солдатъ, бродившихъ около церкви, онъ сталъ подозрѣвать ихъ въ намѣреніи ограбить церковь, и рѣшился караулить всю ночь. Подозрѣніе его оправдалось. Увидавъ, что мародёры вошли въ соборъ, онъ хотѣлъ было позвать на помощь, но раздумалъ. Время было ночное, всѣ спали, и пока онъ будетъ бѣжать изъ дома въ домъ, и будить сосѣдей, мародёры успѣютъ многое вынести изъ церкви. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился взобраться на высокую колокольную, будучи увѣренъ, что на необычайный звонъ вдругъ соберется множество людей.

Онъ не ошибся...

Во второй же половинѣ церкви находятя склепы, въ которыхъ стоятъ нѣсколько свинцовыхъ вызолоченныхъ гробовъ и между прочими, гробъ одного изъ Радзивиловъ. Нѣсколько великолѣпныхъ надгробныхъ памятниковъ украшаютъ эту же часть церкви; между ними особенно замѣчательенъ памятникъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора. Въ продолговатомъ углубленіи массивной стѣны, за рѣшеткой, лежатъ кости перваго основателя церкви, какого-то епископа, имя котораго я забылъ.

Говорятъ, что въ задней стѣнѣ древнѣйшей части собора проведенъ потайной ходъ, что оправдывается необычайной толщиною стѣны и отсутствіемъ отверстій изнутри, между тѣмъ, какъ снаружи можно замѣтить искусно скрытыя и, по видимому, въ безпорядкѣ расположенныя маленькія отверстія.

Осмотрѣвъ подробно древній соборъ, мы направились къ университету, находящемуся за соборомъ. Близъ университета находится гимназія, въ которой приготавливаютъ учениковъ ко вступленію въ высшее учебное заведеніе.

Зданіе университета чрезвычайно старо. Оно состоитъ изъ длиннаго, неправильнаго строенія со многими крыльцами и большими окнами. По случаю предстоящаго праздника Рождества лекцій уже

не было. Между профессорами Кёнигсбергскаго университета есть замѣчательные, но не первостепенные ученые. Все лучшее сосредоточилось въ Берлинѣ, и тамошній университетъ теперь, безспорно, лучшій въ цѣломъ мірѣ.

Передъ университетомъ находится небольшая площадь или, лучше сказать, дворъ, окруженный съ двухъ сторонъ университетскими строениями, съ третьей старыми частными домами; часть четвертой стороны ограждена заднею стѣною собора.

Къ этой стѣнѣ примыкаетъ галерея, со сводами, покоящимися на массивныхъ столбахъ. Квадратное пространство, занимаемое одной аркой въ концѣ галереи, отгорожено черной рѣшеткой; за нею возлѣ стѣны лежитъ на землѣ квадратная плита, простая, безъ всякихъ украшеній, даже неполированная. Надъ камнемъ стѣна исписана мѣломъ и карандашомъ, но эти незатѣйливья надписи стерло время... только въ одномъ мѣстѣ видны еще крупныя цифры, написанныя мѣломъ, и одно имя:

1804.

Kant.

Это памятникъ *Kanta*, одного изъ величайшихъ философовъ, имѣвшаго наибольшее вліяніе въ *ученомъ мірѣ*.

Иммануэль Кантъ родился въ Кёнигсбергѣ. Въ скромной части города, въ довольно грязномъ переулкѣ, существуетъ еще простенкій, невысокій домикъ, за которымъ сохранилось длинное строеніе, бывшее нѣкогда мастерскою сѣдельника.

Въ этомъ домѣ родился въ 1724 году, 22 апрѣля, Иммануэль. Сѣдельникъ, хозяинъ дома, былъ отецъ его.

Окончивъ курсъ въ гимназіи, — Collegium Fridericianum. — о которой я уже говорилъ, Кантъ въ 1740 году былъ принятъ въ университетъ, въ богословскій факультетъ. Но вскорѣ онъ оставилъ богословіе и преимущественно занялся естественными науками, математикой и философіей.

По окончаніи курса, онъ, въ теченіе девяти лѣтъ, занималъ въ разныхъ семействахъ должность домашняго учителя, и въ это же время написалъ свое первое сочиненіе: «Мысли объ истинной оцѣнкѣ живыхъ силъ».

Въ 1755 году сталъ онъ читать въ Кёнигсбергѣ частныя лекціи логики и метафизики, физики и математики, и наконецъ, въ 1770 году получилъ мѣсто профессора логики и метафизики при Кёнигсбергскомъ университетѣ. До этого времени Кантъ издавалъ уже въ свѣтъ многія замѣчательныя сочиненія, каковы: «Всобщая естественная исторія и теорія неба», «Разсужденія о чувствѣ метафизики и высокаго», «Мечты духовидца, объясненныя мечтами метафизики» и другія; рядъ же сочиненій, которыя составляютъ эпоху въ исторіи философіи, начинается вступительнымъ въ должность профессора разсужденіемъ: «De mundis sensibilis et intelligibilis forma et principiis»;

это рассуждение есть как бы программа «Критики здравого рассудка», которая вышла, однакож, одиннадцать лѣтъ позже.

Съ 1781 года быстро послѣдовали одно за другимъ главныя философическія сочиненія Канта: «Основаніе метафизики нравовъ», «Метафизическія начала естественныхъ наукъ»; «Критика практическаго разсудка», и, наконецъ, болѣе нежели 50-ти лѣтнюю литературную дѣятельность Кантъ окончилъ «Антропологіей въ прагматическомъ отношеніи».

Между этими и многими другими, не менѣ замѣчательными сочиненіями, главную основу системы Канта составляютъ *Критики разсудка*.

Какъ профессоръ, Кантъ имѣлъ благотворное вліяніе на своихъ учениковъ, ибо въ лекціяхъ своихъ о логикѣ и метафизикѣ, антропологии и физической географіи онъ не старался придавать философіи видъ отдѣльной системы, но дѣйствовалъ болѣе на слушателей представленіемъ очевидныхъ фактовъ и мѣткими замѣчаніями о человѣкѣ и природѣ.

Исслѣдованія, которыми Кантъ дѣйствовалъ на свой вѣкъ какъ реформаторъ философіи, простираются не столько на отдѣльныя части и задачи, какъ на основаніе и границы ея вообще.

Центръ его философіи заключается въ томъ, что прежде нежели человѣкъ можетъ произнести какое либо рассужденіе о предметѣ, онъ долженъ подвергнуть испытательной критикѣ способность познавать предметы и лежащіе въ ней источники познанія; вслѣдствіе этого, Кантъ всегда отличалъ критическую методу отъ догматической, занимающейся самими предметами безъ предварительной критики способности познавать эти предметы.

Критика Канта имѣла двойную цѣль; во первыхъ совершенное и точное отдѣленіе *нужнаго* и *общепользнаго* отъ просто *эмпирическаго* и, во вторыхъ опредѣленіе границъ знанія.

Касательно втораго пункта, а именно опредѣленія границъ теоретическаго знанія, Кантъ доказываетъ, что опредѣленіе того, что лежитъ внѣ границъ опыта, очевидности, есть *пустой трудъ*, путающійся въ ничтожныхъ формахъ, которыя могутъ дать намъ представленіе о предметѣ или *объектѣ*, не не познаніе его. Вообще мы имѣемъ даже объ очевидныхъ предметахъ несовершенное понятіе, т. е. мы имѣемъ понятіе о томъ, какіи они *кажутся*, а не о томъ, какіе они *суть*. Кто захочетъ переступить за границы опыта, очевидности, запутается въ неизбѣжную *диллектику*...

Кантъ, къ сожалѣнію, самъ часто переступалъ за границы опыта, и слѣдовательно, путался въ пусто-и туманнословіи; впрочемъ таково было всегда направленіе нѣмецкой философіи, до послѣднихъ представителей ея, имена которыхъ мы недавно встрѣчали въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, на ряду съ *объектами* и *абсолютами*. Неумоимо удалаясь нѣмецкая философія отъ дѣйствительной жизни, облекая все, высказанное Сократомъ и Платономъ, въ уродливыя формы, дабы придать имъ видъ новизны, путался въ собственныхъ

назначеніяхъ... Это было время владычества теоріи надъ практикой. Плачевное состояніе человѣческаго ума, *заходящаго*, по мѣткой русской пословицѣ, *за разумъ*.

И въ то самое время, когда эта философія, истощившись въ междоусобной борьбѣ съ собственными силами, мало-по-малу умирала, изрѣдка отзывалась, подобно безумному, заключенному въ кѣтку, дикими, безсвязными кликами, когда болѣе свѣдѣе, практическіе мыслители, устыдившись *акробатическіхъ* штукъ ума, которыми предшественники ихъ доказывали только силу и гибкость его, такъ какъ силачь передъ праздною толпою показываетъ силу своихъ мускуловъ, непримѣненныхъ ни къ чему полезному, когда эти мыслители отступились отъ фокусовъ ума, ложность которыхъ доказывалась уже тѣмъ, что ими очень легко можно было убить всякаго, что было черно, или черное бѣло, когда они стали предпочитать практическую науку теоретической, въ то самое время у насъ въ Россіи, блеснула блуждающіе огоньки согнившей нѣмецкой философіи; но, по счастью, ихъ оцѣнили по достоинству. Русскій человѣкъ по природѣ своей практикъ: коли у него вѣтъ еще свѣчи, то онъ освѣтитъ свою скромную избушку зажженной лучиной, а не полезетъ въ болото за блуждающими огоньками...

Впрочемъ самыя попытки этой германо-славянской философіи были обречены въ такія забавныя формы, что Н. И. Гречъ весьма справедливо представилъ ихъ какъ самыя вѣрныя образцы *галлимады*. Теперь германо-славянская философія относится уже къ странностямъ нашей литературы, къ тому, что Французы называютъ *les ridicules*, и только лавочникъ-грамотѣй завертывая салыныя свѣчи въ разрозненные листки германо-славянской философіи, купленной на фунты, останавливаетъ иногда изумленный взоръ на дикихъ, не русскихъ словахъ и, покачивая головою, говорить со вздохомъ:

— Эка, подумаешь, ученость!... Ни слова не разберешь!...

Кантъ не былъ женатъ и никогда не выѣзжалъ изъ Кёнигсберга, гдѣ и умеръ на восьмидесятомъ году своей жизни...

Едва отошли мы отъ памятника знаменитаго нѣмецкаго философа, какъ звуки странной, плачевной музыки пронесли по воздуху. Звучи эти были довольно внятны, но казалось, что они сходили съ верху. Я осмотрѣлся съ изумленіемъ и, наконецъ, спросилъ своего услужливаго проводника:

— Что это за погребальная музыка?

Онъ засмѣялся и отвѣчалъ:

— Посмотрите вверхъ.

Я подынял голову.

— Не туда... правѣе, правѣе... Видите ли вы четырехугольную башню?

— Вижу.

— Посмотрите на верхнюю платформу ея.

На платформѣ башни, высившейся надъ замкомъ, я увидѣлъ нѣ-

сколькихъ человекъ съ трубами. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на этотъ воздушный оркестръ.

Музыканты доиграли плачевный допотопный гимнъ, перешли на другую сторону башни и снова принялись трубить.

— Что значить эта странность? спросилъ я.

— Она значить, что теперь двѣнадцать часовъ.

Посмѣявшись надъ моимъ изумленіемъ, г. В. объяснилъ мнѣ происхождение этого страннаго обычая.

Триста лѣтъ тому назадъ жила-была въ Кёнигсбергѣ знатная двѣница, дочь богатого рыцаря.

Брунхильда, такъ звали эту двѣницу, лишилась родителей и осталась одна на бѣломъ свѣтѣ, не имѣя ни братьевъ, ни сестеръ.

Многіе знатные и статные рыцари домогались руки Брунхильды, потому что она была хороша собою, но молодая двѣница отказывала всѣмъ на отръзъ.

Что было причиною ея жестокаго равнодушія къ мужественнымъ молодымъ людямъ? Неужели у Брунхильды не было сердца? Неужели она была неспособна любить?...

Нѣтъ, — у Брунхильды было нѣжное, чувствительное сердце и она отказывала рыцарямъ только потому, что любила уже престелатаго юношу, которому отдалась всею душою... но увъ! она не имѣла еще довольно силы пренебречь мнѣніемъ свѣта и вступить въ бракъ съ миннезингеромъ...

Возлюбленный Брунхильды, былъ Бруно—игрокъ на лютиѣ.

Молодая двѣвушка любила Бруно всѣмъ сердцемъ, и часто просиживала онъ по цѣлымъ часамъ у ногъ ея. Брунхильда ласкала русые, шелковистыя кудри юноши и, въ минуты восторга, прижимала алая губы къ бѣлому, открытому лбу его...

Бруно, положивъ голову на колѣни красавицы, перебиралъ струны люти. Сначала звуки, извлекаемые имъ, были полны огня, страсти, потомъ они сливались въ нѣжную, сладостную мелодію и, наконецъ, замирали на струнахъ, подобно вздоху счастливой любви.

Да, Брунхильда и Бруно были счастливы!...

Но счастье ихъ было не продолжительно.

Лютиа Бруно приводила въ восторгъ всѣхъ Кёнигсбергскихъ красавицъ, и молодые рыцари въ мирное время съ наслажденіемъ внимали звукамъ ея, что возбуждало злобу и зависть другаго городского музыканта, трубача Кунца.

Кунцъ не довольствовался тѣмъ, что въ военное время звуки его трубы воссламеняли храбрыхъ воиновъ; онъ хотѣлъ первенствовать и въ мирное время... но въ XV и XVI столѣтіяхъ музыка не достигла еще такого совершенства, какъ въ нашъ XIX вѣкъ. Тогдашніе музыканты не умѣли еще пускать мыльныхъ пузырей на волторнѣ, и труба въ то время была сносный инструментъ только въ открытомъ полѣ: звуки ея являлись только въ виду непріятеля.

Терзаемый завистью, Кунцъ старался погубить своего кроткаго соперника. Съ коварнымъ лицемеріемъ вкравшись въ дружбу Бруно,

онъ узналъ тайну любви молодого человека, и рѣшился воспользо-ваться этой тайной.

Онъ сообщилъ ее молодымъ людямъ, отвергнутымъ Брунхильдой въ пользу ничтожнаго музыканта, и негодованіе проникло въ сердца гордыхъ рыцарей. когда они убѣдились въ справедливости словъ Кунца, въ истинѣ того, что молодая знатная двѣница могла забыть свое благородное происхождение и унизиться до презрѣннаго музыканта.

Однажды утромъ нашли Бруно мертваго у порога дома, принадлежавшаго Брунхильдѣ. Грудь несчастнаго была покрыта ранами.

Молодые рыцари надѣялись, что со смертію Бруно рухнетъ очарованіе, произведенное имъ и его лютией на Брунхильду; но ошиблись... Молодая двѣвушка была безутѣшна; долго оплакивала она смерть своего возлюбленнаго, впадала съ горя въ жестокую чахотку и умерла.

Все свое имѣніе вѣрила она магистрату города, съ тѣмъ, чтобы на проценты капитала городъ *вѣчно* содержалъ во всеякихъ музыкантовъ, которые каждый день, ровно въ двѣнадцать часовъ, всходили бы на самую возвышенную башню города и играли бы со всѣхъ четырехъ сторонъ гимны, въ память ея возлюбленнаго...

И съ тѣхъ поръ, въ теченіе болѣе трехъ столѣтій, восемь музыкантовъ всходятъ каждый день въ полдень на замковую башню и съ каждой стороны ея обигаютъ слухъ жителей плачевными гимнами....

Въ завѣщаніи своемъ Брунхильда говоритъ, чтобы это совершалось въ воспоминаніе о Бруно; я же полагаю, что у нея была другая цѣль: мнѣ кажется, что этимъ средствомъ она мститъ за смерть своего возлюбленнаго и свою собственную. Трубачъ погубилъ Бруно, послѣ котораго и сама Брунхильда впадала въ чахотку,—трубачи же за весьма незначительную плату должны взбираться ежедневно на весьма-значительную вышину и тамъ, не отдыхая, трубить; очевидно что Брунхильда выдумала это съ намѣреніемъ, — чтобы постоянно доставлять чахоткѣ восемь новыхъ жертвъ...

Впрочемъ это одна догадка, между тѣмъ, какъ другое обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, а именно то, что завѣщаніе Брунхильды послужило нѣкоторымъ образомъ къ измѣненію русской музыки, состоявшей до времени Петра изъ дулокъ, рожковъ и балабоекъ. Известно, что до путешествія своего по Европѣ, Петръ восхищался звуками малороссійской бандуры, какъ рѣдкостью.

Но во время перваго своего путешествія въ Голландію, въ 1697 году, русскій царь, остановившись въ Кёнигсбергѣ и сядясь за столъ ровно въ полдень, былъ пораженъ незнакомыми ему трубными звуками. Величественный въ то время гимнъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на молодого монарха.

Послѣ обѣда онъ вслѣлъ позвать къ себѣ музыкантовъ, и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ игру ихъ.

Возвратившись въ Россію послѣ своего перваго путешествія, царь выписалъ изъ Риги пятерыхъ музыкантовъ: двухъ для роговъ, двухъ для трубъ и одного для фагота; опредѣлялъ имъ хорошее жалованье, приказывалъ часто играть передъ собою, и далъ каждому по два человѣка изъ русскихъ молодыхъ людей, для обученія.

Петръ Великій вообще предпочиталъ *нѣмецкую музыку*; чистая, прямая и самостоятельная натура его не силълась находить сомнительныя красоты во французскихъ эффектахъ или итальянскихъ фіоритурахъ.

Отъ университета мы пошли къ замку, древнему и обширному зданію величественнаго вида и часть котораго построена, какъ мнѣ сказали, однимъ изъ московскихъ царей, — какимъ? Не знаю.

Чрезъ мрачныя ворота мы вошли на обширный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ зданіемъ замка, въ которомъ находятся королевскіе покои, церковь, присутственныя мѣста, квартиры чиновниковъ и служителей, фехтовальная зала и — погребокъ.

Послѣдній такъ замѣчательнъ, что мы еще поговоримъ о немъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о переселеніи Нѣмцевъ въ Америку. Въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ теперь около *пяти милліоновъ* нѣмецкихъ переселенцевъ, и число это увеличивается съ каждымъ годомъ. Нѣкоторымъ везетъ счастье, другіе погибаютъ жертвой спекуляціи болѣе счастливыхъ товарищей или неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Правительство по сію пору разсуждаетъ о томъ, какія бы предпринять мѣры для отвращенія этого зла, потому что государство терпитъ значительную потерю въ людяхъ и капиталѣ, которыхъ оно лишается безвозвратно.

Переселенцы не могутъ образовать отдѣльной націи; они сливаются съ большинствомъ англійскихъ жителей, и по неволѣ должны приворавливаться къ чужимъ правамъ и обычаямъ, подчиняться чужимъ законамъ. При недостаткѣ сношеній съ Германіей, переселенцы мало по малу забываютъ отчизну, и часто во второмъ уже поколѣніи нѣмецкая національность исчезаетъ въ чужихъ элементахъ.

Во избѣжаніе этого, въ Кёнигсбергѣ основалось въ концѣ прошлаго года общество, предположившее себѣ цѣлю основаніе *нѣмецкой колоніи* и сосредоточеніе всѣхъ Германцевъ, разселенныхъ на болѣе нежели 100,000 кв. миляхъ.

Нѣмецкая натура сохранила еще наклонность къ философическимъ умозрѣніямъ: смѣлое же и рѣшительное предпріятіе слишкомъ отзывается практикой, а Нѣмецъ охотнѣе сочинитъ вамъ десять различныхъ философическихъ системъ, нежели рѣшится сдвинуться съ мѣста.

Сначала программа общества воспламенила всѣ умы, но когда дошло дѣло дѣла, тогда Нѣмцы, пожимая плечами, стали говорить:

— Да, да, славное предпріятіе.... но будетъ ли успѣхъ?

— Пойнѣмся!

— Да, да, попытайтесь.... и если будетъ успѣхъ, такъ и мы къ вамъ пріѣдемъ.

Но члены общества не хотѣли ѣхать одни.

Появились новыя воззванія, написанныя напыщеннымъ, слогомъ. «Братія!» зывали члены общества, — «всемилосердѣй Творецъ создалъ свой прекрасный міръ не для того, чтобы онъ лежалъ передъ нимъ подобно пестрому ковру, усѣянному блестящими звѣздами, зелѣющими лѣсами и пѣнящимися морями: онъ желалъ, чтобы прекраснѣйшее созданіе Его отеческой лани оживило *пространство* *мірозданія* *дыханіемъ* *духовной* и *физической* *дѣятельности*, дабы оно познало и изучило чудеса всѣхъ странъ, и продолжало дѣло творчества, совершенствованіемъ сотвореннаго!...» и далѣе:

... «Настоящее положеніе Америки можно подвести подъ извѣстныя категоріи; вопервыхъ представляются намъ Сѣверо-американскіе Штаты, гигантскими шагами сдѣлающіе за образованностью Европы, которую они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже перегнали. Это государство населено преимущественно европейскими переселенцами, число которыхъ возрасло въ послѣднее время до 20 милліоновъ! Эти люди пользуются благоразумною свободою.

«Въ южной Америкѣ, такъ же какъ и въ Мексикѣ и центральныхъ республикахъ, обстоятельства долго препятствовали прогрессу; и нынѣ эти государства находятся въ состояніи, нуждающемся въ значительныхъ улучшеніяхъ....»

Теперь прошу прислушаться:

«И посреди этихъ государствъ, въ самомъ сердцѣ, Америки, лежитъ страна; которая—почти невѣроятное дѣло!—до сихъ поръ оставалась недоступною прогрессу. Широко разстилается необозримое пространство, покрытое всѣми сокровищами роскошнѣйшей растительности, въ умѣренномъ и здоровомъ климатѣ, гдѣ не извѣстны ни бѣдность, ни нужда, ни лишенія!... Но страна эта необработана и едва населена.

«Населена... и какими людьми! Чтобы подать о нихъ достаточное понятіе, скажемъ только, что они не имѣютъ никакого понятія о божествѣ, что въ языкѣ ихъ нѣтъ слова для означенія высшаго существа!

«Они поклоняются дьяволу!

«Эта страна, — такъ называемый берегъ Москито или, вѣрнѣе, страна *Мискитовъ*.»

Послѣ этого члены колонизаціоннаго-общества совѣтуютъ будущимъ переселенцамъ не называть туземцевъ *Москитами*, а *Мискитами*. Москиты—мухи, а Мискиты будущіе сограждане кёнигсбергской колоніи. Впрочемъ и москиты, т. е. мухи пользуются правомъ гражданства въ пресловутой, благословенной странѣ. Желая разсѣять опасенія переселенцевъ касательно этихъ маленькихъ, весьма колкихъ гражданъ, программа общества проситъ вспомнить, что въ древнія времена *Боруссія* или Пруссія была населена гораздо бо-

дѣе непріятными согражданами: волками и медвѣдями. Въ заключеніе она говоритъ:

«Надѣмся, что *германскіе мужи* не испугаются комаровъ.»

«Вамъ могутъ сказать» — продолжаетъ программа, — «что тамъ нестерпимо жарко. На это мы отвѣтимъ, что въ Пруссіи нестерпимо холодно, а мы живемъ же въ ней.»

Далѣе общество считаетъ долгомъ рекомендовать переселенцамъ будущихъ ихъ земляковъ:

«Жители состоятъ изъ различныхъ племенъ:

1.) *Замбосы*, происходятъ отъ туземцевъ и негритянокъ;

2.) *Караобы*, бѣжали отъ испанскаго ига, и

3.) *Первобытныя Индійцы*.

«Всѣ эти племена живутъ въ хижинахъ или, лучше сказать, подъ навѣсами, состоящими изъ пальмовыхъ листьевъ или тростника, покрывающагося на столахъ, безъ боковыхъ стѣнъ.»

«*Замбосы* отличаются темнымъ, почти чернымъ цвѣтомъ тѣла, курчавыми волосами, толстыми губами и высокими ростомъ.»

«*Караобы* невысоки ростомъ, но чрезвычайно сильны, живы и дѣятельны; носъ горбчатый.»

«*Первобытныя Индійцы* средняго роста, краснаго и сильнаго тѣлосложенія; волосы у нихъ черны и гладки; образование черепа ихъ подобно европейскому. Скулы не вышуканы, носъ прямой, ротъ немножко великоватъ. зубы бѣлы, глаза каріе. Цвѣтъ тѣла немногимъ темнѣе европейскаго. Мужчины снабжены усами и борою. Женщины, *большую частью, хорощи собою; онѣ сложены прекрасно!*...»

Последними словами общество какъ бы приглашаетъ переселенцевъ не брать съ собою женъ. Но далѣе:

«Костюмъ мужчинъ состоитъ изъ пояса, къ которому они, иногда прибавляютъ рубаху, панталоны или старую европейскую шлангу!...»

Хорошъ долженъ быть Мискитъ въ поясѣ и шляпѣ.

«Женщины носятъ короткія шерстяныя юбки, простирющіяся отъ талии и почти до коленъ. Грудь онѣ рѣдко прикрываютъ платкомъ»

«Дѣти бѣгаютъ нагишомъ.»

«Отличительная черта Мискитовъ дѣти; будучи окружены дарами роскошной природы, они такъ лѣнны, что собираютъ въкоторыя изъ этихъ даровъ только для своего обихода. Мужчины занимаются иногда, отъ скуки, охотой и рыбной ловлей; всѣ же прочія работы возложены на женщинъ.»

«Склонность къ вѣрнымъ наиткамъ весьма сильна; но зато Мискиты обладаютъ многими прекрасными качествами: они добродушны, вѣрны, честны и *чрезвычайно гостепріимны*.»

«Языкъ ихъ весьма несовершененъ, особенно относительно чиселъ. Такъ напримѣръ: четыре по мискитски *воаль-воаль*, что въ переводѣ значитъ *два-два*; пять — *мата-синъ* или *приориня*; десять — *мата-воаль-синъ*, или *дваъ приорини*. Лѣтосчисленія они не знаютъ, почему ни одинъ Мискитъ не можетъ сказать, сколько ему лѣтъ.»

«Искусства и ремесла почти неизвѣстны. Пѣніе Мискитовъ однообразно и плачевно. Музыкальные инструменты ихъ варганъ и дудка. Они чрезвычайно любятъ слушать сказки, и выслушавъ до конца, говорятъ обыкновенно:

— «Враки, а славно!»

«Мискитъ можетъ обзавестись нѣсколькими женами; были бы деньги, чтобы купить ихъ»

«Въ пищу никогда не употребляютъ соли, хотя въ Караибскомъ озерѣ ея чрезвычайно много.»

«Главнѣйшія болѣзни суть сыпи, перемежающіяся лихорадки и ревматизмы, — тифусъ и желтая горячка совершенно неизвѣстны.»

«Время года четыре: два дождливыя и два сухія.»

«Органы и землетрясенія извѣстны только по преданіямъ.»

Въ заключеніе общество прилагаетъ планъ: новая держава, изъ которой долженъ пролиться свѣтъ просвѣщенія, заключаетъ въ себѣ 108 нѣмецкихъ квадратныхъ миль!... По формѣ, она похожа на треугольникъ или на отгнанный кусокъ пирога съ черникой!...

За планомъ слѣдуютъ условія:

«1. Всякій гражданинъ, пользующійся добрымъ именемъ и имѣющій средства къ переправѣ и дальнѣйшему снисканію пропитанія, можетъ присоединиться къ переселенцамъ.»

«2. Желающій переселиться долженъ внести, по крайней мѣрѣ, 100 талеровъ, для общихъ издержекъ; половину немедленно и половину перездъ отъѣздомъ.»

«3. Каждый членъ имѣетъ полный голосъ при совѣщаніяхъ, и право на долю, сообразную съ величиною вклада.»

«4. Ни различіе званія, ни различіе вѣроисповѣданія не будутъ приняты въ соображеніе.»

«5. Управление дѣлами будетъ ввѣрено людямъ, избираемымъ изъ среды переселенцевъ по большинству и на три года.»

«6. Всѣ дѣла будутъ рѣшаться по большинству голосовъ.»

«7. На основный капиталъ будутъ кушлены въ средней-Америкѣ участки земли.»

«8. Кромѣ того, на тотъ же капиталъ будетъ снаряженъ корабль, который, по прибытіи на мѣсто назначенія, останется въ распоряженіи колоніи.»

«9. На общій счетъ будутъ взяты съ собою мукомольная и пильная мельница и запасы желѣза, муки и соли (а Караибское озеро?).»

«10. За перездъ должны платить:

1. Члены общества. 20 талеровъ.

2. Вольные пассажиры, *если таковыя случатся*. . 30 талеровъ.

«Дѣти, моложе 14 лѣтъ, платятъ половину.»

«11. Корабль отправится весною изъ Кёнигсберга; онъ заѣдетъ въ Штеттинъ, если тамъ будутъ участники.»

«12. Количество и объемъ влады будутъ опредѣлены сообразно числу участниковъ.»

13. Пропитаніе членовъ на мѣстѣ назначенія будетъ обезпечено на полгода.

14. Вклады причтутся каждому при всѣхъ расходахъ.

15. Каждый вкладчикъ получить квитанцію съ печатью общества и подписью президента, въ распоряженіи котораго будетъ находиться касса.

16. Каждый членъ имѣть право взять съ собою работниковъ, на свой счетъ.

17. На счетъ общества поѣдутъ пасторъ, учитель и докторъ.

18. Соціальныя постановленія будутъ утверждены по прибытіи на мѣсто.»

Читая эту программу, похожую на ребяческія мечты школьниковъ, я пожалѣлъ о томъ, что въ условіяхъ не совѣтуютъ переселенцамъ прочитать романъ Диккенса: *Мартинъ Чезлуитъ*, переводъ котораго былъ напечатанъ у насъ въ Отечественныхъ Запискахъ.

Пожоженія *Мартина* и *Теплая* въ *Эдель*, превосходное описаніе этой химерической страны, способны отнять у всякаго охоту искать счастья въ благословенной Америкѣ!

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая освѣдомиться о результатахъ этого предпріятія.

Но возвратимся къ замку.

Внутреннее убранство его отзывается ветхостью и—безвкусицею. Только три или четыре покоя передѣланы въ новѣйшее время. Между картинами, украшающими стѣны дворца, весьма немногія достойны замѣчанія, но за то видъ изъ нѣкоторыхъ оконъ весьма оригиналенъ. Вы съ верху смотрите на странное сцѣпленіе крыльяхъ, узкихъ улицъ съ разноцвѣтными домами, между которыми многіе сохранили старинный, типическій характеръ. На берегу Прегеля высятся уrolливныя массы провіантскихъ магазиновъ, выкрашенныхъ сплошь синей или красной краской. По концамъ узкихъ и дрожащихъ мостовъ прибиты объявленія, которыми настрожайше воспрещается скоро ѣздить по мостамъ; тамъ и сямъ выглядываютъ бесполезныя башенки, курьезные шпиль, и оригинальность этой любопытной панорамы довершаютъ башни церквей и ратуши....

Изъ дворца мы отправились въ знаменитую залу *Москвичей*, находящуюся въ замковомъ же строеніи.

Не знаю, откуда эта зала получила свое названіе.

Зала *Москвичей*—*Moskowiter-Saal*—чрезвычайно длинна; весь потолокъ ея покоится на трехъ легонькихъ колоннахъ. Я полагаю, что она получила свое названіе отъ архитектурнаго стила, въ которомъ построена. Форма колоннъ и вообще всѣ украшенія напоминаютъ стиль древнихъ московскихъ залъ.

Послѣ залы *Москвичей* оставалось намъ еще осмотрѣть въ замкѣ весьма замѣчательное мѣсто, а именно мрачное подземелье, въ которомъ находился старинный *Смертный-судъ*—*Blutgericht*.

Пройдя нѣсколько шаговъ по двору, мы остановились у маленькой

двери, грязной и закопченной. Надъ этою дверью была пририта доска съ надписью:

Blutgericht.

Мы вошли въ маленькую прихожую, въ которой обоняніе мое было поражено сильнымъ кухоннымъ запахомъ; и не удивительно, потому что по одну сторону прихожей была кухня, а по другую небольшая комната, заставленная длинными столами, покрытыми тарелками, лутылками, кружками и стаканами, между которыми выглядывали бистки газетъ. Судя по чистотѣ послѣднихъ, можно было предположить, что онѣ употреблялись здѣсь вмѣстѣ салфетокъ.

Въ нѣкогда страшномъ *Кровавомъ-судѣ* теперь—*погребокъ!*... Тамъ, гдѣ прежде умирали съ голоду, теперь найдутся и напиваются!

Должно полагать, что это послѣдствія цивилизаціи. Куда ни посмотришь, вездѣ прогрессъ.

Изъ прихожей же ведетъ узенькая, мрачная лѣстница въ подземелье.

Мы спустились внизъ, и очутились въ квадратномъ пространствѣ, куда не проникалъ свѣтъ дневной. Пространство это было освѣщено желѣзною лампадой, прицѣпленной на трехъ желѣзныхъ же цѣпочкахъ къ центру, тяжелаго свода, покрытаго зеленою плѣсенью.

Стѣны этого подвала не было видно: передъ ними лежали въ симметрическомъ порядкѣ громадныя столѣтнія бочки, дно которыхъ украшено рѣзною работою, и пѣдками, на которыхъ почтенные рыцари и бюргеры среднихъ вѣковъ, презиравшіе наши бутылки, и предочитавшіе цѣдить вино прямо изъ бочки, ставили свои массивныя кружки.

На средней бочкѣ стояла алебастровая, выкрашенная статуя—кого бы вы думали? Какого нибудь рыцаря, гофмейстера или бургомистра?... Какого нибудь философа новѣйшихъ временъ?... Нѣтъ—на бочкѣ статуя *Наполеона!*

Станный и забавный контрастъ.

Посреди подвала стоялъ длинный залачканный столъ, а по сторонамъ его соломенные стулья. На стульяхъ возсѣдали Нѣмцы: густыя бороды, остроконечныя бородачки, усы и усица, плащи, въ которые они кутались, придавали имъ таинственный, грозный видъ... Влепивъ взоръ въ кружки съ пѣнящимся пивомъ, или въ бутылки съ длинными горлышками и янтарнымъ рейнвейномъ, нѣкоторые изъ этихъ таинственныхъ людей сидѣли, углубившись въ думы, подобно новымъ *Маріямъ* на развалинахъ *Карагена*; другіе о чемъ-то тихо и таинственно перешоптывались; третьи, вытянувъ ноги и опустившись на спинку стула курили и томнымъ взоромъ слѣдили за струйками дыма, безпрестанно сгущавшими атмосферу подвала, состоящую уже изъ винныхъ испареній, табачнаго дыма и запаха сыро-сти, плѣсени....

Хозяинъ этого погребка, владѣющій имъ уже болѣе двадцати пяти лѣтъ, взялъ самъ показать намъ чудеса своего подземнаго владѣнія, и просилъ насъ послѣдовать за нимъ.

Съ салюно свѣчею, поткнутою въ черный желѣзный подсвѣчникъ

сталъ онъ спускаться еще ниже, по грубымъ, безобразнымъ ступенямъ, образованнымъ изъ уродливаго плитняка, брошеннаго тамъ и сямъ на поватую землю для того только, чтобы ногѣ было во что упереться.

Мы спускались все ниже и ниже, изъ подвала въ подвалъ. Воздухъ сгустался болѣе и болѣе... Сальная свѣча не бросала почти лучей въ густой, душистой атмосферѣ... только слабое отраженіе въ видѣ сѣраго тумана окружало свѣтильно....

Стѣны проходовъ были покрыты слизистымъ мохомъ, и мѣстами просачивалась вода, искрившимися каплями останавливаясь на шероховатыхъ камняхъ....

Казалось, то были слезы страдальцевъ, заморенныхъ въ этомъ страшномъ подземельѣ голодомъ....

По сторонамъ угрюмо глядѣли на насъ дубовыя головы рыцарей, украшавшія вѣковыя бочки....

Мы спускались все ниже, ниже....

Сырость микроскопическими каплями проникали въ платье и давила грудь. И земля, и камни, по которымъ мы ступали, были скользки; пламя свѣтилки, подавляемое сыростью, служивалось и по временамъ какъ бы вздрагивало съ трескомъ....

Наконецъ мы дошли до конца подземелья. Эту часть скорѣе можно назвать пещерой, образованной самой природой, нежели лѣбомъ рукъ человѣческихъ. Ни одинъ изъ огромныхъ камней, поддерживающихъ свѣны и потолокъ, чтобы не обрушилась земля, не обскѣченъ; кажется, они брошены какъ пришлось, и уродливые бугры, образованные ими, покрыты зеленою плѣсенью....

На довольно значительной высотѣ отъ полу видно въ стѣнѣ углубленіе. Въ немъ, какъ говорятъ лѣтописи, была заморена цѣлая семья плѣнныхъ Ливонцевъ.

Я задумался смотря на это углубленіе, куда едва-едва достигалъ слабый свѣтъ отъ единственнаго огарка, трещавшаго въ желѣзномъ подевѣчничкѣ....

Ужасна повѣсть несчастныхъ страдальцевъ, лишенныхъ пищи, свѣта, воздуха!... Кто опишетъ долгую, мучительную агонію отца, посреди труповъ жены и дѣтей, угасшихъ въ невыразимыхъ страданіяхъ передъ его глазами, на его, ослабленныхъ лишеніями, рукахъ?....

Непроницаемая, глубокая ночь окружала несчастныхъ; куда ни протягивали они съ отчаяніемъ руки, вездѣ встрѣчали холодный камень, покрытый отвратительною слизью.... Съ жадностью скобланили они ногтями эту слизь, чтобы хоть нѣсколько утолить жажду и голодъ!

И несчастные, заключенные въ подземелья, находящемся подъ этой нѣшей, забывали собственныя страданія, съ ужасомъ внимая глухому стону, воплямъ семьи страдальцевъ.... Мало по малу стоны эти утихали; смерть уносила жертву за жертвой....

Но послѣдняя жертва долго боролась со смертію, не смотря на

мученія; такъ сильна привязанность человѣка къ жизни! Изрѣка дикій, бѣшеный вопль, которому не вторило даже эхо въ глубокомъ подземельи, прерывалъ тишину, но наконецъ умолкъ и послѣдній страдалецъ....

Таина продолжительнаго существованія его объяснилась впослѣдствіи. Несчастный пожралъ до половинны трупы дѣтей!....

Вотъ образчикъ дикаго, звѣрскаго владычества *силы*, котораго домогаются нынѣшніе радикалы.

Мы вернулись наверхъ, то есть въ верхній подвалъ, и приказали подать себѣ позавтракать.

Ничто не измѣнилось въ этомъ подвалѣ.

Я усѣлся между Нѣмцемъ, углубившемся, вѣроятно, въ думы о быломъ и вверившемъ взоръ въ кружку съ пивомъ, и двумя таинственными Германцами съ остроконечными бородами, тихо перешептывавшимися.

О чемъ мечтали первыи, о чемъ говорили послѣдніе?....

Довольно громкое храпаніе измѣнило мнимоу мечтателю... онъ спалъ.

Проза!

Изъ таинственнаго разговора двухъ послѣднихъ долетѣли до моего слуха слѣдующія слова:

— Онъ не соглашается, говорилъ одинъ.

— Да говорили ли вы съ нимъ самимъ? спросилъ другой.

— Говорилъ.

— Что же онъ?

— Не соглашается.

— Подъ какимъ предлогомъ?

— Онъ говоритъ, что не хочетъ взять этого грѣха на душу.

— А, ба! такіе ли грѣхи за нимъ водятся!

— Разумѣется; при томъ же мое сукно совѣмъ не такъ душно, какъ онъ говоритъ.

— Знаемъ мы! Онъ хочетъ, чтобы вы сбавили цѣну.

— Не могу; ей Богу, не могу! Я и такъ бьюсь изъ-за самаго ничтожнаго барыша....

Проза, и проза!

Вся поэзія ограничивалась отличнымъ Іоханнисбергеромъ. да Нѣмцемъ, принявшимъ самое покойное положеніе, какое только можно принять на узкомъ, жесткомъ стулѣ и возсылавшимъ изъ фарфоровой трубки, украшенной портретомъ Фридриха-Великаго, неблагонный фиміамъ подъ самый носъ алебастроваго Наполеона....

ПИСЬМО ШЕСТОЕ. *Отъ Мариенбурга до Берлина.* Въ сѣняхъ, въ которыхъ мы вступили, сохранилась каменная скамья, на которой нѣкогда сидѣлъ *торвагъ* или единственный стражъ, охранявшій входъ въ покои Мейстера. Въ этихъ же сѣняхъ должны были ждать чужеземцы или просители, желавшіе быть представленными начальнику Ордена.

Изъ сѣней мы вошли въ другую комнату, съ огромнымъ окномъ. Эту комнату занималъ *Компанъ* или ближайшій повѣренный Мейстера. Торваргъ сообщилъ Компану имя и званіе просителя, а Компанъ немедленно отправлялся къ Мейстеру съ докладомъ, по потаенной лѣстницѣ.

На лѣво отъ сѣней находится парадная лѣстница, ведущая въ верхнюю галерею. Массивные, величественные своды этой галереи покоятся на трехъ гранитныхъ столбахъ и на стѣнѣ. Въ стѣнѣ устроенъ колодезь, круглое отверстіе котораго проходить черезъ всѣ этажи, и имѣетъ до 8 сажень глубины.

Въ галереѣ, въ которую мы вошли, находится гранитный бассейнъ или ушатъ, въ которомъ хранилась почерпнутая вода для Мейстера. Окна галереи украшены разноцвѣтными стеклами, вставленными, разумѣется, въ послѣднее время.

Въ концѣ этого прохода открылась передъ нами высокая дубовая дверь. Мы вошли именно въ ту залу, окнами которой я столько восхищался снаружи. Это была вѣкогда зала собраній.

Сюда сходились рыцари на совѣщанія; здѣсь предъ Мейстеромъ часто являлись посланники изъ Швеціи и Англіи, Даніи и Франціи, Германіи и Италіи.... Здѣсь же радость и веселье смѣняли серьезные занятія; здѣсь раздавались звуки драгоценныхъ золотыхъ кубковъ, и миннезингеръ воспѣвалъ подвиги храбрыхъ защитниковъ вѣры.

Рыцари не терпѣли прислужниковъ за столомъ, а потому въ толстой стѣнѣ этой залы сдѣлано отверстіе съ дубовыми дверцами; за отверстіемъ идетъ узкій корридоръ, сообщающійся съ лѣстницею въ кухню. Въ это отверстіе слуги подавали кушанья, вина, и исчезали, затворивъ за собою двери. Судя по ширинѣ отверстія, объемъ блюдъ былъ порядочный.

Изъ оконъ представляется прекрасный видъ на окрестности. У подножья замка течетъ широкій Ногатъ, по другую сторону котораго тянутся обширныя равнины и густые лѣса.

Но самое замѣчательное въ этой залѣ легкой столбъ, на которомъ лежатъ своды. Столбъ этотъ находится въ самомъ центрѣ квадратнаго пространства, имѣетъ 12 футовъ вышины и - 17 дюймовъ въ діаметрѣ! Хотя, для облегченія тяжести стѣнъ, въ нихъ подѣланы огромныя окна, все-таки почти неспостижимо, какъ вся эта огромная масса не раздавитъ столба....

Правда, и у насъ въ Петербургѣ нѣкоторые спекуляторы строятъ дома съ пустыми стѣнами, набитыми щебнемъ, но простоятъ ли они хоть столько, сколько простоятъ еще Мариенбургскій замокъ?... Не трудно построить карточный домикъ, но трудно удержать, чтобы онъ не свалился.

Кажется, самъ строитель не слишкомъ надѣялся на прочность этого столба, простоявшаго уже столько столѣтій. На столбѣ сохранилось еще одно кольцо четырехъ якорей, которыми подпирались стѣны.

Въ 1410 году Польскій король Ягелло подступилъ подъ стѣны Ма-

риенбурга, защиту котораго предпринялъ храбрый рыцарь Гейнрихъ фонъ-Шауэнъ. Замокъ, по положенію своему, былъ неприступенъ, а потому Поляки рѣшились разрушить стѣны его; но ничто не могло поколебать гранитныхъ массъ.

Тогда Ягелло прибѣгнулъ къ другому способу. Онъ нашелъ средство подкупить одного изъ слугъ замка, который посоветовалъ ему направить ядро на единственный столбъ этой залы, въ которой рыцари ежедневно собирались для совѣщаній.

Измѣнникъ обѣщалъ вывѣсить свою красную шапку изъ окна замка въ то время, когда всѣ рыцари будутъ въ залѣ.

Чтобы вѣрнѣе попасть въ цѣль, Ягелло приказалъ поставить пушку на крышѣ самаго высокаго дома раззореннаго города.

Въ условленный часъ у одного изъ оконъ показалась красная шапка... въ ту же минуту раздался страшный выстрѣлъ.... Со свистомъ пробило огромное ядро стекло окна, пролетѣло надъ головами рыцарей, коснулось столба и ударило въ стѣну, надъ каминномъ....

Еслибъ ядро пролетѣло на два вершка правѣе, то весь тяжелый сводъ обрушился бы на рыцарей.

Нѣсколько недѣль спустя Ягелло отступилъ отъ непобѣдимаго Мариенбурга.

Ядро же и понынѣ сидитъ въ стѣнѣ; надъ нимъ слѣдующая надпись:

«Als man schreibet 1410 Jahr,
Das sag ich Jedermann vor wahr
Das Stein geschossen ward in die Wand,
Da soll er bleiben zum ewigen Pfand.»

Невольно задумался я, остановившись у окна.... Монотоннымъ голосомъ и какъ бы твердя заученный урокъ, рассказывалъ намъ смотритель исторію этой залы... И каждый камень вторилъ слова его; живое эхо, свидѣтель всѣхъ событій, торжественно подтверждало мертвый рассказъ....

Рядомъ съ этой залой находится зала Мейстера, для малыхъ, мѣнѣе торжественныхъ собраній. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ покояхъ, я замѣтилъ въ плитяномъ полу небольшія отверстія съ продырявленными мѣдными крышками. Это были проводники тепла, потому что въ весь замокъ проходила теплота снизу, изъ подвала, гдѣ для топленья устроена особая печь.

Дальѣе находятся собственные покои Мейстера: пріемная, кабинетъ и спальня. Во всѣхъ этихъ покояхъ своды лежатъ на гранитныхъ столбахъ.

Между спальней и рабочей комнатою находится капелла Мейстера, въ которой она въ минуты горести и радости прибѣгала къ усердной молитвѣ къ Всевышнему....

— Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, сказалъ смотритель спокойнымъ голосомъ, паль отъ книжала убійцы благородный и добродѣтельный Мейстеръ Вернеръ фонъ-Орзельнъ!

Я невольно вздрогнул и отступилъ отъ страшнаго мѣста.

— Это не кровь ли его? спросилъ съ цинической усмѣшкой мой спутникъ, указавъ на нѣсколько пятенъ на стѣнѣ.

— Нѣтъ, это отъ сырости, хладнокровно отвѣчалъ смотритель.

Я не могъ отвести взора отъ мѣста, на которое указывалъ смотритель.... За пять столѣтій, на этомъ самомъ мѣстѣ повторился одинъ изъ тысячи эпизодовъ, первый примѣръ которымъ подалъ Кашинъ.... Тутъ, убійца не устращивая поднять кивчалъ на ближняго... тутъ, подъ тяжелыми сводами, раздавался послѣдній вопль смертельно раненнаго, вопль, въ которомъ выказалась вся добродѣтель души его и который сильнѣе всякаго проклятiя отяготѣлъ надъ убійцей!...

Въ 1330 году предъ Мейстеромъ Вернеромъ фонъ-Орзельнъ предсталъ орденскій рыцарь Иоханъ-фонъ-Энгдорфъ, человекъ буйнаго, развратнаго поведенiя, часто уже подвергавшiйся выговорамъ Мейстера и всѣхъ братьевъ.

— Мейстеръ, сказалъ онъ, ты не включилъ меня въ число рыцарей, идущихъ на Литовцевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вернеръ: для тебя у насъ нѣтъ коня.

— Мейстеръ, я раскаиваюсь въ своей буйной жизни и хочу благородною смертiю искупить свои прегрѣшенiя.

— Братъ, приготовься сперва къ смерти честнымъ поведенiемъ; человекъ, идущiй на брань, долженъ сперва покаяться, дабы предстать предъ престоломъ Всевышняго очищеннымъ отъ всѣхъ прегрѣшенiй.... Повторю тебѣ, у насъ нѣтъ коня для тебя.

Энгдорфъ удалился, купилъ себѣ пару лошадей, и нѣсколько дней спустя опять явился къ Мейстеру.

— Мейстеръ, сказалъ онъ: у меня есть свои лошади; надѣюсь, что теперь ты не станешь удерживать меня.

Въ статутѣ ордена было сказано, что «никто изъ Братьевъ-рыцарей не долженъ имѣть у себя денегъ, а отдавать ихъ Мейстеру, который, по благоусмотрѣнiю, можетъ снабжать ихъ конями и оружиемъ.»

Кромѣ того Мейстеръ имѣлъ право отнимать у безпокойныхъ рыцарей коней и оружье.

Такъ какъ Энгдорфъ повторилъ свою просьбу съ дерзостiю, то фонъ-Орзельнъ велѣлъ отнять у него купленныхъ имъ лошадей.

Съ яростiю въ груди вышелъ Энгдорфъ изъ замка и отправился прямо въ городъ къ оружейнику.

Тамъ онъ выбралъ себѣ острый ножъ, заплатилъ за него и пошелъ обратно въ замокъ.

Едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ оружейникъ догналъ его.

— Благородный рыцарь, сказалъ онъ, вы забыли ножны.

— Нѣтъ, не забылъ, отвѣчалъ Энгдорфъ: я найду такіа ножны, какихъ ни у кого въ цѣломъ мiрѣ нѣтъ.

Цѣлый день Энгдорфъ бродилъ по полямъ вокругъ замка. Гололъ и усталось еще болѣе ожесточилъ его.

Это было 19-го ноября, въ день Св. Елизаветы.

Темная ночь опустилась уже на землю, когда Энгдорфъ вернулся въ замокъ. Въ немъ царствовала глубокая тишина. Всѣ братья-рыцари были у вечеренъ, въ главной церкви; и капелла Мейстера была освѣщена.... въ тихомъ уединенiи творилъ онъ свою вечернюю молитву....

Торваргъ дремалъ на своей жесткой скамьѣ. Энгдорфъ осторожно прошелъ мимо него, тихо поднялся наверхъ и спрятался въ углубленiи стѣны, между капеллой и рабочей комнатою Мейстера.

Вернеръ кончилъ свою молитву и задумчиво вышелъ изъ капеллы.... Усердна ли была молитва его? знало ли сердце его, что это была послѣдняя, предсмертная молитва?...

Едва Вернеръ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ Энгдорфъ, подобно тигру, выскочилъ изъ своей засады и вонзилъ ножъ въ грудь Мейстера.

— Возьми же у меня и послѣдній ножъ! вскричалъ онъ.

Верверъ фонъ-Орзельнъ застоналъ и упалъ.

— Да простить тебѣ Исусъ Христосъ!

Это были послѣдніа слова его....

Убійца не ушелъ отъ наказанiя. Онъ кончилъ жизнь въ подземной темницѣ.

Въ капеллѣ находится возстановленный алтарь, рѣдкой, изумительной, изящной работы. Главныя части и украшенiя его выгочены изъ чистѣйшаго янтара.

Выходя изъ спальни, Мейстеръ входилъ въ капеллу, и только послѣ молитвы принимался за дѣло. Возлѣ спальни находится гардеробная Мейстера со шкафами, подѣланными въ стѣнахъ; теперь въ этихъ шкафахъ хранятся золотые церковные кубки изящной работы, служившіе нѣкогда Мейстерамъ.

Въ глубинѣ одного шкафа я замѣтилъ отверстiе: это былъ потайной ходъ, черезъ который Глава Ордена могъ отлучаться изъ замка, не будучи никѣмъ замѣченъ.

Мы прошли еще рядъ залъ, расположенныхъ такъ неправильно, что въ нихъ легко можно заблудиться, и, наконецъ, спустились въ нижніе этажи.

Мариенбургъ построенъ вполонину надъ землей, и вполонину подъ нею, или, вѣрнѣе сказать, онъ прилѣпленъ къ прямоугловому обрыву скалы, высящейся надъ рѣкою. Если въ замокъ войти со стороны Ногата, то, поднявшись три этажа вверхъ, вы очутитесь на дворѣ.

Въ нижнихъ этажахъ помѣщались службы, а въ подвалѣ устроена печь, нагрѣвавшая весь замокъ.

Устройство ея довольно-любопытно. Отверстiе точно у русской печи. Внутренность выложена булыжникомъ, который раскалялся отъ

пламени; надъ сводомъ изъ булыжника оставлено пустое пространство, въ котромъ сосредоточивался весь жаръ. Изъ этого пространства по вѣсьмъ направленіямъ проведены трубы.

Мой спутникъ увѣрялъ, что это точно такъ, какъ въ русскихъ баняхъ. Такихъ печей въ подвалѣ нѣсколько.

Низкіе, тяжелые своды подвала дежаты на огромныхъ необтесанныхъ гранитныхъ столбахъ, на которыхъ лежить вмѣстѣ съ тѣмъ масса тяжести всего зданія... Не смотря на то, проходя между ними, не ощущаешь ни малѣйшей боязни. Шесть столбѣтъ ручаются за прочность ихъ.

Но и это еще не все. Подъ подваломъ проходить еще сводъ, черезъ который въ старину протекала вода, проведенная изъ озера, лежащаго въ шести миляхъ отъ замка!... Въ случаѣ осады, непріятель могъ пресѣчь вѣсь сообщения, но, вѣроятно, ему никогда бы не пришло въ голову, что рыцари получали воду не изъ рѣки, а изъ отдаленнаго озера.

Какіе гигантскіе труды!... Объясните же мнѣ, послѣ этого, что такое прогрессъ?...

Гальванопластика? Хлопчатая бумага? Эфиръ?...

Существуетъ ли еще на берегу Мойки, у маленькаго пѣшеходнаго мостика діорама, о которой нѣкогда было самое забавное объявленіе?

Видѣли ли вы въ этой діорамѣ видъ Большой-залы *Convent Remter* Маріенбургскаго замка?... Я помню, съ какимъ восторгомъ любовался этой, въ самомъ дѣлѣ прелестной картиной, но она подаетъ весьма слабое понятіе о томъ, чтѣ я увидѣлъ въ натурѣ; не потому, чтобы картина Гроппіуса была дурна, — нѣтъ! а потому, что никакое изображеніе не можетъ передать величественной прелести этой залы.

Представьте себѣ пространство въ 14 слишкомъ сажень длины и въ 7 сажень ширины, освѣщенное 15 окнами (7 съ одной, 8 съ другой стороны), и покрытое стрѣльчатыми сводами самой изящной формы, лежащими на трехъ восьмиугольных, тоненькихъ, граціозныхъ колоннахъ. Полъ выложенъ разноцвѣтнымъ гранитомъ. Съ одной стороны окна возвышаются небогѣе, какъ на аршинъ надъ землею, а съ другой саженьхъ въ шести подъ ними течетъ рѣка.

Стѣны этой залы были прежде украшены фресками, но штукатурка отъ времени осыпалась, и по возобновленіи замка оставлена только одна часть фреска, изображающаго паденіе нашихъ прародителей. Фрескъ этотъ раздѣленъ на три части.

Въ этой великолѣпной залѣ собирались рыцари пировать, бесѣдовать, пѣть, играть и веселиться послѣ серьезныхъ занятій. Строгіе уставы ордена исключали женщинъ изъ общества рыцарей-монаховъ.

Мысль возстановленія замка принадлежитъ покойному Прусскому Королю; Фридрихъ-Вильгельмъ IV ревностно продолжаетъ дѣло, начатое родителемъ его. Вѣсь провинціи Пруссія, высшія учебныя заведенія и многія частныя лица содѣйствуютъ этому благородному дѣлу. Такъ, на примѣръ, вѣсь почти окна замка съ разноцвѣтными

стеклами, украшенными красиво живописью, суть приношенія, значительно уменьшившія огромныя суммы, которыя были необходимы для совершеннаго возстановленія замка, подвергавшагося столькимъ измѣненіямъ и претерѣвшаго столько переворотовъ со времени основанія его.

Нѣсколько столбѣтъ Маріенбургъ былъ цѣлю нападеній Лиговцовъ и Поляковъ. Безпрестанныя войны и внутренніе раздоры ослабили его, наконецъ, до того, что въ 1466 году онъ впалъ во власть Поляковъ. Тщетно предлагали рыцари Нѣмецкаго - ордена огромныя суммы для выкупа Маріенбурга; Поляки слишкомъ дорожили этии укрѣпленнымъ мѣстомъ, упрочивавшимъ владычество ихъ надъ всею окрестною странюю.

Въ 1626 году Густавъ Адольфъ овладѣлъ Маріенбургомъ, и впервые въ великолѣпной церкви его явились протестантскіе священники.

Нѣсколько разъ переходилъ послѣ того замокъ въ руки Поляковъ и Шведовъ. Въ 1709 Русскіе заняли его, но вслѣдствіе распространившейся эпидеміи, послѣдно выступили. Около конца 1711 года Петръ Великій опять вступилъ въ Маріенбургъ съ 3,000 войска, и съ этого времени состояніе гражданъ улучшилось, но замокъ все богѣе и богѣе терялъ свою силу. Безпечность Польскаго правительства, во владѣніе котораго поступилъ опять замокъ, имѣло пагубное вліяніе на укрѣпленія его. Старосты развели на валахъ сады; граждане послѣдовали ихъ примѣру. Внутреннее убранство залъ подвергнулось значительнымъ измѣненіямъ.

По смерти Августа II и по воспослѣдовавшимъ по этому случаю раздорамъ между Станиславомъ Лещинскимъ и Августомъ III, котораго Графъ Минихъ вооруженною рукою возвелъ на Польскій престоль, Русскіе въ третій разъ вступили въ Маріенбургъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что Русскіе ни разу не ознаменовали свое появленіе раззореніемъ или опустошеніемъ, въ противнствіе Полякамъ и Шведамъ, послѣ которыхъ замокъ приходилъ въ богѣе и богѣе плачевное состояніе.

Какъ побѣдители, Русскіе имѣли право увезти съ собою пять дровнихъ, замѣчательныхъ пушекъ, находившихся въ арсеналѣ замка; не смотря на то, они предпочли купить ихъ. Давно уже угасъ воинственный духъ гражданъ, а потому они съ радостію уступили Русскимъ эти пушки, и на вырученныя деньги обзавелись — *пожарными трубами*.

Это тоже прогрессъ.

Въ семидѣтнюю войну, сперва Бутурлинъ занялъ Маріенбургъ, а потомъ Солтыковъ основалъ въ немъ свою главную квартиру.

Наконецъ, при раздѣлѣ Польши, въ 1772 году, Маріенбургъ сдѣлался владѣніемъ Гогенъ-Цоллернскаго королевскаго дома.

Фридрихъ Великій не любилъ старинныхъ замковъ. Осмотрѣвъ Маріенбургъ, онъ рассудилъ, что его очень легко можно превратить въ казармы. Въ богѣйшей части великолѣпныхъ залъ были устроены антресоли; изъ бойницъ подбланы окна; для удобѣйшаго сообщенія

пробиты новыя двери въ массивныхъ стѣнахъ; величественная, обширная зала пиришествъ превращена въ манежъ; наконецъ, многія башни, башенки и стѣны, окружавшія городъ и замокъ, сломаны и употреблены на постройку новыхъ домовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ собственныхъ покояхъ Мейстеровъ была устроена *тацкаа*. Всѣ восемь комнатъ были раздѣлены на два этажа.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что еще предстояло замку. Въ 1801 году древнее жилище славныхъ гофмейстеровъ превратилось въ *провантскій запасный магазинъ*. Почти всѣ своды были пробиты, и въ этомъ плачевномъ состояніи находится еще и понынѣ одна часть замка: едва ли она будетъ восстановлена, потому что и сдѣловъ прежняго величественнаго вида ея не осталось.

Въ 1807 году Мариенбургъ былъ занятъ Французами и оставался во власти ихъ до 1813 года.

Дѣвятинадцатаго Января 1813 года жители съ радостными восклицаніями и привѣтствіями вышли на встрѣчу побѣдоносной Русской арміи....

Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ глядѣлъ я на величественныя стѣны зданія, подъ сводами котораго раздавался отголосокъ величайшихъ событій, волновавшихъ Европу въ теченіе столькихъ столѣтій! И какіе люди являлись въ стѣнахъ его!...

Густавъ-Адольфъ, Петръ Великій, Наполеонъ....

Честь и слава восстановителю зданія, ясно свидѣтельствующаго о величій времени, которыя мы привыкли называть *невысестенными*. Напрасно думаютъ, что рыцари полагали всю свою надежду на массивность стѣнъ и на громадность укрѣпленій. Нѣтъ, въ Мариенбургѣ вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ устройства, глубоко обдуманная и выполненная со смѣлостію, достойною тѣхъ героическихъ временъ, когда практика не сдѣлалась еще покорѣннѣею служанкою теоріи.

Встарину мужественные рыцари поддерживали и распространяли истинную вѣру; нынче щедущій философъ, вооружившись софизмами и парадоксами, силится поколебать неколебимое....

Человѣкъ, говорить, достигаетъ возможнаго совершенства. Умъ беретъ верхъ надъ физическою силою, — то есть человѣкъ, изъ одной крайности впадаетъ въ другую, а совершенство состоитъ не въ крайностяхъ.

Право, мнѣ кажется, что въ средніе вѣка люди были гораздо ближе къ совершенству, нежели въ наше время. Тогда умъ не терзался въ пустыяхъ мечтахъ, потому что мощная физика требовала занятій: умъ диктовалъ—сила немедленно исполняла, или отвергала невозможное; сдѣловательно, уму некогда было теряться въ безтолковыхъ отвѣченностяхъ, порождаемыхъ безсиліемъ.

Направленіе ума человеческого находится въ тѣсной связи съ состояніемъ его физики: человѣкъ въ здоровомъ состояніи ищетъ дѣятельности, сдѣловательно, и направленіе ума его болѣе практическое;

учеловѣка слабого, истощеннаго, умъ находится въ восторженномъ, разгоряченномъ, если можно такъ выразиться, состояніи; наконецъ, у большаго, разгоряченіе это доходитъ до воспalenія. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣятельность ума производить бредъ — въ первомъ бредъ систематическій, во второмъ безтолковый.

Невольно оглядывался я, удаляясь изъ замка; мнѣ жаль было разстаться съ нимъ....

Начинало смеркаться. .. Мариенбургъ принималъ болѣе мрачный, суровый видъ: подробности, облегчающія громадность его и придающія ей граціозный видъ, сливались въ сумеркахъ съ общей массой....

Спутникъ мой отправился въ городъ; ему нужно было что-то купить, а я вернулся на станцію.

Едва вошелъ я въ пассажирскую комнату, какъ услышалъ за собою два голоса.

— Онъ пришелъ! вскричалъ съ живостію женскій.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ! возразилъ съ болѣею еще живостію мужской.

Въ то же мгновеніе дверь распахнулась и въ комнату вошелъ или, лучше сказать, ворвался почтовый чиновникъ. Званіе его я угадалъ по сюртуку съ мѣдными пуговицами, оранжевымъ воротникомъ и таковыми жъ обшлагами.

— Вы ли это! вскричалъ онъ, бросившись на меня.

Я не успѣлъ ни отступить, ни опомниться, какъ почтовый чиновникъ сжималъ уже меня въ своихъ оранжевыхъ обшлагахъ.

Женскій голосъ, то есть служанка, съ умилевіемъ глядѣла на эту иѣзкую сцену.

— Какой сюрпризъ! продолжалъ оранжевый воротникъ: признаюсь, я не надѣялся увидѣться съ вами ..

— Я тоже не надѣялся, возразилъ я: но... позвольте узнать...

— Мнѣ кажется, вы не узнаете меня?...

— Признаюсь...

— Не удивительно, не удивительно! Мы съ вами состарѣлись... однакожъ вы очень молоды... Я никакъ не узналъ бы васъ... Вѣдь вы почти однихъ лѣтъ со мною?

Оранжевому воротнику казалось лѣтъ подъ-сорокъ. Я же, по счастью, не дошелъ еще до этого почтеннаго возраста.

— Позвольте... началъ я. Но оранжевый воротникъ опять перебилъ меня:

— Однако знаете ли, сказалъ онъ: чѣмъ болѣе я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе нахожу сходства. Мой меньшой мальчишка похожъ на васъ...

— Очень радъ, но...

— О! вы увидите его! Я надѣюсь, вы еще ни у кого не были?... Сюрпризъ, хе, хе, хе! Сестра ваша, слава Богу, здорова...

— Позвольте вамъ замѣтить...

К. VII. — Отд VII.

— Да что вы тут разговариваете! Пои́дите-ка лучше ко мнѣ... Я живу поблизости.

— Однако позвольте...

— Э, безъ отговорок! Что за церемоніи между родными! Пои́дите, пои́дите!

Оранжевый воротникъ вѣпилъ мнѣ въ руку и тащилъ меня за собою.

Къ счастью, въ это время вошелъ мой спутникъ. Онъ остановился съ изумленіемъ.

Гинтерлахъ посмотрѣлъ на оранжевый воротникъ; оранжевый воротникъ на него.

— Бодень! вскричалъ вдругъ Гинтерлахъ засмѣявшись.

Чиновникъ остолебѣлъ и обращалъ глаза то на меня, то на моего спутника.

— Бодень! повторилъ послѣдній: какой чортъ напалилъ на васъ этотъ мундиръ?

— *Теперь* я узнаю васъ! вскричалъ наконецъ оранжевый воротникъ.

И оба громко захохотали.

Это свиданіе было менѣе чувствительно, но, вѣроятно, чиновникъ излилъ уже на меня всю чашу нѣжности, заключавшейся въ сердцѣ его.

— Какъ это я могъ такъ ошибиться, продолжалъ онъ смотря на меня: ни малѣйшаго сходства нѣтъ... между тѣмъ какъ вы точно двѣ капли воды мой старшій сынишка!

Вы помните, что меньшой походилъ на меня.

— Извините, пожалуйста, что я обезпокоилъ васъ, продолжалъ оранжевый воротникъ.

— Помилуйте, я очень радъ..

Чему я былъ радъ—самъ не знаю; но все равно, фраза эта прошла. Тогда почтовый чиновникъ опять обратился къ Гинтерлаху, и протянувъ ему руку, сказалъ:

-- Na! wie geht's denn, alter Junge?

— Na! wie soll's gehen! So, so!

И оба опять захохотали.

Я уже писалъ вамъ, что Гинтерлахъ родомъ изъ Мариенвердера, городка, находящагося въ двухъ или трехъ миляхъ отъ Мариенбурга. Почтовый чиновникъ былъ зять его; увидавъ на чемоданѣ имя моего спутника, онъ такъ обрадовался, что даже не освѣдомился, сколько путешественниковъ остановились на станціи. Онъ былъ убѣжденъ, что Гинтерлахъ пріѣхалъ повидаться съ родными.

Это неожиданная встрѣча послужила намъ въ пользу.

Благодаря протекціи почтоваго чиновника вещи наши облегчились несказанно, и слѣдственно, избавили насъ отъ непріятной зависимости, въ которой мы находились отъ нихъ.

Но, — спросите вы, — зачѣмъ я везъ столько вещей? У насъ принято отправляться за границу съ пустымъ чемоданомъ и полнымъ

бумажникомъ, а возвращаться съ полнымъ чемоданомъ и пустымъ бумажникомъ. Это выгодно въ всѣхъ отношеніяхъ, а потому и у меня было только самое необходимое, но въ числѣ необходимаго были и книги....

Мнѣ представляется прекрасный случай *поострить* на счетъ *тяжести русскихъ книгъ*; но я не воспользуюсь этимъ случаемъ и предоставляю его острякамъ, вырощеннымъ на французскихъ романахъ. Странное дѣло! У насъ принято подшучивать надъ русскими книгами и, мало того, что подшучиваютъ люди, которыхъ русская меткая иронія назвала *бонжурами*, но почти въ каждой газетѣ, въ каждомъ журналѣ вы найдете какой-нибудь ироническій намекъ на русскую литературу.

Воля ваша, а я предпочитаю даже квасной патріотизмъ этому *лодеколонному* пренебреженію.

Правда, литература наша находится въ печальномъ состояніи, заслуживающемъ скорѣе негодованіе, нежели иронію, но виноваты не литераторы, а торгаши и спекуляторы. Они поступаютъ подобно шарлатанамъ, которые какую угодно болѣзнь вылечать вамъ въ нѣсколько дней, т. е. вгонять ее внутрь.

Въ послѣдніе годы любовь къ чтенію значительно развилась въ нашей публикѣ. Этой любви только и не доставало, чтобы дать движеніе русской литературѣ; надобно только было взяться за дѣло съ умънемъ и добросовѣстностію.

Издатели призадумались.

— *Требованія* большія, сказали они: а *грубый продуктъ* дорогъ — какъ быть?.....

Подумали, подумали, да и рѣшили объявить, что русской литературы нѣтъ, что она вся сосредоточилась въ нѣсколькихъ писателяхъ, извѣстныхъ уже публикѣ, а что на новыхъ, молодыхъ, страшныхъ веурожай. Слѣдовательно, приходится выписывать литературу изъ-за границы, точно такъ, какъ иностранцы выписываютъ изъ Россіи хлѣбъ.

Долгъ платежомъ красенъ. — мы вамъ пицу для тѣла, вы намъ пицу для души.

Сказано, сдѣлано.... И нахлынула на Россію сила несмѣтная иностранныхъ романовъ. Публика читаетъ, не начитается, теряется въ безконечныхъ *продолженіяхъ*, путается, сплетаетъ начало одного романа съ серединою другого, бросается изъ тайны въ тайны, изъ исторіи въ сказки.... Редольфъ и Мерседесъ, Монте Кристо и графиня-де Монрионъ, Родень и Уреула, Чезьлунтъ и Риголетта, Шико и Найденышъ вертятся, кружатся въ умѣ читателей, вальсируютъ до-унаду, подъ тихую музыку Вюльдамура, или подъ плачевную гитару какого-нибудь Акакія Акакіевича, (предполагается, что Акакія Акакіевичъ на другомъ инструментѣ не играетъ) и наконецъ разлетаются въ разныя стороны.

Недавно я получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ меня съ прискорбіемъ извѣщаютъ, что русская литература *стивъ*. Жесто-

кая провія! Бѣдняжка, можетъ ли она спать, когда издатели не даютъ ей мѣста даже въ обширныхъ, общихъ спальняхъ, именуемыхъ журналами?

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ *переводы* занимаютъ второстепенное мѣсто; у насъ же они стоятъ на первомъ. Страшно подумать, сколько въ послѣднее время русскіе читатели поглотили переводныхъ романовъ. Я самъ (наюсъ въ своемъ прегрѣшеніи) перевелъ около *пятнадцати* романовъ, что составляетъ болѣе *сорока-пяти* томовъ! Виновать.

Читатели жалуются на писателей, писатели на книгопродавцевъ, книгопродавцы на читателей.

Кто же правъ, кто виновать?... Тотъ, кто въ мутной водѣ рыбу ловитъ, что въ переложеніи на цифры значить:

Оригинальный листъ — 50 руб. сер.

Переводный листъ — 12 " "

Разность — 38 " "

Слѣдовательно, всѣ правы, кромѣ этой *разности*. Въ ней заключается вся тайна.

Кто себѣ врагъ? Можно *нагадить* другу, брату, отцу родному; можно нагадить цѣлому обществу, но себѣ!... *Помоцуйте!*

Чѣмъ же это кончится?... Чѣмъ нибудь нехорошимъ для *разности*.

Простите мнѣ это отступленіе; но мнѣ кажется, что не худо бы почаще напоминать о *пользѣ* переводныхъ романовъ.

Теперь возвратимся въ Маріенбургъ.

Въ первомъ часу по полуночи мы отправились далѣе. Отъ Маріенбурга до Берлина 60 миль. Во всю эту дорогу мѣстоположеніе пустынное, дикое; лѣса смѣняются полями, поля деревеньками, обитатели которыхъ бѣдны. У Церска, бѣдной станціи, насъ осадил толпа нищихъ, на которыхъ, право, страшно было взглянуть. Отвратительныя лохмотья едва прикрывали наготу ихъ; отмороженные руки, язвы на лицѣ, впалыя щеки, внушали глубокое состраданіе къ этимъ несчастнымъ.

На станціи, надъ кружкой, прикрѣпленной къ стѣнѣ, висѣли за стекломъ плачевные стихи, приглашавшіе пробъжившихъ сжалиться надъ бѣдственной участью жителей, и положить хоть нѣсколько крейцеровъ въ кружку.

Удивительный народъ Нѣмцы! Слова проста не скажутъ, все съ ужимкой. Къ чему, напримѣръ, эти напыщенные, уродливые стихи? Видъ несчастныхъ, осадившихъ насъ у крыльца, былъ краснорѣчивѣе всякихъ стиховъ. Зачѣмъ же вводить человека въ искушеніе и лишать его утѣшительнаго чувства, неразлучнаго съ покаяніемъ, какъ бы оно ничтожно ни было? Бѣдный поэтъ, ты, вѣроятно, думалъ оказать большую услугу нуждающимся... или нѣтъ! Имя, выставленное курсивомъ подъ стихами, свидѣтельствуетъ о томъ, что тобою руководило мелочное тщеславіе... О люди, о поэты!...

Церскіе крестьяне Поляки.

До Петерсвальде, деревни и станціи, находящейся на полпути между Маріенбургомъ и Берлиномъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Два путешественника, отправлявшіеся въ разныя стороны, оставили насъ на предшествовавшихъ станціяхъ; въ Церскѣ присоединился къ намъ новый.

Въ Петерсвальде мы хотѣли поужинать, но ничего, кромѣ весьма дурной водки и буттербродовъ, не оказалось на станціи. Проголодавшись порядкомъ, мы готовы были удовольствоваться и этимъ.

Въ то самое время, какъ служанка ушла, въ комнату вошли четыре краснощекія дѣвушки; у каждой была въ рукахъ корзинка. Въ одинъ мигъ онѣ окружили насъ и обсыпали... не цѣтами, нѣтъ! а предложеніями фосфорныхъ свичекъ, мыла, помады и трута.

Петерсвальде славится хорошевыми дѣвушками и издѣліями изъ трута.

Одна изъ продавщицъ, самая бойкая, начала съ того, что накрыла голову моего спутника колпакомъ изъ трута, окаймленнымъ зеленой шелковой ленточкой. Увѣряютъ, что эти колпаки лучшее средство отъ головной боли, точно такъ, какъ бинты, перчатки, повязки изъ трута облегчаютъ ревматическія боли.

Снабдивъ кажлаго изъ насъ колпакомъ и свичками, онѣ стали безцеремонно приставать къ намъ, чтобы мы купили еще что-нибудь, но по счастью у крыльца послышался сигналъ кондуктора.

Мы бросились къ дилижансу; но едва я занесъ ногу какъ меня кто-то схватилъ сзади за шубу.

Я оглянулся; за мной стояла служанка съ подносомъ; на подносѣ — три буттерброта.

— Некогда теперь! вскричалъ я, и хотѣлъ вскочить на подножку, но мощная рука толстой Нѣмки не отпускала моей шубы.

— Скорѣе, господа! Мы уже опоздали минуту! кричалъ Кондукторъ.

Нѣмецкіе кондукторы ужасные деспоты: они заставляютъ иногда пассажировъ ждать по цѣлымъ часамъ, а сами не ждутъ ни минуты.

Спутникъ мой помогъ мнѣ, бросивъ служанкѣ монету; она отпустила меня, вскочила въ дилижансъ, Гинтерлахъ протянулъ руку, чтобы взять съ подноса буттерброты, но — бичъ почтара целкнулъ и лошади понеслись...

Буттерброты остались на своей родинѣ.

Пассажиръ, присоединившійся къ намъ въ Церскѣ, былъ лейтенантъ прусской милиціи — *ландштурма*, — въ которой каждый Прусакъ обязанъ служить, отъ 17 ти до 50 ти лѣтняго возраста. Въ положенные сроки бываетъ смотръ ландштурма; тогда каждый гражданинъ, безъ различія лѣтъ и званій, становится въ ряды.

На одномъ изъ послѣднихъ смотровъ Графъ Д., главный командиръ одного армейскаго корпуса, остановился передъ солдатомъ ландштурма и спросилъ его:

— Кто ты?

— Графъ Фонъ-К., отвѣчалъ тотъ.

Графъ Д. нѣсколько смутился, и обратившись къ другому солдату, спросилъ боже ласковымъ голосомъ:

— А ты кто, другъ мой?

— Баронъ Фонъ-В.

Командиръ наконецъ, обратившись къ третьему, спросилъ:

— Позвольте узнать, кто вы?

— Сапожникъ Фрикъ, ваше сіятельство.

Кромѣ ландштурма есть еще регулярная милиція, *ландвэръ*, раздѣляющаяся на два разряда. Въ первомъ разрядѣ служатъ люди отъ 25 до 32 лѣтъ; Этотъ разрядъ находится на однихъ основаніяхъ съ линейными войсками. Ко второму разряду принадлежатъ люди, отслужившіе въ первомъ свои гола и составляющие въ военное время гарнизонъ крѣпостей; служба ихъ продолжается до 39-ти лѣтняго возраста.

Ландвэръ многочисленнѣе регулярнаго армейскаго и гвардейскаго войска; въ первомъ до 150 тысячъ, во второмъ менѣе 120 тысячъ солдатъ.

Вся армія раздѣляется на 9 корпусовъ или дивизій.

Что касается до обмундировки, выдержки прусскихъ солдатъ, то — кто хоть разъ видѣлъ, не говорю парадъ, а разводъ или даже ученье въ Петербургѣ, тотъ по неволѣ сдѣлается разборчивымъ.

Коротенькіе сюртуки—*Waffenröcke*— прусскихъ солдатъ, чрезвычайно неграціозны. Одѣты они очень опрятно, особенно въ гвардіи.

Мѣста, по которымъ мы проѣзжали на другой день поутру, безпреставно напоминали намъ величайшаго изъ прусскихъ королей. Передъ нами, на берегу озера, лежала крѣпость Кюстринъ.

За высокими валами и бастионами возвышается мрачное, старинное зданіе: это замокъ, въ которомъ содержался Фридрихъ Великій, будучи еще наслѣдникомъ престола, послѣ неудачной попытки къ бѣгству.

Многіе писатели обвиняютъ Фридриха II въ скрытности, но стоить только внимательно рассмотреть исторію его дѣтства и молодости, чтобы найти источникъ этого недостатка. Фридрихъ-Вильгельмъ I заботился только о томъ, чтобы сдѣлать изъ своего сына неустрашимаго солдата и искуснаго полководца. Королева же старалась развить въ немъ болѣе нѣжныя качества, къ которымъ Фридрихъ, впрочемъ, съ дѣтства имѣлъ необъятную склонность.

Такимъ образомъ, Королева втайнѣ составила оппозицію противъ отцовскаго воспитанія, и сердце юноши охотнѣе внимало наставленіямъ матери, не смѣя однакожъ открыто возставать противъ намѣреній строгаго отца.

Но Фридрихъ-Вильгельмъ самъ вскорѣ замѣтилъ отвращеніе сына къ образу воспитанія, избраннаго и предписаннаго имъ; министръ фонъ-Грумбовъ, негодовавшій на склонность наслѣдника къ наукамъ и изящнымъ искусствамъ, раздражалъ стараго короля, со-

вѣтуя ему принять рѣшительныя мѣры для уничтоженія зла, при самомъ началѣ его. Кромѣ того, австрійскій посланникъ, фонъ-Секедорфъ, старался, по нѣкоторымъ политическимъ причинамъ, поддерживать несогласіе между отцомъ и сыномъ.

Какой характеръ могъ бы устоять при такихъ обстоятельствахъ? Не будучи въ состояніи преодолѣть наклонности къ наукамъ и искусствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во избѣжаніе столкновеній съ отцомъ, Фридрихъ долженъ былъ постоянно скрываться, притворяться.

Но гнѣвъ Фридриха-Вильгельма, будучи однажды возбужденъ, не скоро унимался. Онъ не переставалъ поступать съ сыномъ съ крайнею строгостью, до того, что послѣдній, наконецъ, рѣшился выйти изъ тѣлоснаго положенія, въ которомъ находился.

Фридрихъ задумалъ бѣжать въ Англію, къ дядѣ своему, со стороны матери, Георгу II.

Только сестра его, Фридерика, да друзья, лейтенанты Кейтъ и Каттъ, знали о его намѣреніи.

Все было уже готово къ побѣгу, когда Каттъ неосторожно проговорился. Старый король узналъ о намѣреніи своего сына, и немедленно принялъ мѣры къ арестованію его.

Фридрихъ былъ заключенъ въ Кюстринскую крѣпость.

Кейтъ, предувѣдомленный во-время, успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Голландію, а оттуда въ Англію.

Каттъ былъ пойманъ въ Берлинѣ и приговоренъ къ смерти.

Приговоръ былъ исполненъ въ Кюстринѣ, передъ окнами темницы, въ которой содержался Фридрихъ....

Вступивъ на престолъ, Фридрихъ часто сознавался, что ничто во всю жизнь его не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ зрѣлище казни друга его... Ничто не потрясло такъ сильно, такъ глубоко души его, какъ послѣдній взглядъ несчастнаго, брошеннаго на окно, за желѣзными рѣшетками котораго видѣлось блѣдное лицо принца....

Фридрихъ содержался еще нѣсколько времени въ Кюстринѣ, между тѣмъ, какъ въ Берлинѣ производился надъ нимъ судъ. Разгнѣванный отецъ хотѣлъ приговорить его къ смерти; но уступивъ представленіямъ окружавшихъ его, приказалъ сдѣлать Фридриху предложеніе, чтобы онъ отказался отъ наслѣдія на престолъ въ пользу своего втораго брата, за чѣмъ ему будетъ дарована полная свобода заниматься науками, путешествовать и т. п.

Но Фридрихъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы согласиться на подобное предложеніе.

Строгость, съ которою содержали принца въ Кюстринѣ, заставила его, наконецъ, письменно просить у отца прощенія.

Онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, но остался въ городѣ и долженъ былъ служить нѣсколько времени младшимъ ассессоромъ при падаѣ государственныхъ имуществъ. Только по случаю бракосочетанія своей сестры, Фредерики, былъ онъ обратно призванъ ко двору.

Двадцать шесть лѣтъ спустя, этотъ самый Фридрихъ, котораго отецъ считалъ совершенно неспособнымъ управлять государствомъ, одержалъ въ милѣ отъ Кюстрина знаменитую Цорндорфскую побѣду и заслужилъ уже славу одного изъ мудрѣйшихъ государей и искуснѣйшихъ полководцевъ.

Кюстринъ хорошенькій, чистый городокъ, лежитъ на равнинѣ, при впаденіи Варты въ Одеръ. Не смотря на трудолюбіе и постоянство нѣмецкихъ крестьянъ, имъ до сихъ поръ не удалось еще осушить болотъ, окружающихъ Кюстринъ. Онъ основанъ въ началѣ XVI столѣтія и имѣетъ теперь до 6,000 жителей.

Въ 1758 году генералъ Ферморъ, принявшій начальство надъ русскими войсками послѣ того, какъ Апраксинъ былъ отозванъ отъ арміи, овладѣлъ Кюстриномъ.

По этому случаю толстый нѣмецкій помѣщикъ, присоединившійся къ намъ по близости Петерсвальде, разсказалъ занимательную исторію, послужившую мнѣ сюжетомъ небольшой повѣсти, которую вы можете быть прочтете въ печати.

Въ 1806 году, вскорѣ послѣ сраженія при Іенѣ, Кюстринъ былъ занятъ Французами, которые сдали его опять Пруссакамъ на капи туляцію въ 1814 году.

Отъ Кюстрина до Берлина, куда мы прѣехали вечеромъ того же дня, нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Итакъ, до свиданія въ Берлинѣ.

II. ФУРМАННЪ.

ОТКРЫТІЕ НИАГАРСКАГО ВОДОПАДА ЕВРОПЕЙЦАМИ. На сѣверѣ американскаго материка, существуетъ страна, которая по удаденію своему отъ Европы, по суровому климату, по дикой свирѣпости первобытныхъ жителей и по всеобщей почти безплодности почвы, должна была, какъ казалось, укрываться въ теченіе многихъ вѣковъ отъ пытливаго ума Европейцевъ.

Два почтенные человѣка, Генриетъ и Тонтисъ, возбужденные, ни жаждой золота, ни славою мірской, а святымъ призваніемъ извлечь изъ варварства идолопоклоннической народъ и обратить его къ христіанству, погрузились въ густоту лѣсовъ Канады. У нихъ не было другаго оружія, кромѣ ихъ мужества, другаго провозжатаго, кромѣ ихъ вдохновенія; но за то они обладали самою сильнѣйшею помощію, покровительствомъ небеснымъ.

Странствованіе ихъ было продолжительное. То переправляясь черезъ неизмѣримыя болота, то спускаясь по быстрымъ рѣкамъ; здѣсь принятые, какъ избавители, народами обращенными; тамъ захваченные, какъ дикіе звѣри, толпами дикарей, жаждающихъ крови,—они достигли наконецъ, послѣ всѣхъ трудностей, до береговъ Онтарио. Это озеро, хотя самое малое изъ всей цѣпи озеръ, соединяющей, подобно огромному полюсу, воды Атлантическія съ водами Индѣйскаго моря, однакожъ, по своей величинѣ можетъ справедливо назваться обширнымъ моремъ. Потомъ, направля путь свой къ

западу, они принуждены были пробираться сквозь узкое ущелье, ископанное промежъ крутыхъ скалъ кипящими водами Ниагары; они съ восторгомъ любовались на этотъ величественный вихрь, который производитъ рѣка, бросаясь со скалы на скалу, и снова возвращаясь въ лоно своего теченія, какъ будто испугавшись своихъ дерзкихъ порывовъ; они съ содроганіемъ увидѣли, съ вышины трехъ сотъ футовъ, черную пещеру Маниту, и взоръ ихъ съ ужасомъ погрузился въ эту страшную бездну.

Ихъ умъ былъ сильно пораженъ всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, также какъ и отдаленнымъ шумомъ, подобнымъ грому, который не переставалъ раздаваться; они предчувствовали, что увидятъ зрѣлище природы еще величественнѣе; и точно, не удивленіе, но глубокое молчаніе восторга объяло ихъ, когда, при поворотѣ одной изъ извилинъ этого чуднаго потока, и благодаря отверзтію, произведенному недавнимъ ураганомъ, на подобіе глубокой борозды, между густыми соснами, чудная картина природы вдругъ предстала глазамъ ихъ. Они находились тогда посреди огромнаго амфитеатра, образованнаго водопадами и были окружены, со всѣхъ сторонъ огромными массами воды, которыя, падая съ остроконечныхъ вершинъ, съ страшною силой увлекаютъ за собой тяжелыя глыбы скалъ, мѣшающихъ ихъ паденію, и образуютъ три главныя катаракта, которые, какъ свирѣпыя властелины, грозятъ разрушеніемъ всей вселенной. Со всѣхъ сторонъ поднимаются огромные столбы паровъ, которые, устремляясь къ небу также высоко, какъ низверглись они въ бездну, ими ископанную, и низпадая опять, чтобы снова подняться бѣлой пѣной, образуютъ бѣшеный потокъ, который разрываетъ землю, низвергаетъ лѣса, и по своей безмѣрной силѣ и бѣшеному стремленію, не можетъ ни съ чѣмъ сравниться, какъ только съ грознымъ перуномъ поднебеснымъ.

Густые лѣственные лѣса, покрывающіе со всѣхъ сторонъ окрестныя вершины, своими столь разнообразными цвѣтами, которыми они испещряются въ позднее время года, придаютъ удивительное величіе этой сценѣ: на темнозеленомъ цвѣтѣ сосенъ, отдѣляется рѣзко свѣтло-желтый цвѣтъ дубовъ, уже въ половину поблекшихъ, также, какъ ярко-красный кленъ и цвѣта оранжевые и фиолетовые другихъ деревъ пустыни.

Благочестивые старцы стоятъ, какъ прикованные нѣсколько минутъ къ одному мѣсту; потомъ слезы умиленія льются изъ ихъ глазъ, и они съ набожнымъ восторгомъ восклицаютъ: Боже! Боже мой! какъ Ты великъ, и какъ прекрасны дѣла Твоего могущества! Солнце, скрывавшееся за легкимъ облакомъ, какъ бы нарочно, въ ту минуту освѣтило эту воздушную кристалловую массу своими величественными лучами, воляныя струи мѣняются вдругъ въ золотыя, алмазный дождь, и поблѣднющая радуга раскинула надъ этой прозрачною громадой своей лучезарный вѣнецъ.

Колѣна миссіонеровъ дрожатъ и клонятся къ землѣ; они падаютъ ницъ передъ величіемъ Божиимъ въ Его дивномъ твореніи, и гимнъ хвалы къ Нему невольно вырывается изъ ихъ груди. Мрачные вои-

ны, которые ихъ окружаютъ, не могутъ остаться сами нечувствительными зрителями этого торжественнаго зрѣлища, и побѣжденные столь новыми для нихъ смиреніемъ чловѣка, поникшаго челоуъ въ прахѣ передъ невидимымъ Божествомъ, повергаются также на землю; они также преклоняютъ перья своего боеваго наряда, который украшаетъ ихъ гордое чело, и должтся вмѣстѣ съ христіанами. Служители Божіи встаютъ, и по небесному вдохновенію, тойже самой волей водопаша, они приводятъ къ Святому Крещенію окружающихъ ихъ Турочовъ.

Генселену былъ опредѣлено совершить великое дѣло: онъ открылъ Миссисипи и доухалъ до устья ея въ Мексиканское море.

МУРАВЬИ-ОХОТНИКИ. Въ тропической Африкѣ есть особый родъ муравьевъ, которыхъ называютъ муравьями-охотниками. Это названіе они получили оттого, что, являясь огромными роями, они всегда идутъ въ порядкѣ, занимая большое пространство, нападаютъ на животныхъ, и въ самое короткое время уничтожаютъ жилища всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ. Не смотря на то, что такъ малы, они смѣло нападаютъ на большихъ змѣй, выдвигаютъ напередъ у нихъ глаза, и потомъ скоро уничтожаютъ все гѣло.

СОСЛОВІЕ АРХИТЕКТОРОВЪ-ПЛОТНИКОВЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. Не многимъ извѣстно, что нынѣшніе дома въ Константинополѣ выстроены на фундаментахъ прежнихъ домовъ византійскихъ, и улицы болѣею частью, проходятъ по тѣмъ же мѣстамъ, гдѣ онѣ были проведены за десять вѣковъ. Кромѣ того, и планы домовъ, и матеріалы, употребляемые для ихъ постройки, одни и тѣже теперь, какъ были во времена императоровъ. Это происходитъ отъ того, что до сихъ поръ еще существуетъ въ Константинополѣ сословіе архитекторовъ-плотниковъ, какъ оно существовало прежде завоеванія его Турками. Члены этого общества—всѣ христіане, сохранили тѣже способности, тѣже планы, по какимъ ихъ предки строили на этихъ мѣстахъ за пятьсотъ лѣтъ. Значитъ, *конякъ* наши есть воспроизведеніе дворца какого-нибудь византійскаго вельможи. Вотъ отчего въ расположеніи константинопольскихъ домовъ нѣтъ ничего восточнаго, мусульманскаго.

ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛИ ВЪ НОРВЕГІИ. Въ Норвегіи существуетъ классъ людей, которые, по своей жизни, походятъ на монаховъ, потому что не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но скитаются изъ деревни въ деревню, изъ округа въ округъ. Впрочемъ, эта скитальческая жизнь не имѣетъ ничего неприятнаго; напротивъ, бездомные странники находятъ вездѣ радушный приѣмъ и искреннее уваженіе. Эти странники—школьные учителя. Они обыкновенно переходятъ изъ одного дома въ другой: придя въ домъ, учитель собираетъ возлѣ себя дѣтей хозяина и начинаетъ свои уроки. Признательные крестьяне кормятъ и поютъ наставниковъ своихъ дѣтей. Благодаря этимъ странствующимъ учителямъ, каждый Норвежецъ умѣетъ читать и писать.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ
НАУКЪ И ИЗОБРЕТЕНІЙ.

Журналъ восьмая.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА

1847.